

В. И. Паранин

ИСТОРИЯ ВАРВАРОВ

Санкт-Петербург

1999

Русское географическое общество

В. И. Паранин

ИСТОРИЯ ВАРВАРОВ

Часть I

Санкт-Петербург
1999

удк 9 3 6

ИСТОРИЯ ВАРВАРОВ. В. И. Паранин.

СПБ. 1999. 280 с.

«История варваров» – результат исследовательской работы кандидата географических наук Виктора Ивановича Паранина, первая книга которого – «Историческая география летописной Руси» была представлена читателю Л.Н.Гумилевым.

Древняя история народов, населяющих Восточную Европу, остается актуальной темой научных дискуссий на протяжении столетий и даже тысячелетий. За это время накопилось немало противоречий, а адреса многих географических объектов древности были, казалось бы, безвозвратно утеряны или изменены в соответствии с новыми условиями природной ситуации. Основываясь на сопоставлении трудов древних авторов, учитывая современные представления о ритмике природных процессов, привлекая лингвистические, топонимические, антропологические, археологические и фольклорные данные, автор предлагает новую концепцию организации пространства этого региона, которая позволит читателю увидеть целостную и гармоничную картину. К сожалению, автор успел закончить работу лишь над первой частью книги, жизнь его оборвалась в самом начале воплощения творческих планов.

Книга рассчитана не только на специалистов, но и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории.

Издание осуществлено за счет средств автора,
в авторской редакции.

Печатается по решению президиума
Русского географического общества

© Русское географическое общество, 1999

Введение

1. История и современность.

Работа над «Исторической географией летописной Руси» привела автора к убеждению в необходимости углубленного изучения истории всех варваров, в особенности европейских, поскольку именно туда уходят корни *Руси*. Варварские народы Европы, по античным источникам, начиная с Гомера, имеют длительнейший опыт теснейшего взаимодействия, проявляющийся в особенностях языков, нравов и исторических судеб. Библейская традиция большинство из них относит к «*иафетову колену*», производя их от Иафета (древнерусский Агафет), сына Ноя, предназначение которого заключается во власти над прочими. Хотим мы признать это или нет, но народы, являющиеся его потомками, осуществляли в мире эту миссию на протяжении многих веков.

Знакомство с античными источниками неизбежно приводит к выводу, что Древняя Русь, – всего лишь эпизод, причем далеко не самый яркий в общей истории варварства. Помимо Руси в отечественной истории существовал целый ряд последовательно сменявшихся более ранних и куда более мощных экономических и политических систем. Справедливости ради подчеркнем, что предки *руси* во всех системах играли далеко не последнюю роль, что определялось многими причинами культурного, экономического и политического характера, основа которых заложена в пространственном ее положении. *Русь* была обречена на активную роль в историческом процессе уже потому, что занимала один из самых жизненно важных районов на стыке Европы и Азии.

Упреждая недоверие читателя относительно того, что в предлагаемой книге автор исторические ядра многих политических систем разного времени размещает в районе Финского залива и Ладоги, предлагаем задуматься над вопросом: какие силы притягивают сегодня и удерживают в этом районе столь большое число людей, что на 60-й параллели, т.е. в условиях, традиционно считающихся неблагоприятными даже для проживания, существует пятимиллионный мегалополис? Возможно, для кого-то это не будет новостью, но напомним, что, за исключением Москвы, которая сама по себе – чисто русское явление, все города, сопоставимые по размерам с Санкт-Петербургом, расположены, как минимум, на тысячу километров южнее его (Париж и Лондон). Более того, даже города, население которых превышает миллион человек, находятся не севернее широты Москвы, т.е. на полтысячи километров южнее (Копенгаген и Глазго). Уже одно это свидетельствует об уникальности района, в котором расположен Санкт-Петербург, а также о его значении как транспортной развязки международного значения.

Современное состояние истории варварских систем, особенно в Европе, таково, что ее фактически нет. Этому есть несколько причин, которые мы попытаемся раскрыть. Одна из них заключается в том, что историки, будучи представителями политической науки, уже одним этим обречены на определенную узость. То обстоятельство, что мощные древние системы, будь то скифская, сарматская или гуннская, не умещаются на территории ни одного из десятков государств, существующих на их месте сегодня, похоже, автоматически делает их историю чрезмерно большой для умов историков этих государств. Надо отметить, что в деле натягивания кусочка от большого одеяла варварской истории на себя, больше всех преуспели немцы, меньше всех – русские. Создание более или менее связной истории варваров Европы предполагает, в том числе, существенное перераспределение исторического наследия. Например, большая часть истории *готских* или, как их называли в поздней античности, *сарматских* народов, традиционно считавшаяся частью германской истории, отойдет к России. Суть дела здесь настолько очевидна, а сам вопрос является настолько частным, что вряд ли следует ожидать серьезных дискуссий вокруг него. Уверены, что в истории варваров найдется две - три проблемы более достойные для обсуждения.

Вместе с тем, автор вполне уверен, что никакого обсуждения, судя по сегодняшней ситуации, принципиально быть не может. Историки совершенно не владеют предлагаемым материалом, поэтому все, что они могут сделать, это прикинуться "караваном" из известной восточной мудрости: "Собака лает - караван идет". С другой стороны, "История варваров" по своему содержанию не сопоставима с "Исторической географией летописной Руси". Можно проигнорировать работу, в которой дается, пусть даже с достаточной степенью обоснования, очередная теория происхождения нашего государства. В конце концов, трудами многих поколений отечественных историков наша общественность вполне убеждена, что не столь важно, кто стоял у истоков державы: *варяги* или *славяне*. Поэтому можно было ожидать, что появление некой третьей силы у истоков отечественной державности пройдет незамеченным и не пошатнет авторитета российской исторической науки. Справедливости ради, отметим – действительно не пошатнуло, хотя, с другой стороны, незамеченным все же не осталось – свидетельство того, что есть еще достаточно много людей, искренне интересующихся историей Родины. Если говорить об историках, то самое большее, на что их хватило, это увидеть в работе возрождение финского направления в генезисе Русского государства и констатировать определенную важность этой составляющей в нашей истории. Удивляться нечему – каждый видит ровно настолько, насколько ему позволяет зрение.

Отмолчаться по поводу работы, удревняющей историю, по крайней мере, на три с половиной тысячи лет, будет для историков значительно сложнее, поскольку это неизбежно вызовет недоумение у здравомыслящей части общества и поставит крайне неудобные вопросы об их роли в этой жизни. Именно к здоровой части общества обращена эта работа. Историки в ней будут упоминаться весьма часто, как правило, вообще и в негативном смысле. Возвращаясь к образному сравнению исторической истины с караваном, отметим, что распределение ролей из упомянутой восточной мудрости еще не утверждено. Как знать, не являются ли сами историки той собачкой, которая не лает на караван лишь по той причине, что давно издохла. Проверить это можно лишь посредством пинка, что мы и сделаем. Судить о реакции читатель сможет сам.

Если бы результатом долгих и кропотливых трудов историков был хотя бы "ноль", то есть полная историческая амнезия, они были бы безобидными дармоедами, и у автора не было бы к ним никаких претензий – мало ли таких, зачастую милых людей, мы встречаем в этой жизни? Однако отечественные историки умудрились "навспоминать" такого, что принесло неоценимый вред, как государству, которому они служат, так и народу, в формировании которого они участвуют (следовательно, в полной мере отвечают за его состояние). Все их построения, относящиеся к "неисторическому" периоду, которому посвящена данная работа, являются по своей сути отречением от предков, что само по себе есть ничто иное, как один из тех смертных грехов, которые осуждаются церковью, по крайней мере на словах.

Именно христианство, со времени своего утверждения на Руси, сделало все возможное для уничтожения памяти о языческих предках и выступило зачинателем той традиции, которая привела нас к историческому беспамятству. Чего стоит высказывание Нестора о том, что до прихода варягов восточно-европейские народы жили подобно птицам и зверям (а ведь минуло всего лишь несколько десятилетий со времени официального принятия христианства в стране) или упреждения архиепископа Макария по "исправлению" новгородской истории при Иване Грозном? То, что менее, чем через тысячу лет после написания "Повести временных лет", мы имеем общество, состоящее, если не из "птиц", то из "зверей", в котором, используя выражение нашего, известнейшего в Древней Греции и неведомого нам, земляка Анахарсиса, закон тоньше и слабее паутины, является, в значительной степени, результатом совместной деятельности церкви и историков.

Социум без исторической памяти подобен дереву без корней. Разумеется, христианство не смогло в одночасье подрубить всех корней старой идеологии. Более того, оно было вынуждено вобрать в себя многие

элементы из язычества, превратившись тем самым в местную свою разновидность - русское православие. Это и позволило церкви выживать в течение тысячелетия. Однако не следует преувеличивать ее роль в России. Окончательно же обеспамятели нас историки. На этой основе выросла та Россия - "вавилонская блудница", которая так огорчает церковных иерархов сегодня. Поистине, никакой труд не пропадает втуне.

Никогда на просторах нынешней России религиозное сознание не было так слабо, а роль духовенства столь ничтожна. В глубокой древности жреческая власть в Скифии, как следует из античных и арабских источников, была сильнее царской. Эта сила основывалась на бесприкословном духовном авторитете, позволявшем монополизировать всю судебную власть. Такое возможно лишь в недрах морально здорового общества, жизнь которого построена на религиозных законах, которые, надо полагать, были все теми же известными нам законами Моисея. Не случайно именно к этому времени относятся сообщения античных источников о том, что *скифы-гипербореи* утверждают свою большую древность в сравнении с египтянами. Вот, что по этому поводу пишет В.Н.Татищев: "...они сами себя старше египтян быть из достовернейших книг оружия доказали, ибо того, что египтяне себя старейшим или древнейшим народом сказывали, *скифы* терпеть не могли".¹

Как видим, не всегда мы были безразличны к собственным корням и, судя по сохранившимся свидетельствам, это выгодно отличало нас 3-х тысячелетней давности от сегодняшних; не было нужды импортировать чужие религии и учителей, напротив, мы сами рассылали миссионеров нашей религии в большую часть известного тогда мира, строили грандиозные храмовые комплексы на Ближнем Востоке и в Греции, слава о которых дожила до наших дней, мы уважали себя и были уважаемы в мире.

Как сможет убедиться читатель, у наших предков были все основания считать себя самым древним народом на Земле. Мы не касаемся здесь платоновской легенды об *Атлантиде*, однако точный адрес *Геракловых Столпов* (не Гибралтарского пролива, а древних), за которыми локализуется *Атлантида*, указываем. Нашим ретивым искателям исчезнувшего материка, прежде чем устремляться в дали дальние, следовало бы внимательнее присмотреться к своей земле. Однако, историческое беспамятство сделало нас такими, какие мы есть: землю обетованную видим, если не в Хайфе и Иерусалиме, то на Елисейских Полях в Париже или даже за океаном.

Мы не уверены, что Палестина, куда вывел Моисей еврейский народ из египетского плена, являлась той обетованной землей, в которую он

¹ Татищев В.Н. История российская: В 8 т. Т. I. С. 134. Далее в ссылках: Татищев В.Н. Указ. соч. Т.С. ...

стремился. География этого похода, как и толкование библейских сюжетов, не являются предметом данной работы. Однако, остановимся на вопросе: что такое рай и где он располагался? Полагаем, что именно утраченный человеком рай являлся тем самым объектом, который был обещан Богом избранному им народу. Древние греки помещали его, так же как *Тартар*, на крайнем западе обитаемого мира, что, впрочем, совершенно не то, что мы себе представляем в соответствии с современными понятиями о пространственной ориентации. Рай, или, как называли его греки, *Острова Блаженных, Елисейские Поля*, располагался в земле *гипербореев* (*гипер* - "сверх", *Борей* - имя северного ветра, а также обозначение севера вообще) и *аримаспов*, которых некоторые авторы причисляют к *гипербореям*.

Локализация рая на севере нечужда также для раннего христианства. Вот что об этом пишет один из крупнейших специалистов в области исследования древних географических представлений Дж.К.Райт: "...Марциан Капелла (автор IV-V вв. - В.П.), продолжавший греческую традицию, которая помещала *гипербореев* в прекрасной и благодатной для жизни дальней северной стране, дал повод некоторым из отцов церкви искать рай на севере."¹ Как видим, речь опять идет о землях гипербореев.

Библейская традиция говорит, что из *Эдема* для орошения рая выходила река, которая затем разделялась на четыре реки: *Физон*, который отождествляют то с Дунаем, то с Индом или Гангом; *Гион*, или Нил; *Хиддекель*, или Тигр; и Евфрат. Уже в древности непросто было представить, как все эти реки могли питаться из единого источника, но этот абсурд был снят посредством нехитрой теории о соединении всех этих водных потоков подземными путями.

Одна из рек, упоминаемых в книге Бытия, а именно *Физон*, согласно античным источникам, действительно была Истром, но не Дунаем, как полагают толкователи Библии, а древним Истром, который начинался с Рипейских гор. Последние в античной традиции, подобно библейскому раю, давали начало четырем великим рекам, текущим в разные стороны. В мире есть лишь одно место, отвечающее как библейским, так и античным описаниям – это сегодняшний Валдай. Еще в начале века, реконструируя карту Сарматии по данным Птолемея, В.Борисов справедливо отождествлял его с античными *Рипами*. Современные географы называют Валдай Главным водоразделом Русской равнины, еще в прошлом веке называвшейся Сарматской. На восток отсюда течет Волга, на юг – Днепр, на запад – Западная Двина и на север – система р. Цна-р.Мста, впадающая через Ильмень и Волхов в Ладогу.

¹ Дж.К.Райт. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988. С. 72.

Реки бассейнов Волги, Днепра и Западной Двины сближаются на Валдае буквально на несколько километров, иногда даже сотен метров. Переходов из одной речной системы в другую насчитывается несколько десятков. Из Корякинского болота, расположенного вблизи поселка Пено Тверской области, вытекает Зап.Двина. В полутора километрах от ее истока на том же болоте находится оз. Соблаго, принадлежащее бассейну Волги. Из болота Аксенинский мох, расположенного у границы Тверской и Смоленской областей, вытекают Днепр, р. Обша, относящаяся к бассейну Западной Двины, и р. Ракитня, приток Вазузы, впадающей в Волгу.

В периоды "большой воды" все эти речные системы соединяются через озера, которые разливаются на месте нынешних болот. Точно также соединяются в районе Езерище-Усвяты бассейны Западной Двины и Ловати. Таким образом, в эти периоды открывается сплошное водное сообщение между Балтийским, Черным и Каспийским морями. Эта грандиозная транспортная система во все времена, в том числе и в периоды "малой воды", когда сообщение осуществляется через систему волоков и каналов, определяет значение Восточной Европы, ее экономическое содержание и, в значительной мере, этническое лицо.

Валдай, наряду с Приильменьем, был одним из крупнейших перекрестков этой системы. Собственно говоря, Приильмень, которое мы имеем сегодня, большей своей частью находилось под водой, поскольку озеро, остатком которого является Ильмень, подступало непосредственно к Валдаю. Незатопленной была лишь северная часть современного Приильменя, которая представляла собой перешеек между Ильменем и озером, разливавшимся северо-западнее нынешнего Рыбинского водохранилища вплоть до Тихвинской гряды, за которой также плескалось озеро в районе Вишер. Самая узкая часть этого перешейка находилась около пос.Бронницы и возможно была перекопана рвом, по которому сегодня р. Мста впадает в Ильмень. Само название реки, вероятно, связано с перешейком, который был своего рода мостом, соединявшим Валдай с районами, расположенными западнее и северо-западнее, прилежавшими к Северному океану, или современной Балтике. По сей день территории, прилегающие к р.Мста, называются Помостьем.

Согласно античным источникам, к северу и северо-западу от Рипейских гор простирались гиперборейские земли. Таким образом, можно утверждать, что обе традиции, как библейская, так и античная, говорят об одном и том же районе, который сегодня называется Валдаем. О том, что именно Валдай, прежде всего, отождествлялся древними греками с Островами Блаженных, куда уходили души героев и праведников, свидетельствует само его имя. В вариантах мифов об Ахилле Остров Героев, на котором он обитал после смерти, отождествляется с Островами Блаженных. Он имеет еще ряд имен: о. Ахилла, Макарос или

Макарон, а также о Белый, или по-гречески о.Левка. Одно из них, Макарос, происходит от греч. μακάροζ "блаженные". Это слово в античной литературе используется в качестве эпитета в применении к богам. Но это также эпитет, постоянно используемый по отношению к гиперборейцам. Поэтому в широком смысле Острова Блаженных – это вся гиперборейская земля, которая, по представлениям древних, состояла из ряда обширных островов, что было отражением реальности. Одним из них был о. Белый, по-скифски Валдай. Очень близким по форме к этому имени является карельское *valgei* "белый".

Нельзя не отметить, что через какое-то время земля, имевшая столь высокую репутацию, приобретает совершенно дурную славу. На наш взгляд, это произошло после опустошительных скифских походов в Малую Азию, на Ближний Восток и в Египет в VII-VI вв. до Рождества Христова (далее Р.Х.). Причем, носителем ее является именно библейская традиция. Речь идет о *Гоге* и *Магоге*, рассказ о которых вначале связывался со *скифами*, позже с *готами* и *гуннами*, а затем с *русью* и даже с Московским государством. Вместе с тем, ряд источников отождествляет их с десятью, а иногда с одиннадцатью потерявшимися в древности израилювыми коленами. Таким образом, сюжет о *Гоге* и *Магоге* является очередным подтверждением неразрывной связи еврейского народа со Скифией, каковых в древних источниках содержится несколько. Некоторые из них приводятся в данной работе. Проявляется она и в ряде современных фактов. Например, этническая группа евреев, происходящих, как полагают некоторые, из Германии, хотя это могут быть потомки *хазарских евреев*, изгнанных Владимиром Мономахом после бунтов и погромов за пределы Руси, называется *ашкеназами*. Это имя, которым в древности греки называли *скифов* и *Скифию*, изначально, по-видимому, обозначало *восток*. Оно было широко распространено у тюрков: восточная часть киргизской юрты, в которой размещается кухня, по сей день называется *ашкана*. Поэтому автор вполне согласен с мнением Л.Н.Гумилева о том, что возможно евреи не являются выходцами из Палестины, где они были такими же временными гостями, как везде.

Относительно *Гога* и *Магога* приведем цитату из Дж.К.Райта: "Азию часто характеризовали как место, где находится рай и где был сотворен человек. Сюда средневековая традиция также помещала *Гсэ* и *Магога*, пришествие которых в день Страшного суда должно принести гибель миру. В Библии мы находим три различных описания *Гога* и *Магога*. Опираясь на книгу Бытия (X, 2), где *Магог* назван сыном *Иафета*, еврейская традиция усматривала в этом туманном и зловещем персонаже прародителя скифских племен. В книге Пророка *Иезекииля* (XXXVIII-XXXIX) содержится пророчество об опустошениях и разрушениях, которые причинит "*Гог* из земли *Магог*, великий князь *Мешеха* и *Фувала*", он, придя

с севера со своими чудовищными ордами, принесет смерть и разрушение на землю Израиля. Наконец, в Апокалипсисе (XX, 7) мы находим предостережение о том, что, "когда окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, *Гога и Магога*, и собирать их на брань; число их - как песок морской." "*Гог и Магог*" в данном случае - это не имена каких-либо лиц и не название страны, а скорее всего обозначение каких-то диких племен. Большинство средневековых писателей, продолжая еврейскую традицию, отождествляли эти племена с северными варварами-скифами, этого мнения придерживались Иосиф, Иероним и Исидор, хотя Евсевий видел в них *кельтов*, а Иероним ссылался на некое историческое сочинение, где они отождествляются с *готами*; одна хроника даже объявляла их потомками *аквитанцев*.

Апокалиптическая легенда о *Гоге и Магоге* получила на Востоке столь же широкое распространение, как и в христианском мире. На Востоке она по странному стечению обстоятельств вошла составной частью в "Роман об Александре". В Коране мы читаем, что "*Александр Двурогий*" воздвиг огромную стену из бронзы, смолы и серы, за которой он запер дикие народы *Яджудж* и *Маджудж* (*Гог и Магог*) до той поры, пока они не вырвутся на волю в день Страшного суда".¹

Арабские источники IX-X вв. отождествляют народы *Яджудж* (*Йаджудж*) и *Маджудж* с легендарным народом великанов по имени *ад*, который, по мусульманским поверьям жил когда-то во внутренней Аравии и за свою нечестивость был Аллахом унесен куда-то на север. Столицей его здесь был город "*Ирам с Колоннами*", в котором легко узнаваемы *Геракловы Столпы* античных источников, *Александровы Алтари* Птолемея или *Александровы наблюдательные пункты* (башни) арабских авторов. Ибн-Фадлан дает достаточно ясную локализацию народа великанов: он находится севернее народа *вису* (летописная *весь*), примерно на том же расстоянии, на котором сам народ *вису* располагается относительно *Булгара*, при этом его от народа *вису* отделяет море. О том, что это морской народ, говорят и другие арабские источники, приводящие легенду об огромной рыбе, питающей его, которая приплывает к берегам дважды в год.

Арабские источники неоднократно подчеркивают связь народа *Йаджудж* и *Маджудж* с *русами*: Ибн Хаукаль говорит о соседстве местностей *Гога и Магога* с *русами*, через которых оттуда меха наивысшего качества попадают в *Булгар*: Наджиб Хамадани даже утверждает, что он живет "с той стороны русла реки русов"; если в ранних источниках совпадают детали описания *русов* и народа *Гог и Магог* (высокий рост,

¹ Дж. К. Райт. Указ. соч. С. 73.

дурной нрав и т.п.), то в более поздних, например, у Низами Ганджеви в "Искандер-Намэ" русы отождествляются с *народом великанов*, поскольку Александр Македонский воюет не с *Йаджудж* и *Маджудж*, а с *русами* и союзными с ними северными народами.

Следует отметить, что сомнительную славу народа *Гога* и *Магога* в средние века пытались приписать вышедшим из глубин Азии *татарам*. Однако, описание *татар*, которое дает Матфей Парижский, удивительно похоже на описание византийскими авторами IV - V вв. *гуннов* и даже указывает на связь их с *амазонками* и *сарматами*: "Они ведут с собой стада свои и жен своих, которые обучены военному искусству, как и мужчины...". Поэтому неудивительно, что в заключении своего рассказа автор выражает неуверенность в происхождении татар: "Возникает все же сомнение, являются ли ими (*Гогами* и *Магогами* - В.П.) ныне вышедшие *тартары*, ибо они не говорят на европейском языке, не знают закона Моисея и не управляются правовыми учреждениями ...".¹

Вместе с тем, Матфей в своем рассказе приводит версию происхождения народов *Гога* и *Магога* от израилевых колен: "Полагают, что эти *тартары*, одно упоминание которых омерзительно, происходят от десяти племен, которые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тельцами и которых сначала Александр Македонский пытался заточить среди крутых Каспийских гор смоляными камнями."² В "Хронике" Оттона Фрейзингенского есть взятый у Орозия рассказ о том, что Артаксерксу (V в. до Р.Х.) удалось заставить многих евреев поселиться в Гиркании около Каспийского моря. Считалось, что эти люди очень быстро плодятся, и ожидалось, что в день пришествия Антихриста они нападут на мир. Об отождествлении потерявшихся десяти колен евреев с ордами *Гог* и *Магог* говорит также Вениамин Тудельский.

Завершая речь о народах *Гог* и *Магог*, остановимся на данных Библиейской энциклопедии, составленной в конце прошлого века архимандритом Никифором. Она сообщает: "По Гезению, под словами *Гог* и *Магог* разумеют тот же самый северный народ, который древние Греки называли *Скифами* (срав. Иосиф. Древ. 1, 6). ...Наиболее выдающиеся филологи утверждают, что в слове *Магог* слог *ма* означает страну, а все оно означает страну *Гога*. Вероятнее же всего, под этими словами разумеются все северные Скифские племена, от которых произошли позднейшие *Славяне*, *Татары* и т.п." Помимо этого, энциклопедия приводит интересное свидетельство Плиния о том, что именем *Гога* и *Магога* назывались цари *ассирийские* и соседних с *Ассирией* стран.³ При всей

¹ Дж. К. Райт. Указ. соч. С. 240-241.

² Там же.

³ Библиейская энциклопедия. М., 1990. С. 165.

кажущейся абсурдности последнего утверждения и его несовместимости с приведенными выше, оно, как мы сможем убедиться, имеет под собой реальную историческую основу и отражает древнейшие связи между *Скифией* и *Ассирией*.

Как можно видеть, с одной стороны, предками *руси* являются блаженные *гиперборей*, о чем прямо свидетельствуют древние схолии к Аристотелю, с другой же, согласно восточным источникам, *русы* предстают как потомки жуткого народа *Гог* и *Магог*. Таков наш потенциал, сложившийся трудами предков, который определяется двумя противоположными началами. Это своеобразный "капитал", доставшийся нам в наследство. Совершенно очевидно, что по своему нынешнему состоянию мы чрезвычайно далеки от своих предков *скифов-гипербореев* и блаженными можем называться лишь в самом дурном смысле этого слова (от *блажить* "бредить", "пороть ерунду"). Более того, мы настолько промотали даже сомнительную репутацию народа *Гог* и *Магог*, что сегодня вряд ли кто, и прежде всего мы сами, всерьез верит в миссию разрушителей мира или Израильского царства, поскольку мы с энтузиазмом, граничащим с безумием, заняты разрушением своего собственного.

Огромную роль в этом деле играет чиновничество всех мастей и рангов. Может даже создаться впечатление, что именно от чиновников исходит разрушение державы, однако это чрезмерно высокая оценка их более чем скромного предназначения. В былые времена чиновничью работу вполне исправно делали рабы и евнухи, не обремененные претензиями на благородство и интеллект, которые компенсировались для этой подлой касты некоторыми поблажками и добрым словом патрона за усердную службу, а также воровством. С тех пор суть этого холуйского сословия ничуть не изменилась. Истинные причины разрушения имеют гораздо более глубокую природу и заключаются в тяжком безумии, охватившем общество в целом.

Для сознательного разрушения, так же как для творения, требуется известная мера свободы, определяемая волей. Чиновник – одно из самых зависимых существ в этом мире. Степень его свободы регулируется законом и должностными инструкциями, выражающими волю общества, исполнение которых контролируется высшим начальством, над которым в свою очередь стоит еще более высокая инстанция. Венчает эту пирамиду верховная власть, которая представлена если не абсолютным монархом, то теми же чиновниками. Монарх, представитель взлелеянного тысячелетиями рода, ответственен перед Богом, землей и народом, а гарантией добросовестного служения его стране является слава предков. В демократических системах, когда верховная власть добывается посредством выборов, которые, вопреки насаждаемому заблуждению,

приводят к ней вовсе не достойнейших, а лишь олицетворяющих состояние общества людей, она делится на три ветви, каждая из которых является гарантом исполнения закона двумя остальными. Единственным надежным залогом добросовестности высших чиновников служит, как правило, безупречность их репутации. Таково вкратце устройство власти, которым определяется место в ней чиновника.

Для четкого и слаженного функционирования государственной машины необходимо и достаточно иметь какой-либо закон и знающего свое место чиновника. Когда же он заявляет на всю страну о своей принадлежности к интеллектуальной элите, это является не только наглостью и свидетельством полной утраты заявителем ориентации в жизни, но и показателем того, что сама она перевернута с ног на голову. Актеры, которые в последнее время выступают в качестве экспертов в любой области, заявляют то же самое, но это не столь раздражает, поскольку, согласно актерской шутке, по уровню интеллекта за ними следуют певцы, за которыми располагаются уже табуреты. Отечественный чиновник, судя по состоянию государства, которому он якобы служит, стоит где-то далеко за табуретом.

Попытаемся определиться в вопросе об интеллектуальной элите для того, чтобы помочь чиновнику избавиться от иллюзорного ощущения излишней обремененности умом. Сразу отметим, что такой элиты уже давно нет в нашей несчастной стране, поскольку она не живет в той затхлой среде, какую из себя представляет общество. Те немногие таланты, которые эпизодически вспыхивают на ее просторах успешно и без особого труда гасятся в подвалах и на чердаках, в которых, по известному утверждению, делаются истинные наука и искусство. Попытки выдать за представителей интеллектуальной элиты некоторых захудалых академиков, являющихся по сути чиновниками от науки, просто нелепы и беспомощны – любой грамотный человек вполне способен оценить более чем скромный вклад этих людей в отечественную науку и культуру. И уж совершенно неприлично, когда высшие государственные чиновники защищают диссертации и избираются в академики.

Интеллектуальная элита обеспечивает связь между сутью и подобием, Богом и человеком или Царствием Божиим и царством земным, т.е. выполняет ту роль, которую традиционно берет на себя любая религия. К слову сказать, чтобы яснее ощущался масштаб личности представителя интеллектуальной элиты, все пророки, когда-либо появившиеся на Земле, относились к ней.

В момент своего возникновения религия достаточно хорошо справляется со своей функцией, поскольку вполне отвечает духовным и интеллектуальным запросам общества. Именно этим объясняется то, что она овладевает умами и душами людей, последовательно расширяя

границы своего влияния. Уже при жизни первого поколения адептов новой религии она структурируется, перенимая организационные формы и принципы светской власти. Вместе с иерархией в ее жизнь входят имущество и политика. Эти, уже далеко не божественные категории, для христианства стали особенно актуальны после обретения им статуса государственной религии Римской империи. Духовенство фактически превратилось в государственных чиновников, хотя, разумеется, никогда в этом не признается. В то же время весьма динамично меняется само общество, перед которым встанут новые вопросы, ответы на которые, по мере своего ветшания, построенная на догмах религия, дать уже не в состоянии. Их ищут представители науки и литературы, которые зачастую встречают откровенную и вполне объяснимую враждебность со стороны духовенства: вспомним суды инквизиции над учеными, почитаемыми сегодня светилами мировой науки; отлучение от церкви Л.Н.Толстого и т.д.

Элита несет в мир людей ту искру божью, без которой невозможно его полноценное существование, подпитывает его духовностью, которая и выделяет человека в животном мире. Ее подхватывают учителя, те же самые актеры и певцы, чтобы донести животворный дар божий до возможно большего числа людей. Основное назначение любых социальных институтов заключается в обеспечении нормального функционирования и здорового воспроизводства социума. Следовательно, любой чиновник в меру своих способностей должен обеспечивать максимальную проходимость позитивной информации по социальным каналам до конкретного члена общества.

Ядром социума является подрастающее поколение, которое формируясь призвано заменить ныне действующее во всех структурах общества. Для того, чтобы оно входило в жизнь, обладая хотя бы необходимым для достойного существования запасом духовности, требуется большая целенаправленная работа общества по поддержанию каналов поступления позитивной информации "сверху" или от Бога в должном порядке. В нашем случае это особенно актуально, поскольку разложением затронуто уже ядро общества: родители отказываются от своих детей, а дети становятся "асоциальными элементами". Даже тот, кто входит во взрослую жизнь относительно здоровым, в процессе ее имеют большие шансы лишиться необходимого запаса духовного здоровья, поскольку поддержание себя в форме в наших условиях требует значительных усилий, тогда как оскотинивание дается несравненно легче и даже, по существующим в обществе меркам, причислит "успех". Очень сложно сохранить нравственное здоровье в обществе, 60% членов которого, согласно социологическим опросам, недовольно своей жизнью, т.е. поражено смертным грехом уныния. Для сравнения, в Японии 70%

населения считает себя абсолютно счастливым. По этим цифрам можно судить о том, насколько близки мы к социальной энтропии, а хаос – это уже царство Сатаны.

Для того, чтобы найти ответ на извечный русский вопрос («куда идти?» или «что делать?»), прежде всего следует определиться – где мы находимся? Сегодняшняя Москва, как никогда прежде, оправдывает свои давние претензии на звание "третьего Рима". Вот как описывает "первый Рим" 80-х гг. IV в. Аммиан Марцеллин: "Когда впервые воздымался на свет Рим, которому суждено жить, пока будет существовать человечество, для его возвышения заключили союз вечного мира Доблесть и Счастье, которые обычно бывают разлучены, а если бы хотя бы одной из них не было налицо, то Рим не достиг бы вершины своего величия.

Со своего начала и до конца времени своего детства, т.е. почти в течение 300 лет, римский народ выдерживал войны вокруг стен города. Затем, войдя в возраст, после многообразных невзгод на полях битв он перешел через Альпы и через морской пролив; а став юношей и мужем, стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в необъятный круг земной; склоняясь к старости и нередко одерживая победы одним своим именем (формула, применяемая некогда и к русам - В.П.), он обратился к более спокойной жизни. Поэтому-то достопочтенный город, согнув гордую выю диких народов и дав законы, основы свободы и вечные устои, словно добрый, разумный и богатый отец, предоставил управление своим имуществом Цезарям, как своим детям. И хотя трибы давно бездействуют, центурии успокоились, нет борьбы из-за подачи голосов, и как бы вернулось спокойствие времен Нумы Помпилия, но по всем, сколько ни есть, частям земли чтят Рим, как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа.

Но этот великолепный блеск Рима умаляется преступным легкомыслием немногих, которые, не помышляя о том, где они родились, так словно им предоставлена полная свобода для пороков, впадают в заблуждения и разврат. По словам поэта Симонида, первое условие счастливой жизни – слава Отечества. Некоторые из них, полагая, что они могут себя увековечить статуями, страстно добиваются их, словно в медных мертвых изображениях заключена награда более высокая, нежели заключенная в сознании за собой честной и благородной деятельности. Они хлопочут о позолоте этих статуй, почет, который впервые был присужден Ацилию Глабриону, когда он силой оружия и своей умелостью победил царя Антиоха. А как прекрасно, пренебрегая этими мелочами, взбираться на вершину истинной славы по крутому и длинному пути, как сказал некогда аскрейский поэт (Гесиод), это показал Катон. Когда его однажды спросили, почему нет его статуи среди множества других, он сказал: "Я предпочитаю, чтобы разумные люди удивлялись.

почему я этого не заслужил, чем чтобы они про себя с осуждением толковали о том, чем я это заслужил; это было бы много обиднее". Другие, почитая высшее отличие в необычно высоких колесницах и великолепии одевания, потеют под тяжестью плащей, застегнутых на шее и прихваченных у пояса. Делая их из чрезвычайно тонкой материи, они дают им развеиваться, откидывая их частыми движениями руки, особенно левой, чтобы просвечивали широкие бордюры и туника, вышитая изображениями различных звериных фигур. Третьи, напуская на себя важность, преувеличенно хвалятся, когда их о том и не спрашивают, размерами своих поместий, умножая, например, ежегодные доходы своих плодородных полей, раскинувшихся с самого востока и до крайнего запада; при этом они забывают, что предки их, благодаря которым достигло таких размеров римское государство, стяжали славу не богатствами, а жестокими войнами: ни в чем не отличаясь от простых солдат по имуществу, пище и одежде, доблестью сокрушали они всякое сопротивление. Поэтому расходы на погребение Валерия Публиколы были покрыты в складчину; вдова Перула, оставшись без средств с детьми, жила на пособия друзей ее мужа; дочери Сципиона из государственной казны было выдано приданое, так как знати было стыдно, что остается не замужем девушка в цвете лет из-за продолжительного отсутствия своего неимущего отца.

А теперь, если ты, как новый в Риме человек благородногословия, явишься для утреннего приветствия к какому-нибудь богатому, а потому зазнавшемуся человеку, то он примет тебя в первый раз с распростертыми объятиями, станет расспрашивать о том и сем и заставит тебя лгать ему. И удивишься ты, что человек столь высокого положения, которого ты никогда раньше не видел, оказывает тебе, человеку скромного состояния, такое изысканное внимание, так что, пожалуй, и пожалеешь, что ради такого преимущества на десять лет раньше не прибыл в Рим. Но если ты, польщенный этой любезностью, сделаешь то же самое и на следующий день, то будешь ожидать как незнакомый и неожиданный посетитель, а твой вчерашний любезный хозяин будет долго соображать, кто ты и откуда явился. Если же ты, будучи наконец признан и принят в число друзей дома, будешь три года неизменно исполнять обязанность утреннего приветствия, а затем столько же времени будешь отсутствовать и вернешься опять к прежним отношениям, то тебя не спросят, где ты был и куда, несчастный, уезжал, и понапрасну будешь ты унижаться весь свой век, заискивая перед этой высокомерной дубиной. Когда же начнутся приготовления к бесконечным зловредным пирам, устраиваемым время от времени, или раздача ежегодных спортул, то с большой опаской идет обсуждение того, следует ли пригласить кроме тех, для кого этот пир является ответной любезностью, также и чужого

человека. И если, после тщательного обсуждения, решатся это сделать, то пригласят того, кто шатается у дверей возниц цирка, мастерски играет в кости или выдает себя за человека, знакомого с тайнами науки чернокнижия. А людей образованных и серьезных избегают как скучных и бесполезных; следует отметить и то, что номенклаторы обычно продают эти и другие подобные приглашения и, взяв деньги, позволяют участвовать в прибылях и пирах безродным проходимцам, пуская их со стороны.

Я не стану говорить об обжорстве за столом и разных излишествах, чтобы не затянуть своего изложения; но отмечу, что некоторые из знати носят сломя голову по обширным площадям и мощеным улицам города, не думая об опасности, мчатся как курьеры, волоча за собою толпы рабов, словно шайку разбойников, не оставляя дома даже и шута, как выразился комический поэт. Подражая им, и многие матроны мечутся по всему городу, пусть и с закрытым лицом и в носилках. Как опытные полководцы ставят в первую линию густые ряды людей посильнее, за ними легковооруженных, далее стрелков, а позади всех вспомогательные войска, чтобы они могли прийти на помощь при необходимости; так и начальники подвижной праздной городской челяди, которых легко узнать по жезлу в правой руке, тщательно расставляют свою команду, и, словно по военному сигналу, выступает впереди экипажа вся ткацкая мастерская, к ней примыкает закопченная дымом кухонная прислуга, затем уже вперемешку всякие рабы, к которым присоединяется **праздное** простонародье из числа соседей, а позади всего - толпа евнухов **всякого** возраста, от стариков до детей с зелеными, безобразно искаженными лицами. В какую сторону ни пойдешь, чаткнешься на толпы этих изуродованных людей и проклянешь память Семирамиды, знаменитой древней царицы, которая впервые кастрировала юных отроков, совершая насилие над природой и отклоняя ее от предназначенного пути; между тем как природа, уже при самом рождении живого существа влагая зародыши семени, дает им как бы указание на пути продолжения рода.

При таких условиях даже немногие дома, прежде слазные своим серьезным вниманием к наукам, погружены в забавы позорной праздности и в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо ратора - мастера потешных дел. Библиотеки заперты навечно, как гробницы, и сооружаются гидравлические органы, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актерского снаряжения.

Дошли наконец до такого позора, что, когда не так давно из-за опасности недостатка продовольствия принимались меры для быстрой высылки из города чужестранцев, представители знаня и науки, хотя число их было весьма незначительно, были немедленно изгнаны без всяких послаблений, но оставлены были прислужники мимических актрис

и те, кто выдали себя за таковых на время; остались также три тысячи танцовщиц со своими музыкантами и таким же числом хормейстеров. И в самом деле, куда ни кинешь взор, повсюду увидишь немало женщин с завитыми волосами и в таком возрасте, что если бы они вышли замуж, то могли бы по своим годам быть матерями троих детей, а они до отвращения скользят ногами на подмостках в разнообразных фигурах, изображая бесчисленное множество сцен, которые сочинены в театральных пьесах.

Нет сомнения в том, что пока Рим был обиталищем всех доблестей, многие знатные люди старались удержать при себе, - как гомеровские лотофаги сладостью своих ягод - разными любезностями благородных чужеземцев. А теперь многие в своем надутым чванстве считают низким всякого, кто родился за пределами городских стен за исключением бездетных и холостых: просто невероятно, с какой изобретательностью ухаживают в Риме за людьми бездетными! И так как у них в столице мира свирепствуют болезни, в борьбе с которыми оказывается бессильно всякое врачебное искусство, то придумали спасительное средство: не посещать заболевших друзей, а к прочим предосторожностям прибавилась еще одна, довольно действенная: рабов, которых посылают наведаться о состоянии здоровья пораженных болезнью знакомых, не пускают домой, пока они не очистят тело в бане. Так боятся заразы, даже когда ее видели чужие глаза. Но если их пригласят на свадьбу, где гостям раздают золото, то те же самые люди, соблюдающие такие предосторожности, готовы, даже если и плохо себя чувствуют, скакать хотя бы в Сполетий. Таковы нравы знати.

Что же касается людей низкого происхождения и бедняков, то одни проводят ночи в харчевнях, другие укрываются за занавесами театров, которые впервые ввел Катул в свое зидильство, в подражание распущенным нравам. Кампании режутся в кости, втягивая с противным шумом воздух, с треском выпускают его через ноздри, или же - и это самое любимое занятие - с восхода солнца и до вечера, в хорошую погоду и в дождь обсуждают мелкие достоинства и недостатки коней и возниц. Удивительное зрелище представляет собой эта несметная толпа, ожидающая в страстном возбуждении исхода состязаний колесниц. При таком образе жизни Рима там не может происходить ничего достойного и важного¹.

Сквозь разницу в формах греха и порока просматривается удивительная схожесть между тогдашним Римом и сегодняшней Москвой. Возникает даже ощущение, что в Риме все же дела обстояли лучше, чем у нас. Тем не менее, через двадцать лет после завершения Марцеллином

¹Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб, 1994. С. 35-39.

своего труда, Рим окончательно пал под ударами варваров, которым даже не пришлось штурмовать город. Автор не акцентирует в приведенном отрывке внимания на всеобщей продажности римского чиновничества и на политических интригах, происходивших вокруг власти, которые в конце концов привели ее к параличу. Результатом его явился переворот и узурпация власти наемниками-варварами во главе с Одоакром. Следует заметить, что основу его воинства составляли наши с вами предки: *руги, вандалы, герулы, скиры* и др. Сами римляне, так же как и мы сегодня, не горели желанием служить в армии, а потому основу вооруженных сил составляли федераты и наемники из варваров.

Вернемся к нашим чиновникам. Помимо интеллекта, они обременены еще и ярко выраженным политическим интересом. Один из первых чиновников государства намеренно заявил, что чиновничество на сегодня является ведущей политической силой нашего общества. Это можно было бы расценить как бред, если бы данное заявление не отражало реального состояния дел. Но тогда бредом является вся наша реальность. Состоя на службе у государства и получая от него жалование, чиновничество обязано блюсти единственный интерес - государственный. С ним сопрягается личный интерес любого чиновника: за должную организацию и точное исполнение он получает продвижение по службе и увеличение жалования. Но для того, чтобы чиновник функционировал именно в таком режиме, необходимо, чтобы кто-то ставил перед ним задачу и контролировал ее выполнение. Если же этого нет, то оставленный без присмотра чиновник шалает, поскольку свобода противна его природе и уживается в нем лишь в форме разнузданности. Он перерождается в нечто подобное саранче, начиная пожирать все, что движется и не движется в пределах его досягаемости, а это, как правило, государственное движимое и недвижимое имущество. Насытить чудовище, трансформировавшееся из номенклатурного «кузнечика», воспитанного на принципах коммунизма, может лишь кусочек свинца, вовремя подбрасываемый конкурентом (признак того, что на всех не хватает). Остановить же эту огромную всепожирающую стаю может лишь резкое изменение политического ветра, которое бы вызвало ее массовый опад, что в нашей ситуации вряд ли предвидится, или природная катастрофа огромного масштаба, которая представляется более вероятной.

Жалование давно перестало быть стимулом для нашего чиновника, превратившись зачастую в жалкую надбавку к основному доходу, получаемому если не от государства, то за его счет. Оно вполне могло бы вовсе не выплачиваться, и от этого мало бы что изменилось. Однако государство будет по-прежнему недодавать учителям и шахтерам, но интересов чиновника не ущемит ни на йоту. Дело не только в том, чтобы поддерживать видимость нормального функционирования государствен-

ного аппарата, хотя безусловно игра «как будто все в порядке» ведется на всех уровнях и всех устраивает, от президента до последнего пенсионера. Причина состоит в том, что чиновничество действительно представляет реальную силу, которая гарантирует успех любой политической интриги в стране. Отряд чиновников, по самым скромным подсчетам, составляет 20 млн. человек. К ним примыкает большая часть «бизнесменов» крупной и средней руки, вышедших из тех же чиновников и работающих в тесной связке с ними. В совокупности они-то и составляют тот самый «средний класс», кровно заинтересованный в существующем порядке. Этот электорат не в состоянии переплюнуть при демократической системе выборов даже коммунисты со своими пенсионерами. Данная сила способна решать вопросы, стоящие на повестке дня сегодня, поэтому чиновнику и позволено многое. То, что он разрушает устои государственности, объективно работая на погибель всем нам в скором будущем, никого не интересует.

Продвижение по службе по-прежнему актуально для чиновника, хотя оно основывается уже не на добросовестном исполнении обязанностей, а на денежно-политических моментах. Оно позволяет занять более «хлебное» место. Продвижением является также переход из законодательной в исполнительную ветвь власти. Депутатский корпус всех уровней служит своего рода отстойником, где в ожидании настоящего назначения томятся чиновники. То, что некоторые из них отрицают свое отношение к чиновничеству, - не более, чем лукавство и проявление нетерпения в ожидании своего места у кормушки. Возможно, что, хотя бы для немногих депутатов переход в исполнительную власть, на который они идут столь охотно, является искренней попыткой уйти из обстановки пустой трескотни и политического интригантства в реальное дело, но общий настрой системы на лихоимство обрекает на неуспех все живые порывы.

Результатом является то, что, имея доставшийся в наследство от тоталитарного режима структурированный и многочисленный государственный аппарат (который никак не поддается многочисленным сокращениям), мы не можем управлять элементарными процессами. Работоспособность государственной системы настолько сомнительна, что здравомыслящему человеку приходит на ум мысль о неизбежном и скором крахе государственности в России. Этот пессимизм сознания более обоснован, нежели тот оптимизм воли, который демонстрирует руководство страны, показывая миру чудеса политической джигитовки. Россия – скакун с серьезно сбитыми ногами, и подобная джигитовка губительна не только для нее, но и для самих «наездников». Опираясь на тех, для кого Россия всего лишь бездонная лохань, конной статуи от

благодарных потомков не заработать, поскольку подкладывая свинью собственной стране, скорее всего на ней в историю и въедешь.

Чтобы все сказанное не выглядело заурядным кликушеством, сошлемся на президента. Почувствовав определенную прочность своей политической позиции, достигнутую аппаратными играми, он попытался осуществить ряд программ, направленных на улучшение положения в стране. Но не тут-то было: совсем не за тем сидит чиновник в своем кресле. В одном из последних обращений президент сетует: «То ли программы ничего не стоят, то ли чиновник никуда не годится». Можно порадоваться его способности к обучению: в шестьдесят лет открыл Америку, о чем с детской радостью поделился с мировой общественностью, к семидесяти узнал цену своему чиновнику, тем самым ставя оценку своему собственному шестилетнему пребыванию у руля государства и многолетнему в коридорах власти. Однако, думается, что такие «открытия» честнее было бы делать, наблюдая жизнь со стороны, а не руководя державой. Подобный «ликбез» дорого обходится родной стране.

Бездуховная воля слепа, а потому губительна. Она обрекает нас на путь во мраке, который, конечно же, не озарить лучезарными улыбками «молодых реформаторов» образца «блин клинтон», так неуместными в нашей ситуации. Результат ее применения вполне определен и хорошо описывается ставшей известной в нашей стране формулой: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Духовная слепота не знает Бога, а потому термин «духовность» для бездуховного человека лишен смысла. Между тем, сила духовности наглядно проявляется в том, что любой специалист, в котором пребывает Бог (таких называют «мастерами милостью Божьей»), будь то столяр, учитель или премьер-министр, если даже вы закажете ему сделать нечто безобразное или глупое, просто не справится с вашим заказом, обязательно сделав красивое и умное, поскольку он **одухотворен**.

Бездуховная воля не только слепа, но и сомнительна, поскольку нуждается в поводыре, а кто главный в связке «слепец-поводырь», сказать очень сложно. Большие сомнения вызывает качество поводырей, которых периодически меняют, но выбирают, как правило, из категории людей, кричащих на всех перекрестках мира о своей приверженности общечеловеческим ценностям, но прочно держащихся за свой кагал. Совершенно очевидно, что столь недостающей нам духовности у них не почерпнуть. Критерии духовности просты и вечны: забота о родной земле и достоинстве человека, живущего на ней, будь то татарин или русский - мы все вышли из единого скифского корня. В них вполне укладываются все «общечеловеческие ценности», поэтому нам нет нужды быть «гражданами мира» - достаточно того, чтобы мы были патриотами. Только на этой основе возродится слава Отечества.

Для народа, забывшего свою историю, а тем более отказавшегося от нее, будущее проблематично. Объем исторической памяти и ее качество определяются состоянием общества. Государство, как организующее начало любого общества, прежде всего заинтересовано в знании своими гражданами истории, являющейся одним из тех краеугольных камней, на которых оно построено. Между личностью и государством много общего, несмотря на их разномасштабность. Не случайно древние, описывая историю средствами мифа, очеловечивали этнополитические системы, придавая их отношениям семейный характер. Известно, что происхождение человека во все времена считалось одной из важнейших жизненных ценностей, оказывающей непосредственное и сильное влияние на его судьбу. Зачастую этот «капитал» способен компенсировать отсутствие всего прочего. С другой стороны, титул и генеалогия всегда являлись вождленным «товаром» в среде имевших все, но безродных людей. Нечто подобное мы видим на уровне стран и государств: маленькая Греция на протяжении веков остается местом паломничества людей со всего мира за счет своей древней истории, и редкий оболтус, когда-либо учившийся в школе, не знает ее имени. С другой стороны, богатая Америка, не имея собственной многовековой истории, тратит огромные деньги на приобретение чужих исторических реликвий, причем дело иногда доходит до разборки по кирпичам огромных замков в Старом Свете и перевозки их за океан. Заметно также разное отношение в мировом общественном сознании к «историческим» и «неисторическим» народам. Все это свидетельства того, что историческая память народа сама по себе обладает мощной энергетикой. Утрата ее – большая трагедия, а равнодушие к ней – непростительная глупость. Именно последнее демонстрирует наше общество в целом и государство в частности. Остается лишь добавить, что историческое беспамятство никогда не считалось признаком благородства и традиционно являлось принадлежностью черни.

Тому, что хамское начало преобладает в нашей жизни, нет нужды искать доказательств – оно буквально выпирает во всех ее проявлениях. Однако не следует полагать, что оно присуще нашей стране и народу в большей степени, чем другим. Состояние общества, в том числе все его качественные составляющие, подвержено циклическим изменениям, как все явления природы. Античные источники свидетельствуют, что мы знали другие времена.

Сущность любого индивидуума определяется масштабом личности, в основе которого лежит диапазон восприятия жизни. Нечто подобное мы имеем в определении сущности государства. В зависимости от целей, поставленных перед собой обществом, государство строит свою политику, последствия которой проявляются во всех сферах жизни. Предъявляет

оно определенные требования и к историкам. Поэтому они фактически всегда состояли на службе у государства, являясь на практике теми же чиновниками. Особенно ярко это проявилось в советский период, когда государство потребовало от своих «летописцев» создания истории для черни, в которой исторический процесс представал в виде последовательной смены общественных формаций, а вершиной поступательного развития общества объявлялось государство пролетарской диктатуры. По партийно-государственному заказу была создана также такая псевдонаучная дисциплина, как история партии, столько лет терзавшая студентов и, наряду с прочими общественными науками, подпитывавшая кадрами партийную номенклатуру. Ныне многие ее славные представители активно участвуют в процессе «прихватазации» и формировании «среднего», то бишь буржуазного, класса страны.

Именно отсутствием заказа со стороны государства объясняется то обстоятельство, что, несмотря на многочисленные археологические находки, советская история древнего периода нисколько не продвинулась по сравнению с дореволюционной наукой. Та, в свою очередь, не имела заказа относительно времени, предшествовавшего воцарению рюриковской династии и принятию христианства. Скорее всего этим, а не отсутствием материалов по более древней истории (их, как мы убедимся, было предостаточно), объясняется то жалкое состояние варварской истории, которое мы имеем на сегодня. О том, что именно государство является заказчиком исторической продукции, свидетельствует тот факт, что практически нет и никогда не было ни одного историка, оппозиционно настроенного по отношению к власти. Исключением является Ф.Энгельс, но он не был профессиональным историком. К тому же его работа, заключавшаяся в приспособлении общеизвестной исторической фактуры к теории смены общественно-экономических формаций, вряд ли может быть названа исторической в полном смысле.

Нынешнее государство совершенно неприязнательно в отношении истории. В сущности, в качестве опоры в своей политике оно вполне могло бы использовать историю Соединенных Штатов Америки, добавив к ней для придания национального колорита некоторые удачные эпизоды из истории развития капитализма в России. Собственно русская история даже неудобна на нынешнем «переходном» этапе развития общества: трудами советских историков она предстает чередой грандиозных бунтов и смут. Чему такая может научить общество, с трудом балансирующее на грани порядка и стихии? И хотя публицисты в поте лица убеждают общество в бессмысленности кровавого русского бунта, инертность сознания и суровые реалии жизни делают ситуацию в стране неустойчивой. Однако отношение власти к истории все-таки не лишено некоторой затейливости, которая может быть объяснена влиянием ряда

внешних обстоятельств. Поскольку работать приходится в России, а в ней доживают еще свой век относительно грамотные поколения, администрация президента и правительство сделали заказ на издание, которое призвано отражать официальный взгляд на историю страны, что и было исполнено. По нынешнему состоянию дел следовало бы ожидать появления исторического комикса, но, по-видимому, историки не научились еще работать по-новому, поэтому пришлось ограничиться красочным буклетом, изданным ограниченным тиражом для правительственных чиновников.

Чиновнику же, как мы постарались показать, меньше всего в этой жизни нужна история, пусть даже в форме лубочных картинок. Соответственно не нужна она и государству, которое является порождением этих чиновников. «Ода» чиновнику, приведенная выше, нужна была лишь для того, чтобы показать это. Сам же предмет разговора не стоит той бумаги, которая была на него потрачена.

В этих условиях вся ответственность, как за создание отечественной истории, которая бы отвечала потребностям сегодняшнего дня, так и за ее распространение среди возможно широкой аудитории, ложится на частных лиц. Потребность же в ней в момент, когда общество переживает глубочайший кризис, возможно, наиболее велика. Причем, независимо от того, осознается ли она самим обществом и его социальными институтами или нет. То, что апатичное общество позволяет духовно слепым своим поводырям увлекать его по ложному пути, на котором оно само все более погрязает в грехе и пороке, означает лишь приближение к логическому завершению охвативших его нездоровых процессов: мертвое уйдет – живое останется. По Библии мы знаем, что даже при самом неблагоприятном исходе течения болезни, когда ситуация требует хирургического вмешательства Господа для удаления злокачественных образований с лица земли, в каждом городе найдется одиннадцать праведников, которым он даст шанс для возрождения жизни. Возможно, им будет полезно знать «историю болезни» предшествующей цивилизации.

Несомненно, что интеллектуально и нравственно полноценные люди, которые осознают и помнят, что человек есть подобие Бога, и только в этом заключается человеческая суть, есть и в нашем больном обществе, где, казалось бы, все поставлено с ног на голову. Далеко не каждый способен увидеть в американской мечте, которая переродилась из «общества достойных людей» в «общество потребления», тот свет в окошке, к которому следует стремиться. Если вершина интеллектуальных достижений общества выражается формулой «жить, чтобы потреблять», оно обречено на достаточную скорую гибель. Являясь необходимым условием жизни, потребление никак не может быть самоцелью нормального социума. Необходимость поддержания разумного

соотношения между его уровнем и той ценой, которую приходится платить за него, осознается многими членами самого этого общества. Однако аппетит приходит во время еды, и губительный процесс, приобретая необходимую инерцию, становится неуправляем – материальные потребности черни всегда сильнее любой целесообразности.

В понятие “чернь” мы вкладываем не столько классовый, а скорее нравственный смысл. В истории были времена, когда они более или менее совпадали, чего не скажешь о современности. Сегодня, когда принадлежность человека к тому или иному социальному слою определяется не сущностными, а внешними критериями (уровень дохода, образование и т.п.), в один класс попадают люди совершенно разные по интеллектуальному, нравственному и в целом генетическому потенциалам. О степени достоверности подобной оценки человека можно судить хотя бы по тому, что в обыденной жизни мы все же предпочитаем рассматривать человека по сущностной шкале: низкий и благородный (т.е. «хорошего рода»), порядочный (“находящийся в нравственном порядке”) и негодяй (“негодный для нормальной жизни” по большому счету) и т.д. Социологи ими пользоваться не могут, потому что они трудно поддаются (либо не поддаются совсем) “взвешиванию” или количественному выражению. Любопытно, что они, используя взвешиваемые показатели, пытаются тем не менее выйти на оценку качества жизни, критерия, который претендует на выражение высшей цели устремлений каждого человека, – счастья. Это уже область так называемых “тонких материй”, где любое упрощение способно свести на нет результаты самого основательного исследования.

Счастье заключается в умении жить в согласии с природой, с окружающими и с самим собой, или с Богом. Рассмотрим, как зависит любая из этих составляющих от денег, которые в нашем мире стали синтетическим критерием успеха.

Что касается природной составляющей, будь то физическое, нравственное здоровье человека или его взаимоотношения с окружающей природной средой, то совершенно очевидно, что они в большей степени зависят от генотипа индивидуума и его образа жизни. И лишь в малой степени они связаны с деньгами, причем и эта зависимость обусловлена не самой природой вещей, а несовершенством общественного устройства. Деньги, являясь продуктом общественных отношений, делаются и работают лишь в социальной среде. Возникшие как идея, призванная упростить процедуру обмена натуральными продуктами между отдельными людьми и целыми регионами, деньги, как всякая абстракция, породили и воспроизводят искусственный мир, столь же иллюзорный, как и они сами. Наиболее яркий пример иллюзорности явлений этого мира представляют собой банки, финансовые учреждения,

“торгующие” уже даже не реальными символами стоимости (т.е. монетами или купюрами), а некими (зачастую дутыми) активами, т.е. даже не воздухом, а скорее словом, цену которому миллионы наших сограждан уже успели узнать.

Природа человека, о чем свидетельствует и многовековой спор материалистов и идеалистов в философии, двойственна: он состоит из материального тела и бесплотного духа. Последний воплощается в идее Бога. Интересно, что большая часть людей, связавших жизнь с деньгами и верящих в их силу, считают себя материалистами, не замечая того, что золотой телец, которому они поклоняются, также бесплотен, как дух святой. Место Бога в сознании человека может занять любая абстрактная идея (деньги, коммунизм, разум и т.д.). При этом развитие сюжета происходит по единому сценарию, вполне описываемому библейской формулой “вначале было слово”, которое начинается материализовываться, обретая одну из форм искусственной жизни внутри природного или божьего мира (идея мессии - в одну из религий с их храмовыми комплексами, структурой и обрядовостью; коммунизм - в государственные формы с мавзолеями, памятниками, дворцами съездов и прочей атрибутикой; деньги - в финансово-промышленные и прочие структуры со своими символами, городами, торговыми комплексами и т.д.). Каждая из них имеет господствующую идеологию, которая формирует мировоззрение людей, принявших ту или иную форму искусственной жизни. Что объединяет мировоззрение представителей этих разных миров, так это его узорь. Приняв его, они получают ту классическую ситуацию, когда из-за одного дерева леса не видно, где роль дерева выполняет мировоззрение искусственной формы жизни, а лесом является божий мир.

Ярчайшим примером искусственного мира, который заслоняет собой мир божий, является виртуальность. Родители, сегодня всемерно поддерживающие увлечение своих чад компьютером, справедливо усматривая в нем незаменимого помощника во многих современных видах деятельности, за которым будущее, завтра могут испытать жестокое разочарование. Пользователь пользователю – рознь: один с помощью компьютера решает сложные научные, организационные и производственные задачи, а другой через Интернет сутками напролет занимается компьютерным сексом. Как знать, возможно перед лицом угрозы старости без внуков некоторые родители радикально пересмотрят свое отношение к техническому прогрессу, не всех же удовлетворит возня с тамагочи. Это утрирование ситуации, но мало ли уже сегодня вокруг тихо помешанных на компьютере людей, а работа на расширенное воспроизводство этой категории поставлена миром денег на широкую ногу: едва ли не ежедневно на рынок выбрасывается новая забава – знай покупай и осваивай.

Искусственные формы жизни выстраиваются, образуя соподчиненные системы. В сущности из их комбинации строится тот дом, отгораживающий каждый конкретный социум любой иерархии и индивидуума от большого мира, в котором создается комфортный, по тем или иным представлениям, режим жизни. Но даже если библейская формула «человек – подобие бога» отражает лишь способность человека к продуцированию этих малых миров, неужели предел творческих возможностей его состоит в строительстве домика, из окошка которого белый свет предстает размером с копейку?

Мир денег сегодня явно доминирует на земле. Он не только воздействует на все остальные формы искусственной жизни, но кажется, что сама жизнь человека как биологического вида немыслима без него. Представьте, что бы стало, если бы исчезли деньги, когда лишь колебания курса мировых валют вызывают в мире грандиозные потрясения. Деньги не только создали свой искусственный материальный мир, о чем уже говорилось, но и породили свой искусственный этнос, который уже более двух тысяч лет обслуживает их оборот. Подробнее об этом феномене будет разговор в отдельном разделе.

В природном мире деньги нуждаются лишь в силу необходимости ресурсов для все более расширяющегося производства материальных благ и продовольствия, для воспроизводства биологической жизни. Практика проявляет некоторые бесспорные закономерности: гармоничные отношения между деньгами (обществом, построенном на всевластии денег) и природой принципиально невозможны: чем сильнее власть денег, тем больше городов и значительнее их размеры. Противостоятельность скопления огромных масс людей на ограниченном пространстве, которое сопровождается деградацией, доходящей до полного разрушения как природных ландшафтов, так и человеческой природы, осознается сегодня многими, однако маховик экономической целесообразности, в основе которой лежит наращивание материальных потребностей жизни, набрал чудовищную по своей силе инерцию. Его не остановить по многим причинам, но для нас наиболее интересна следующая: любая разумная, но ущемляющая интересы производителя попытка поднимает спекулятивную информационную волну, смысл которой сводится к утверждениям о неоправимости ущерба для потребителей, которых пытаются вернуть в первобытную дикость. И она гораздо скорее найдет отклик у нашего одичавшего в мировоззренческом отношении современника, нежели все доводы разума вместе взятые. Ему, выросшему в «джунглях» из асфальта, стекла и бетона, напичканных машинами, кабельными сетями и электроникой, всю жизнь озабоченному повышением социального статуса в мире искусственных ценностей, божий мир все менее интересен.

Совершенной нелепостью было бы утверждать, что деньги гармонизируют отношения с окружающими или способствуют достижению согласия с Богом. Это опровергается опытом общественной жизни и всей мировой литературой, как духовной, так и светской, на уровне отдельной личности и с точки зрения взаимодействия социальных слоев. Экономические методы поддержания гражданского мира в обществе, которыми так кичатся развитые западные демократии, в полной мере проявили свою несостоятельность еще в глубокой древности, когда в Риме практиковались бесплатные раздачи хлеба и организовывались общественные или благотворительные зрелища и увеселения для городских низов. Они внесли не последнюю по своему значению лепту в дело общего разрушения.

Коротко резюмировать можно так: деньги являются необходимым условием жизни только в искусственном и весьма несовершенном мире, созданном человеком, и явно недостаточным для жизни в полном ее смысле. Купить можно, вопреки расхожему мнению, в лучшем случае лишь суррогаты здоровья, любви, дружбы, свободы или власти, которые за подлинники способна воспринимать лишь достаточно ущербная натура. Истинными же ценностями жизни Господь наделяет достойных бесплатно. Следовательно, общество, построенное на абсолютизации роли денег, является детищем изначально больных людей и служит им последним прибежищем, поскольку оздоровление в нем, как показывает жизнь, не предусмотрено.

Возможно, что этот путь, на котором первые восторги неизбежно сменяются горькими разочарованиями, неизбежен для американцев, которые с чистого листа начали свою историю, собравшись со всех уголков Старого Света на новой, практически незаселенной земле. Но, перефразируя поговорку, то, что американцу полезно, русскому, который многие тысячи лет живет на своей земле, – смерть. Видимо земля в большей степени является хранилищем информации о живших на ней поколениях, нежели мы подозреваем. Известное замечание Л.Н.Толстого о присущем русскому человеку изначальном знании, возможно, отражает обратную информативную связь между землей и живущим на ней человеком.

Согласно античным источникам, наши предки первыми в мире испытали на себе всю пагубность рассматриваемого пути. Клеарх (IV в. до Р.Х.) так передает дошедшие из глубокой древности до греков сведения о «предавшихся роскоши» скифах, «устребившихся к ней первыми из людей»: «Сначала один только Скифский народ пользовался общими законами (имел государственность - В.П.); затем они снова сделались «несчастнейшими из всех смертных» вследствие своих насильственных

поступков: они предались роскоши, как никто другой, вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния».¹

Однако через какое-то время «они от печали уничтожили удобства жизни» и даже «в знак несчастья» всем народом обрезали кругом волосы, от чего этот обряд у греков в течение тысячелетий назывался «оскифиться» или «подстричься *под скиф*». Длинные волосы, как и «покрытоголовость» (ношение войлочной шапочки), традиционно от Греции до крайнего севера считались признаком свободы и благородства.

Об этом же событии скифской истории, после которого *скифы* поклялись не строить больше городов и не иметь имущества в личном пользовании, исключая меч и чашу, рассказывает также Арриан. С тех пор *скифы* перешли на кочевой образ жизни, имея лишь то количество скота, которое им было необходимо для пропитания, что не мешало им слыть среди других народов справедливыми и мудрыми, о чем свидетельствуют многочисленные греческие источники, начиная с Гомера.

То обстоятельство, что Гомер застал *скифов*, которых он называет *гиппемолгами* («доители кобылиц»), *галактофагами* («питающиеся кислым молоком»), *абиями* («неимущие») или *номадами* («кочевники»), уже в новом состоянии, свидетельствует о том, что само событие случилось в глубочайшей древности, а предание о том, что *скифы* были первыми людьми, создавшими государство, позволяет возводить его, по крайней мере, к IV тыс. до Р.Х. Вспомним также то, что *скифы-гипербореи* оспаривали свою древность у египтян, первые государства у которых появились на рубеже IV-III тысячелетий.

На основании фактов, содержащихся в древних источниках, можно утверждать, что наши далекие предки уже в глубокой древности познали сомнительные радости «общества потребления» и, испытав полный социальный крах, о чем свидетельствует пострижение всего народа, встали на путь древнего коммунизма. Наш гениальный земляк, реализовавший на практике модель хамской формы коммунизма, в свое время прозорливо угадал генетическую приверженность народов России его идеалам, узрев ее в системе общинного устройства главного класса страны – крестьянства, которое он обрек на уничтожение в угоду люмпенизированным слоям общества, на которые опирался. Древний скифский коммунизм был аристократическим и сочетался с царской властью, сильно отличавшейся по своей сути от монархий более позднего времени. Это и позволило ему просуществовать многие десятки веков.

Современникам эти факты совершенно не известны, поскольку, как уже отмечалось, в условиях отсутствия социального заказа на вар-

¹ Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (ред. В.В.Латышев). СПб. 1890. Т.3. С. 627-628. Далее в ссылках: Сборник Латышева. Т. ... С.

варскую историю те робкие попытки проникновения в глубь веков, которые предпринимались и носили частный характер, не приносили сколь-нибудь существенных результатов. Нет заказа со стороны общества и сегодня, однако нынешняя ситуация, похоже, резко отличается от положения вчерашнего дня, поскольку появился «заказ» от инстанции более высокого порядка. Уже в ходе работы над предлагаемым введением, автора поразила публикация «Российской газеты» от 20 февраля 1988 г. «Когда мы умели летать...». В одно и то же время некто поставил перед людьми, живущими за многие сотни километров друг от друга и никак не связанными, одну и ту же цель. Мало того, этот некто обозначил единые пути для ее достижения. Расхождения в методике объясняются разнопрофильностью образования, хотя философия и география традиционно связаны: еще два века назад последняя входила в Санкт-Петербургском университете в состав философского факультета. Весьма характерно, что среди «нагруженных» не оказалось историка (свидетельство их неспособности решать подобные задачи), а также то, что работа основана на голом энтузиазме частных лиц (подтверждение отсутствия всякой заинтересованности государства).

2.История и природа

В условиях полного отсутствия исследовательской традиции по предлагаемой теме, единственной предпосылкой ее может считаться общая ситуация, причем не столько в обществе, которое сегодня напоминает испуганное стадо, сколько в природе. До недавнего времени в обществе бытовало представление, которое активно насаждалось, о едва ли не полной независимости социальных систем от природных, что связывалось с научно-техническим прогрессом. В науке появился термин «географический детерминизм», обозначавший направление мысли, которое в системе отношений «человек-природа» определяющую роль отводило последней. Оно осуждалось и опровергалось. Могущество человека, вышедшего в космос, активно преобразовывавшего лицо планеты, казалось бесспорным, перспективы вполне определенными и оптимистичными. Вместе с тем, в нашу жизнь вошло понятие «экологический кризис», радикалы заговорили о возможной экологической катастрофе, «Римский клуб» призвал умерить потребление.

К сегодняшнему дню все более ясной делается наивность и тщетность противопоставления человечества окружающей природе. Вчерашние претензии на ее покорение воспринимаются скорее как склонность к суициду, не более того. Человечество - элемент природы и его зависимость от нее более чем очевидна. В этом смысле автор стоит на позициях самого жесткого географического детерминизма.

Очень похоже на то, что ближайшее будущее сохлест остатки человеческой спеси в отношении к матери-природе и окончательно избавит от иллюзий, связанных с местом человека в этом мире. Мы являемся свидетелями начавшейся в природе грандиозной перестройки. За последние 30 лет объем горных ледников уменьшился вдвое. При этом в Альпах вскрываются старые римские дороги, что служит наглядным подтверждением цикличности климата. Сложнее оценить изменения полярных ледников, которые содержат основные запасы связанной в виде льда воды, однако, судя по тому, что температура арктических и антарктических частей океана повысилась на 3°, надо полагать, что и они активно тают, хотя за счет своей массы и обладают известной устойчивостью.

В настоящее время среднегодовая температура на Земле составляет 12°C, однако в ближайшие 30 лет ожидается ее повышение до 18°C, причем уже в ближайшие годы она повысится на 3°, что, как полагают, вызовет подъем Мирового океана на 1 м. В результате происходящих перемен изменяются параметры и течение Гольфстрима, заметны перемены в атмосферной циркуляции, что сопровождается увеличением количества осадков, которые во многих районах мира вызывают невиданные доныне наводнения. Идет интенсивное подтопление территорий, прилегающих к Каспийскому морю, которое еще менее 20 лет назад деградировало, как все мы помним по публикациям того времени и по началу реализации грандиозных проектов по переброске вод с Белого моря в Волгу.

Совсем несложно представить последствия этих процессов. Они вызовут существенные изменения пространственной организации общества. Затронутыми окажутся не только приморские районы, в которых ныне концентрируется существенная часть населения Земли (треть его проживает в пятидесятикилометровой прибрежной полосе), но и многие удаленные от моря территории, дренируемые равнинными реками. В 1997-98 гг. мы стали свидетелями разрушительных наводнений, вызванных речными паводками в результате увеличения количества выпавших осадков, которые произошли в ряде районов Европы: в России - на Онеге, Доне и Кубани; на Украине и в Белоруссии - на Припяти; в Чехии и Словакии - на Мораве; в Польше - на Висле; в Германии - на Одере и т.д. Достаточно 2-3 сезонных паводков таких по продолжительности и масштабу, как мы наблюдаем сегодня в бассейне Кубани, чтобы обширный район между Краснодаром и Ростовом-на-Дону из ныне цветущего и плотно населенного превратился в заболоченный и безлюдный. Вместо зерновой житницы мы будем иметь территорию, в хозяйственном отношении пригодную лишь в качестве сезонного

пастбища для кочевого скотоводства. Именно таким изображает его ряд античных источников.

Другим районом, который в древности представлял собой болото, между островами которого сообщение осуществлялось на лодках, является бассейн Тисы. Эта река, перепад высот на километр русла которой составляет всего несколько сантиметров, и сегодня является причиной затопления обширных территорий. По этой причине на протяжении многих сотен километров она огорожена дамбами. Древние валы, во множестве сохранившиеся здесь, являются искусственными насыпями, по которым римляне когда-то прокладывали дороги. Даже в V в., когда по документам, отмечается относительная сухость, на пути, проходившем из района Южной Моравы в Словакию по левобережью Тисы, для переправы через многочисленные протоки и разливы приходилось везти с собой плоты на подводах, как описывает это Приск Понтийский.

Вся северная часть Германии представляла собой временами труднопроходимое болото. Страбон, указывая расстояние между Рейном и Эльбой, «если идти прямым путем», в 3000 стадий, отмечает, что «теперь, однако, необходимо идти окольной дорогой, которая кружит по болотам и дебрям»¹ То же самое можно сказать о Польше, где нынешняя Померания представляла собой остров Балтики (*Коданского залива*). Как отмечает Помпоний Мела, за Эльбой, где начинался залив, море не походит на море, поскольку расстояния между расположенными здесь островами невелики, а вода «образует подобие широко разветвленной сети одинаково узких каналов».² Этот же автор говорит о том, что острова, лежащие напротив Сарматии (часть современной Германии, Польша и Прибалтика), во время отлива перестают быть островами и оказываются частью материка, так как вода в это время не покрывает участки, отделяющие их от суши.

Грандиозные изменения с античного времени произошли в районе протянувшемся от р. Припять до Ладоги и Финского залива. На месте современных обширных болот здесь когда-то разливался огромный водоем, состоявший из отдельных акваторий, соединенных между собой проливами или протоками, своими размерами, согласно древним источникам, лишь немного уступавший Черному морю. Он считался «матерью Понта» (Черного моря), поскольку подпитывал последний, называвшийся греками Эвксинский (Гостеприимный), водами *Северного океана*. Сам этот водоем древние злины называли *Понтом Аксинским*, (Негостеприимным), а позже *Меотийским озером*. Для того, чтобы нарисованная картина не выглядела совершенно фантастической,

¹ Страбон. География. М., 1994. С. 267

² Сборник Боднарского. С. 224

укажем, что и в наше, до последних дней «сухое» время, продолжительность наводнений на Припяти в отдельные годы достигает трех месяцев, разливы ее в половодье доходят до 20 км, а связь между населенными пунктами, расположенными на островах среди болот Полесья, в это время осуществляется только на лодках.¹

От Полесья полоса болот, прерываемая лишь Белорусской грядой, за которой находится обширное Белорусское Поозерье, через заболоченное Приильменье тянется до Ладоги. Озеро Ильмень, в старину известное как Словенское море и разливавшееся когда-то неизмеримо шире, принимает в себя 50 рек, а вытекает из него в Ладогу лишь Волхов. О том, что в древности воды Балтики вполне могли подпитывать Черное море, как об этом пишется в греческих источниках, свидетельствуют данные новгородских летописей за период с IX по XVIII вв., в которых несколько раз отмечено обратное течение Волхова в Ильмень. Иногда он тек вспять на протяжении 5-7 дней. Под 1371 г. Летопись отмечает: «В Новгороде течет река Волхов обратно семь дней, это уже третий год она так течет».² Возможно, в этом случае причиной этого явления были ледовые заторы в низовьях реки, как полагают гидрологи, но то же самое может происходить в результате подъема уровня воды в Ладоге, размеры трансгрессий которой, как мы убедимся ниже, в прошлом достигали 20 м. Географам уже давно известно, что было время, когда р. Луга текла из Финского залива в Ильмень. Это отчетливо проявляется на местности в следах изменений устьев впадающих в нее притоков.

Приведенных фактов достаточно, чтобы утверждать, что изучение изменений в социальных системах невозможно без учета природных процессов, хотя бы потому, что без него нельзя элементарно прочесть древний источник. Именно это показывает нам опыт историков. Для понимания документа недостаточно знания языка, на котором он написан, необходимо еще правильно представлять, какой географический объект, зачастую уже не существующий на современной карте, стоит за тем или иным именем древнего источника. В противном случае ничего, кроме жуткой путаницы, извлечь из него невозможно.

Народы и исторические события в древних документах, как правило, привязаны к тем или иным географическим объектам, которые в совокупности образуют систему пространственной организации общества любой иерархии, которая изменчива во времени, как сама природа. Таким образом, «адреса» составляют значительную и важную часть любого источника. Настолько важную, что без правильного их прочтения невозможно понимание любого исторического процесса.

¹ Гинко С.С. Катастрофы на берегах рек. Л., 1977. С. 66.

² Там же. С. 72.

Например, большая неопределенность существует у историков относительно *бургунов*, имя которых сохранилось в названиях исторической области Франции и земли Австрии. Согласно одним авторам, *бургунды* занимали территории в районе Балтики, около Вислы (Плиний и Птолемей), другие размещают их близ Меотиды (Агафий и Зосим), откуда они появились позже на Верхнем Дунае и Рейне, где вместе со *свавами* и *аламанными* составляли значительную силу (Марцеллин и Прокопий). Исходя из столь разных и отдаленных друг от друга мест обитания *бургунов* разных источников, одни историки в совершенной растерянности говорят о двух разных народах с одним именем: бургунах-германцах и бургунах-гуннах, не имея о последних никакого представления; другие опровергают это мнение. Если не знать, что в глубокой древности *Меотидой* называли не Азовское море (или не только его), а водную систему, протянувшуюся от Финского залива до Черного моря, то в спорах о бургунах можно ломать копья впустую еще очень долго. Поскольку мы это знаем, то можем сказать, что *бургунды*, которых Помпоний Мела называл *бергами*, они же *борусины* (*борусы*) «Влесовой книги», ранее, при Геродоте, называвшиеся *неврами*, а позже в русских летописях известные как *кривичи*, занимали земли от Балтики до Валдая. Коренная их территория примыкала к верховьям Днепра, что видно из связи двух приведенных названий с именами реки - *Борисфен* и *Непра*. Поскольку этот район примыкал к древней *Меотиде*, а научная традиция, передающаяся через письменные источники, консервативна, то некоторые авторы еще в VI-VII вв. для локализации народа использовали древнее имя.

Подобная история, когда начинаются споры, кто из древних авторов более прав или сведущ, происходит вокруг едва ли не каждого имени из источников. На проверку же получается, что наиболее невежественными оказываются современные исследователи, а их высокомерие по отношению к античным авторам не служит проявлением ума – умной спеси не бывает. Спор об уровне знаний древних и современников во многих эпизодах решается не в пользу последних. Взять, к примеру, вопрос о проведении границ между Европой, Азией и Африкой. Сегодня, чисто условно, границу между Азией и Европой проводят по Уральским горам, р. Урал, побережью Каспия и Главному Кавказскому хребту, а между Азией и Африкой - по Суэцкому каналу. В древности эти границы проводились более естественно и красиво по природным объектам, причем с существованием некоторых из них современники даже не подозревают. Граница Азии с Европой и Ливией (Африкой) проводилась по грандиозному геологическому разлому меридионального направления, по которому текут реки Волхов и Днепр, а также Нил. В античных источниках ее иногда называют *Великой границей*. Южнее истоков Нила

разлом представлен рифтовой зоной, в которой расположены великие озера Восточной Африки. Границей между Европой и Ливией служило Средиземное море, протянувшееся в широтном направлении. Таким образом, границы трех частей света представляли собой повернутую набок букву Т. Именно так, в виде вписанной в круг этой буквы, изображались примитивные карты мира в Европе вплоть до XIII в. (приложение1).

Когда в личной беседе с одним из крупнейших отечественных специалистов в области космической географии, которая исследует, в том числе, и подобные геологические структуры, автор показал наш меридиональный разлом, тот признал его явное проявление. Но на вопрос – каким образом древние знали о существовании разлома, не имея спутниковых снимков? – он категорически отверг такую возможность, а проведение границы по нему объяснил случайностью. Как все просто. Остается случайностью объявить также то, что современные исследователи разлома не увидели, но тогда все они смело могут пере-квалифицироваться в огородников и пчеловодов – случай увидеть нечто научно значимое вполне может представиться и за этими занятиями, а общественная польза будет существенно большей.

Впрочем, вопрос о границах между частями света был запутан историками еще со времен Геродота, что свидетельствует об очень древнем возрасте знаний о существовании разлома: «И я не могу даже понять, почему, собственно, трем частям света, которые являются одной землей, даны названия по именам женщин. Непонятно также мне, почему реки *Нил* и *Фасис* в *Колхиде* (по другим: река *Танаис*, впадающая в *Меотийское* озеро и киммерийский город *Портмеи*) образуют границу между ними. Нельзя выяснить имена тех, кто разграничил их и от кого взяты названия этих трех частей света».¹ Как можно видеть, Геродот, «отец истории», в отличие от своего многочисленного потомства, умел признавать свое неведение и все-таки связывал *Танаис* и *Меотиду* с Нилом, хотя уже знал лишь колхидский *Фасис*. К счастью, существует ряд других источников, относящихся к вопросу о границах, что позволяет достаточно просто распутать его.

Вполне решаемы многие задачи, над которыми безуспешно бьются поколения историков. Для этого нужно лишь иметь общее представление о механизмах взаимодействия общества и природы, адекватно оценивая место человека в ней, а также иметь понятия о происходящих в природе процессах, которые делают географическую среду динамичной. Главная причина неуспеха историков заключается в том, что они не могут

¹ Геродот. История. М., 1993. С. 198.

выбраться из прокрустова ложа представлений о статичности природы, пытаться приспособить описания древних реалий к современным.

Динамика природных процессов является предметом целого комплекса географических наук. Любая естественная наука, изучающая отдельный элемент природы, представлена в структуре географии, которая исследует его во взаимодействии с остальными компонентами, составляющими в совокупности географическую среду, и выявляет территориальные закономерности ее развития. С другой стороны, географией охвачены все проявления социальной жизни. В последние десятилетия советского периода, когда еще возможно было определенное развитие науки, пока историки оттачивали классовый подход в своей деятельности и поднимали до псевдонаучных высот «биографию» КПСС, от экономической географии отпочковались, превратившись в самостоятельные подразделения, медицинская, рекреационная, политическая и целый ряд других географий, в результате чего поменялось имя самой специальности: она стала называться экономической и социальной географией. При этом следует отметить, что, в отличие от отечественной истории, она занимала действительно периферийные позиции в мире и имела весомый авторитет.

Когда пришло время переосмысления взаимоотношений между человеком и природой и возникла новая наука экология, в разработке ее основ приняли участие главным образом географы и философы, переквалифицировавшиеся в них. Этому периоду вообще свойственна географизация человеческих знаний, которая затронула даже такие, казалось бы далекие от нашей науки области, как языкознание, столетиями варившееся в собственном соку и превратившееся в «вещь в себе» по степени доступности для понимания и практического использования ее результатов. Однако историки этому процессу не поддались совершенно.

Если век назад В.О.Ключевский широко использовал географию, находившуюся тогда еще на стадии описания природных объектов, и умело пользовался географической картой, то на сегодня даже этот уровень его последователями и коллегами утрачен. Невозможно удержаться от приведения отрывка из солидного труда Института истории АН СССР совместно с Институтом истории СССР АН СССР и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (внушительный «коллективный автор»): «Римские торговые дороги начинались на лимесе и уходили вглубь варварских земель (?- В.П.). Одна из римских дорог в области языгов шла из нынешнего Сегеда (античный Партискум) при слиянии Дуная и Тисы, где была римская таможня и почтовая станция. ...Большое значение имела также знаменитая «Янтарная дорога» древности, по которой с берегов Балтики поступал в империю янтарь. Она

начичалась на северо-востоке Италии, в Аквилее, и проходила через города Норика и Паннонии - Эмону, Саварию, Скарбанцию, Карнунт. Из Карнунта на Дунае дорога шла в направлении р. Моравы и р. Мура длиной 600 римских миль, достигая Балтийского побережья, до племени эстиев (Тацит, Германия, 45). На Нижней Висле во Вроцлаве был перевалочный пункт.»¹

С точки зрения элементарной школьной географии, все написанное здесь просто бред, и, если бы среди многочисленного коллектива авторов, редакторов и рецензентов был хотя бы один троечник, это не попало бы на страницы первого отечественного труда, претендующего на обобщение истории Европы в целом: Сегед не расположен при слиянии Дуная и Тисы; река Мура находится не на пути из *Карнунта* (район Вены, восточнее ее) на Балтику, а в противоположном направлении; Вроцлав стоит не на Висле, а на Одере, причем в верховьях. Бессмысленно ожидать от людей, настолько не владеющих современной географической картой, что они когда-либо сумеют разобраться в географических сведениях, дошедших до нас от древних. В свою очередь, нелепо без знания географии прошлого писать историю.

Географический аспект все же зазвучал в истории, но привнесли его сами географы. Можно говорить, что уже достаточно четко оформилась как самостоятельная отрасль науки *историческая география*. Первым и наиболее известным ее представителем является Л.Н.Гумилев, которого, по его собственным словам, историки терпеть не могли. Причина этой неприязни вечна как мир, в котором тьма не уживается со светом. Сам себя Гумилев называл этнологом, очевидно потому, что и среди географов он был «белой вороной». Сути его работ это не меняет, поскольку объект исследования, этнос, он справедливо считал социальным аналогом ландшафта и его порождением.

Историко-географическим является и предлагаемое исследование, хотя география не вынесена в его заголовок. Это объясняется постановкой задачи. Историки работают со временем, категорией абстрактной и не менее условной, чем деньги или другие искусственные понятия мира людей. Географы преимущественно имеют дело с пространством и движением в различных его формах. Казалось бы, что это одно и то же, поскольку по нашим представлениям указанные категории жестко связаны между собой. Однако есть существенная разница в этих двух подходах, которая проявляется в широте восприятия жизни, а следовательно, и в ее понимании. Историкам при работе со временем достаточно астрономической системы его отсчета, основанной на годовом цикле вращения Земли вокруг Солнца и суточном - вокруг своей оси, тогда

¹ История Европы. М. 1988. Т. 1. С. 611.

как географы, помимо того, используют лунный (с ним связан механизм приливов и отливов), биологические (например, вегетационный период), хозяйственные (навигационный период) циклы, радиометрическую и геологическую шкалы времени.

География вышла на понимание периодичности всех процессов нашей жизни и активно занимается исследованием циклов, имеющих космическую природу. Следует отметить, что идея космических циклов, которые назывались «*Великими годами*», имела широкое распространение еще в глубокой древности. Современный всплеск ее популярности является очередным проявлением цикличности в области человеческих знаний о мире. Загадочные *халдеи*, отождествлявшиеся античными авторами с *левкосирийцами* (белосирийцами), происходившими с крайнего севера, которые в союзе с *мидянами* в конце VII в. до Р.Х. разрушили Ассирийскую державу и основали *Новое Вавилонское царство* под властью Навуходоносора (ср. с данными «Влесовой книги», согласно которой наши предки были его подданными), полагали, что когда имеет место конъюнкция всех планет по прямой линии («парад планет», который мы недавно наблюдали) в зодиакальном созвездии Рака, вся Вселенная уничтожается огнем, но лишь для того, чтобы возродиться снова, а когда то же самое происходит в созвездии Козерога - водой. У греков представление о периодически повторяющемся уничтожении земли водой было более распространено, нежели огнем. И у них теория «Великих годов» основывалась на том, что в отдаленном будущем в определенное время Солнце, планеты и звезды будут занимать точно такое же положение относительно друг друга, в каком они находятся в настоящее время. Точно также в ходе бесконечных циклов они уже повторялись бесконечное число раз через одинаковые промежутки в прошлом. От этих циклов зависит наступление периодов засухи и жары («большое лето») или холода и влажности («большая зима»). Продолжительность «Великого года» разные авторы определяли неодинаково: на основании формулы, приведенной Платоном, позже было рассчитано, что он полагал ее в 760 000 земных лет; Птолемей рассчитал на основе открытой Гиппархом из *Никеи* прецессии равноденствия, что период вращения звезд вокруг полюса эклиптики составляет 36 000 лет; Ма-кробий полагал его продолжительность в 15 000 лет, а Цицерон - в 12954 года. Известен был грекам сравнительно небольшой цикл, составлявший всего 19 лет, вполне сопоставимый с современным солнечным циклом, который равняется 21-22 гг., т.к. он связывался с Аполлоном. Некоторое расхождение в продолжительности вполне объяснимо: по логике вещей скорость вращения Земли в условиях наличия большего количества свободной воды должна быть меньшей.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно с одинаковой силой поочередно крутануть сырое и вареное яйцо.

История по своей природе не предназначена для исследования жизни в столь широком диапазоне. Она лишь фиксирует отдельные явления жизни социума, давая затем ту или иную интерпретацию процессов, происходивших в ней, в соответствии с запросами общества, причем, как подсказывает логика и свидетельствует практика, вариаций толкования одних и тех же фактов может быть сколь угодно много. Обратим внимание на то, что, по представлениям древних, история стоит в одном ряду с танцем, музыкой, театром и поэзией, принадлежа к той сфере человеческих творений, которая неспроста именуется искусством. Ей покровительствует одна из девяти муз по имени Клио. Именно в этом, искусственно созданном человеком мире, истина относительна и многообразна. Астрономию, которой покровительствует Урания, древние также не считали наукой, что явствует из самого ее имени. Не претендуя на возможность познания основ мироздания путем наблюдения за звездным небом из одной точки, что выгодно отличает древних от нас, они просто населили ночное небо персонажами из мифов, превратив его в своеобразную и грандиозную сценическую площадку.

Очень важно видеть и понимать разницу между миром человеческим и божьим миром, как понимали ее древние. Науки они считали связующим звеном между двумя мирами. Таковым же являлся миф. «Отец географии» Страбон, который весьма скептически настроен как к «отцу истории» Геродоту и другим представителям этой науки, так и к мифу, что не вполне справедливо, особенно в отношении последнего, определяет предмет и задачи нашей науки следующим образом: «Я считаю, что география, которой я теперь решил заниматься, так же как и всякая другая наука, входит в круг занятий философа. Что этот наш взгляд правилен, ясно по многим основаниям. Ведь те, кто впервые взяли на себя смелость заняться ею, были, как утверждает Эратосфен, в некотором смысле философами: Гомер, Анаксимандр из *Милета* и Гекатей, его соотечественник; затем Демокрит, Евдокс, Дикеарх, Эфор и некоторые другие их современники. Философами были и их преемники: Эратосфен, Полибий и Посидоний. С другой стороны, большая ученость одна только и дает возможность заниматься географией: она свойственна исключительно человеку, одинаково способному к рассмотрению вещей, как божественных, так и человеческих, знание которых, как они утверждают, является философией. Польза от географии многообразна: она применима не только для деятельности государственных людей или властителей, но и для науки о небесных явлениях, о явлениях на земле и на море, о животных, растениях, плодах и о всем прочем, что можно встретить в разных странах. Полезность географии предполагает в

географе так-же философа - человека. который посвятил себя изучению искусства жить, т.е. счастья».¹

Нет нужды доказывать, чем теснее человек взаимодействует с природой, тем менее многозначной в его сознании становится истина. Тому, кто хотя бы раз в жизни перед лицом природы, будь то в лесу, в степи или в горах, ощутил дыхание вечности, будет мало зарегулированных садов и парков. Лишь наедине с дикой природой для любого человека наступает «момент истины», когда она обретает абсолютную форму, выражаемую во всех языках понятием «бог». Не случайно наши предки храмами почитали чащи и дубравы, а также горные вершины. В дикие леса, горы или пустыни, где отсутствовало население, что и означал термин «пустыня», для общения с Богом уходили христианские отшельники или пустынники. Далеко не каждому и тогда была доступна эта радость: пустыня принимает лишь избранных, причем страж ее сидит в самом человеке в виде суеверного страха перед ней. Сегодня подобные одиночки - исключительная редкость.

Природные изменения, свидетелями которых мы сегодня являемся, бесспорно окажут судьбоносное воздействие на человечество. Общеизвестен тот факт, что животные предчувствуют приближение всякого рода природных катаклизмов, что выражается в изменении их поведения иногда задолго до проявления катастрофы. Кто-то напрасно полагает, что человек лишен этой способности. Она присуща ему даже в большей степени, нежели другим живым существам. Очень часто в обыденной жизни люди руководствуются предчувствиями, на основании опыта вполне доверяя им. Сегодня в средствах массовой информации нередко можно услышать или прочесть, что видные деятели культуры живут в ощущении того, что мир движется к катастрофе. В массовом сознании те же самые предчувствия выражаются в ожидании грядущего конца света. Обычно его связывают с началом нового тысячелетия, хотя уже не один раз за последние годы наиболее «нетерпеливые» объявляли сроки, которые не осуществились.

Поскольку человек является созданием общественным, то все эти негативные предчувствия не только сказываются на состоянии общества, но, что еще страшнее, усиливаются в нем, приобретая формы массового психоза. Варианты его проявления самые разные. Вещи, не просто безбидные, но совершенно необходимые человеку, когда к ним приложим эпитет «массовый», перестают быть самими собой и обращаются в свою противоположность: культура и массовая культура, образование и всеобщее образование, спорт и «индустрия рекордов» с ее днягами, «тифози», стимуляторами, информация и массовая

¹ Страбон. Указ. соч. С. 7

информация. Перечень этот можно продолжить до бесконечности, поскольку всеобщая шизофренизация человечества, нарастающая с конца прошлого века, затронула все сферы социальной жизни.

В социуме эта болезнь выражается как в острой, так и вялотекущей формах. К последним относятся проявления маниакальной настроенности толпы на одну из граней материальной жизни или на их сочетание, если позволяют средства. В том, что медведь по осени интенсивно накапливает запас жировой ткани, а депутат любого уровня после своего избрания начинает стремительно полнеть, проявляется универсальный закон природы: всякий живой организм (или их система) стремится к максимальному накоплению биомассы, ибо она придает устойчивость. Его действие постоянно, но особенно усиливается в периоды ожидания «черного дня». Можно предполагать, что явления гигантизма в рамках одного вида, которые отмечаются в растительном и животном мире (включая человека), связаны с природной нестабильностью ареалов, к которым они приурочены. В этом плане интересно, что славянские, германские и арабские легенды о народе великанов локализуют их на севере Европы. Отметим также, что действие этого закона сегодня активно изучается в географии, как на уровне растительных сообществ разного ранга, так и в масштабе биогеоценозов, где он проявляется очень ярко.

Функциональное назначение жилища и одежды состоит в сохранении той самой биомассы как в стационарном, так и в подвижном режимах жизни. Естественно полагать, что периоды «тревожного ожидания» сопровождаются ажиотажным спросом на них. Но в общественном сознании эта голая суть прикрыта понятиями «мода», «образ жизни» или чем-то еще. Сложнее до нее добраться, рассматривая вопрос о жилище, т.к. в отдельные периоды бум жилищного строительства сопряжен с другими причинами. Так, в советский период основой появления самых разнообразных строений на садовых участках было стремление горожан к самообеспечению овощами и фруктами. Совсем иное мы имеем в последние десять лет. Если во всем мире строительный бум связан, прежде всего, с оживлением экономики, то у нас он проявляется на фоне обвального ее падения. Верно то, что он сопряжен с появлением прослойки нуворишей, но сомнительно, что отражает при этом их стремление к выгодному вложению денег в недвижимость: сам облик сооружений, зачастую недостроенных, напоминающий о крепостях и замках, красноречиво свидетельствует об их природе.

Проще обстоит дело с одеждой: если отбросить то, что называется емким словом «мода», то остается в чистом виде наше сумасшествие с целым ворохом неиспользуемого барахла. Оно, как и положено, в полной мере эксплуатируется определенными социальными группами.

Гипнотизируя публику, идеологи моды оперируют такими понятиями, как «гармония», «самовыражение», «престиж». При этом, в ходе все более частых и массовых «линек» человечества, непостижимым образом все менее достижимыми становятся красота и индивидуальность. Хотя русская поговорка «встречают по одежке - провожают по уму» еще не совсем утратила свою актуальность, процесс зашел настолько далеко, что, если бы каким-то чудесным образом человек избавился от гипнотического воздействия моды, то рухнул бы не только мощнейший сектор экономики со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями, но и один из самых массовых элементов современной культуры, что для весьма многих стало бы тяжелейшей душевной драмой, вплоть до полной утраты смысла жизни.

Чрезвычайная привязанность к транспортным средствам, особенно мужской половины человечества, также, по-видимому, имеет глубинные корни. Возможность оперативного реагирования на изменение условий жизни путем изменения места обитания предусмотрена природой для любого организма или сообщества. Даже такой, казалось бы вросший в землю организм как растение, при помощи птиц, зверей, воды и ветра может быть перенесен на значительное расстояние. Правда, речь идет о потомстве конкретного организма, при этом перемещение растительного сообщества в достаточно ограниченном пространстве растягивается на несколько поколений. Но кто сказал, что жизнь индивидуума уместается в рамки одного поколения? Подобная позиция, столь характерная для нашего времени, противна самой жизни и является прямым путем к ее противоположности. Как бы тяжел не был недуг, поразивший ныне человечество, но пока, пусть даже часть его осознает на инстинктивном уровне, что наши дети есть продолжение нас, оно будет жить, хотя бы в угнетенных формах. Этот инстинкт - данный нам Богом «страховой полис».

С другой стороны, мы являемся продолжением наших предков. К слову сказать, тысячелетие вмещает в себя не так уж много поколений - всего лишь около 40. Любой человек в процессе жизни имеет шанс непосредственного соприкосновения с 6-8 поколениями своих родичей, как предков, так и потомков, а по рассказам старших он может быть знаком еще с двумя поколениями предков достаточно хорошо. Именно так и бывает в здоровом обществе, а мы потому и не здоровы, что утратили интерес и уважение к собственным предкам. На этой основе формируется историческое беспамятство, отсутствие уважения к себе, безразличие к потомкам и множество других пороков.

В историческом плане человеческая жизнь предстает растянутым на множество поколений процессом, являясь в большей степени категорией общественной, нежели индивидуальной. Это полезно было бы знать

историкам, которые при каждом случае склонны примитивизировать жизнь и сознание прошлых поколений. Следует уяснить, что мировоззрение предков было не примитивным – оно было другим. Как бы то ни было, мы, их потомки, имеем возможность сегодня кичиться своим «научным мировоззрением», а является ли оно достаточной гарантией дальнейшего продолжения жизни – это еще вопрос.

Человек значительно мобильнее растений, однако и его уникальная способность к жизни в разнообразных природных условиях все-таки имеет ограничения. Как известно, принадлежа к одному виду, человечество делится на 3-5 (зависит от вкуса исследователя) подвидов, называемых большими расами. Каждая из них к эпохе Великих географических открытий, после которой произошли некоторые изменения в общей картине расселения, занимала свой определенный ареал: европеоиды – Европу, Западную Азию и Северную Африку; монголоиды – Азию, австралоиды – Австралию; негроиды – Африку; американоиды – Америку. Согласно этой классификации, основанной на различиях кожи, волос и носа, большая раса делится на ряд малых, составляющих расовые группы. При всей условности ее (предполагается наличие больших переходных групп, да и сами расы не являются абсолютно однородными) объективность выделения расовых групп и больших рас очевидна: слишком велики различия между негроидами и европеоидами или между северными европеоидами и южными, чтобы их не замечать.

Сомнения появляются при более дробном делении, когда, например, северных европеоидов членят на две малые расы: атланти-балтийскую и беломорско-балтийскую. При этом считают, что первая является наиболее чистой в северной ветви европеоидов. Чистой от чего? Оказывается от монголоидной примеси. Это совершенно справедливо, что при перемещении с запада на восток присутствие монголоидных признаков нарастает. Но не менее справедливо и то, что при перемещении с севера на юг нарастают экваториальные признаки. Поскольку районы, занятые представителями атланти-балтийской малой расы, расположены значительно южнее ареала беломорско-балтийской расы и существенно ближе к южным европеоидам, у которых антропологи давно отмечают явные признаки негроидной расы, естественно, что в них они представлены шире. В последнее время древнюю африканскую примесь фиксируют даже на Британских островах. Таким образом, обе ветви северных европеоидов «подпачканы» одинаково, хотя и разными примесями.

Картина сегодняшнего дня такова, что можно говорить об извечном порядке вещей: в странах Западной Европы, где проживают представители атланти-балтийской расы, особенно в Англии, Голландии и Швеции, большую долю составляют выходцы из Африки; в районах

расселения беломорско-балтийской расы инородцы по-прежнему представлены монголоидами, которые исторически ближе и роднее нам, нежели западноевропейцам.

Все сказанное как будто бы отражает объективность выделения наших рас, но существуют моменты, которые не вписываются в предлагаемую классификацию и их надо учитывать. Так, в Северной Европе представлено автохтонное население, несущее в себе признаки монголоидности - лапландцы (лопари) , или саамы. Явные проявления лапоидности свойственны шведам и норвежцам в той же степени, что и населению Финляндии, Карелии и Архангельской области, что сближает их в расовом отношении. Именно эти районы, расположенные в стороне от международных коммуникаций, могут считаться эталонными в отношении признаков северо-европеоидной расы.

Данные дерматоглифики, антропологической дисциплины, изучающей кожные рельефы кистей рук, свидетельствуют об этом. Результаты соматологического и дерматологического обследований популяций полностью совпадают, но при этом там, где первые восточной примеси не обнаруживают, чуткая реакция кожного рельефа ее отмечает - свидетельство большего консерватизма дерматологических признаков. Если мы рассмотрим основные показатели, принятые в этой дисциплине, демонстрирующие четкую реакцию кожных рисунков, то достаточно ясно проявляется район типично северо-европеоидных популяций. Так, лимит евразийской шкалы дельтового индекса (минимум числа дельт на пальцах - признак европеоидности) отмечен в мужской популяции Ристины (Финляндская Карелия, Ю. Саво), для женщин - у вепок Озер (Ленинградская область); индекс Камминса (максимальные значения - признак европеоидности) зафиксирован для мужчин в Асколе (ляни Уусимаа), для женщин - коми-зырянки Ловозера (Кольский п-ов, переселенцы из Архангельской области); наименьшая узорность на гипотенаре для мужчин - Киурувеси (Финляндская Карелия, С. Саво), для женщин - с. Шелтозеро (вепский район Карелии); бездельтовый узор (максимальное число дуговых узоров - показатель европеоидности) наиболее ярко проявляется у русских Колежмы (Поморский берег Карелии) и саамов Ловозера (они считаются продуктом глубокой метизации с европеоидами и занимают среди лапарей особое место), для женщин - вепки Озер. Все рассмотренные показатели явно тяготеют к одному району, который в связи с последним из них Г.Л.Хитъ очерчивает так: «Повышенная концентрация дуговых узоров характерна для коми, финнов, карел, русских северных областей».

Немногочисленные исключения, которые фиксируются в проявлении некоторых крайних европеоидных показателей, ничуть не портят нарисованную картину, поскольку своими корнями уходят на тот же север и имеют историческое объяснение. Так, суммарное количество петель, радиальных и ульнарных, достигает максимума у литовских караймов и западных эстонок. Двудельтовый узор представлен в минимуме также у караймов и вепок Озер. Караймы, переселенные в конце XIV в. в район Тракая, резиденции Великих князей Литовских, являются потомками/ часто упоминаемых античными авторами аланов (тавро-аланов, иногда тавро-русов), которые известны в Крыму со II в. В хазарское время они были иудаизированы,

однако исповедывали одно из древних направлений иудаизма неталмудического толка. Как мы убедились, они своими корнями уходят в рассматриваемый нами район. Крайние европеоидные варианты расположения осевых ладонных трирадиусов представлены в мужских группах у русских Рыльска (западный район Курской области), в женских - у ляпинских коми-зырянок (Березовский район Тюменской области, потомки переселенцев с Ижмы в XIX в.). Представители рыльской популяции являются потомками летописных северян, которых византийские источники ранее называли савирами. Корни их, как будет показано, также находятся в нашем районе.

К сожалению, мы не имеем возможности дольше останавливаться на дерматоглифике и географических закономерностях проявления ее показателей, которые очень интересны. В заключение отметим, что, судя по всему, кожные рельефы женской половины человечества более консервативны, нежели мужские. Это видно даже из приведенного выше беглого обзора: в окраинных районах ареала северных европеоидов крайние значения показателей демонстрируют женские популяции (вепки, эстонки, коми-зырянки), что согласуется с выводами ряда авторов трудов по дерматоглифике о большей гомогенности женщин практически на уровне всех таксонов (исключением у европеоидов являются внутриэтнические территориальные группы). На уровне крупных регионов, в каждом из которых представлено несколько локальных рас, состоящих из множества этносов, эта закономерность нарушена лишь в Средней Азии, а также, возможно, в других районах с преобладанием ислама, куда в VIII-XII вв. шел большой поток невольниц, продаваемых не только из сопредельных, но и весьма отдаленных регионов. Женщины в целом менее склонны к перемещениям.

В последние годы выдвигаются гипотезы о существовании более крупных подразделений человечества, нежели большие расы, - двух расовых стволов: западного, или атланта-средиземноморского, и восточного, или тихоокеанского. В состав первого входят европеоиды и негроиды, второго - монголоиды и австралоиды. Подобная классификация, на наш взгляд, более удобна, поскольку в ней наглядно предстают те изменения расовых признаков, о которых говорилось выше: с севера на юг убывают нордические и нарастают экваториальные, а с запада на восток - уменьшаются европеоидные и увеличиваются монголоидные.

Как бы то ни было, любой человек, принадлежа некоей территориальной группе, являясь представителем конкретного этноса или локальной расы, обладает генетической настроенностью на определенную совокупность природных условий. Любая перемена места обитания связана с тем или иным изменением условий жизни: другой температурный режим, иной химизм почв и вод, отличный от прежнего состав микрофлоры и т.д. Все это не может не оказывать влияния на состояние организма человека. Даже в пределах одной природной зоны может обнаружиться фактор, к которому совершенно не приспособлен

генетический аппарат мигранта (возбудитель энцефалита, малярии и пр.). Количество их возрастает при выходе за пределы родной зоны. Механизм воздействия их на человека сложен, индивидуален и практически не изучен. Можно полагать, что он зависит от объема генетической информации, накопленной предыдущими поколениями.

Насколько бы невероятным это не показалось кому-то, но мы утверждаем, что древним были достаточно хорошо известны законы генетической наследственности. Достаточно прочесть приведенные в работе отрывки из Гиппократов, чтобы убедиться в этом. Более того, эти знания отчетливо проявляются даже на уровне массового сознания. Многочисленные античные источники свидетельствуют о том, насколько большое значение в Скифии придавалось наследственности и связанной с ней породе. Древние отчетливо осознавали необходимость при поселении в чужой стране вливания местной крови в свое потомство для придания ему большей жизнестойкости. Известны им были также последствия такого смешения, связанные с изменением фенотипа. Это знание отражено в поговорке-закоме: «Земля всегда побеждает».

С проявлением этого закона нам часто придется сталкиваться в предлагаемой работе, когда из античных и других источников совершенно ясно прорисовывается теснейшая связь между народами, жившими от Северного Ледовитого до Индийского океана, которые тысячелетиями взаимодействовали на этническом, культурном и политическом уровнях, то образуя огромные системы, то распадаясь на части, тогда как в общественном сознании прочно утвердился взгляд о совершенной чужеродности северной и южной, а также западной и восточной частей некогда единого мира. Это результат исторического развития последних 1-1,5 тыс. лет, когда ослабление связей привело как к расхождению культур, так и к нарастанию антропоморфных различий. Последнее явилось основой популярного на сегодня лихого деления в нашей стране людей на «лиц кавказской национальности» и остальных, надо полагать, «лиц славянской национальности», «лиц среднеазиатской национальности» и др. Между тем хроники, относящиеся ко времени появления арабов в современном Дагестане, называют *аваров*, предков нынешних аварцев, которые жили здесь совместно с хазарами и евреями, «чисто русами». Прокопий Кессарийский, автор VI в., описывая *эфталитов*, или *белых гуннов*, которые являются предками нынешних туркмен, говорит об их светлокжести на фоне окружающих гуннских народов, с которыми они не смешиваются. И сегодня, как свидетельствуют исследования антропологов, туркмены среди окрестных народов выделяются проявлением европеоидных признаков. До сих пор, особенно среди хорезмских туркмен, ярко выражено чувство своей национальной обособленности по отношению к живущим здесь же каракалпакам,

узбекам, таджикам. В описании нравов *эфталитов* Прокопий упоминает об обычаях погребения дружинников вместе с погибшим или умершим вождем, который, кроме этого случая, фиксируется лишь арабскими данными, относящимися к северной *руси*.

Страны и народы между упомянутыми океанами, согласно древним источникам, неоднократно бывали объединены под одной властью. Первое, достоверно датированное событие, восходит к XXIV в. до Р.Х. Власть аккадского царя *Саргона*, которого эллины называли *Гераклом*, простиралась до пролива, соединявшего *Меотиду* с *Северным океаном*, который с тех пор получил название *Геркулесовых Столпов*. Сюда же распространил свою власть в XIX в. до Р.Х. египетский царь *Сесострис* («сын Ра»), которого некоторые из современных исследователей путают с *Рамзесом II* (XIV в. до Р.Х.). Знаменитейший царь древности *Нин Ассирийский* (конец XIII в. до Р.Х.), потомок *Геракла*, также владел Восточной Европой. Не менее известный *авиловский*, или *халдейский*, царь *Навуходоносор* (VII-VI вв. до Р.Х.), согласно античным источникам, также властвовал над районами севернее *Понта*, что вполне согласуется с данными «Влесовой книги». С другой стороны, большая часть восточных династий, как упомянутых, так и *мидийских* и *персидских*, происходила с севера, а войска северян играли, как правило, самую активную роль в смене правящих династий на Востоке. Это обстоятельство получило отражение в известной библейской легенде о предназначении потомков праотца *Ноя*, среди которых *Иафет*, родоначальник северян, наделяется функцией власти над прочими.

Следует отметить, что на фоне всеобщего исторического беспомощства, которое чревато столь многими бедами для нашей страны сегодня, проявляющимися в форме непримиримого национализма, целый ряд народов все-таки демонстрирует некоторые проблески памяти о былом единстве. Так, в обыденном сознании ассирийцев, армян, грузин и осетин до сих пор живо представление о том, что их предки в древности были светловолосыми и светлоглазыми.

Говоря о перемещениях людей в пространстве, необходимо, хотя бы в двух словах, остановиться на принципах организации общества в древности. В отличие от современности, когда мир представляет собой мозаику из государств, преимущественно национальных по своей природе, границы между которыми лишь в последние десятилетия становятся относительно прозрачными для перемещений в рамках региональных союзов, варварское общество составляло практически единый мир, который территориально делился на округа, во главе которых стояли если не владельцы, то старейшины. В зависимости от местности они назывались «канта» («канда»), «конто» («кондо»), «кунта», «хунта» и т.д.

В глубочайшей древности население такого округа составляло единый род, если судить по дошедшим до нас лингвистическим данным (ф. *kantaisä*, где *isä*

«отец» означает «родоначальник»; лат. **conditor** «основатель», «родоначальник»). Позже оно составляло общину или даже племя (ф. **kunta** «община», **kansa** «народ»; н. **ganz** «весь», «целый», **Ganze** «целое», «совокупность»; лат. **contio** «собрание», **cuncti** «все вместе», «в совокупности», **cuntus** «весь», «в полном составе», **condo** «заселять», «колонизировать». В современном финском **kansa** означает такое «нация», а **ristikansa** «христианин», «христианский народ».

Рассматриваемая основа во многих языках содержит в себе значение «ограниченная территория» (ф. **kantti** «край», «ребро», «сторона»; н. **kante** «ребро», «кант», «край», «кайма»; исп. **contorno** не только «очертание», «контур», но и «окрестность»; фр. **cote** «сторона», «бок»). Она сохранилась в названии земель, на которые делится Швейцария - кантон, а в английском **country** и «страна», и «деревня». Таким образом, варварские территориальные единицы представляли собой аналог римских пагов (**pagus** «сельская община», «деревня», «сельское население», «область», «район», «округ») Именно *пагами* называют Юлий Цезарь и Тацит территориальные объединения германцев, причем величина их была такой, что каждый из них мог выставить тысячу воинов для какого-либо военного предприятия, оставляя столько же бойцов дома.

Интересно, что основа, содержащаяся в римском слове, обозначавшем сельскую местность - территориально-административную единицу, широко использовалась в древности в северо-западной России. Известный на Руси административно-территориальный термин «погост» вряд ли имеет что-то общее со словом «гость», которое, помимо современного значения, относилось также к приезжим вообще и к купцам. Скорее всего, он несет в себе ту же основу, что и римский термин, который, кроме приведенных значений, имел еще один смысл - «язычник». Но и в летописях язычники и иноверцы обозначаются термином «поганый». Совершенно очевидно, что в русском языке основу этого слова отыскать сложно, но зато она легко находится в финских языках: **paha** «плохо?», «дурной», «злой»; **pahe** «порок», **pahus** «черт». «дьявол»; **pakana** «язычник», «безбожник», **pakanus** «язычество»; кар. **payane** «черт», «дьявол», «язычник». Вопреки мнению некоторых лингвистов, очень многие слова в русский пришли из финских языков. К ним, вероятно, относится термин «погост», который также представлен в карельском языке, причем, это не заимствование из русского, поскольку задолго до присоединения Карелии к Новгородской земле она делилась на пять погостов.

Рассматриваемая основа содержится также в кар. **pagin**, которое изначально означало «местный говор». «наречие», «диалект», а сегодня просто «разговор», «речь»; ф. **pakina** «разговор», «беседа», **pakista** «разговаривать», «говорить». В связи с этим, интересно отметить, что подобный же понятийный ряд в некоторых современных языках образует основа «конт»: фр. **conte** «сказка», **conter** «рассказывать», исп. **contar** «рассказывать», но и «считать»; н. **Konto** «счет», откуда происходит рус. «контора»: ф. **kanta** «численность», «поголовье», а также «основание», «каблук», «корень».

Обе основы представлены в обширном регионе, где в разных языках образуют удивительно сходные понятийные ряды. Как можно видеть, в Риме паг являлся не только территориальной единицей, но и служил для обозначения сельского населения. То же самое демонстрирует и другая основа, образуя понятия, связанные с землей и с сельским хозяйством. Помимо приведенных форм, отметим ф. **kenttä** «поле», «площадь», «площадка»; **kontu** «дом», «двор», «хозяйство», «земля»; **kyntää** «пахать». В латыни сохранилось **candetum**, означающее кельтскую меру

земельной площади, равную 100-150 футам; римское божество земли и земледелия звали Конс (**Consus**). Она также участвует в создании близкого ряда значений «связанный с землей», «корень», «основа»: ф. **kanta** «коренной», «основной», **kanto** «пень», «пятка», **kontata** «ползать». Сюда же относится рус. «кондовый».

В связи с тем, что в руках общины (далее будем называть ее *кунтой*, поскольку в финском языке сохранилась эта форма) было судопроизводство, до нас дошел ряд понятий, связанных с этой ее функцией. От лат. **condemno** происходят фр. **condamne** и исп. **condena** «осуждать», «приговаривать». В финском подобные понятия происходят от пага: **pakonalainen** «зависимый», **pakko** «необходимость», «принуждение»; **pakote** «мера принуждения», «нажим», «санкция» и др. многочисленные словообразования связанные с исполнением наказания или принуждения. Возможно, что рус. «закон» в своей основе имеет «кон», слово, обозначающее черту или границу и восходящее к наименованию все того же территориального объединения древности. Интересно, что в карельском это заимствованное слово имеет значение «стихотворение», «рассказ». В свое время Аристотель писал: «Почему некоторые песни называются водами, т.е. законами. Не потому ли, что до изобретения письменности пели законы, чтобы не забывать их, как это и теперь еще в обычае у *агафирсов*».¹ Стихи в Карелии традиционно пропевались рунопевцами, поэтому можно предполагать, что указанная их форма также изначально пелась. Сам факт заимствования и бытования славянского названия этой формы свидетельствует о существенной славянизации территориальных общин. На это же указывают древние источники: арабские авторы говорят о том, что среди русов проживало множество славян, которые им служили.

Процесс славянизации русского севера был иным, нежели его представлял нам историки. В ее основе лежит природа *кунты* с ее вековыми традициями. В социальном плане ее основу составляли свободные общинники. Вместе с тем, существенной ее прослойкой являлись рабы и вольноотпущенники. Рабы были частью военной добычи, которую привозили домой те общинники, для которых война была своеобразным отхожим промыслом. Если община располагалась в удалении от крупных торговых магистралей, то этот промысел был важным для подавляющего большинства ее членов, а если на них - главным вместе с торговлей, с которой он составлял неразрывную связку. Поэтому любая *кунта* имела множество людей, война для которых была профессией, а время от времени в походах участвовала большая часть мужского населения.

Положение рабов у варваров, согласно античным данным, существенно отличалось от их статуса в Риме: оно было срочным и схожим с положением колона. Раб самостоятельно хозяйствовал на своем участке и распоряжался в собственной семье. Он был членом рода своего хозяина и оставался им, даже став вольноотпущенником, входя в число челяди. Получив вольную, вчерашний раб не сильно повышал свой социальный статус и никогда не становился равным свободнорожденному общиннику. Единственным шансом изменить свою судьбу была война. К ней могли привлекаться не только вольноотпущенники, но и рабы, которых использовали в качестве вспомогательной силы. Лишь проявив себя в бою, они становились полноправными воинами и получали право носить оружие.

Свидетельством того, что эта прослойка людей в *кунте* была достаточно многочисленной, служат языковые данные. Занятие земледелием в общине счи-

¹ Сборник Латышева. С. 381-382.

тапось, как свидетельствуют источники, делом неблагородным, поэтому являлось уделом рабов и вольноотпущенников, что нашло отражение в языке: **φ konnamainen** «низкий», «подлый», **konnuus** «подлость», **kujino** «морда», **kujna** «отбросы», «подонки», **köntys** «неуклюжий человек», «увальень».

Таким образом, *кунта* представляла собой неоднородную в этническом плане структуру. Обмен людьми между *кунтами*, принадлежащими к разноэтническим массивам, происходил постоянно. Так, арабские источники, описывая ситуацию в Восточной Европе до ухода *мадьяр* на Дунай, говорят, с одной стороны, о том, что они беспокоили славян частыми набегами, главной целью которых был захват пленных, а с другой стороны, свидетельствуют о том, что в общинах, как тех, так и других, пребывало множество пленных, вследствие постоянных стычек. В карельской эпической поэзии встречаются упоминания о возвращении находившихся в рабстве в стране *Виро*, под которой можно понимать южные славянские земли. Но далеко не все возвращались в родные общины, оседая в тех *кунтах*, куда их забросила судьба.

Кунта обеспечивала защиту даже самых обездоленных ее членов. Владелец распоряжался жизнью и смертью раба, но в то же время любое посягательство на него со стороны посторонних преследовалось по закону, гарантом исполнения которого был клан, к которому он принадлежал. В центре *кунты* располагалась крепость, служившая убежищем для членов в минуты опасности. Здесь же находился центр религиозной жизни и место погребения членов общины. *Кунта* в глазах ее членов была олицетворением стабильности и надежности в изменчивом и хрупком мире. Все это отразилось в языке. В латыни **condo**, помимо значений «заселять», «колонизировать» и «основывать», означает также «прятать»; **conditorum** «хранилище», «гроб», «могила»; **φ. kiintys** «оседлость», **kiinteä** «стационарный», «оседлый», «постоянный»; **kontj** «нора», «берлога». То же самое выражают слова с основой «паг/пак», многие из которых широко используются в современной жизни: паковый (неподвижный) лед, всевозможные пакеты и упаковки, покой и покойник и т.д. Особенно широко представлена она в финских языках: **pakoilia** «прятаться», «скрываться», **pakolainen** «беглец», «беженец», «эмигрант», **pakopaika** «убежище», «приют», **pako** «бегство», «побег». Сюда же можно поместить рус. «погост», в древности обозначавшее территориальную единицу, позже центр волости, а ныне лишь кладбище.

Сегодня достаточно сложно понять причину существования двух основ, образующих сходный набор понятийных рядов. Интересно, что обе основы в ряде языков обратились в приставки со значениями «все», «вместе», «соединять» (в латыни **con-**, в греческом **παλ-**), что сближает их с понятиями «мир», «вселенная» и «мир», «общество», а также «мир», «покой». В латыни эти понятия выражаются формой **pax, pacis**. С нею, вследствие звуковой и смысловой близости, часто смешивают греческую форму **παλ** со значением «довольно!», «будет!», «все!». Любопытно также то, что эта основа в греческом представлена в **παχὺς** «толстый», «густой», **παχός** «толщина»; **παχὺν** «иней», **παχύνω** «замораживать», а в финском в **paksu** «толстый», «густой» и **pakka, pakkanen** «мороз». Таким образом, в ее употреблении на севере Европы можно видеть следы древнего греческого влияния, что и подтверждают прямые параллели между финским и греческим, приведенные здесь. Присутствие данной основы в латыни также является проявлением греческого влияния.

С другой стороны, тот факт, что вторая основа не представлена в греческом, свидетельствует о том, что она создана в ином мире, с которым римский мир имел

более тесные связи. Для нас не столь важно, относятся ли они к временам Трои, беженцами из которой основан Рим, или они восходят к *этрускам*, в земли которых они прибыли, поскольку, как показывает история, люди в тяжкую годину, как правило бегут к своим. В древних источниках имеются свидетельства, как связей северных народов с Трой (о них будет сказано ниже), так и с Римом. К последним, например, относится сообщение Нестора о принадлежности римлян к потомству Иафета. Оно восходит к древним легендам народов Восточной Европы, упоминания о которых можно встретить и в римской литературе. Так, Марцеллин говорит, что с древних времен *бургунды* верят в свое римское происхождение.¹ «Цивилизованные» римляне эту легенду воспринимали, в лучшем случае, как попытку «дикарей» приобщения к римской славе, поэтому исказили ее, тогда как бургундское предание, скорее всего, говорило о восточноевропейских корнях самих римлян.

Скифский мир дал практически всю феодальную европейскую титуляцию. От владельца кунты происходят западноевропейские титулы *граф* (*conte*) и *виконт*. Они вошли в обиход с V в., когда *готы*, *вандалы*, *свавы*, *аланы* и *бургунды* овладели Италией, Галлией и Иберией (Испанией). Уже одно это обстоятельство свидетельствует о восточных корнях названных народов. У германцев, издавна живших в сопредельных с Римской империей районах, этот титул обрел романализованную форму *graf*, которая в петровскую эпоху пришла в Россию. Этот корень мы находим в лат. *graphice* «рисование», «черчение», *grapis* «грифель», которые восходят к понятиям «очерчивать», «ограничивать». Он является аналогом другой латинской основы *marg*, которая содержится в словах *marginio* «обводить по краям», «обрамлять», «окаймлять»; *margo* «край», «межа», «граница». Как можно видеть, этот корень соответствует герм. *kante*, исп. и фр *contó*. На германской почве он стал *маркой*, обозначая территориальную единицу, соответствующую *кунте*, затем — денежной единицей и, наконец, ярлыком, свидетельствующим об уплате почтовой подати. Обе дублирующие друг друга основы причудливо объединились в германском титуле *маркаграф*, за которым стоит все тот же владелец *кунты*.

Интересно происхождение западноевропейского титула *барон*. Хотя он не связан с именем *кунты*, но имеет к ней непосредственное отношение. Он происходит от названия тех самых членов общины, которые войну превратили в образ жизни. Они составляли дружину походного вождя, происходившего ли из владетельного рода, или выдвинувшегося за собственные боевые заслуги (аналог известных позже *конунга викингов* или *кошевого атамана* у казаков). Византийские источники приводят его в нескольких вариантах: Зосим (конец V в.) называет их *всрзанами*, позже при византийском дворе, составляя гвардию императора, они известны как *воранги*, в русских летописях их называют *варяги* (ср. с ф. *varas* «вор», «разбойник»), а затем *варяги* (в Скандинавии и Западной Европе их коллеги известны под именем *викингов*). С крушением Западной Римской империи, когда начался процесс оседания варварских наемных и разбойничьих отрядов на завоеванных землях, именно эти *вораны* трансформировались в *баронов*, мелких феодалов, служивших своему *графу*. На Руси *барону* соответствовал *боярин*, который позже превратился в *барина*, хотя, вследствие больших масштабов, социальный вес его был значительнее.

Красочное описание образа жизни этой симпатичной братии, которая была существенной обузой для родной *кунты* в период мирного безделья, оставил Тацит в

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб. 1994. С.427.

«Германии». Поэтому в районах, откуда происходили будущие *бароны*, их имя имело негативный оттенок. Из него происходит рус. *вор*, первоначально обозначавшее разбойника. В финских языках с этим именем связан целый куст понятий, относящихся к военному снаряжению (оружие, доспехи, амуниция), к всинской службе (караул, охрана, дозор, часовой, гарнизон, смена, вахта и т.д.), к военной иерархии (вице-, заместитель), к качествам дружинника (верный, надежный, уверенный, твердый), к отношениям с подвластным населением (налог, подать, дань), с ним смыкаются понятия, связанные с защитой, но также и со страхом («бояться», «остерегаться»). В то же время в карельской деревне до сих пор сорванцов и сорвиголов называют *voron* или *voronchu*, что является уменьшительным от первого.

Вораны из сообщения Зосима обычно принимают за этнос, исходя из того, что они названы в ряду целого списка известных народов. Описывая несчастное для Рима правление Требониана Галла (251-253 гг.), когда скифы, под которыми автор понимает все восточноевропейские народы, опустошали все римские области от Истра до самого моря, он пишет: «...снова *Готфы* (*готы* - В.П.), *Вораны*, *Уругунды* (*бургунды* - В.П.) и *Карпы* стали опустошать европейские города, подчиняя себе все, что осталось от прежних разгромов»¹. Чуть ниже Зосим сообщает: «Между тем *Вораны*, *Готфы*, *Карпы* и *Уругунды* (племена, живущие по Истру) не оставили неопустошенной ни одной части Италии и Иллириды, всем завладев без всякого сопротивления».

Далее Зосим рассказывает о грандиозном военном предприятии *воранов*, когда с помощью жителей Боспора, которые «скорее из страха, чем из расположения» предоставили свои суда, они напали на *Питиунт* (Пицунда) и *Трапезунт* (Трабзон) и разграбили их, взяв богатейшую добычу. При виде нее соседние скифские народы пришли в возбуждение и подготовили свой поход. Правда, они признали невозможным проведение экспедиции подобной по масштабу и продолжительности той, которую совершили *вораны*, и отправились на судах и по суше вдоль фракийского побережья на Босфор и в Малую Азию. Это предприятие относится уже ко времени правления Валериана (253-259 гг.).

Несомненно, что используемое Зосимом имя служит этнонимом, однако это обстоятельство ни чуть не противоречит сказанному нами выше. В античных источниках далеко не всегда использовались самоназвания народов, даже чаще всего употреблялись прозвища того или иного народа, которые были в ходу в мире, где жил автор. К ним относится и этноним Зосима. Судя по его данным, *вораны* представляли собой мощный народ, который не только не уступал известным всем *готам* или *бургундам* (он фигурирует в начале списка этих этносов), но в некоторых отношениях превосходил их (*готы* не претендовали на масштабы похода *воранов*, военная активность их простиралась от Италии до Кавказа и Малой Азии). Однако этот народ не известен по другим документам, что свидетельствует в пользу того, что Зосим воспользовался малоупотребительным вариантом его наименования. Это весьма характерно для автора, который единственный называет *Истр Танаисом*, проявляя географическое новаторство, основанное на глубоком знании традиции, как мы в этом сможем убедиться. Насколько нам известно, имя *Воран* из дошедших до нас авторов использовал лишь Гораций, который вывел под ним *вора*. Нет оснований полагать, что именно оно стало в римском обществе нарицательным, скорее всего слово *воран* использовалось в латыни в значении «вор», «разбойник», а Зосим и, воз-

¹ Сборник Латышова С. 789

можно, также некоторые другие авторы применяли его для обозначения некоего известного в древности народа.

Определить, что за народ, который одинаково успешно действовал, как на Истре, совершая походы в Италию и Грецию, так и в Крыму, принуждая бывшее *Боспорское царство* оказывать помощь в организации похода на *Трапезунт*, скрывается под этим именем, несложно. Для этого надо лишь вспомнить о *ругах*, сарматском народе на Истре, который, по свидетельству Прокопия, держался обособленно даже от родственных ему готских народов (в то время понятия *готский* и *сарматский* были тождественными), не смешиваясь с ними. Из этого народа происходил Одоакр, другие по общему роду называют его готом. Коренная территория *ругов*, согласно Тациту располагалась на Балтике, причем напротив них жили *свионы* (шведы). С другой стороны, еще во II в. аланы овладели частью Крыма с городами *Ардабда* (Феодосия) и *Сурож* (Судак) и заселили ее, будучи известны здесь грекам и римлянам под именами *скифо-тавров* или *тавро-аланов*, а позже *тавро-русов*. Не следует удивляться взаимозаменяемости имен *русы* и *аланы*, поскольку это единый народ, хотя временами разделявшийся на два крыла (восточное и западное). Оба имени содержат единое понятие («красный»), выраженное двумя формами: *русь* или *руги* более свойственна для западной части, *аланы* - для восточной. Содержание имени *русь* рассмотрено в «Исторической географии летописной Руси», суть же имени *алан* отчетливо просматривается в монгольском *улан*, тюркских *улан*, *елан*, *ылан*, болгарском *ален* «красный». Сюда же примыкает рус. *алый*. Через два века после Зосима приладожская *русь* по-прежнему зовется другим именем со значением «разбойник» - *варязи*.

Владетель *кунты* на финно-язычных территориях именовался *кунингас*, в Скандинавии *конунг*, в Англии этот титул приобрел форму *king*. Разветвление правящего рода сопровождалось расширением применения данного титула, что четко отражается в скандинавских скальдических кеннингах, в которых *конунг* называется не только «правителем земли» или «хранителем народа», но и «завоевателем страны» или «предводителем дружины». У младших отпрысков королевского (царского) рода, не имевших законного права на престол, единственным способом сохранения своего социального статуса был путь в *походные конунги*, на котором они или погибали во славу рода, или приобретали для себя царство на чужбине.

Централизация политической власти в стране сопровождалась расчленением *конунгов* на три иерархических уровня. Владетеля, которому подчинялись владетели-данники в Скандинавии называли *конунгом конунгов*, в Финляндии и Селерной России - *каннас*, в славянских землях - *канас*, *канес*¹, *князь*. В восточных районах древней Скифии это был *хан*, поэтому восточные правители, перешедшие в подданство российского царя, получали право на княжеский титул. Владетели данники звались в Скандинавии также *конунгами* или *ярлами*, в кеннингах они приравнивались к *конунгам*, однако их нельзя называть *державными конунгами*. В финноязычных районах они также назывались *кунингас*, а в России *удельными князьями*. Земли, которыми они управляли, делились на области, во главе которых в Скандинавии были *херсир*ы или *лендрманны*, в Германии - *графы*, а в Англии - *бароны*, хотя области, на которые делится страна, называются *графствами*. Все эти три категории властителей имели свои дружины. Четвертый, самый высокий уровень правителя, представлен лишь в Восточной Европе. Он носил титул *кагана*,

¹ С. Лесной. Откуда ты, Русь? Ростов-на-Дону, 1995. С. 190.

который соответствовал восточному званию «царь царей» или «падишах», а западному «кесарь» или «император». Из источников известны *каганы* руси и авров, хазар, а также тюрки.

Границы всех варварских территориальных объединений были, как правило, прозрачны. Свободное перемещение по всему пространству варварского мира являлось неперменным условием его существования как относительно единого организма и было неписаным законом, который действовал до средних веков, когда на смену единому, но достаточно аморфному варварскому миру пришел новый порядок с централизованными национальными государствами, имеющими строгие границы. Так, еще в X в. *мадьяры* свободно пересекли насквозь всю Восточную Европу, где уже сложилось Древнерусское государство, в своем перемещении на Дунай. Точно так же тысячелетиями из самых отдаленных уголков варварского мира сюда, на границы Римской империи проходили через многочисленные народы вооруженные отряды, имеющие самые разные цели. Понятно, что этот закон действовал лишь в условиях относительного спокойствия и порядка в мире.

Название этого мира просматривается в лексике некоторых современных языков: *f.rauha* «мир», «покой», *rahvas* «народ», *raha* «деньги», *raja* «граница», *rakenne* «строение», «устройство», «строй», «построение», *rehti* «честный», «прямой», «порядочный», *raaka* «сырой», «необработанный», «грубый», «жестокый», «зверский», «варварский»; нем. *rauh* «грубый», «суровый», «сырой», «необработанный», *Rain* «межа», «опушка», *Recht* «право», *Reih* «империя», «государство», *Reihe* «ряд», «строй», «порядок».

В заключение отступления, посвященного природе варварского мира, отметим, что она была динамична и существенно различалась во времени и в пространстве. Например, мир мог быть «мужским», а временами на отдельных территориях существовал как «женский». У подавляющего большинства современных читателей это заявление вызовет лишь недоумение. Между тем греческие легенды об *амазонках* являются отражением именно такого деления. Последним приверженцем и борцом за мир с мужским знаком не только на Руси, но и в Европе был наш прославленный князь Святослав. Он же был ярким врагом внедрявшегося в жизнь христианства, осознавая его роль в коренной ломке старого мира, происходившей в Европе. В современном мире человеческая мысль не работает с названными категориями, поэтому не будем надолго останавливаться на этой теме (досужий читатель вполне может сам поразмыслить над нею), отметим лишь, что мы живем в безнадежно запущенном «женском» мире, пусть никого не смущают выраженные проявления феминизма в обществе - это одна из характерных черт «женского» мира. Наряду с этим его отличает ярко выраженный оседлый образ жизни (земля - женская стихия, а приземленность - женская черта), связанное с этим увеличение роли семьи и частной собственности, ценности материальных вещей, индивидуализма и т.д., то есть всего того, что составляет систему ценностей, господствующих в нашем мире. Расцвет мира женщин сопровождается разложением мужской половины населения, что само по себе губительно для человечества.

Возвращаясь к процессу нарастания глобальной шизофренизации человечества в последнее столетие, отметим, что на фоне рассмот-

ренных вялотекущих процессов за этот период в разных регионах мира, а иногда приобретая глобальный характер, имела место череда ее проявлений в самых острых формах: это мировые, национальные, колониальные и освободительные войны, социальные бунты, зачастую перераставшие в гражданские войны, наркомания, пьянство и т.д., масштабы которых несопоставимы с подобными явлениями в прошлом.

Явление, которое человек обозначает понятием «гибель», как в природе, так и в обществе (еще раз подчеркнем, что это искусственное разделение), есть составная часть процесса перерождения. В условиях, когда для изменения сознания общества, «работающего» на саморазрушение, у самого социума нет воли и энергии, перерождение возможно лишь при вмешательстве очень мощных внешних сил. Имеется в виду не иностранное вмешательство: весь исторический опыт свидетельствует, что в мире нет человеческой силы, способной «переварить» наше «добро» или наше «худо». Северо-западная Россия, которая является стовым хребтом нашей державности, это уникальный исторический заповедник, который на протяжении обозримой истории не был никогда под чужой пятой в традиционном понимании этого. В мире нет другого такого района.

Речь идет о силах, которые атеисты выражают словом «природа», а верующие - «Бог». Природа нашего района крайне нестабильна. Это замечено лишь потому, что за время, в течение которого существует «европейская наука», ситуация здесь была относительно стабильной, а древняя память у нас стерта.

Люди уже в глубокой древности знали о том, что социальное разложение, которое сопровождается нарастанием массового безумия, предшествует глобальным природным катаклизмам. Это знание содержится не только в библейских легендах, но и в языческих преданиях скандинавов. На вопрос Ганглери: «Что можно поведать о Гибели Богов?», *Высокий* в «Младшей Эдде» отвечает: «Много важного можно о том поведать. И вот первое: наступает лютая зима, что зовется *Фимбульветр* («Великанская зима» - В.П.). Снег валит со всех сторон, жестоки морозы, и свирелы ветры, и совсем нет солнца. Три таких зимы идут сряду, без лета. А еще раньше приходят три зимы другие, с великими войнами по всему свету. Братья из корысти убивают друг друга, и нет пощады ни отцу, ни сыну в побоищах и кровосмешении. Так говорится об этом в «Прорицании вельвы»:

Братья начнут
Биться друг с другом,
родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,

великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира

И тогда свершится великое событие: Волк поглотит солнце, и люди почтут это за великую пагубу. Другой же волк похитит месяц, сотворив тем самым не меньшее зло. Звезды скроются с неба. И вслед за тем свершится вот что: задрожит вся земля и горы так, что деревья повалятся на землю, горы рухнут, и все цепи и оковы будут разорваны и разбиты. И вот *Фенрир Волк* на свободе, и вот море хлынуло на сушу, ибо *Мировой Змей* поворотился в великом гневе и лезет на берег».¹

Как и в Библии, в скандинавских преданиях за катастрофой следует возрождение. На вопрос Ганглери: «Будет ли жив тогда кто-нибудь из богов? И останется ли хоть что-нибудь от земли и от неба?», *Высокий* отвечает: «Поднимется из моря земля, зеленая и прекрасная. Поля, незасеянные, покроются всходами. Живы Видар и Вали, ибо не погубили их море и пламя *Сурта*. Они селятся на *Идавелль-поле*, где прежде был *Асгард*».² Кроме того, в роще *Ходдмимир* от пламени *Сурта* укрылись два человека - *Лив* и *Ливтрасир*. От них то пойдет столь великое потомство, что заселит оно весь мир.

Упоминает о «тьме» и «Влесова книга», причем, как сообщает источник, на протяжении того периода истории предков, который освещен в нем, было две «тьмы», которые сопровождались миграциями народа. Некоторые следы этих давних катастроф содержатся также в античных документах. Вот что пишет о *кимврах* или киммерийцах (наших с вами предках) Страбон: «Что касается *кимвров*, то одни рассказы о них неточны, а другие - совершенно неправдоподобны. Ведь нельзя считать причиной превращения их в кочевников и разбойников то обстоятельство, что они были изгнаны из своих жилищ сильным наводнением, когда жили на полуострове. В действительности они еще и теперь владеют той страной, которую занимали раньше; они послали в дар Августу котел, почитаемый у них самым священным, прося императора о дружбе и забвении прошлых проступков; когда просьба их была удовлетворена, они вернулись назад. И смешно думать, что *кимвы* в гневе на естественное и постоянное явление, происходящее дважды в день, могли покинуть свою страну! Похоже на выдумку и утверждение, что когда-то здесь произошло сильное наводнение; ведь океан при этом естественном явлении испытывает, правда, поднятия и понижения, но правильные и повторяющиеся периодически. Не прав также и тот, кто сообщает, что упражнясь в бесстрашии, *кимвы* выступают с оружием против наводнений, а кельты терпеливо позволяют затоплять свои дома и затем

¹ Младшая Эдда. Л., 1970. С.88-89.

² Там же. С.94.

снова отстраивают их и что у них, как сообщает Эфор, больше погибает людей от воды, чем из-за войн».¹

Нетрудно заметить, что Страбон, говоря о *кимврах*, имел под рукой множество источников, хотя упоминает из них лишь Эфора и Посидония. Видно также и то, что все дошедшие до него сведения о подтоплении страны *кимров* Страбон сводит к элементарным приливам, хотя предшественники говорят о затоплении жилищ, что никак не вяжется с ними. Уместно напомнить, что на Балтике (а именно на ее побережье жили киммерийцы от современной Дании до Валдая) сегодня приливы практически отсутствуют, в силу ее замкнутости. В условиях повышенного увлажнения и большей открытости моря они могли быть значительнонее, но вряд ли намного. Ясно, что это были подтопления, причем грандиозные: обращает внимание на себя то, что от водной стихии *кимвры* несли большие потери, нежели от войн. Достаточно сказать, что во время столкновений их с римлянами число убитых исчислялось полутора сотнями тысяч человек, а в заключительной битве, выигранной Марием в 101 г. до Р.Х. на севере Италии, у *кимров* пало около 200 тыс. человек.

Впечатляет то обстоятельство, что в результате природных перестроек народ, способный выставить полумиллионное войско, изменил свой привычный образ жизни, ступив на путь тотальной войны. В результате *кимврских* походов едва не рухнула Римская держава, потерявшая пять консульских войск, иногда вместе с консулами. Это событие конца II в. до Р.Х. радикально изменило этническую и политическую карту всей Европы. Интересно, что Аппиан в качестве причин *кимврского* вторжения в Западную Европу называет как наводнение, так и землетрясение, что согласуется с приведенными скандинавскими легендами о «тьме».

К сожалению, нет никаких сведений о ситуации в стране *кимров* накануне затопления. Это было бы интересно с точки зрения выявления взаимосвязи между социальными и природными процессами. Наше благословенное время открыло глаза на многие ранее неведомые для нас вещи. Очевидно, кто-то заметил проявление четкой закономерности, что после локальных вспышек национального, гражданского безумия в республиках бывшего СССР, как правило, следовали природные катаклизмы.

Волотекущие и острые формы социальной шизофрении сочетаются. Есть достаточно много оснований считать ее следствием предчувствия природной катастрофы грандиозного масштаба (синдром «тревожного ожидания»). Если ее последствия будут столь же велики как во II в. до

¹ Страбон. Указ.соч. С. 268

Р.Х., то это неизбежно приведет к глобальной переоценке ценностей в обществе и радикальной смене жизненных ориентиров, т.е. к перерождению нашей души, которое так необходимо, несмотря на грандиозность цены, которую придется заплатить за это. На такой относительно оптимистической ноте завершим наше долгое введение.

Глава 1. Ритмичность в природе и древняя гидрография

1.1. Основные принципы работы с античными источниками

Правильная локализация упоминаемых в древних документах морских заливов, озер, болот, рек и островов является непременным условием понимания истории. Народы, которые большей частью представляют собой не этносы в современном понимании, а территориальные объединения, и события, как правило, в источниках приурочены к неким географическим объектам, которые зачастую бывают водными.

Неоднозначность гидрографической ситуации на одних и тех же территориях у разных авторов, которая усугубляется неоднозначностью гидронимии, дает повод современным исследователям подвергать сомнению глубину познаний и уровень научной компетенции ученых прошлого. В нашей стране это особенно характерно для советского периода, отличавшегося монополизацией истины, которая привела к распространению забавного высокомерия во всех областях знаний, пронизывавшего не только пространство, но и время, в силу чего коснулось и древних. Разумеется, такой подход не прибавил глубины понимания исторического процесса, что, похоже, вполне осознается новым поколением исследователей. В последние годы в России появился ряд работ, в которых предлагается принципиально иной подход к изучению трудов античных авторов. Особенно четко он изложен С.Н.Муравьевым, который к тому же вполне ясно показал, что использование современных географических взглядов на природные процессы не только не отягощает изучающего античные источники, но и открывает широкие перспективы в деле их понимания.

Изменение взгляда на причины разногласий античных источников по поводу гидрологических объектов, а также по зачастую связанной с ними локализации народов, поселений и коммуникаций, попытки объяснения несоответствий в разновременных источниках не заблуждениями того или иного автора, но происходящими во времени изменениями этих объектов,

которые проявились лишь в последнее время, могут иметь большое будущее, если в условиях нарождающегося рыночного хозяйства не произойдет общей переориентации науки в сторону производства колбас и других «полезных вещей» за счет ее гуманитарной сферы, что, похоже, в свое время случилось в странах Запада, достигших за счет этого если не счастья, то определенного довольства.

Работа С.Н.Муравьева по своему значению выходит за рамки истории науки. В частности, используемая автором методика весьма перспективна при исследовании истории варварского мира.¹ Полностью принимая ее, попытаемся несколько под иным углом, нежели автор, взглянуть на гидрологическую ситуацию вокруг Каспия, которая им рассматривается.

Коротко остановимся на основных принципах, которых придерживается автор в своем исследовании. Во-первых, это *презумпция гидрологической динамичности географической ситуации*, в основе которой лежит понимание того, что любое античное свидетельство, каким бы противоречивым оно не казалось относительно прочих источников или современного состояния, может отражать истинное для своего времени положение вещей. Можно лишь добавить, что понимание гидросферы как одной из составных частей природной среды позволяет выявлять ее изменения на фоне динамичности природы в целом. Это дает возможность выработки более перспективного взгляда также на некоторые социальные процессы. Поэтому следует попытаться взглянуть на проблемы, рассмотренные В.Н.Муравьевым, шире, насколько это позволяет уровень современных наук о Земле и обществе.

Во-вторых, в связи с тем, что продолжительность геологических процессов несопоставима с исторической памятью человечества, в рамках тех 2-3 тысяч лет, которые охватываются античными источниками, последствиями их в определенной степени можно пренебречь, из чего вытекает *презумпция относительной статичности геологического фона* гидрологических изменений. Действительно, хотя имеются примеры изменений гидрографической сети вследствие тектонических и неотектонических движений, но они носят локальный характер. Гораздо больший вес в изменениях гидрографии имеет геологическая работа самих рек.

В-третьих, на любое (возможно даже ложное) представление существует своя причина, которая вполне установима при условии искренности автора. Поскольку чаще всего у нас нет оснований подозревать его в сознательном обмане, то совершенно справедливо *презумпция искренности* распространяется даже на авторов явно ошибочных

¹ С.Н.Муравьев. Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта и уровень Каспия в VI-III вв. до н. э. В кн.: *Mathesis. Из истории античной науки и философии*. М., 1991. С. 113-175.

представлений. Следует признать, что будучи ничуть не глупее нас, античные авторы в той же степени, что и современные исследователи, были несвободны от определенных слабостей. Они также грешили стандартностью мышления, приводившей к повальному заблуждению относительно статичности гидрографии или видению в совпадении имен народов (иногда в разных частях света) свидетельств перемещения этносов.

О Каспии у Страбона (со ссылкой на Эратосфена) сказано следующее: «Об этом море утвердилось множество ложных представлений из-за честолюбия Александра (Македонского). Поскольку было признано на основании всего, что Азию отделяет от Европы река Танаис, а пространство между морем и Танаисом, составляющее значительную часть Азии, не было покорено македонцами, и поскольку о походе сообщалось с тем, чтобы создать впечатление, хотя бы в виде молвы, будто Александр покорил и эти области (Азии), (писавшие о походе) объединили Меотийское озеро, принимающее Танаис, и Каспийское море, которое они тоже называют озером, утверждая, будто оба озера соединены друг с другом проходом и каждое есть часть другого. Поликлит же приводит даже доказательства того, что это море - озеро: в нем водятся змеи и у него вода почти пресная. А что оно не отлично от Меотиды (это он доказывает), ссылаясь на то, что в него впадает Танаис: ведь и Яксарт, как Ох и Окс и многие другие реки, течет с тех же Индийских гор и подобно им впадает в Каспийское море, но севернее всех. Итак эту реку (Яксарт) называли Танаисом и присовокупили еще такое доказательство того, что упомянутая Поликлитом река есть Танаис: мол, на землях, граничащих с этой рекой, растут ели, и скифы этих мест пользуются еловыми стрелами, а это, дескать, свидетельствует, что данная пограничная область входит в Европу, а не в Азию, ибо в верхней и восточной Азии ель не растет. Эратосфен же утверждает, напротив, что ель растет даже в Индии и что Александр там из нее построил флот»¹

Отталкиваясь от этого сообщения, С.Н.Муравьев попытался реконструировать гидрографическую ситуацию в бассейнах Черного и Каспийского морей посредством привлечения практически всех дошедших до нас из античности сведений об этом районе. При этом основное внимание уделено снятию обвинения со стороны Страбона и Эратосфена историков похода Александра Македонского в том, что они в угоду политическим амбициям царя соединили несоединимое - Меотиду и Каспий. Тот факт, что «заблуждение» относительно сообщения двух бассейнов содержится у Гекатея (VI в. до Р.Х.) и Аристотеля (работа написана ок. 334 г. до Р.Х.)

¹ С.Н.Муравьев Указ. соч. С.115.

неопровержимо говорит о его распространённости задолго до похода македонцев.

Свидетельство Гекатея содержится в поэтическом трактате, созданном ок. 100 г. до Р.Х. («Перипл Понта Эвксинского» Псевдо-Скимноса): «Меотида же, получившая свое имя от меотов, есть озеро, лежавшее (т.е. к моменту написания, возможно, уже не существовавшее - В.П.) рядом (с Эвксинским Понтом), в которое вливается Танаис, принявший сток Аракса, как пояснил Гекатей.». Аристотель же в «Метеорологике» пишет: «Так, в Азии большинство рек, и величайшие, явно текут с так называемых «Парнасских» гор, о которых признано, что это крупнейшие горы на зимнем востоке... И с этих гор текут среди прочих рек и Бактр, и Хоап, и Аракс, от которого как его часть отделяется (впадающий) в Меотийское озеро Танаис.». ¹

У С.Н.Муравьева возник лишь один вопрос относительно приведенного пассажа Страбона (имеют ли под собой реальное основание сведения древних о соединении Меотиды и Каспия?), отвечая на который, он создал блестящее на удручающе сером фоне существующей литературы, посвященной интерпретации античных авторов, произведение. Между тем, этот отрывок порождает целый ряд вопросов, на которые можно попытаться ответить.

Во-первых, почему у столь крупных ученых своего времени, как Эратосфен и Страбон, сведения историков Александра Македонского вызвали реакцию, близкую к негодованию, что находит отражение в словах Страбона, относящихся к ним: «Эратосфен пытается опровергнуть и многие другие подобные (выдумки), с нас хватит уже сказанного о них.»? Представляется, что ответ лежит на поверхности: гидрография района во время похода Александра была совершенно иной, а поэтому, с позиции Страбона и Эратосфена, сведения его современников, что называется, не лезли ни в какие ворота.

Знаний и снисходительности этих выдающихся людей явно не хватало для применения к предшественникам презумпций гидрологической динамичности и искренности авторов. По-видимому, древние недалеко от нас ушли в склонности продаваться сильным мира сего, что служит некоторым оправданием Эратосфену и Страбону, которые из множества возможных объяснений причин распространения подобных «заблуждений» выбрали именно эту, не рассматривая прочих вариантов.

Во-вторых, так ли бесспорна принятая С.Н.Муравьевым точка зрения Страбона и Эратосфена о тождественности Аракса-Танаиса Яксарту? Тот факт, что ни тогда, ни сегодня в Средней Азии нет реки, рождающейся на

¹ Муравьев С.Н. Указ. соч. С. 118.

Памире или Тянь-Шане и текущей севернее Сыр-Дарьи (Яксарта), не исключает возможности ее существования в другие периоды.

В-третьих, если такая река существовала во время похода Александра в Бактрию и Согдиану, то идентична ли она Араксу, известному Гекатею и Аристотелю? Это вовсе не очевидно. Разрешение данного вопроса, помимо здравого смысла, потребует также привлечения некоторых данных по локализации народов, упоминаемых античными авторами.

1.2. Динамичность гидрографии

Прежде чем приступить к рассмотрению поставленных вопросов, следует остановиться на современном состоянии палеогидрологии, естественнонаучной отрасли исторической географии, работу которой в значительной мере приходится брать на себя всякому, кто пытается в своих исследованиях опереться на нее. Объясняется это не столько самим качеством научных трудов в этой области, сколько глобальным характером процессов, определяющих гидрологическую ситуацию в любое время наличием множества факторов, ответственных за ее изменение, сложностью работы со следами этих изменений, отделенных от нас тысячелетиями, которые в целом упомянутое качество и определяют. Как следствие, любое новое направление исследований слабо обеспечено данными палеогидрологии, которая разрабатывает лишь узкий круг ставших традицией вопросов. Впрочем, так же обстоит дело с привлечением многих других отраслей знаний, даже такой, имеющей, казалось бы, богатейшую традицию науки, как языкознание. Возможно, это является проявлением общей болезни всей чрезмерно разветвившейся науки, когда каждое ее подразделение варится в собственном соку, что порождает такие явления, которых не приведи Господь коснуться.

Современное состояние палеогидрологии таково, что подавляющая часть работ носит чисто описательный характер, причем с гораздо большей охотой и свободой рисуются наиболее удаленные от нас эпохи, где оперируют временными интервалами в миллионы лет. Ближе к современности картины блекнут, исчезает раскрепощенность, так что на ситуацию позднего голоцена, охватывающего последние тысячелетия, зачастую отводится лишь несколько строк. Совершенно уникальным явлением в гидрологии является прогноз, хотя бы на ближайшую перспективу. Нам известна лишь дерзкая попытка Е. В. Максимова, заключающаяся в прогнозе изменения уровней среднеазиатских озер на ближайшие пятьдесят лет, но он является физикогеографом широкого профиля. Такое положение уже само по себе красноречиво говорит о степени достоверности гидрологических реконструкций.

В связи с античными сведениями о гидрографии прошлого нас интересуют, прежде всего, колебания уровней водоемов (морей, озер, болот), выражающиеся в смене трансгрессий и регрессий, от которых зависят не только характер водотоков, но зачастую их направление и даже существование. Они характеризуются двумя параметрами: величиной (глубиной) трансгрессии (регрессии), а также их продолжительностью.

Высота трансгрессий современной наукой определяется визуально, посредством фиксации древних террас и береговых валов. Казалось бы, чего же проще? Но давайте посмотрим, как обстоит дело с этим на примере некоторых работ озероведов. Первое, что бросается в глаза, - субъективизм, проявляющийся в том, что на одних и тех же данных могут быть созданы самые разные реконструкции, вплоть до противоречащих друг другу. Например, согласно К.В.Курдюкову, в начальной стадии существования озера Балхаш образовалось громадное Балхаш-Алакульское море, превышавшее в два раза размерами нынешний Арал, береговая линия которого соответствовала по высоте 60-метровой террасе на о.Кши-Аралтубе в озере Алаколь. Работами З.А.Сваричевской и Т.Н.Джуркашева показано, что уровень палео-Балхаша не поднимался выше 10-13 м, а размерами он был в два с лишним раза меньше Арала.

Второе, что можно отметить, приверженность людей науки раз и навсегда установившейся традиции, имеющая в основе все ту же неистребимую склонность к стереотипному мышлению, дающему, казалось бы, слабой человеческой натуре чувство комфортности через проявление лояльности к мнению большинства, которое не только поддерживает иллюзию ее собственного психического здоровья, но также создает ощущение благословенного чувства сопричастности к чему-то большому и важному, делая оправданным ее существование, но на деле же ведущего к ее нивелировке и фактическому разрушению. Видимо, сложно, а чаще даже невозможно, придти к осознанию того, что жизнь значительно многообразнее наших представлений о ней.

Проявляется это следующим образом: кто-то когда-то на основании имеющейся у него информации выделяет трансгрессию. Ее в последующем, используя дополнительные материалы, кто-то подтверждает, затем еще и еще. Так рождается традиция. Преодолеть ее зачастую очень сложно, и тем сложнее, чем большее количество предшественников останавливалось на данном вопросе. Поэтому часто получаемые новые данные все так же пытаются пристегнуть к старой схеме, даже если они явно не умещаются в ней.

Подобную картину мы видим в исследованиях Ладоги. Во второй половине XIX в. представления о том, что озеро, вместе с Онегой, Чудским озером и многими другими водоемами, является остатком

древнего моря, которое покрывало Северо-Запад России и соединяло Балтику с Белым морем, подкреплявшееся находками морской фауны в озерах Швеции, постепенно меняется в результате становления ледниковой теории на взгляд о том, что сообщения между данными морями никогда не существовало. Ф.Б.Шмидт, работая на материалах Эстляндии, отметил, что отложения с морскими раковинами встречаются лишь в самых нижних горизонтах, а выше представлена лишь пресноводная фауна.

В конце XIX века на Ладоге были обнаружены следы древней трансгрессии. А.А.Иностранцев нашел археологические стоянки времен неолита, которые были перекрыты среднеголоценовыми отложениями. Причины высокого уровня Ладоги в недавнем геологическом прошлом объяснил известный шведский ученый Г. Де Геер: «Сток из Ладоги мог раньше происходить в районе Выборга. Позднее водная масса Ладоги из-за неравномерного поднятия (изостатического поднятия коры в результате отступления ледника - В.П.) была перемещена к югу, что привело к возникновению р.Невы. Такая точка зрения дает возможность найти удовлетворительное объяснение геологическим разрезам, описанным А.А.Иностранцевым. Слои с неолитическими памятниками образовались в начальный период трансгрессии. Углубление современного стока из Ладоги привело к падению ее уровня».¹

Через некоторое время Г. Де Геер снова высказал предположение о том, что после отступления ледника в котловинах Балтики, Ладоги, Онеги и Белого моря существовало почти пресное «ледниковое море», позже названное Йольдиевым. В начале XX в. на территории, окружающей Ладожское озеро, береговая линия этого моря, имевшая отметки около 18 м в южной части и 20-21 м в северной, была описана Ю.Айлио, который считал, что максимум трансгрессии и образование Невы произошли около 4 тыс. лет назад.

Через два года В.Рамзай, исследовавший верхнюю морскую границу, заявил, что она в действительности представляет собой береговую линию послеледниковых пресноводных бассейнов, которые были объединены под общим названием Балтийского ледникового озера. Однако имя Йольдиевого моря не исчезло из научного оборота, просто море сильно уменьшили в размерах. Было высказано предположение, что после отступления ледника из Средней Швеции (от горы Биллинген), уровень Балтийского Ледникового моря упал на 28 м и сравнялся с уровнем океана, в результате чего соленые воды через Средне-Шведский пролив проникли в Балтийскую котловину и образовали пребориальное Йольдиево море, которое, если даже и заходило в Ладогу, то восточнее

¹ История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. Л., 1990. С. 9.

во всяком случае не проникало, а следовательно, Беломорско-Балтийского соединения не существовало.

В 20-30-х гг. вопрос о соединении продолжал дискутироваться. С одной стороны, полагали доказанным его отсутствие в послеледниковое время, но, с другой, в Ладоге продолжали находить морские диатомеи. В этой ситуации К.К.Марков предложил компромиссную гипотезу о существовании так называемого I Йольдиевого моря в более раннее время. Кроме того, им была найдена береговая линия, расположенная на несколько метров выше до этого открытой. Она была приписана Анциловому озеру.

В 60-х гг. на основе изучения стратиграфии донных отложений Ладоги утвердилось мнение о том, что в Ладогу не проникали воды Йольдиевого моря, что подкреплялось исследованиями Е.Хюпя террас Балтийского моря, который сделал вывод о том, что уровни Йольдиевого моря были низкими, и, следовательно, оно не могло распространяться восточнее Карельского перешейка.

Всякая система, даже столь несложная, стремится к упрощению, поэтому в 70-х гг. остроумная догадка Д.Д.Квасова о том, что морские диатомеи в Ладоге являются результатом переотложений межледниковой морской фауны мгинского периода, которые вынесены впадающими в озеро реками, избавила науку от необходимости выделения фазы I Йольдиевого моря. Но противоположная тенденция к усложнению систем привела к выделению в период, предшествующий Балтийскому Ледниковому озеру, самостоятельного приледникового озера, названного именем Рамзая.

Так развивались представления о формировании Ладоги, если только слово «развитие», которое, на наш взгляд, имеет достаточно емкое содержание, применимо к описанной выше чехарде взглядов. Ее результатом явились современные представления о динамике гидрографии района, которые в общем виде выглядят следующим образом.

- 13 тыс. л.н., после завершения Лужской фазы Валдайского оледенения, край ледника отступил на северо-запад. В бассейнах рек Нарвы, Невы и Волхова образовалось озеро Рамзая, состоящее из отдельных плесов, соединенных между собой, заливом которого была Ладога. В Балтийской котловине возникло Южно-Балтийское Приледниковое озеро, имевшее перемежающуюся связь с океаном. Оно испытало многократные изменения уровня, прежде чем ок. 12200 л.н. не произошел глубокий спуск в Южной Швеции, в результате которого уровень сильно понизился.

- 11800 л.н. в Северной Эстонии ледник отступил от возвышенности Пандивере, в результате чего резко упал уровень озера Рамзая, остатки которого слились с Южно-Балтийским озером. Образовалось Балтийское Ледниковое озеро, уровень которого был низким за счет стока

в Белое море. Акватория в Ладожской котловине была заливом этого озера, причем южная часть современной Ладоги была тогда сушей, северное же побережье ее находилось значительно ниже, чем теперь, и было затоплено.

- 10200 л.н. в Средней Швеции ледники отступили от горы Биллинген, что привело к падению уровня озера на 26 м и превращению его в малосоленое Йольдвиевое море, которое через широкий, но мелкий пролив Нерке (Средняя Швеция) соединялось с океаном. Ладожское озеро впервые стало самостоятельным. Его уровень определялся порогом стока в северной части Карельского перешейка, который был ниже, чем теперь.

- 9500 л.н. в результате гляциоизостатического подъема земной коры пролив Нерке обмелел, затем на его месте образовалась р. Свеа, а водоем стал опресняться, превратившись в Анциловое озеро. Вначале сток происходил через несколько долин Средней Швеции, но приблизительно 8900 л.н., в результате подъема земной коры, он совершенно прекратился. Уровень озера стал повышаться. В северной части Карельского перешейка образовался пролив, а Ладога превратилась в залив Анцилового озера. Затопленным в это время было не только северное побережье озера, но и юго-восточное тоже.

- 8300-8400 л.н. произошел спад уровня Анцилового озера, что было связано с тем, что воды нашли сток в Северное море через Дарсский порог (район о. Рюген) и Большой Бельт. Уровень воды опустился на 12-14 м. Северная часть Карельского перешейка осушилась, и на месте пролива возникла короткая, но многоводная река, впадавшая в Выборгский залив, истоки которой находились в районе Хейнийоки (пос. Вещево). Изостатическое поднятие порога стока Ладоги, которым служили истоки реки, вызвало затопление южной части котловины озера.

- 8000 л.н., в условиях, когда после полного таяния ледников в Скандинавии, в результате которого резко уменьшился сток рек в Балтийскую котловину, и увеличения испарения в сухое позднебориальное время, уровень озера оказался ниже уровня океана, в результате чего в Балтийскую котловину стали поступать соленые воды. Уровень водоема стал повышаться, наступила стадия Литоринового моря. Дальнейшая регрессия его, как полагают, связана с подъемом дна Датских проливов, вызвавшего уменьшение поступления соленой воды, текущей у дна. Это привело к некоторому опреснению водоема. Литориновое море постепенно превращается в современную Балтику.

По-видимому, не вполне убедительная картина последней стадии развития водоема смущала Д.Д.Квасова, который в последней своей работе пропустил стадию Литоринового моря, но зато выделил Ладожскую трансгрессию, начавшуюся после осушения пролива на Карельском перешейке. Своего максимума (около 21-22 м на южном побережье) она

достигла 3700 л. н., после чего, по непонятным для автора причинам, уровень снизился на несколько метров. В качестве возможной причины Квасов назвал разрыв порога стока у пос. Вещево. В основе датировки этой фазы трансгрессии лежит определение абсолютного возраста органического материала из горизонтов погребенного ее отложениями торфа. Он колеблется от 4000 ± 70 л.н. (стоянка Усть-Рыбежно-1) до 3070 ± 70 л.н. (район г.Питкяранта). Уже сам разброс датировок свидетельствует о совершенной бесперспективности метода. Первое, что происходит с болотом при его затоплении – всплывают верхние рыхлые слои торфа, при этом мощность нарушенных горизонтов зависит от местных условий. Поэтому все, что можно сказать по полученным датировкам – начало трансгрессии приходится на время, удаленное от нас менее, чем на 3 тыс. лет (где-то начало I тыс. до Р.Х.). Во второй фазе уровень вновь поднялся, достигнув около 2 тыс. л.н. абс. высоты 14-15 м, что, по его мнению, привело к переливу через водораздел между Мгой, впадавшей в Ладогу, и Тосной, впадавшей в Финский залив, и образованию р. Невы.¹ Таким образом, в течение I тыс. до Р.Х., даже судя по материалам современных палеогеографов, Ладога испытала две грандиозные трансгрессии.

В целом же, на наш вкус, нарисованная картинка не менее несурозна, чем та, которая смущала самого Д.Д.Квасова. Для того, чтобы она была отражением реальности, необходимо, чтобы изостатический подъем Карельского перешейка в рассматриваемый период одновременно бы был и реактивно быстрым, и практически незаметным, что, как понятно, принципиально невозможно. Сложно представить, чтобы трансгрессии с отметками свыше 20 м не смогла перелить через водораздел, а трансгрессии, высотой чуть ли не на десяток метров ниже, это удалось. Найти объяснение этим природным диковинам несоизмеримо сложнее, чем понять, например, мотивы определенной нацеленности автора на отрицание связи между Белым морем и Балтикой, хотя и это непросто.

Упорство, заслуживающее лучшего применения, с которым в течение многих лет этот автор отстаивал свое мнение о невозможности соединения двух морей, само по себе весьма красноречиво. В последней своей работе он неоднократно заявляет, что вопрос этот наконец-то окончательно решен, но все это скорее напоминает шаманские заклинания, нежели серьезную научную аргументацию. Как можно видеть, вопрос о соединении морей уже неоднократно снимался с обсуждения «окончательно», что не мешало дискуссиям по этому поводу вспыхивать вновь и вновь. Слишком большое количество деталей, о которых упоминает и сам Д.Д.Квасов, явно свидетельствуют о его существовании в прошлом.

¹ История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. Л., 1990. С.74-75.

Помимо диатомей, в пользу соединения свидетельствует видовой состав ладожской рыбы, ракообразных и моллюсков.

Кроме зоогеографических данных, существуют также гидронимические и исторические свидетельства существования связи морей совсем недавно. Прежде чем сказать о них, отметим, что сам по себе пресноводный характер донных отложений, на наш взгляд, вовсе не является неоспоримым доказательством отсутствия сообщения водоема с морем.

Мы говорим не об одностороннем сообщении, когда озеро соединяется с морем посредством реки, вытекающей из него и впадающей в море. Это обычный элемент большого круговорота воды в природе, с которым сталкиваемся повсеместно. Понятно, что такая связь никак не отражается в характере донных отложений озера. Такого рода связью может быть охвачена более сложная гидрографическая система. Например, вполне можно представить ситуацию, что часть стока Онеги поступает в Белое море, а другая в Ладогу, которая, в свою очередь, отдает воду Балтике. В этом случае была бы налицо связь Балтики с Белым морем, которая бы не отражалась на составе донных отложений. Даже в случае, если водоем соединен с океаном посредством мелководного пролива, как уверяют создатели рассмотренной выше схемы, соленость его может быть незначительна. Точно так же, на наш взгляд, будет складываться обстановка при эпизодических, относительно геологического времени, изменениях направления течения рек, соединяющих крупное озеро с морем (для равнинных водотоков это не столь уж необычное явление), особенно если протяженность их велика. Это расстояние в сочетании с большим объемом водоема будет препятствовать существенным изменениям его характера.

Сообщение между Онегой и Белым морем в относительно недавние времена было, хотя оно происходило не через Выгозеро и р.Выг, как обычно думают, а вдоль края Балтийского щита. По реке Водле и ее притоку Череве, за которой еще в прошлом веке существовал проходимый на лодках шестиверстовый участок по болоту, соединение между морями проходило по Волошозеру, реке Волоше, Почозеру и реке Поче до Кенозера, откуда по рекам Кене и Кеце, притокам р.Онеги, выходило на нее. Само совпадение имен озера и реки указывает на то, что сток из Онеги в Белое море совсем еще недавно осуществлялся через реку Онегу. Это обычное для Русского Севера явление, когда озеро и река, вытекающая из него, носят одно имя. После осушения порога стока Онеги в районе Кенозера часть русла р. Онеги стала называться р. Водлой, поскольку по ней происходит сток в Онегу Водлозера.

Уже в неолите, 4-5 тыс. л.н., население Поморья и восточного побережья озера Онеги составляло этническое единство. Об этом свидетельствуют наскальные рисунки (петроглифы), оставленные им в устье Выга, впадающего в Сорокскую губу Белого моря, и в районе, прилегающем к устью Водлы на Онеге. Оба этих района

были плотно населены морским народом, судя по сюжетам петроглифов, среди которых часто встречаются изображения крупных судов (типично северных, нос которых украшался изображениями животных) с несколькими десятками человеческих фигурок. В первом районе обнаружены 32 группы рисунков и свыше 50 древних поселений, во втором – 24 пункта с изображениями, протянувшимися вдоль берега Онеги на 20 км по обоим берегам Водлы. Локализация онежской группы неоспоримо свидетельствует о том, что сообщение между двумя районами осуществлялось по р. Онеге.

Множество сведений об этом народе, который жил вдоль водного пути из Белого моря в Онегу, по Свири, Ладоге и Волхову, действовал в Карпатах и на Дунае, донесли до нас античные источники. Интересен тот факт, что широко известное Северо-Онежское месторождение алмазов, открытое в наши дни, разрабатывалось еще в древности, о чем свидетельствует ряд источников, сообщающих о том, что агафирсы (одно из имен, под которым упоминают античные авторы этот народ) были единственными в Европе (современной Европе, поскольку в то время они были азиатами) людьми, добывавшими камень адамант.

Следует отметить, что Поморский берег, побережье Белого моря от Кеми до Онеги, населенное знаменитыми в прошлом своими морскими походами в северные моря и Сибирь архангельскими поморами (эти карельские земли входили в состав Архангельской губернии, поэтому вся северная часть нынешней Карелии называлась Архангельской Карелией), в древности не был глухим углом населенного мира, поскольку имел хорошее водное сообщение с Приладожьем и с Европой не только через Онежское озеро. По внутренним водоемам, соединявшимся реками и протоками торговые пути связывали его Озерным краем, откуда вели водные магистрали в Приладожье, Приботнией и Скандинавией. Как и в случае с именем «Онега», неслучайным является совпадение имен крупных рек Кемь (Кеми), одна из которых впадает в Ботнический залив, вторая – в Белое море. Последняя в своих верховьях, уходящих далеко на юг, называется Чирка-Кемь, где первая часть имени явно связана со средневековым скандинавским Серкландом и античными сираками. Еще в прошлом веке в своем очередном путешествии в Архангельскую Карелию за рунами Э. Ленрот так описывает один из водных проходов из финской области Кайну в район озер Куйто (Куйтти): «Путь мой проходил через болото, расположенное на водс-разделе Маанселькя, от которого реки текли в двух направлениях, а именно: в озеро Оулу через Кианта и Хюрюнсальми, а также водоемы Архангельской стороны. Посередине болота виднелась протока, по которой крестьяне с большим трудом проводили свои лодки. С полверсты тянулось болото, затем по обе стороны начинались узкие каналы, окаймленные густыми зарослями; продвигаться по ним на лодке ничуть не легче, чем по болоту». Приведенный отрывок свидетельствует о том, что древние водные пути через водораздел сравнительно долго поддерживались в порядке, следы которого сохранились практически до наших дней.

Б.И. Кошечкин по поводу этих древних магистралей пишет: «Как отголоски древних самостоятельных контактов между жителями этой части Карелии (Поморского берега - В.П.) и населением внутренних районов Скандинавского полуострова может быть воспринято и прслеживающееся еще в средневековье хорошее знание представителями карельских племен путей на запад -- к побережью Ботнического залива и на север -- в земли лопарей, на Кольский полуостров.

¹ Путешествия Элиаса Ленрота. Петрозаводск. 1985. С. 97.

Не так давно И.П.Шаскольским опубликован «Рассказ карела Ноусиа» – описание путей из Ладogi к Ботническому заливу, в бассейн реки Кeми и к Белому морю. Не вдаваясь в подробности этих маршрутов, важно отметить само существование древних торговых связей карельского населения с Западной Европой через территории, лежащие к западу от Белого моря».¹

Добавим, что упомянутые здесь пути оконтуривают территорию, на которой сформировался современный карельский этнос. Со временем, когда она была поделена между Швецией и Россией, много веков пребывавших в войнах за обладание ею, пути через водораздел Мансельга стали для поморов не торговыми магистральями, а дорогами, по которым к ним приходила война. Со средневековья единственной магистралью, связывавшей Беломорское побережье с остальным миром, стал путь к Новгороду, с чем во многом связана достаточно ранняя и быстрая русификация населения района.

Не будем углубляться в спор с палеогеографами, но, если верить античным источникам, то Балтика (Северный океан) в определенное время отдавала свою воду Меотиде (Ладогe и внутренним водоемам вдоль меридиана до Полесья), которая, в свою очередь, питала Понт Эвксинский (Черное море), откуда вода изливалась в Средиземное море («наше море», как называли его древние авторы). Эта схема имеет достаточно хорошее логическое подкрепление. В условиях, когда уровень океана несколько выше современного, а увлажненность суши очень велика, (а такие отмечаются источниками восходящими еще к VII-VI вв. до Р.Х.), низкий, за счет большого испарения и относительно небольшого стока впадающих рек, уровень Средиземного моря, который не компенсировался поступлением океанской воды через Гибралтар, пополнялся из Черного моря. Причем, течение из него через проливы Босфор и Дарданеллы было значительно более сильным, нежели сегодня. Об этом говорят те сложности с постройкой моста через Геллеспонт персами, когда его сносило мощным течением, которые описал Геродот. Это в свою очередь свидетельствует о том, что уровень Черного моря был выше современного, что естественно для моря, принимающего сток многочисленных крупных рек, текущих из наиболее увлажненных умеренных широт. Север России (местности «направо от летнего восхода солнца до озера Меотиды»), по описаниям Гиппократa, основанным на более ранних источниках, напоминал болото, а его атмосфера была схожа с тепличной. Реки широко разливались и практически стояли, что говорит о высоком уровне Балтики. Основной сток отсюда осуществлялся по нынешнему Днепру (тогда Танаису), который, как отмечает Помпоний Мела «течет очень быстро», даже в зимнее время, когда «соседние реки, а также Меотида, Боспор и некоторые места Понта скрепаны льдом, зимним холодом, он один только продолжает течь с прежней силой».² О значительной скорости течения

¹ Кошечкин Б. «Боже, дай нам ветра». Петрозаводск, 1992. С. 15-16.

² Помпоний Мела В кн. Античная география (составитель М.С.Боднарский). С.198. Далее: Сборник Боднарского.

Танаиса говорит также Дионисий: «...он же, широко разлившись повсюду, быстро несется по скифским равнинам ...».¹ В это время между Понтом и Северным океаном существовал сплошной водный путь, а областями, омываемыми океаном считалась вся территория севернее и северо-западнее Валдая, реки которой скорее были протоками, разделявшими острова.

Вторая половина VII в. до Р.Х. была отмечена расцветом милетской торговли и торговой колонизации Восточной Европы. Территориально ее масштабы не ограничивались Причерноморьем, как полагают историки, а охватывали районы вплоть до Белого моря. Следami ее являются многочисленные топонимы, оканчивающиеся на *-поль*, *полье*, а иногда даже *поле* (Каргополь, Сердополь, Гостинополье и др.), а также ряд северорусских Херсонесов (Коростынь в районе Старой Русы, Керсонь при устье Водлы). Весь водный проход, соединявший Черное море с Балтикой, носил в это время одно имя -Танаис.

Через некоторое время началось иссушение. В течение IV в. до Р.Х. Меотида обмелела настолько, что к последней трети века большие суда уже не могли заходить в нее. Аристотель отмечает: «Даже побережье Меотийского озера вследствие речных наносов настолько увеличилось, что ныне входят туда для работы суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет тому назад...».² В результате, водный проход оказался разорванным на две части, каждая из которых продолжала называться Танаисом. В схолиях к Дионисию упоминается, что Артемидор говорит о том, что два устья Танаиса находятся на расстоянии 7 стадий, причем один Танаис впадает в Меотиду, а другой в Скифию. Под устьями здесь следует понимать истоки. Под Меотидой автор подразумевает обширный, но мелководный водоем разливавшийся от Полесья до Белорусского Поозерья, а в Скифии можно видеть не только название страны, но и Скифское море, позже Сарматское, под которым выступает все та же Балтика.

Вскоре началось очередное повышение увлажнения – вторая фаза Ладжской трансгрессии. Правда, согласно древним источникам, максимум ее пришелся на время несколько более раннее, нежели его датирует Д.Д.Квасов, и может быть отнесен к последней четверти II в до Р.Х. Она имела более ощутимые последствия в политической жизни Европы, поэтому нашла отражение в античных документах. К ней приурочено вторжение в Западную Европу *кимеров* и *тевтонов*, о котором уже упоминалось выше.

По совершенно непонятным для нас причинам историки выводят это бедствие, обрушившееся на Римскую державу, с Ютландии. Если в основе этого лежит то

¹ Сборник Латышева. С. 183.

² Там же. С. 374.

обстоятельство, что во времена Страбона здесь обитало племя с таким именем, то напомним Плиния, который ссылаясь на Филемона, говорит о том, что часть океана (Балтики) от Рипейских гор (Валдая) до мыса Рубеас (Дания) *кимеры* называют *Мертвым морем*. Это можно расценивать так, что *кимеры* занимали все острова, разделенные протоками (вспомним рассказ Мелы о море, которое не похоже на море), составлявшие часть Балтики, называвшуюся *Мертвым морем*. К тому же, маршрут *кимеров* по Европе достаточно ясно описан Страбоном и Аппианом: первоначально они проникли на территорию современной Чехии, но были оттуда вытеснены *бойями* в область *скордисков* на Дунае (Сербия); затем они вторглись в Иллирию, где и впервые столкнулись с римлянами, когда под *Нореей* погибло римское войско с консулом Гнеем Карбоном; после этого через *Норик* (Австрия) прошли к *гельветам* (Швейцария), значительная часть которых вступила в союз с ними; далее покорили *Галлию* (Франция) и даже проникли за Пиренеи, но были из Испании изгнаны, после чего через Альпы прошли в Северную Италию, где и потерпели сокрушительное поражение от римлян. Римское государство было спасено.

Относительно другой части *кимров*, выступавшей под именем *тевтонов*, можно предположить, что она прибыла морем в Данию, после чего соединилась в *Галлии* с ранее прибывшими *кимерами*, маршрут которых выше описан. Они-то и оставили свои внушительные следы на Рейне в виде остатков огромного лагеря по обе стороны реки, о котором говорит Тацит. Помпоний Мела свидетельствует о том, что в его время (I в.) «самый большой и самый плодородный остров» *Коданского залива* (это тоже более позднее имя Балтики) Скандинавия «все еще принадлежит *тевтонам*».¹ Этот народ известен Иордану, который описывая *Скандзу*, откуда происходят *готы*, которую он понимал значительно шире современной Скандинавии, помещает *тевстов*, судя по всему, в Эстонию и Латвию. Неслучайно, в средние века немецкие рыцари, овладев этими землями, образовали здесь *Тевтонский орден*, в имени которого проявилась историческая память о *тевстах-тевтонах*. В это же время летописная *корела* к северу от Финского залива вела упорную борьбу со шведами за власть над землями племени *хяме*, которых шведы называли *тавастами*. В русских летописях их называли *емь* или *ямь*. Это имя содержится в названии древней крепости Ямбург (Кингисепп), построенной на границе Эстонии. Таким образом, вновь проявляется связь *тевтонов* с нею. Имя их дожило на севере до наших дней: область Хяме в двуязычной Финляндии по-шведски называется Тавастланд. Приведенные факты свидетельствуют, что ее население (*кимеры-тевтоны*) в древности владело Скандинавией и Прибалтикой (землями более поздних *эстов, ливов и корси*), а также прибрежными островами до Дании, т.е. всем побережьем Балтики.

Кимеров Посидоний, по свидетельству Страбона, отождествлял с древними *киммерийцами*. Об этом же сообщает Диодор: «Жители северных стран, соседние со Скифией, чрезвычайно дики; говорят, что некоторые из них едят людей... Так как их сила и дикость прославлены повсюду, то некоторые говорят, что именно эти народы под именем *киммерийцев* в древние времена прошли войною всю Азию, причем время скоро испортило это слово в наименовании *кимеров*...».²

Для того, чтобы снять последние сомнения относительно происхождения *кимеров*, потягавших некогда Европу, достаточно привести сообщение о них Плу-

¹ Сборник Боднарского. С. 229.

² Сборник Латышова. С. 929.

тарха: «Некоторые говорят, что *Кельтика* вследствие глубины и величины страны от внешнего моря и северных широт поворачивает к востоку у *Меотиды* и соприкасается с *Понтийской Скифией*, и что там произошло смешение народов. Поднявшись оттуда, впрочем, не сразу и не беспрерывно, а ежегодно в удобное время подвигаясь все вперед, они в течение многих лет прошли войною весь материк. Поэтому-то независимо от многих частных названий они называют свои полчища общим именем *кельтоскифов*. Другие говорят, что *киммерийцы*, сделавшись известными впервые древним эллинам, представляют собою незначительную часть целого, которая в качестве изгнанников или вследствие возмущения, теснимая скифами, перешла от *Меотиды* в Азию под предводительством *Лигдамия*, но что наибольшая и самая воинственная часть их, живущая у внешнего моря, занимает землю тенистую, лесистую и туманную повсюду вследствие глубины и густоты дубрав, тянущихся до *Герцинского леса*, и живет под таким небом, где полюс повидимому достигает большой высоты вследствие наклона параллелей и отделяется лишь небольшим пространством от зенита, а дни, равные по величине ночам, делят время на равные промежутки,... Отсюда и произошло нападение на Италию этих варваров, называвшихся сначала *киммерийцами*, а в то время *кимерами*».¹

Как свидетельствует Тацит, именно *кимеры* принесли в Западную Европу имя «германцы»: в речи римского полководца *Цериала* имя *кимеров* отождествляется с именем *германцев*. Этот же автор подчеркивает, что оно является новым (не древним) именем для страны, а ранее принадлежало тем, кто выгнал галлов, имея в виду *кимеров*. Неслучайно, Иордан Белое море называет *Германским*, а средневековые скандинавские источники размещают Тавастланд к юго-западу от него.²

Если бы Д.Д.Квасов, был знаком даже лишь с приведенными античными источниками, ему не понадобилось бы объяснять попадание днепровской фауны в Ладогу кружным путем через Балтику, но пришлось бы признать значительно большую частоту смен трансгрессий и регрессий. Впрочем, основания для этого дают результаты изысканий последних десятилетий в самой географии. Они содержатся в учении о ритмичности в природе, которая является универсальной. Так же универсально и само учение, которое выводит многие отрасли науки на астральный уровень.

1.3. Ритмика гидрографии

Вряд ли в наше время найдется хотя бы один серьезный ученый, который бы отрицал ритмику в природе, настолько очевидно она проявляется. В конце концов, все естественные науки так или иначе сталкиваются и работают с ритмичностью процессов в природе, в том числе те же озероведы-палеогеографы. Другое дело, если одни в своих исследованиях пытаются выйти на причины и закономерности ее проявлений,

¹ Сборник Латышева. С. 487-488.

² Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 35.

вторые же просто описывают видимые фрагменты ритмики природы, при этом, естественно, упуская большую их часть, и на этой основе, как могут, реконструируют ситуации прошлого. Поскольку предмет исследований един, то результаты обоих направлений в определенной степени совпадают, что позволяет нам оперировать как теми, так и другими. Но в основном, как представляется, следует исходить из достижений в изучении пульсационного режима Земли, что открывает неизмеримо большие перспективы в понимании гидрографических ситуаций, существовавших в прошлом.

Как пишет Е.В.Максимов, пристальное рассмотрение показывает, что под маскирующим многообразием частных и локальных явлений проступают некоторые общие правила, регулирующие процессы возникновения, эволюции, режима и гибели озер. Хотя это сказано по поводу озер Средней Азии, но справедливо также по отношению к водоемам всех других регионов. Эти правила могут быть сведены к одному пульсационно-ритмическому режиму Земли, который определяет общий характер орогенического процесса, горизонтальные перемещения литосферных плит, возникновение и исчезновение ледников и озерных водоемов, изменения в органическом мире, т.е. изменчивость ландшафтной оболочки Земли во всем ее многообразии. Исследования показывают, что геологический ритм продолжительностью примерно 160 млн. лет обуславливает «зимы нашей планеты», сопровождающиеся великими ледниковыми периодами и регрессиями Мирового океана: 40700-летний ритм Миланковича «ответственен» за чередование ледниковых и межледниковых эпох, 1850-летний ритм Шнитникова – за чередование многовековых стадий и межстадиалов, 22-23-летний ритм – за чередование внутривековых стадий и межстадиалов¹.

Особенностью ритмических процессов является четвертьфазовое смещение кривых хода увлажненности относительно кривых хода теплообеспеченности, которая носит название правила Иверсена-Гричук. Объясняется это общегравитационным пульсационным режимом Земли и Солнца, при этом подразумевается, что пульсации Земли «ответственны» за ход увлажненности, а пульсации Солнца – за ход теплообеспеченности. Уже одно это подразумевает существование внутри каждого ритма четырех климатических интервалов, два из которых (холодный влажный и теплый влажный) сопровождаются трансгрессиями водоемов. Но и это еще не все. Как отмечает Е.В.Максимов, при расширении Земли атмосфера (также расширяющаяся) испытывает охлаждение и иссушение; следовательно, положение снеговой границы в горах при этом само по себе существенно не меняется, а скорее сами горы (вместе со всей гипсометрией

Земли) то больше, то меньше заходят за неговую границу, из чего вытекает как бы несвязность горного оледенения с общими изменениями климата.

Поскольку ход уровней водоемов, определяемый увлажненностью территории, зависит от соотношения тепла и влаги, он не одинаков в аридной, гумидной и ледниковой зонах. Однако режим отдельных водоемов, особенно крупных, находится в зависимости не только от типа климата, но также от стока рек, которые питают его и берут начало в территориях с различными климатическими условиями. Е.В.Максимов пишет: «Поэтому уровненный режим таких водоемов, как Балхаш, Арал и Лобнор (тем более Каспий - В.П.), формируется в результате сложения колебаний увлажненности аридной, гумидной и ледниковой зон. ...Нам, конечно, не известна величина вклада в режим ...каждой из трех зон. Единственный выход – признать его равновеликим. При таком решении могут быть искажены абсолютные значения колебаний озера, но должен сохраниться их относительный ход».¹

Это сложение колебаний увлажненности в условиях трех климатических зон получило название «тройного» правила. Резльтирующая кривая дает в расчете на каждый ритм уже четыре трансгрессии и четыре регрессии, причем из трансгрессий графически получается, что первая, третья и четвертая были равновелики по высоте, а вторая заметно ниже их. При этом, как отмечает автор, «тройное» правило носит чисто климатический характер и не учитывает консервации льда во время ледниковья и потока талых вод во время межледниковья, а следовательно, имеет некоторое запаздывание гляциальных трансгрессий и регрессий относительно климатических. Это и естественно, поскольку практика со всей определенностью свидетельствует, что в реальной жизни всегда отыскивается параметр, неучтенный в самых совершенных моделях, описывающих даже несравненно более простые процессы. Диапазон возможностей Творца все же несколько богаче нашего воображения.

Согласно модели, разработанной Е.В.Максимовым, существует иерархическая соподчиненность трансгрессий и регрессий разных рангов: «Один 40700-летний ритм включает... 4 трансгрессии высшего ранга. Они в свою очередь образованы из 22 трансгрессивных пачек, связанных с 1850-летним ритмом. Каждый 1850-летний ритм включает, кроме того, 4 трансгрессии среднего ранга. Они опять-таки образованы из 22 трансгрессивных пачек, связанных с вековым ритмом (если среднюю продолжительность векового ритма принять равной примерно 84 годам). В каждый вековой ритм входит, кроме того, 4 трансгрессии низшего ранга, наступающие в среднем каждые 22 года. ...Иерархическая соподчинен-

¹ Максимов Е.В. Указ. соч. С.43-44.

ность трансгрессий и регрессий распространяется и на их амплитуды. В то время как амплитуды колебаний уровня высшего ранга могут измеряться десятками метров, амплитуды колебаний низшего ранга могут выражаться метрами и даже сантиметрами. ...Чередование четырех трансгрессий и четырех регрессий в расчете на одну реализацию любого ритмического процесса проявляется только при условии известной детализации фактических данных. Когда такая детализация невозможна, на поверхность выходит одноактное чередование трансгрессии и регрессии (тройная высокая трансгрессия и двойная глубокая регрессия). В этом случае природные ритмы выступают в привычном нам облики – как 40700-летний, 1850-летний, 80-90-летний (вековой) и 22-летний (внутривековой)».¹

Е.В.Максимов, создав ритмическую модель голоцена, отмечает, что ее климатические интервалы практически совпадают с периодами, которые выделяются, исходя из палинологических исследований. Изучение торфяных разрезов верховых болот по горизонтам на предмет содержания в них пыльцы тех или иных растений в комбинации с определением их возраста радиоуглеродным методом дает достаточно точную картину климатических изменений во времени. С результатами, полученными палеогеографами этим способом, вполне согласуются также и материалы античных источников. Кроме затопления обширных территорий на севере Восточной Европы в середине VI в., о котором есть упоминание в древних источниках, все остальные их фрагменты, по которым можно судить о трансгрессиях или влажных периодах, влияющих на гидрографию, находят подтверждения в работах палеогеографов. Например, любой исторический эпизод, описанный античными авторами, в котором есть упоминание о сквозном водном сообщении между Черным морем и Балтикой, по времени совпадает со значительными климатическими изменениями, фиксируемыми по торфяному разрезу в сторону увеличения влажности.

Изменения климата происходили в голоцене достаточно часто, что говорит в пользу также большей частоты происходивших гидрографических изменений. Они прослеживаются на всех этапах голоцена. По данным изменений палеотемператур в Центральной Антарктике за период около 50 тыс. лет по данным изотопного анализа образцов, взятых из керна льда, хорошо видно резкое потепление между 15 и 11 тыс. лет назад, которое соответствует таянию последнего ледника в северном полушарии. В течение потепления, величина которого ок. 5°C, заметны кратковременные повышения температуры, длившиеся примерно 500 лет. По времени они близки к межстадиалам беллинг и аллеред. Заметно также похолодание, совпадающее по времени со стадией Сальпауселька

¹ Максимов Е.В. Указ соч. С. 283-285.

в северном полушарии. В работе В.А.Климанова (1989) сказано, что на фоне неуклонного похолодания климата после климатического оптимума голоцена происходили более кратковременные колебания с периодами порядка сотен лет. Исследования европейских торфяников позволяют выделить 7 главных горизонтов возобновления роста торфяников и, следовательно, более влажных и прохладных условий за последние 4 тыс. лет. Начала периодов, полученные с помощью радиоуглеродных датировок, приходятся на 80, 680, 1220, 2600, 3100 и 3680 лет назад. Как отмечает автор, климатическая цикличность в голоцене оказалась очень сложной и не укладывается в рамки равномерной периодичности. Следует отметить, что по точности радиоуглеродные датировки, дающие погрешность $\pm 150-200$ лет, все же несопоставимы с письменными источниками.

1.4. Гидрография древности

Положение о большей частоте колебаний, причем значительных, уровней водоемов, с одной стороны, работает в пользу презумпции искренности античных авторов, с другой, — подтверждается ими. Совершенно соглашаясь с тем, что вода является матерью и матрицей жизни, мы полагаем гидрологические процессы столь же сложными для постижения, как саму жизнь. Но если с полным доверием относиться к сведениям античных авторов, считая, что со времен финикийского и ионийского торгового освоения Восточной и Северной Европы география этих районов была известна достаточно хорошо, то такие сообщения древних как, например, то, что Каспий является частью Северного океана или Аракс изливается в Танаис, вызывают вопрос не о самой возможности этого, а, во-первых, об идентификации Аракса и Танаиса с современными географическими объектами и, во-вторых, об условиях, при которых это возможно. При этом следует иметь в виду, что не только гидрография того времени сильно отличалась от современной, но и языковые средства ее выражения (понятийный аппарат) были иными.

Каспий частью океана дружно считали все географы, писавшие во времена между Геродотом (V в. до Р.Х.) и Птолемеем (II в. по Р.Х.), полагавших его замкнутым водоемом. Такое возможно, если, во-первых, существует сквозной проход из Каспия в Ладогу через Волгу и Волхов или в Онегу по Шексне и Белому озеру; во-вторых, если он через Арал и Тургайскую ложбину связан с Иртышом и Вилюйскими болотами. Оба этих варианта вполне согласуются с сообщениями Геродота и Страбона о реке Араксе.

Геродот, рассказывая о походе персидского царя Кира II Великого (529 г. до Р.Х.) на массагетов, живших на Араксе напротив исседонов, пишет: «По рассказам некоторых, Аракс больше Истра; другие же,

напротив, считают эту реку меньше. На Араксе, как передают, много островов величиной с Лесбос. На этих-то островах живут люди... Аракс извивается, [образуя] 40 рукавов, из которых все, кроме одного, теряются в болотах и топях. В этих-то болотах по рассказам обитают люди, питающиеся сырой рыбой и обычно носящие одежду из тюленьих шкур. Одно единственное устье Аракса течет по открытой местности, [впадая] в Каспийское море. Каспийское же море – это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем».¹

Геродот имел перед собой два противоречащих друг другу источника. Аккадский, сведения из которого мы в цитату не включили, как полагают, относился к кавказскому Араксу, но это совершенно не так. Матиенские горы, откуда, согласно автору, берет начало Аракс, это современный Загрос, не имеющий к кавказскому Араксу никакого отношения. Имеется в виду Аракс персидский, о котором будет речь впереди. Скифско-эллинский же источник сообщал о неведомой великой реке, впадающей в Каспий с востока. Сведения о совершенно разных Араксах Геродот свел в одном отрывке.

Нельзя сказать, что Страбон рассматривал гидрографию как нечто статичное (он приводит многочисленные примеры изменения очертаний морских берегов, возникновения и исчезновения островов, перемены русел рек в результате извержения вулканов и землетрясений), но, по-видимому, расхождения сведений, содержащихся в трудах ряда предшественников, с реальностью не вписывались по своему масштабу в его сознание. Хотя, безусловно, Страбону были известны взгляды представителей математического направления в географии и некоторых философов о «Великих годах», он, будучи сугубым прагматиком и приверженцем описательного направления науки, категориями динамичности природы не мыслил. С этим связано заявление Страбона о том, что легче поверить Гесиоду и Гомеру с их сказаниями о героях или трагическим поэтам, нежели Ктесию, Геродоту, Гелланику и другим подобным авторам. Однако его сведения об Араксе очень близки к Геродоту и также связаны с походом Кира.

Страбон сообщает: «Массагеты доказали в войне против Кира свое мужество, которое многие часто восхваляют; от них и нам следует заимствовать сведения об этом. О массагетах передают рассказы в таком роде: одни из них обитают в горах, другие – на равнинах, третьи – на болотах, которые образуют реки, четвертые – на островах в болотах. Более того, по их словам, страна наводняется рекой Араксом, которая разветвляясь на множество рукавов, впадает на севере всеми остальными своими устьями в другое море и только одним устьем – в Гирканский

¹Геродот. Указ.соч. С. 75.

залив. ...Массагеты, живущие на островах, питаются ввиду отсутствия зерна для посева кореньями и дикорастущими плодами; одеждой им служит древесное лыко (ибо у них нет скота)... Болотные жители питаются рыбой и одеваются в шкуры тюленей, заходящих сюда с моря. Жители гор также питаются дикорастущими плодами; у них есть лишь немного овец, поэтому они не режут их, сохраняя на шерсть и молоко. Одежде они придают пеструю расцветку, применяя не теряющие свежести краски. Обитатели равнин не занимаются земледелием (хотя земля у них есть), но живут на манер кочевников и скифов, питаясь бараниной и рыбой. У всех такого рода племен находим и некоторый общий образ жизни, ...их погребальные обряды, обычаи и весь быт схожи; это люди самобытные, дикие и воинственные, однако при деловом общении честные и не обманщики».¹

По приведенным отрывкам сложно судить, к Араксу-Волге или Араксу-Тургаю относятся эти описания. Как на севере европейской части России, где протекают реки бассейна Волги, так и в Западной Сибири проживают народы, которые могут быть потомками упомянутого, питающегося сырой рыбой, народа. Еще сравнительно недавно русские называли ненцев, а также вогулов «самоедами» или «сыроядцами».

Попробуем «примерить» сведения Геродота и Страбона к Западной Сибири, тем более, что современные историки склонны размещать массагетов в Казахстане и на южном Урале. Когда Вилюйские болота были значительно обширнее и многоводнее, представляя собой на обширных пространствах открытые водоемы, базис эрозии и уровни Иртыша и его притоков были существенно выше современных, в результате чего происходил сброс части вод через Тургай в Арал, который сообщался с Каспием. По-видимому, именно эта мощная речная система, до которой в своем среднеазиатском походе доходили войска Александра Македонского, в древности называлась Араксом. Только вдоль ее долины было возможно глубокое проникновение ели на юг, отмечаемое античными авторами. Даже сегодня придолинные леса с елью сибирской заходят по Тоболу почти до границы Казахстана.

Исследования показывают, что процессы образования болот в лесостепной зоне Западной Сибири начались в суббореальный период голоцена, отстоящий от нас на 4 тыс. лет. Затухание их относят к субатлантическому периоду, середина которого приходится на начало нашей эры, что явилось результатом иссушения климата. Полагают, что развитие болотообразовательного процесса здесь началось в условиях существования бессточных малодренированных пространств с разнообразными отрицательными формами рельефа при высокой степени засоленности

¹ Страбон. Указ. соч. С. 485.

грунтов, в которых образовались травянистые болота, называемые займищами. При этом отмечается, что нередко наблюдается последующее опреснение их, что может являться свидетельством изменения водного режима на проточный.¹ Это свидетельство существования античного Аракса.

Однако вместе с тем представляется, что античные авторы, описывая поход Кира, имели в виду не Тургай, а Волгу. Античная традиция знала не менее пяти Араксов. Страбон вполне определенно говорит о том, что кавказский Аракс был назван так из-за сходства с Пенеем (р. Пиньос в Греции), поскольку «ведь и Пеней называется Араксом потому, что он «отколол» Оссу от Олимпа, прорыв Темпейскую долину». Кроме того, он сообщает об Араксе, протекающем в собственно Персиде (современная иранская провинция Фарс) и впадавшем в Красное море. На этом Араксе, о котором упоминают Геродот и Арриан, располагался построенный Дарием Персеполис.²

Основанием для идентификации Аракса, упоминаемого Геродотом и Страбоном, с Волгой является локализация исседонов за рекой, напротив массагетов. О них Геродот упоминает еще несколько раз при описании припонтийской земли скифов. По его словам, Аристей из Проконнеса в своей эпической поэме сообщает, что он, «одержимый Фебом» (деталь весьма знаменательная в свете знания о том, что и соседние исседонам гипербореи и массагеты поклонялись Солнцу), прибыл к этому народу. Аристей рассказывает, что за исседонами обитают аримаспы, а еще выше, «на границе с морем», живут гипербореи. Аримаспы изгнали исседонов из их страны, те, в свою очередь, вытеснили скифов, под напором которых киммерийцы, обитавшие у Черного моря, были вынуждены бежать из своей страны.³ Совершенно очевидно, что сведения Аристее относятся к областям, расположенным севернее Понта. Именно так и понимал их Геродот, хотя современные исследователи склонны размещать исседонов за Уралом (по созвучию имени с названием р. Исеть), на Алтае и даже в Западном Туркестане.

Между тем имя исседонов встречается у ряда авторов, писавших несколькими веками позже Геродота. Считается, что Помпоний Мела в значительной мере опирался на труды своего современника Плиния Старшего. Однако, на наш взгляд, его сведения о реке Танаисе значительно больше созвучны Геродоту, нежели Плинию, хотя у всех этих авторов они весьма похожи. Описывая с севера левый берег реки, Мела,

¹ Лисс О.Л. Закономерности развития болотных систем в голоцене и их рациональное использование (на примере Западной Сибири). (Автореф. докт. дис.) М., 1990.

² Страбон. Указ. соч. С. 500, 677.

³ Геродот. Указ соч. С. 190.

подобно Геродоту, вначале упоминает необитаемую землю, в которой водятся грифы, а также злые и жадные дикие животные (согласно Аристею, грифы стерегут золото), затем страну скифов-аримаспов, далее область исседонов, протянувшуюся вдоль Меотиды. Плиний же над Меотийским озером указывает сарматов и исседонов, а самым последним народом, живущим по Танаису, называет аримаспов. Здесь же оба автора упоминают Рипейские горы: в ближайших к ним местностях, согласно Меле, беспрерывно падает снег; Плиний именует их Птерофором, «потому что там постоянно выпадает снег, похожий на перья». К северу от Рипейских гор эти авторы размещают гипербореев, которым дают практически одинаковое описание.¹

В свете расселения исседонов за Танаисом, а массагетов напротив них за Ааксом, в качестве последней реки несомненно выступает современная Волга. Таким образом, поход Кира против массагетов осуществлялся не через Согдиану, как полагают историки, а традиционно для персов через Дербентский проход. Внимательное чтение Геродота дает еще одно косвенное свидетельство в пользу отождествления Аракса с Волгой: согласно одному из скифских сказаний о своем происхождении, кочевые племена скифов обитали в Азии (т.е. за Танаисом) и, когда массагеты вытеснили их оттуда, перешли Аракс и попали в области киммерийцев, изгнав их с исконных земель. Даже будь Аракс другой рекой, невероятно, чтобы, упоминая о ее переходе, сказание не содержало бы воспоминаний о форсировании Волги. Поэтому нынешние историки, полагая скифов за обитателей современной Азии, в Араксе тоже видят Волгу.

В своем предположении о существовании двух Араксов, впадавших в Каспий, мы исходили из того, что описания реки, содержащиеся в источниках о походе Кира, не могут быть отнесены к тому Араксу, до которого, согласно историкам Александра Македонского, доходил царь в среднеазиатском походе. Кроме того, из античности до нас все же дошел один документ, в котором упоминаются два Аракса, впадающие в Каспий, причем, вовсе не обязательно в одном из них видеть приток Кира (Куры).

Если это так, то два Аракса как бы опоясывают огромную территорию, в центре которой находится Урал, отделяя ее как от Европы, так и от Азии. Но с незапамятных времен по Араксу проводилась граница между этими частями света. Как справедливо отмечает С.Н.Муравьев, хотя Геродот не признает никакого географического смысла за делением ойкумены на части света и не уточняет, где именно, по его мнению, проходит граница между Европой и Азией, а лишь удивляется тем, кто проводит ее по Нилу и Фасису или по Нилу и Танаису с киммерийскими переправами, из его описания земли все же явствует, что этой границей

¹ Сборник Боднарского. С. 199, 249.

служат Фасис и Аракс.¹ Как мы сможем убедиться, эти два имени служили в разные периоды для обозначения одного и того же объекта. Достаточно сказать, что Каспий во «Влесовой книге» называется морем Фасисте. О том, что водный путь из Финского залива в Каспийское море, который воспринимался в древности то как залив, а то как река, некогда служил границей между двумя частями света свидетельствует Агафимер: «Границы материков... Азии и Европы по мнению древних река Фасис и перешеек до Каспия, а по позднейшим – Меотийское озеро и р. Танаис».² Он же сообщает ширину устья Каспия – 4 стадия (ок. 1 км). Вспомним, что скифы, жившие в Азии, согласно Геродоту, перейдя Аракс, пришли в Киммерийскую землю, а киммерийцы, как мы недавно выяснили, были жителями Европы. На основании сказанного совершенно очевидно, что западный Аракс (Волга) в определенные периоды служил границей частей света. На это указывает также характерная деталь, содержащаяся в сообщении Геродота об Араксе (хотя в целом весь отрывок, из которого она извлечена, представляет собой географический ералаш, собранный из самых источников, относящихся к разному времени и к отдаленным друг от друга регионам): «А к востоку, за персами, мидянами, саспирами и колхами, с одной (южной) стороны находится Красное море, а с северной – Каспийское море и река Аракс, текущая в сторону востока». По мнению С.Н.Муравьева, она является, скорее всего, отражением того факта, что на карте Геродота Аракс своим вторым концом доходил до Восточного океана, т.е. мог восприниматься как бы текущим из Каспия. Нужда в подобной натяжке совершенно исчезает, если понимать под Араксом не Сыр-Дарью, как это делает С.Н.Муравьев, а Волгу, направление течения которой полностью соответствует карте Геродота. Не случайно, что и в более поздние времена Волжская магистраль была известна у скандинавов под именем Великого Восточного пути.

Два Аракса «откалывают» (так объясняет смысл этого имени Страбон) уникальную во многих отношениях территорию. Во-первых, она даже на севере не была покрыта ледником, который спускался далеко к югу по Русской равнине. Поэтому люди жили здесь, по оценкам специалистов, уже 40 тыс. лет назад. Во-вторых, район исключительно богат металлами. Об изобилии золота и меди у массагетов сообщают Геродот и Страбон, причем последний к ним добавляет бронзу, но отмечает недостаток железа. В третьих, он являлся колыбелью формирования финно-угорской общности, оказавшей огромное влияние на ход азиатской и европейской истории.

¹ Муравьев С.Н. Указ. соч. С. 122.

² Сборник Латышева. С. 248.

Бросается в глаза близость гидронима Аракс с рядом заметных названий, как бытовавших в регионе в прошлом, так и сохранившихся до наших дней. В свое время В.Е.Борисов по поводу «долгожительства» топонимов писал: «Чтобы уяснить себе значение той или иной местности, конечно, нельзя было ограничиться показом одного Птолемея: необходимо было исследовать этот район в его историческом значении и до Птолемея и после него, доходя даже до самых позднейших времен, так как иногда оказывалось, что позднейшее местное название почти не отличается от показаний Птолемея: настолько наша страна сохранилась в ее первобытности...».¹ Несмотря на то, что автор в своем труде явно злоупотреблял популярным в его время методом географического *onomasticon'a*, видя проявления переноса македонской топонимики на всей карте России от Черного моря до Ладоги (хотя, если он и существовал, то имел обратное направление), В.Е.Борисову удалось реконструировать карту птолемеевой Сарматии на столь высоком уровне, который недостижим для любого историка. Относительно же «долгожительства» имен географических объектов он совершенно прав.

Прежде всего в один ряд с Араксом можно поставить Арал и Урал. Если смысл последнего имени для современников неясен, то первое в переводе с тюркского несет в себе значение «остров». Можно предположить, что Урал близок Аралу не только по форме, но и по содержанию. Тем более, что Птолемей, который рассматривал Каспий как изолированный водоем, в который впадает река Ра (современная Волга) пишет: «...а на востоке от р.Ра – фтирофаги [вшееды], матиры и страна Островная». Название «фтирофаги» относится к типу образованных посредством штампа, отражающего какую-либо характерную деталь быта или экзотический обычай. Таких, даже не имен, а прозвищ, встречается достаточно много в греческих источниках (антропофаги – «людоеды», иппоподы – «коненогие», сарматы-конееды и т.д.). Всякое прозвище очень прилипчиво, поэтому может жить тысячи лет, присоединяясь к каждому новому имени, под которым данный народ фигурирует в течение этого времени. Так, сарматы-конееды (их также упоминает Птолемей) это нынешние волжские татары, хотя ритуальное поедание конины было свойственно всем сарматским народам до самой Швеции, где этот обычай описывается еще в начале нынешнего тысячелетия (не случайно некоторые старые шведские историки вели происхождение своего народа от татар). Прозвище «фтирофаги» отражает безобидный способ ловли насекомых со своей одежды зубами. Уже в X в., по прошествии многих сотен лет, Ибн-Фадлан применяет его по отношению к башкирам, описывая при

¹ В.Е.Борисов. Карта Сарматии (нынешней России) во II в по Р.Х. по греческому географу Птолемею. Ковна. 1909... С. 1.

этом сцену соблюдения правил личной гигиены методом, давшим это прозвище. Известно оно также во времена задолго до Птолемея. Таким образом, «фтирофаги» и матиры (будущие мадьяры) населяли наш остров, ограниченный двумя Араксами.

В обоих названиях (Арал и Урал) участвует «солнечный» корень, представленный во множестве языков, относящихся ныне к разным языковым группам и даже семьям, который образует в них понятийный ряд «солнце-тепло-красный-город-остров». Он достаточно подробно рассмотрен нами в «Исторической географии...», поэтому добавим здесь лишь лат.*ara* «возвышенность», «скала»; *aro*, *are* «пахать», «бороздить»; *era* «повелительница», «богиня»; *erectus* «направляющийся вверх», «поднятый ввысь», «мужественный», «возвышенный»; *ira* «гнев», «ярость»; *ugo* «жечь», «палить»; *urbis*, *urbs* «город», «верхняя часть города», «кремль»; *urvo* «намечать плугом границу города». В связи с последним примером, приведем предположение С.Н.Муравьева о том, что возможно все известные из античных источников Араксы выполняли роль границ. Поскольку, как указывалось, рассматриваемый район был колыбелью сарматских народов, уместно привести л.-фин. формы *erota*, *eroita* «разделяться», «разъединяться», кар. *erikseh* «раздельно», «отдельно».

Поскольку Западный Аракс традиционно отождествлялся с Танаисом, чему были основания (Араксом считался водный проход из Балтики через Ладогу, Онегу, Белое озеро и Шексну в Каспий, который существовал более или менее стабильно, но иногда открывался более прямой путь через Волхов и Полу или Мсту, а Волхов составлял часть Танаиса), то историки Александра Македонского и Восточный Аракс отождествили с Танаисом, посчитав его за границу Европы и Азии. Ряд авторов, кроме того, приводит местный вариант имени Аракса: согласно Арриану (полагавшему, что это другой Танаис, а не тот, что является границей частей света), Аристобул Кассандрийский утверждал, что местные варвары называли его Орксантом или Оксиартом; Аммиан Марцеллин называет его Араксартом; у Плутарха находим, что «...(Александр) перешел реку Орексарт, которую он считал Танаисом».

Попытаемся понять, что стоит за приведенной фразой Плутарха. С.Н.Муравьев, полагая, что под именем Аракса стоит ни какая другая река, как Сыр-Дарья (Яксарт), вслед за Эратосфеном и Страбоном, считавшими, что переименование Яксарта в Танаис явилось результатом честолюбия Александра, приписывает последнему «...гениальное по своей дерзости и красоте решение: совместить старую границу (реку Аракс) с «новой» (гидронимом Танаис). С этой целью, как он пишет, где-то между 334 и 329 гг. до Р.Х. Александр наложил запрет на имя Аракс в качестве обозначения Сыр-Дарьи, приказал всем называть ее Танаисом, в связи с чем название Яксарт осталось неизвестным всем участникам похода и распространилось лишь после смерти царя. Эти выводы, полагает автор, неизбежно следуют из той «удивительной статистики», что во всех сохранившихся фрагментах сочинений спутников Александра

и во всех дошедших до нас исторических трудах о нем (Диодора, Помпея Трога-Юстина, Плутарха, Арриана, Квинта Руфа) Сыр-Дарья упоминается два раза под именем Аракс, три раза под полуискаженными формами Орксант/Оксиарт/Орексарт (несмотря на запрет?), огромное число раз под названием Танаис *и ни единого раза под именем Яксарт*, ставшим позже стандартным обозначением Сыр-Дарьи.

Приведенные выводы С.Н.Муравьева были бы действительно сильны, если бы во времена похода Александра в Каспий впадало две крупных среднеазиатских реки. Однако, уместно напомнить, что Аристотель упоминает о трех таких реках, располагая их с юга на север в следующем порядке: Бактр, Хоасп и Аракс. Как комментирует эти сведения сам С.Н.Муравьев, Бактр – современный Балх, некогда впадавший в Аму-Дарью, плюс сама Аму-Дарья, иначе непонятно, чего бы ради Аристотель стал упоминать лишь коротенький приток. Действительно, лишь главную реку Бактрии мог он вывести под именем Бактр. Причем русло Аму-Дарьи проходило существенно южнее современного, отклоняясь от него по Келифскому узбою и протекая между Центральными и Заунгузскими Каракумами, река впадала через Узбой в Каспий в районе современного г. Небит-Даг.

Вряд ли возможно, чтобы под Хоаспом Аристотель имел в виду Зеравшан, как полагает Муравьев, а также любой другой приток. Поскольку указанная река стоит в ряду величайших рек района, она и сама должна быть сопоставима с ними. Зеравшан же в то время терялся в песках, не дотекая до Арала. Скорее всего о нем пишет Арриан, называя реку Политимет. К тому же, «Равенский аноним» говорит, что Хоасп впадает в Каспий. Это может быть лишь Сыр-Дарья, а третьей рекой является Аракс-Тургай.

1.5. Древняя гидрография и Восточный поход Александра Македонского

Александр Македонский не доходил до Тургая. Дело в том, что Аракс, создав широкий плес на месте нынешнего Арала, протекал дальше, соединяясь через Узбой с Каспием. Часть его русла от Арала до Каспийского моря также называлась Араксом. Лишь в этом случае сведения Геродота и Каллисфена, о том, что Аракс разделяет скифов и бактрийцев, имеют смысл. Этим же объясняется тот факт, что у историков похода ни разу не упомянут Яксарт, который разделял скифов и согдийцев. До него македонцы просто не дошли. Только в районе Аракса-Узбоя был возможен совместный мятеж бактрийцев и согдийцев, которых разделял Окс, против Александра, когда скифы вторглись с той стороны реки и перебили располагавшиеся тут гарнизоны македонцев.

Участникам похода, как видим, ни к чему было называть Аракс Яксартом. Он и упоминается под своим собственным именем, а также как Танаис, поскольку существовала традиция связывать и даже отождествлять Аракс с Танаисом. Само предположение о запрете, якобы наложенном Александром на имя реки, выглядит, по меньшей мере, наивно. Конечно, известны примеры самодурства царей, например, Ксеркс в свое время «наказал» Геллеспонт 300 ударами бича с приговорами. Кир наказал реку, утопившую его коня, тем, что разделил ее русло 360 каналами. Но Александр, хотя и упрекался его современниками в некотором подражании образу жизни восточных владык, но, по свидетельству тех же современников, изрядно отличался здравостью мысли.

В пользу того, что македонцы дошли до Аракса-Узбоя, свидетельствует само стратегическое положение района на мировых торговых коммуникациях. Здесь сходились пути, связывавшие Балтику и Северное Причерноморье с Китаем и Индией, Средней Азией и Персией. Невозможно было властвовать в Азии, не овладев этим перекрестком, поэтому Александр Македонский просто не мог проигнорировать его. Сегодня он представляет собой пустыню, однако именно на прилегающих к нему территориях до наших дней сохранились самые яркие следы пребывания Александра в Средней Азии: у подножья Копет-Дага, совсем рядом с Узбоем, находится населенный пункт Искандер, вдоль реки Горган сохранился протянувшийся на сотни километров древний вал, носящий имя Александра. На деле, к македонцам он, скорее всего, не имеет никакого отношения. В пользу этого говорит его второе название Кызылалан, что переводится как «красный алан». Очевидно, что в свое время он служил южной границей скифов, владевших нашим торговым перекрестком, и был сооружен персами для обороны от аланов. Если судить по тому, что скифы в то время звались аланами, то его сооружение относится ко II-IV вв.

Совокупность мелких деталей, дошедших до нас в трудах историков похода, также свидетельствует в пользу того, что Александрию Крайнюю, основанную царем в Согдиане, следует искать в Западной Туркмении. Например, даи (дахи), скифское племя, известное в качестве союзников Дария, участники мятежей Спитамена и Бесса, которых историки локализуют на северо-восточном побережье Каспия по реке Уралу-Дьяику-Яику (хотя могут быть и существенно отличающиеся варианты), упомянуты Аррианом как живущие «на том берегу Танаиса», что абсолютно точно, если видеть в Танаисе Аракс-Узбой, и совершенно безадресно, если понимать его как Сыр-Дарью. Отдельно остановимся на этом моменте, увязав его с фактом прибытия к Александру на Танаис послов от европейских скифов, а также с предложением царя хорасмиев Фарасмана нанести удар по колхам и амазонкам, покорить племена, обитавшие у

Эвксинского Понта.¹ Разумеется, эти данные скорее свидетельствуют о достижении македонцами Аракса-Узбоя, нежели Сыр-Дарьи. Но они также интересны и в плане постановки задачи для читателя.

Чтение в определенной степени является творческим актом. Что будет построено читателем в его сознании в результате прочтения той или иной книги зависит не только и даже не столько от автора, написавшего ее, сколько от самого читающего. Приведенные выше данные в совокупности сплетаются в запутаннейший узел. Упомянутые *хорасмии* – жители города и страны, известной всем позже под именем Хорезма и расположенной в низовьях Аму-Дарьи. *Амазонки* и *колхи* – народы, известные нам из греческого мифа. Женщин-воительниц, по общепринятому мнению, размещают в Малой Азии, а *колхов* на одноименной приморской низменности в Западной Грузии. Возникает вопрос: какое отношение владетель Приаралья имеет к Малой Азии (к тому же покоренной Александром в самом начале своего Восточного похода), Закавказью и Северному Причерноморью?

Арриан сообщает, что Фарасман живет по соседству с колхами и амазонками. Полистав Страбона, можно найти информацию, что *хорасмии* относятся к племени *массагетов*, а также то, что *арахоты* и *массагеты* живут, согласно Эратосфену, рядом с *бактрийцами* на запад от них по течению Окса (Аму-Дарьи), т.е. в Хорезме.² Похоже, что имя *арахотов* производно от Аракса, на берегах которого они живут. С одной стороны, это подтверждает наше предположение о конечном пункте похода Александра, зато, с другой, становится похоже, что наша локализация *массагетов* на Волге, причем в верхней ее части, примыкающей к Валдаю, совершенно лишена смысла.

Картина усложняется, когда мы читаем у Страбона о том, что не только мятежный перс Спитамен, неверный сподвижник Бесса, сатрапа *Бактрии*, провозгласившего себя царем после убийства Дария, бежал от Александра к *хорасмиям*, но и основатель парфянской династии Арсак спасался впоследствии от Селевка Каллиника, правнука Селевка Никатора, сподвижника Александра, (царь с 246 г. до Р.Х.) в этой же стране, народ которой назывался уже *апасиаками* (печенегами). От Страбона мы узнаем об Арсаке, что он вместе с кочевыми *даями-апарнами* завоевал в смутный для державы Селевкидов период небольшую и бедную горную область *Парфию*, простиравшуюся рядом с *Гирканией*, по южную сторону современного Эльбурса, до пределов *ариев* (область современного г.Мешхед в Иране). Его положение в стране было неустойчиво, однако наследники сумели благодаря военным успехам завладеть огромной частью Азии к западу от Евфрата и стать по своей роли в мире соперниками римлян. Как сообщает Страбон, *апарны-даи* были, по сведениям предшественников, переселенцами из области *даев*, живущих над *Меотидой*, которые назывались *ксандиями* или *париями*. Однако, полагает он, «не является общепризнанным, что среди скифов, живших над *Меотидой* были какие-то *даи*».³ Повидимому, это первое упоминание об *аварах*.

Страбон сомневается в существовании *даев* к северу от *Меотиды*, поскольку он, по его собственному признанию, вообще плохо знает тот район. Но они известны в Восточной Европе другим авторам. Стефан Византийский в своем словаре пишет:

¹ Арриан. Поход Александра. М., 1993. С. 154.

² Страбон. Указ. соч. С 485.

³ Там же. С. 487.

«*Дакия* – страна близ *Борисфена*. Жители ее – *даки*, которых мы называем *даями*: *гетами* называются живущие у *Понта...*».¹ Из Ефстафия узнаем, что не один Стефан называет *даков даями*: «*Даков* некоторые называют *даями*. Географ (Страбон - В.П.) также говорит, что *даки* некогда назывались *даями*. Геродот же говорит, что *даи* – персидское кочующее племя, как и *марды* и некоторые другие. Автор книги «О народах» (Стефан Византийский) говорит, что *Дакия* простирается до местностей близ р. *Борисфена*. Он говорит также, что у жителей Аттики имена рабов – большей частью *Даи* и *Геты*».² Страбон, на которого ссылается Евстафий, по поводу *даков*, живущих на *Истре*, пишет: «*Дакийцы*, как я думаю, в древности назывались *давами*. Отсюда происходят имена рабов *Гета* и *Дав*, бывшие в ходу в *Аттике*. Это более правдоподобно, чем производить название *Дав* от скифов, которых зовут *даями*, так как они живут далеко около *Гиркании*, и невероятно, чтобы оттуда возили рабов в *Аттику*. Ведь там называли рабов лишь по именам самих стран, откуда их привозили...».³ Таким образом, Страбону были известны *даи* в Европе, но он не связывал их с *даями* на Каспии.

С точки зрения нормального историка, приведенные сведения представляют собой абракадабру из смеси мифа и авторских фантазий, замешенных на незнании. Несмотря на то, что читатель уже имеет некоторое представление об организации пространства в древности, полученной информации пока недостаточно для создания связей, которые бы позволили за внешне бессмысленным набором данных увидеть целостную и гармоничную картину. Между тем, все приведенные сведения, до последнего слова, совершенно правдивы, и в том, что они в нашем сознании не укладываются в четкую схему, обретая форму знания о прошлом, как оно и должно быть, меньше всего виноваты древние авторы. Задача этой работы и состоит в том, чтобы помочь читателю осуществить коррекцию сознания и довести его хотя бы до уровня понимания достаточно простых истин, позволяющих не просто читать, но и понимать прочитанное в античных источниках.

Необходимо отметить, что во времена похода македонцев нынешние степи, полупустыни и пустыни Казахстана, Средней и Южной Азии были значительно влажнее. В пользу того, что ныне пустынные просторы Казахстана в прошлые исторические эпохи были достаточно хорошо освоены и не являлись препятствием для торгово-экономических и политических связей между Южным Уралом и Средней Азией, служат последние находки археологов. В безымянной долине, расположенной при впадении р. Исеть в Тобол, обнаружено более 200 сарматских курганов I тыс. до Р.Х. У археологов эта долина получила название Царской. Материалы раскопок свидетельствуют о тесных связях этого района, находившегося некогда на Араксе-Тургае, с Ираном, Индией и Северным Причерноморьем. На наш взгляд, эти находки отражают направление и границы распространения в более ранние времена политической власти и культуры ариев, за которыми специалисты все чаще видят древних обита-

¹ Сборник Латышова. С. 255.

² Там же. С. 194.

³ Страбон. Указ соч. С. 279.

телей Урала. Однако, как мы сможем убедиться, имя ариев было распространено в районах, расположенных далеко на северо-запад от Южного Урала.

Античные данные свидетельствуют о том, что Средняя Азия имела водное сообщение не только с Индийским океаном, но и с Мидией. Со значительными изменениями гидрографии района во многом связано непонимание историков маршрута индийского похода Александра Македонского. Первое, что следует отметить, это то, что македонцы вовсе не бывали на берегах современного Инда, а тем более не переправлялись через него. Этот Инд фигурирует в древних источниках под именем Ганга, тогда как античный Инд протекал значительно западнее его. Если взглянуть на гипсометрическую карту района, в глаза бросается понижение в горном рельефе, пересекающее эту часть Азии от южных границ Туркмении до Индийского океана. По нему проходит граница Ирана с Афганистаном и Пакистаном, что и естественно, поскольку государственные границы во все времена, как правило, бывают приурочены к природным географическим объектам. Чаще всего в качестве их выступают реки. Вдоль этого понижения располагается цепь достаточно крупных озер (Намаксар, Даги-Тунди, Сабари, Гауди-Зира, Машкель и др.), соединенных пересохшими руслами. Здесь некогда протекал древний Инд.

Поразительно, но данное утверждение практически не нуждается в доказательстве. Арриан так пишет об Инде: «О том, что Инд из азийских и европейских рек самая большая, кроме Ганга (это тоже индийская река), что истоки его находятся на этой стороне горы Парапамис, или Кавказ, что он впадает в Великое Индийское море, лежащее к югу, что у него два устья и оба, при впадении своем, илисты и мелки, подобно пяти устьям Истра, что Инд образует в индийской земле дельту, подобную египетской, и она на языке индов называется Паталы, – этими вполне достоверными сведениями об Инде ограничусь и я. Гидасп, Акесин, Гидраот и Гифас – реки тоже индийские; они значительно превосходят величиной другие реки Азии, но они меньше, значительно меньше Инда – насколько сам Инд меньше Ганга. Ктезий (если можно сослаться и на Ктезия) пишет, что в самом узком месте берега Инда отстоят один от другого на 40 стадий, а в самом широком – на 100. Обычная же ширина его – средняя между этими двумя цифрами».

Уже из приведенного отрывка ясно проявляется локализация Инда. Древние названия некоторых горных хребтов (Загрос, Паропамиз) благополучно дожили до наших дней, оставаясь на своих местах, что выгодно отличает их от гидронимов. Кроме того, описывая маршрут Александра, Арриан рассказывает, что из Задракарты, главного города Гиркании, он через Парфию вошел в Сузию, город Арии, (современный Мешхед). Дальше царь намеревался идти в Бактрию, но, в связи с восстанием

ариев, изменил маршрут, повернув на юг. Подавив восстание, Александр вошел в страну зарангов, сатрап которой Барсаент (один из убийц Дария) бежал за Инд, но был выдан индами и казнен. Совершенно нелепо полагать, что упомянутые Инд и инды имеют какое-то отношение к современной реке Инд.

Здесь же у Александра Македонского произошла интересная встреча, о которой следует упомянуть не в связи с локализацией Инда, а по причине важности ее для нашей основной темы. Арриан пишет: «Он пришел к народу, который в древности звался ариаспами (аримаспами – В.П.), а потом были переименованы в звергетов, потому что они содействовали Киру, сыну Камбиза, в его походе на скифов. Александр с уважением отнесся к тем, чьи предки помогли Киру. Убедившись, что их общественная жизнь вовсе непохожа на жизнь других местных варваров, что они блюдут справедливость наравне с лучшими людьми Эллады, он оставил им их независимость и прибавил им соседней земли, сколько они захотят, – хотели же они немногого, да и попросили не сами. Здесь он принес жертву Аполлону...».¹

Имя звергеты («благодетели») вряд ли аримасы получили за содействие Киру Великому – против этого говорит сам трагический финал похода царя против скифов. Другие авторы появление этого имени относят к гораздо более древнему времени похода «Арго» в Колхиду (XIII в. до Р.Х.), когда аримасы спасли выброшенных штормом на остров аргонавтов. Это, как мы убедимся, далеко не единственное свидетельство пребывания северян на крупнейшей мировой торговой магистрали, каковой являлся Инд.

Далее Александр, подчинив дрангов и гадросов, покорил уже знакомых нам арахов, которые жили по соседству с индами. В это время на землях названных народов лежал глубокий снег (свидетельство значительно большей увлажненности территории), не хватало продовольствия. Войско утомилось. Вдобавок опять восстали арии. Македонцы подошли к подножью Кавказа (Паропамиза). Послав часть войск на подавление ариев, царь занялся возведением города, названного его именем (Герата). Пойдя через перевал Собзак, македонцы вошли в Бактрию.

Упоминание Инда и индов приводит к тому, что путь Александра Македонского в этом эпизоде его похода, как изображают его историки, напоминает скорее не маршрут героя-полубога, а след напуганного зайца. При этом страну Арахосию они размещают в глубине Афганистана, в районе Кандагара. На самом же деле Арахосия, получившая имя от арахов, которые обитали, будучи торговым народом, не только в Хорезме, согласно Страбону, являлась частью Арии и располагалась по левому

Арриан. Указ соч. С. 135.

берегу древнего Инда, по другую сторону которого была Дрангиана. Страбон пишет: «Ария и Маргиана – самые могущественные страны в этой части Азии; частью они окружены горами, частью же их поселения находятся на равнинах. В горах живут какие-то «обитатели палаток»; по равнинам текут орошающие их реки – Арий и Марг (Теджен и Мургаб – В.П.). Ария граничит с Бактрианой... Она находится приблизительно в 6000 стадий от Гиркании. Вместе с Арией платила дань (Парфии – В.П.) и Дрангиана (вплоть до Кармании), расположенная большей частью у подошвы южных частей гор; но у нее есть и такие части, которые приближаются к северным горам против Арии. Арахосия находится также недалеко; она лежит у подошвы южных частей гор, простираясь до реки Инда, и составляет часть Арианы. Длина Арии ок. 2000 стадий, а ширина равнины 300. Города этой страны – Артакаена, Александрия и Ахея – носят имена основателей. Страна производит много вина, и это вино сохраняется в течение трех поколений в несмоленных сосудах».¹

Аммиан Марцеллин по поводу Арианы писал: «За серами живут ариане, открытые дуновениям Борея (к северу). Через их земли протекает судоходная река Ария, которая образует огромное озеро с тем же названием. В этой стране много городов; из них известны – Витакса, Сарматина, Сотира, Нисибис и Александрия; от этого последнего города водным путем до Каспийского моря 1500 стадий (ок. 300 км)».² Последний город, судя по приведенному от него расстоянию до моря, и есть та самая Александрия Крайняя, основанная на Араксе. Она находилась на месте слияния Аракса и Окса (Аму-Дарьи). Помимо того, что река Ария судоходна, Марцеллин в другом месте приводит сведения, взятые им из другого источника, о том, что реки Ох (тот же Теджен) и Даргоман, «после слияния между собою, преумножают своими водами громадную реку Окс».³ Отсюда видно, что в отдельные периоды р.Теджен не теряется в пустыне, как это происходит сегодня, а также во время Арриана. Вместе с частями русел Аракса и Окса река Ария составляла единый водный путь, по которому перевозились товары до водораздела с Индом. Именно о нем упоминает Страбон: «...река Окс, отделяющая Бактриану от Согдианы, как говорят, отличается такой судоходностью, что индийские товары, подвозимые к ней через горы, можно доставлять вниз по ее течению до Гирканского моря и оттуда по рекам в соседние области вплоть до Понта».⁴

¹ Страбон. Указ. соч. С. 487.

² Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб. 1994. С. 299.

³ Там же. С. 297.

⁴ Страбон. Указ. соч. С. 79.

Надо полагать, что на этом пути, по-видимому, на согдийском берегу озера, которое образовывали при слиянии Окс, Ария и Марг, располагался знаменитый город Мараканда. Позже он был известен под именем Мерв, а также Антиохия. Отсюда северные товары шли водой в верх по Арию, насколько это было возможно. Затем на верблюдах («корабль пустыни») перевозились до областей парапамисадов, которые, согласно Марцеллину, орошались рекой Ортогордомарием, имевшей исток в Бактрии (Герируд). Отсюда начинались два водных пути. От города Ортоспана существовал путь водой к границам Мидии, прилегавшей к Каспийским воротам, протяженностью 2200 стадий.¹ Здесь также начинался путь по Инду, вдоль которого по восточному берегу далеко на юг простиралась Арахозия.

С древнейших времен ведических ариев он контролировался северянами, имевшими на Инде систему торговых поселений. Потомками араховтов являются живущие ныне в нем таджики и хазарейцы, которые говорят на одном из диалектов таджикского языка. Это не удивительно, поскольку на таджикском, который по сей день сохранился в Хорезме, говорили и арахоты. Свое нынешнее имя хазарейцы носят со времен, когда северная торговля здесь поддерживалась мощью Хазарского каганата. Они и сегодня осознают свое неместное происхождение, хотя бытует представление, перешедшее также в науку, что хазарейцы являются потомками тюрко-монголо-иранских кочевников. Когда Инд перестал существовать как транспортная магистраль, торговля с Индией пошла по маршруту Герат-Кабул-Джелалабад. Именно вдоль этого пути в настоящее время проживает большая часть хазарейцев. Но ислам шиитского направления выдает их западное происхождение.

Индийский поход Александра Македонского, который он предпринял после покорения Средней Азии, осуществлялся вдоль правого берега Инда. Не доходя до обширного озера (Марцеллин называет его Арахотоскрена), которое образуют при слиянии Инд и Гидасп (совр. Гильменд), царь переправился через Инд и двинулся на восток, форсируя последовательно Гидасп, Акесин (Аргандаб), Гидраот (Тарнак) и дошел до Гифаса (Лора). Он имел сведения, что за этой рекой располагается богатая земледельческая страна с обустроенным государством и множеством слонов. Район города Кветта в Пакистане и сегодня выделяется производством винограда и цитрусов. Сюда, на земли прилегающие к Гангу (современный Инд), и стремился Александр, но, вынужденный уступить уставшему и ропщущему войску, повернул назад к Инду. На берегах озера при слиянии Гидаспа с Индом он основал очередную Александрию, которую называет Марцеллин среди городов озера Арахотоскрена. Сегодня в этом районе известны многочисленные развалины

¹ Аммиан Марцеллин. Указ. соч. С. 300.

древних городов (Пишаваран, Амиран, Рамрод, Тараку), что свидетельствует о значительной заселенности его в прошлом.

Мы не станем подробно описывать поход Александра, полагая, что уже сказанного достаточно для того, чтобы сомневающиеся, открыв Арриана, убедились в правильности наших локализаций. Даже не слишком подготовленный читатель сможет прочувствовать разницу между традиционной реконструкцией маршрута македонцев и предложенной нами. Это сравнение будет не в пользу историков. Материалы данной главы обобщены в виде картосхемы, которую читатель найдет в приложениях 1, 2.

Глава 2. Греческий миф как географический источник

Для современника, обремененного научными знаниями, греческий миф – не более, чем красивая сказка. Если мы обратимся к античным авторам, то, увидим, что, несмотря на частое обращение к мифу не только представителей искусства, но и ученых, отношение к нему было примерно таким же. Так может быть и не следует искать в мифе того, что ему не свойственно, т.е. реальных сведений из далекого прошлого?

Наиболее подробно на природе мифа и его назначении оставался Страбон. К тому же, будучи чрезвычайно добросовестным исследователем, этот автор, излагая свое мнение всегда скрупулезно приводит аргументы оппонентов. Именно в этом, возможно, и заключается главное достоинство работы Страбона.

По мнению автора, «мифы не имеют никакого отношения к практической жизни», которую призваны отражать такие науки, как география и история. Следовательно, по Страбону, наш заголовок лишен всякого смысла. Сказано более, чем категорично, так, что даже неподготовленному в области мифа человеку, может прийти в голову вполне естественный вопрос: для чего же, в таком случае, его создавали?

Страбон объясняет появление мифа его пользой для детей, а также для женщин, всякого простонародья, невежественной и полуграмотной публики. Если для первых он является средством воспитания и развития, подготовки к познанию реальных предметов, то для остальных служит способом внушения необходимого суеверного страха, поскольку «философ не может убедить их разумными доводами или вселить в них чувства благочестия, набожности и веры».¹

Казалось бы, все просто и ясно: миф призван воздействовать на сознание людей там, где бессильна философия, т.е. наука. Однако, природа мифа более сложна и более глубока. Можно предположить, что

¹ Страбон. Указ. соч. С.26.

мифологическое сознание господствовало в обществе до появления научной формы общественного сознания, которая в Греции получила название философии. Это подтверждает Страбон, когда говорит: «Первые историки и физики были также и сочинителями мифов».¹ Тот факт, что историки, предшествовавшие Страбону, как и сам он, широко использовали миф, также совершенно недвусмысленно свидетельствует о единой природе науки и мифа. Эти два явления соотносятся примерно также, как в живописи соотносятся сюрреализм и примитивизм. Длительное время они сосуществовали, пока миф не был окончательно вытеснен наукой.

Миф и наука несут в себе единую функцию – накопление, хранение и передача информации. Нет смысла спорить о преимуществах и недостатках того или другого способа. Каждый из них соответствует своему времени. Миф характерен для социально однородного общества, тогда как наука предполагает достаточную степень его структурированности.

В наши дни система обучения основана на учебниках, причем они подразделяются на несколько уровней. Общеизвестно насколько сложной задачей является создание хорошего учебника любого уровня. Универсального учебника, даже в одной отдельно взятой области знания, создать практически невозможно. Миф же представлял собой своеобразный учебник, рассчитанный на всех, и в этом состоит его уникальность. Один видел в нем лишь красивую сказку, другой находил в нем основу мироздания.

Необходимо отметить, что миф, этот «учебник широкого потребления» был непонятен уже на заре греческой полисной цивилизации. С VI в. до Р.Х., т.е. со времени откуда до нас дошли первые научные труды, величайшие ученые мужи Греции, в той или иной степени и с большим или меньшим успехом, занимались толкованием мифов. Это же делал древнейший из поэтов, дошедших до нас, Гомер. Та широкая полемика вокруг мифа, которая сохранилась в трудах античных авторов, неоспоримо свидетельствует о том, что данная форма передачи знаний была продуктом иной, более древней цивилизации, которая в истории называется крито-микенской.

На сегодня в истории утвердился взгляд, что государство и цивилизация в Греции зарождались дважды, с большим разрывом во времени. В первой половине II тыс. до Р.Х. возникла крито-микенская цивилизация, а в первой половине I тыс. до Р.Х. началась эпоха античной полисной цивилизации. Первая сошла при загадочных обстоятельствах примерно в конце XII в. до Р.Х. Полагают, что ее крах был результатом нашествия в Восточное Средиземноморье так называемых «народов моря». В проме-

¹ Страбон. Указ. соч. С.26.

жутке между двумя цивилизациями археологи отмечают удручающий упадок.¹

2.1. Миф и поэзия

Множество вариантов самых разных мифов дошло до нас благодаря тому, что они являлись сюжетами поэм, драм, трагедий и даже иногда сатирических комедий. Поэтому мы будем широко использовать древних поэтов в своем исследовании.

Уже в древности существовал взгляд на поэзию как на исключительно эстетическую ценность. Так, Эратосфен в III в. до Р.Х. указывал, что цель всякого поэта – доставлять наслаждения, а не поучать. Однако Страбон в связи с этим подмечает, что Эратосфен этим утверждением противоречит сам себе, поскольку в начале своего трактата по географии говорит, что с древнейших времен все поэты стремились показать свое знание географии. Оспаривая мнение Эратосфена, Страбон отмечает: «Древние же, напротив, утверждали, что поэзия есть нечто вроде начальной философии, которая с детства вводит нас в жизнь и, доставляя нам удовольствие, формирует наш характер, чувства и поступки. И наша школа, сверх того, утверждает, что «только мудрец является поэтом».²

Рассуждая о значении Гомера и степени достоверности его сведений, Эратосфен говорит: «...Гомер внес в свои поэмы все, что узнал об эфиопах и жителях Египта и Ливии; при описании Греции он увлекся даже излишними подробностями, называя Тисбу «любезной стадам голубиным» (Ил. II, 502), Галиарт – «многоотравным» (Ил. II, 503), Анфедон – «предельным» (Ил. III, 508), Лилею же – находящейся «при шумном исходе Кефисского тока» (Ил. III, 523). ...Гомер никогда напрасно не бросает эпигетов. В таком случае, ...похож ли поэт на человека, который развлекает или поучает». На поставленный вопрос Эратосфен отвечает так: «Конечно, клянусь Зевсом, последнее правильно, но несмотря на то, что Гомер употребил эти эпитеты с целью поучения, все, что находится за пределами его наблюдения, и он и другие поэты наполняли мифическими небылицами». В ответ на это Страбон совершенно справедливо замечает несоответствие посылки и сформулированного вывода: «Тогда Эратосфену следовало бы сказать, что «всякий поэт в одном случае пишет для развлечения, в другом – для поучения».³

Как несложно заметить, материалы этой заочной дискуссии между

¹ История Европы. Т. I. М., 1988. С. 217.

² Страбон. Указ. соч. С. 21.

³ Там же. С. 22.

двумя географами античности, несмотря на существенное различие их взглядов на поэзию, свидетельствуют о реальности содержащихся в ней географических исследований. Поэтому, на наш взгляд, они представляют не меньшую ценность, чем научные труды. Это и естественно, поскольку те и другие происходят, главным образом, из единых источников. Именно поэтому в работах ученых (Геродот, Страбон и др.) мы часто находим ссылки на поэтов, а литературные произведения, как правило, снабжались научными комментариями (схолиями), причем, наряду с именами ученых античности, в схолиях не менее часто встречаются имена авторитетных поэтов. Наиболее ярко единство поэзии и науки проявилось в таких явлениях, как описание мира или периплах (круговых описаниях морских побережий).

Есть существенная разница в способах получения и передачи информации между сегодняшним днем и рассматриваемым нами далеким прошлым. Вместе с тем, удивительно близким является мировоззрение людей, отделенных друг от друга несколькими тысячелетиями. Это свидетельство неизменности человеческого сознания на фоне бурных технических перемен жизни, вселяет надежду, что мы сможем разобраться в том хитросплетении отрывочных данных, которые дошли до нас с древних времен, и прояснить для себя прошлое.

Коснемся двух моментов. Сегодня досконально известна и картирована поверхность Земли, а развитие современных транспортных средств прочно внедрило в сознание людей, по крайней мере грамотных, мысль о малости Земли. С другой стороны, ее размеры удивительно точно Эратосфен рассчитал еще в III в. до Р.Х., а мыслью об ограниченности размеров ойкумены проникнут дошедший до нас со II в. до Р.Х. отрывок Агатархида Книдского: «самые разнообразные способы жизни людей разделяет и разграничивает небольшое пространство. Так, например, многие из перевозчиков товаров на грузовых барках из Меотийского озера на десятый день достигают гавани Родосцев; отсюда в то же время года на четвертый день приезжают в Александрию, а из нее, плывя вверх против течения (Нила – В.П.), в другие десять дней без особых трудностей могут прибыть в Эфиопию. Таким образом, от крайнего холода до высшей степени жара выходит не более 25 дней непрерывного пути...».¹

Современная география, практически исчерпав возможности развития «вширь», развивается «вглубь», достигнув на этом пути значительных успехов. Во всяком случае, она вышла на понятие «природная система» и доросла до идеи об изменчивости природных систем во времени, а также до признания цикличности этих изменений, имеющих космическую природу. На фоне столь значительных мировоззренческих достижений

¹ Сборник Латышева. С.925.

фигура нашего историка выглядит удручающе печально: он пребывает на позиции выдающегося географа двухтысячелетней давности Страбона, которая строилась на идее статичности природы. При такой позиции любое описание какого-либо района, независимо от времени его создания, историк накладывает на современную карту. При несовпадении описания автор обвиняется в лучшем случае в неведении, в худшем в фальсификации. Это относится даже к серьезным ученым античности, а поэты как правило вообще не принимаются во внимание.

История географична. И когда на столь сомнительной географической основе ее пытаются строить, естественно, что она не «строится». Так «мелочь» (но мировоззренческого характера) исключила из оборота историков мощнейший пласт античных источников, которые мы и попытаемся использовать. Причем, помимо изменчивости природных систем во времени, мы будем учитывать связанную с ней переменную имен географических объектов, которая заключается как в том, что один объект может в разное время называться различными именами, так и в том, что одно и то же имя может перемещаться от объекта к объекту на весьма обширном пространстве. История с географией, как и все прочие научные дисциплины, строится на законах формальной логики. То обстоятельство, что в математику было введено понятие переменных величин, не сделало ее менее точной наукой.

Возвращаясь к поэзии, отметим то качество, которое делает географические сведения, содержащиеся в ней, уникальными. С одной стороны, поэзия служит, возможно, главным инструментом развития языка: вспомним, что неологизмы приходят в наш язык, как правило, через поэтов. С другой стороны, в поэзии надолго консервируются слова и выражения, не встречающиеся уже в живом языке, то же самое относится к географическим названиям. Где, как не в поэзии, в наше время можно встретить «туманный Альбион», «полночные страны», «море мрака» или «студеный океан»? Дополнительный консерватизм географическим сведениям из античной поэзии придает то обстоятельство, что в течение многих веков она использовала мифологические сюжеты. Поэтому в ней сохранились географические сюжеты, не дошедшие до нас в научной традиции. Задача исследователя сводится лишь к более или менее правильному определению времени, к которому относятся эти сведения.

2.2. Источники географической информации

Ученые античности достаточно много путешествовали. Иногда эти поездки (например, у Посидония) представляли собой специальные научные экспедиции. Чаще маршруты определялись служебными командировками или участием в военных походах (Плиний, Тацит, Арриан).

Поездки Страбона осуществлялись в образовательных и ознакомительных целях, главным образом, в пределах Восточного Средиземноморья (Малая Азия, Египет, Рим). За редким исключением, маршруты путешествий ученых не выходили за пределы греко-римского мира. Примером таких исключений является Каллисфен, сопровождавший Александра Македонского в походе на Восток.

Таким образом, географические сведения о варварском мире (именно они нас интересуют в первую очередь) могли поступать или с пограничных районов, или непосредственно из областей варваров. Одним из источников информации были религиозные путешественники или пилигримы. Ими были гиперборейцы, приносившие в храм Аполлона на острове Делос жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому, пересекавшие при этом с севера на юг всю Европу и проходившие многие народы. Первым из ученых, рассказавшим о поклонении на Делосе скончавшимся на нем гиперборейским женщинам и девушкам с именами Арга, Опис, Гипероха и Лаодика, был Геродот, не веривший в само существование гипербореев. Присутствует легенда о гиперборейцах и их дарах также у Плиния и Помпония Мелы. Причем Плиний, использовавший такое количество трудов предшественников, как, возможно, никто до него, подчеркивает, что нельзя усомниться в существовании в прошлом этого народа, поскольку очень многие авторы говорят о нем.

Сведения о гиперборейцах Геродот резюмировал следующим образом: «Итак, о гиперборейцах сказано достаточно. Я не хочу ведь упоминать сказание об Абарисе, который, как говорят, также был гиперборейцем: он странствовал по всей земле со стрелой в руке и при этом ничем не питался (в существование гипербореев я вообще не верю). Ведь если есть какие-то люди на крайнем севере, то есть и другие – на крайнем юге. Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли».¹

Легко заметить, что основной причиной для сомнения Геродота в самом факте существования гипербореев является недостаток знания об отдаленных районах Европы. Ко времени Геродота (V в. до Р.Х.) обычай приношения даров гиперборейцами на Делос уже давно умер. Да и самих гипербореев уже не существовало. Еще Гекатей (VI в. до Р.Х.) писал о том, что гиперборейцы существовали до его времени.² Исчезновение обычая Плиний объясняет злоупотреблениями сопредельных народов.

Об Абарисе, или Аварице, в античной литературе сохранилась богатая традиция, поскольку он почти в течение тысячелетия был весьма почитаем в Греции. Знаменитый афинский, а затем константинопольский софист IV в. по Р.Х. Имений так

¹ Геродот. Указ. соч. С. 196.

² Сборник Латышева. С. 427.

писал о нем: «говорят, что **чудрец** Аварид был родом гиперборей, а по языку – эллин; по одежде и внешнему **виду** – скиф, но чуть только пошевелит языком, – его слова казались исходящими из **середины** Академии и самого Ликейя... Аварид прибыл в Афины вооруженный луком, с висящим на плече колчаном, облеченный в хламиду; на чреслах был золотой пояс, штаны были натянуты от ступней до ягодиц».¹

Причины, по которым Абарис прибыл в Грецию, излагаются по-разному, хотя и не исключают друг друга. Согласно Арпократиону, во время всемирного мора Аполлон поручил Афинам возносить молитвы и жертвы за всех людей; в это время в качестве посла гипербореев прибыл наш мудрец. Гиппострат говорит, что это случилось в 53-ю олимпиаду, Пиндар, знаменитый греческий поэт – при лидийском царе Крезе (560 – 547 г.г. до Р.Х.).²

Константинопольский патриарх Григорий Богослов, ссылаясь на известного оратора IV в. до Р.Х. Ликурга, говорит, что Абарис прибыл в Элладу, когда у гипербореев случился голод, что он служил наемником у Аполлона (т.е. был его жрецом), который и научил его искусству прорицания.³

Ямвлих, живший при Константине Великом, утверждает, что Абарис, будучи жрецом Аполлона, собирал в Греции золото для северного храма божества. Упоминает он и о даре прорицания: «Сказания, которые одинаково единогласно передают об этом муже, как например достоверные предсказания о землетрясениях, скорое прекращение моровых болезней, немедленное успокоение бурных ветров и выпадения града и умерения речных и морских волнений для облегчения переправы товарищей... Никогда никто не видел, чтобы он что-нибудь пил или ел. Говорят, что он в Лакедемонне (Спарта – В.П.) совершил предохранительные жертвоприношения и что поэтому никогда впоследствии не было там моровой болезни».⁴ Примерно то же самое об Абарисе говорят и другие источники.

Кроме того, Ямвлих говорит о том, что возвращаясь с золотом, посвященном Аполлону, на север через Италию, Абарис остановился у Пифагора и имел с ним продолжительные беседы. Очень широко распространена легенда о том, что Пифагор показал ему свое золотое бедро, в результате чего Абарис принял его за Аполлона Гиперборейского, как утверждает автор III в. по Р.Х. Порфирий. Абарис подарил стрелу Аполлона Пифагору, который, как говорят, всю жизнь гордился встречами с гиперборейским мудрецом Абарисом и персидским магом Заратуштрой. Результатом этой встречи было то, что все последующие поколения пифагорийцев свято верили сказаниям об Абарисе Гиперборейском, как, впрочем и об Аристее Проконнеском.

Последний был также пилигримом, но, согласно Геродоту, «одержимый Фебом» прибыл из геллеспонтского города Проконнеса на север к исседонам. Проведя у них семь лет, Аристей в своей эпической поэме «Аримаспия» рассказал о них, а также о сопредельных им народах (гиперборейях, аримаспах и др.).

Другими источниками информации были всякого рода авантюристы,

¹ Сборник Латышева. С.683.

² Там же. С.588.

³ Там же. С.717.

⁴ Там же. С.660-661.

искатели приключений, исследователи. Свои походы они часто совмещали с торговой деятельностью, хотя их нельзя отнести в полной мере к купечеству. Широко известен Пифей из Массалии (современный Марсель), который во времена Александра Македонского, обогнув Испанию и Галлию, вошел в Балтику, а затем водным путем (чего никак не поймут современные историки) через Меотиду вышел в Понт Эвксинский и вернулся на родину. Он оставил описания расположенного на крайнем севере о. Фулы (Туле), сведения о «Янтарном острове» и «Ватном море», за которые неоднократно подвергался критике, доходившей до упреков во лжи, еще в античности.

Об одном из таких путешествий рассказал Антоний Диоген, живший не позднее I в. по Р.Х. Некто по имени Диний из любознательности отправился в путь со своим сыном Димохаром. Через понт, а затем от Каспийского, Гирканского моря они прибыли к так называемым Рипейским горам и устью реки Танаиса. Затем, вследствие стужи, повернули к Скифскому океану. Они достигли даже Восточного океана и очутились у восхода солнца. Оттуда они в течение долгого времени и среди разнообразных приключений объехали кругом внешнее море. В своем путешествии они побывали на о. Фула и здесь останавливались на время.¹

Как это ни печально, но сегодня вряд ли найдется историк, который признал бы компетентность автора рассказа в географии Восточной Европы (именно здесь проходил маршрут путешественников), а, следовательно, и реальность самой поездки. Причина заключается в элементарной неграмотности современных историков. Но куда как удобно, собственное незнание прикрывать склонностью древних к немыслимым фантазиям – они оправдаться уже не могут.

Третьим, пожалуй самым главным источником, откуда черпали сведения о дальних странах все слои древнего общества, были торговцы. Это никак не связано с их образованностью. Более того, возможно, что широкое хождение стихотворных форм описаний путей и побережий, связано как раз с неграмотностью пользовавшихся ими купцов. В этом смысле интересно, что отношение к ним в древности ничем не отличалось от современного.

Известный ритор I – II вв. по Р.Х. Дион Хризостом (Златоуст), в силу обстоятельств, возвращался из ссылки на родину в Вифинию через Борисфен. Ко времени его пребывания в городе, это уже была совершенно не та процветающая и известная всем Ольвия, располагавшаяся на месте впадения Южного Буга в лиман, а лишь тень от нее. Не оправившись после разрушения в начале I в. до Р.Х. гетамии Бурвисты, Ольвия утратила свое имя, значение и большую часть своей территории, влача

¹ Сборник Латышова. С. 509.

жалкое существование на дальней окраине значительно сузившегося греческого мира. Население города было греко-варварским, однако, как отмечает Дион, все его жители наизусть знали Гомера. Отношение к торговцам выразил один из слушателей Диона словами: «...у нас же твое прибытие к нам является как бы чудом: обыкновенно сюда приезжают эллины только по имени, а на деле варвары хуже нас, купцы и торгаши, привозящие дрянное тряпье и скверное вино и вывозящие наши товары ничуть не лучше этих»¹.

Именно этот грубый, но предприимчивый, а следовательно, и нужный во все времена человек – торговец, проникал в самые отдаленные для его времени уголки мира. Например, автор II – III вв. по Р.Х. Клавдий Элиан сообщает об одном из них: «Некто, по имени Дионисий, по занятию купец, часто совершавший из корыстолюбия многие отдаленные плавания и пробравшийся далее Меотиды, купил там колхидскую девушку, которую похитили махлии, одно из тамошних варварских племен».²

Географические сведения торговцев представляли собой описание путей, по которым товары перевозились в те или иные районы. На Руси они назывались дорожниками или гостинцами, а в Римской империи итинерариями. Достаточно рано на их основе создавались дорожные карты. Наиболее древней, из дошедших до нас таких карт, является так называемая Певтингерова таблица, представляющая собой копию XII – XIII в. древнеримской дорожной карты, восходящей, как полагают некоторые, к карте мира Агриппы, влиятельного римского полководца и друга Августа, под руководством которого в I в. до Р.Х. была проведена геодезическая съемка территории всей Римской империи и составлена карта мира.

За пределами Римской державы, где геодезическая съемка была невозможна, координаты географических объектов рассчитывались приблизительно, на основе расстояний и направлений, указанных в торговых дорожниках. Именно на них опирался Клавдий Птолемей, создавая *свою* «Географию» и карты. Самым сложным при этом были правильная локализация объекта, что было трудной задачей, поскольку в разные времена под одним и тем же именем понимались совершенно различные объекты, разделенные часто значительными расстояниями, и связанный с ней выбор направления. Поскольку ареал торговых интересов античного общества менялся во времени, имея тенденцию то к расширению, то к сужению, для описания отдаленных районов мира иногда приходилось использовать весьма древние источники. Это приводило к грандиозным ошибкам.

Еще раз подчеркнем, что географическими сведениями от торгов-

¹ Сборник Латышева. С. 177.

² Там же. С. 608.

цев в одинаковой степени пользовались как ученые, так и поэты. Ярким примером основательного знания географии поэтами является труд Дионисия Периегета, жившего в Александрии. В 124 году он гекзаметром составил описание населения Земли. Его источники были весьма древними, однако автор модернизировал их, приведя в согласие с современными ему представлениями о мире.

О качестве данной работы свидетельствует ее популярность вплоть до средних веков, когда она использовалась в качестве школьного учебника. В дальнейшем мы неоднократно будем возвращаться к этой работе. Здесь же приведем отрывок из нее, который, в какой то степени, характеризует автора, раскрывает его происхождение, а следовательно, в той или иной мере также источники его знаний: «Я легко мог бы описать тебе и это море (Каспийское – В.П.), хотя и не видел его отдаленных путей и не переплывал их на корабле, ибо я не живу на черных кораблях и не занимаюсь переданною отцом торговлею».¹

2.3. Титаны и Титанская земля

Сведения, относящиеся к географии нашей страны, встречаются уже в наиболее древнем пласте греческих мифов о происхождении мира и богов. Когда из Хаоса возник мир, в нем воцарился Уран-Небо. Он взял в жены Гею, свою мать, которая родила ему шесть сыновей и столько же дочерей, могучих титанов. Уран считается предком всего рода греческих богов. Однако (такова уж природа власти) отец возненавидел своих детей-великанов, справедливо видя в них угрозу своему положению. Он заключил их в недра матери Земли-Геи и запретил выходить на свет. От этого страдала и сама Гея, тщетно призывая титанов восстать против отца. Наконец, самый младший и сильный сын Крон, или Кронос, коварством низверг своего отца и лишил власти, отрезав ему ее символ – половой член.

В свою очередь Крон не был уверен, что власть навсегда останется у него, так как опасался, что и его дети обрекут на ту же участь, которая постигла Урана. Поэтому он забирая у жены Реи всех родившихся детей и проглатывал их. Такая судьба постигла Гестию, Деметру, Геру, Аиду и Посейдона. Тогда Рея по совету своих родителей Урана и Геи, укрывалась на Крите, где родила в пещере Зевса. Крону же вместо сына дала проглотить камень, завернутый в пеленку, причем он ничего не заподозрил (такова уж природа женщин).

Согласно мифологической версии, Крон управлял миром, живя на Островах Блаженных, которые греки размещали на самом западе

¹ Сборник Латышева. С.184.

обитаемого мира. К их локализации мы позже вернемся. Правление Крона считалось счастливейшим временем, «золотым веком».

Это, однако, не помешало возмужавшему Зевсу восстать против отца. Он заставил его вернуть проглоченных детей, после чего развернулась упорная борьба Крона и титанов против детей-богов. В ходе нее, как водится, часть титанов изменила Крону, и Зевс одержал победу, лишив отца не только власти, но и жизни на земле. Он низверг Крона в Тартар, не забыв предварительно его оскотить. Тартар – мрачная бездна в глубине земли, считающаяся нижней частью преисподней, окруженная медной стеной и рекой Пирифлегетон, куда после Крона стали попадать все богопреступники.

Фаллос Крона был брошен в море, получившее у греков имя Кронийского. Митрополит Фессалоникский Евстафий, блестящий знаток древнегреческой литературы и вдумчивый ее толкователь, в XII в. так комментировал в схолиях к Дионисию Периегету это имя: «Кронийское море – по звезде Крон, которая слывает у звездочетов за холодную..., почему ей также приписывается холод. По мифологическому преданию сюда же был брошен половой член, отрезанный у Крона».¹

Сам Дионисий в описании Океана дает следующую характеристику Кронийскому морю: «Повсюду несет течение неутомимого океана – одно и то же, но различающееся многими названиями: находящийся у крайнего предела локрийского Зефира называется западным Атлантом, а сверху, на севере, где живут сыны неистовых аримаспов, он называется Ледовитым и Кронийским морем; другие называли его и Мертвым вследствие слабого солнечного освещения: солнце редко светит над этим морем и почти постоянно скрывается в мрачных густых облаках...».²

В приведенном отрывке Кронийское море упомянуто в связи со страной аримаспов. С одной стороны, это свидетельствует о том, что сведения о море взяты автором из достаточно древнего источника, поскольку упоминание об аримаспах, как и о гипербореях, относится ко времени не позже VI в. до Р.Х. С другой стороны, сведений о них достаточно много, чтобы довольно точно локализовать страну аримаспов, которая располагалась севернее и северо-западнее Рипейских гор (Валдая) до побережья океана, т.е. Балтики.

Древние имена Балтийского моря, приведенные Дионисием, известны и Плинию: «Чтобы рассказать о внешней части Европы, следует выйти из Понта и, перейдя Рипейские горы, плыть вдоль берегов Северного океана, имея их с левой стороны, до тех пор, пока мы снова не достигнем Гадеса. Передают, что в этой части света много безымянных

¹ Сборник Латышева. С. 190.

² Там же. С. 179.

островов: один из них расположен перед Скифией и называется Равнонией, он находится в одном дне пути от берега, и на него, по рассказу Тимея, в весеннее время выбрасывается янтарь. Все прочие известия об этом берегу сводятся к недостоверным слухам: Северный океан, Гекатей называет его Амальхийским в той части, которая начинается от реки Паропамиса, омывает Скифию, это слово на языке того народа обозначает «замерзший». Филемон говорит, что часть океана от Рипейских гор вплоть до мыса Рубеас кимвры называют Моримарузой, что значит мертвое море. Дальше океан называется Кронием».¹

Сведения Тимея и Филемона относятся к периоду «большой воды», когда море простиралось до Валдайской возвышенности, а современное южное побережье Балтики от Ютландии до Валдая (его частью являются Тихвинская гряда и Вепсовская возвышенность, составляющие Валдайско-Онежский выступ) представляло собой систему островов, разделенных протоками, которые, как указывает Помпоний Мела, периодически могли даже пересыхать. Именно эта часть моря, сегодня являющаяся сушей, называлась Мертвым морем. Открытая его часть была Кронийским морем.

Упомянутый Плинием остров Равнония – это, без всякого сомнения, территория, расположенная севернее Немана, на которой расположены Жямайтская и Курземская возвышенности. На гипсометрической карте России, созданной генерального штаба генерал-майором А.Тилло, которая была издана в 1897 г., ясно просматривается островной характер этого района. Другой генерал-майор генерального штаба В.Е.Борисов, автор значительного и интересного исследования по «Географии» Птолемея, составивший по его данным карту Сарматии (нынешней России), полагал, что этот остров и есть знаменитая Скандза. С этим трудно согласиться, хотя данная территория в свое время и являлась малой частью славного острова.

Более свежие данные использует Дионисий, когда связывает Кронийское море с Каспийским (Гирканским) заливом: «Второй залив, небольшой, но важнейший из всех прочих (исключая Средиземное или «наше» море – В.П.), тот, который начинаясь с севера от Кронийского моря, несет свои глубокие волны в Каспийское море, которое другие называют Гирканским».²

В приведенном отрывке содержится господствовавшее в I в. по Р.Х. представление о том, что Каспий длинным и узким проливом соединяется с Северным океаном (Балтикой), составляя его залив. Этого взгляда придерживались Страбон, Плиний, Мела и др.

¹ Сборник Боднарского. С.250-251.

² Сборник Латышева. С.179.

Помпонию Мела пишет: «Каспийское море начинается узким и длинным проливом, наподобие реки».¹ Страбон говорит более подробно: «Каспийское море представляет собой залив, простирающийся от океана к югу; вначале море довольно узкое, но расширяясь по мере удаления вглубь и в особенности в области самой отдаленной части, ширина его достигает около 5000 стадий. Расстояние от входа, который находится почти что на границе необитаемого мира, до самой отдаленной части моря, пожалуй, немногим больше».² В другом месте Страбон оценивает расстояние от впадины Гирканского моря до устья Каспия, находящегося на севере, в 6000 стадий (примерно 1200 км). Причем, как видно из текста, эта величина отражает не длину узкого пролива Каспия, а расстояние по меридиану от параллели Гирканской впадины до широты, на которой находится устье.

«Грамотного» историка наверняка смутит применение термина «устье» по отношению к месту, откуда начинается Каспийский залив, поскольку сегодня он используется только применительно к месту впадения реки в какой-либо водоем. Поэтому, отвлекаясь очередной раз от основной темы, проясним этот момент, поскольку без его понимания, невозможно адекватное восприятие древних текстов. Во-первых, античные авторы весьма произвольно указывают направления течения одних и тех же водных объектов, что возможно, имеет под собой реальную основу. Так, относительно Каспийского моря Дионисий говорит: «Устремляясь снова на север, оно соединяется с течением Океана».³ Таким образом, место соединения пролива с океаном вполне может называться устьем. Во-вторых, и это главное, в старых языках смысл слова «устье» неоднозначен. Например, в латыни *meatus* это «устье» и «выход». В условиях, когда водный поток, выходя из одного водоема, впадает в другой, оба его конца могут называться устьем. Это проявляется и на современной карте: в Финляндии и Карелии, где, как правило, реки, вытекая из озер, впадают в другие озера или в море. При этом существует ряд населенных пунктов с названием Йоэнсуу (дословно «реки рот»), которые размещаются как у истоков реки, так и при впадении их в водоемы.

Существует еще одна «мелочь» мировоззренческого характера, без знания которой невозможно правильное понимание древних источников. Дело в том, что для греков времени Гомера существовало лишь два направления, использовавшихся для ориентации в пространстве: восток и запад. Промежуточные, север и юг, появились относительно поздно. Поэтому, когда в древних мифах упоминаются географические объекты,

¹ Сборник Боднарского. С.226.

² Страбон. Указ. соч. С.480.

³ Сборник Латышева. С.186.

располагавшиеся на дальнем или крайнем западе, бессмысленно искать их, основываясь на современных представлениях. Следы употребления этой древней системы пространственной ориентации достаточно часто встречаются в античных источниках. Например, в схолиях к Софоклу в пояснении, относящемся к Рипейским горам – географическому объекту, который греки единодушно располагали на крайнем севере Ойкумены, говорится: «...поэт называет их ночными потому, что они лежат на западе». Такие объекты как Острова Блаженных, Елисейские поля, Касситериты (Оловянные острова) и даже Атлантида были «потеряны» еще в древности только по причине утраты понимания, что крайний запад – это север.

Крон и титаны оставили еще одно географическое имя, бытовавшее на севере в древности. Аполлоний Родосский (III в. до Р.Х.) в «Аргонавтике» пишет, рассказывая о бегстве аргонавтов: «Шипение дракона (охранявшего руно – В.П.) услышали и живущие весьма далеко от Титанской Эи в Колхидской земле у устьев Лика, который, отклоняясь от шумной реки Аракса, сливается с Фасидом свои священные волны; обе они, соединяясь в одну реку, текут в Кавказское море».¹ В схолиях к произведению находим: «Вдали от Титанской земли»; о реке Титан, от которой и страна названа Титанскою, упоминает Эратосфен в «Географии».²

На первый взгляд, особенно обремененного кое-какими знаниями современника, совершенно не очевидно, что Титанская земля находилась на севере: в отрывке упоминаются Колхида и Кавказское море хотя, с другой стороны, какое отношение всем известная ныне Колхида в Грузии имеет к Кавказскому морю? Современное Черное море, омывающее Колхиду, с глубочайшей древности было известно грекам под единственным именем – Понт, т.е. просто «море», что свидетельствует о его значении для жителей Эллады. В ранние времена к нему прибавляли эпитет «Аксинский» («негостеприимный»), что было связано не с характером самого современного Черного моря или жителей его побережья, а с географическими представлениями древних греков о мире, которых мы еще коснемся. Позже оно стало называться Эвксинским (гостеприимным) Понтом.

Кавказское море – это Каспийское море. Как утверждает Стефан Византийский, от него происходят названия каспии, Каспийская гора, Каспийская страна. Свидетельство неразрывности двух этих имен «Кавказ и Каспий» находим у Страбона: «По словам Эратосфена, местные жители называют Кавказ Каспием...».³ А, как мы могли убедиться, по представле-

¹ Сборник Латышева. С. 422.

² Там же. С. 433.

³ Страбон. Указ. соч. С. 472.

ниям древних, Каспий начинался от Балтики. В схолиях к Дионисию находим: «Кавказские горы, с которых стекает Танаис – Рипейские, поскольку Рипейские горы составляют часть Кавказа».¹ В другом месте говорится: «Поэт предполагает Кавказ находящимся у Кронийского моря, считает его частями Рипейской горы и думает, что Кавказ – отрог Тавра».² То же самое в комментариях говорит Евстафий: «Под Кавказом теперь нужно разуметь, говорит, самую северную часть вышеупомянутого Тавра, доходящую до Кронийского моря, часть его составляют и вышеописанные Рипейские горы».³

Свидетельств того, что Титанская или Колхидская земля древних греков располагалась на Каспии причем в его устье, т.е. там, где Каспий соединяется с Северным или Кронийским океаном, в античных источниках достаточно много. Некоторые из них будут приведены ниже в связи с другими мифическими сюжетами. Здесь же упомянем о присутствии имени Каспия в сюжетах, связанных с походом аргонавтов в Колхиду, поскольку именно с нею отождествляется Титанская земля в приведенном отрывке Аполлония Родосского. В схолиях к Дионисию говорится: «Может быть по неизвестным местам Каспийское море к северу должно быть помещено у Скифии, как говорит Аполлоний о Мидии: «Собрала в Каспийской раковине»».⁴ В схолиях к Аполлонию находим: «В Каспийской раковине»; Каспийское море у Океана; близ него каспийский народ, соседний с персами, как свидетельствует Артемидор».⁵

Для того чтобы окончательно снять все сомнения относительно локализации Титанской земли на крайнем севере, приведем выдержку из схолии к победным одам Пиндара: «Ференик говорит, что гипербореи – титанического происхождения; он пишет так: «И вокруг гипербореев, которые живут вокруг земли под храмом Аполлона, не зная войны. Говорят, что они, выросши из крови древнейших титанов, под прохладным бегом заселили Борею землю царя Аримаспа»».⁶

В заключении разговора о Кроне и титанах отметим, что помимо географического пласта знаний, который выражен более конкретно, а следовательно, легче прочитывается, миф содержит также исторические сюжеты. Как уже указывалось, Крон управлял миром, пребывая на Островах Блаженных, для локализации которых в Озерном крае России есть все

¹ Сборник Латышова. С. 207.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 200.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 432.

⁶ Там же. С. 328.

основания. Зевс со своими братьями и сестрами после победы над отцом воцарился на Олимпе, а рожден и спрятан был матерью, как помним на о. Крит. Не будет большой натяжки в предположении, что в мифическом сюжете о смене власти Крона на власть Зевса мы имеем дело со сведениями о реальном расколе единой экономико-политической системы, происшедшем в глубокой древности. Воцарение над миром Зевса с олимпийцами, по-видимому, относится ко времени формирования крито-микенской цивилизации, явившейся основой для обособления греческого мира в последующем. Как Уран с Кроном в представлении греков стали предками отечественных богов, так и северные страны сделались землей мертвых, куда уходили души умерших, т.е. землей предков.

Мрачное царство Аида греки размещали в областях соседних с киммерийцами. В схолиях к «Иллиаде» находим: «Аристарх пишет *κερβερῶν* – Киммерийцы – народ, живущий вокруг Океана; некоторые пишут *Χεϊμερίων* [т.е. зимних]... Иные же говорят, что под киммерийцами разумеются живущие на западе и соседние с местностями близ Аида; или с мертвыми...».¹ В объяснениях Евстафия к «Одиссее» говорится: «...киммерийцев, народ известный в истории, поэт хочет переселить в соседство с Аидом, выбрав и для них имя по сходству: ибо их название по звуку произношения, по-видимому означает живущих [собственно лежащих] у гробниц или у земли, т.е. как бы подземных».² Оба автора не понимали системы пространственной ориентации времен Гомера, пытаясь применить современную им, основанную на существовании четырех стран света.

В этом же районе Восточной Европы располагались «потерянные», но весьма славные острова, о которых говорит Евстафий в комментариях к землеописанию Дионисия: «Там, говорит он, по преданию движутся по пустынным долинам души Ахилла и других героев; так что этот Белый остров называется островом героев, подобно тому, как воспевают поэт острова на Западном Океане, названные островами блаженных».³ Об этих островах будет отдельный разговор. Здесь же отметим, что именно их имеет в виду Климент Александрийский, когда говорит: «...гиперборейские и аримасповские города и Елисейские поля суть обители праведных...».⁴

Отметим также, что греческий миф донес до нас сведения о самых древних религиозных представлениях наших предков и погребальном обряде, связанном с ними. Аполлоний Родосский, описывая прибытие аргонавтов в страну колхов, пишет: «Через камыши и воду они вышли из корабля на сушу на одном из холмов, возвышавшемся на равнине. Она

¹ Сборник Латышева. С.304.

² Там же. С.313.

³ Там же. С.198.

⁴ Там же. С.598.

называется Киркейской; там росло рядами множество раkit и ив, на верхушках которых висели привязанные веревками трупы: и теперь еще считается у колхов святотатством предавать огню трупы умерших мужчин; нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы: их завертывают в не выдубленные бычьи шкуры и вешают на деревьях вдали от города. Однако и земля получает свое наравне с воздухом, так как трупы женщин предают земле; таков установленный у них обычай».¹

Вне всякого сомнения, обычай этот является отражением поклонения Отцу-Небу (Урану) и Матери-Земле (Гее). В схолиях к Аполлонию находим: «И на их вершинах»: ибо трупы мужчин колхам нельзя было... как говорит Нимфодор, которому следует Аполлоний. Чтут они больше всего небо и землю. Клятва колхов – небо и земля».² Ива на севере России считается первородным деревом. Элементы почитания ее можно найти в карельском эпосе:

Ива всех деревьев старше,
Кочка старше прочей суши...³

Такое отношение к иве могло быть выработано лишь на территориях, подверженных периодическим затоплениям. Оно было перенесено и в христианскую традицию.

2.4. Культ Аполлона на севере Европы

Аполлон – один из самых почитаемых в Греции богов, хотя его происхождение вовсе не эллинское. Авторитетнейший историк древности, обобщивший огромное количество трудов предшественников, Диодор Сицилийский (I в. до Р.Х.) оставил такой рассказ об Аполлоне, его корнях и его культе на севере: «Из числа писателей, сообщающих древние предания, Гекатей и некоторые другие говорят, что на Океане против страны кельтов находится остров величиною не меньше Сицилии. Этот остров лежит на севере и населен гиперборейцами, названными так потому, что живут они дальше дуновения борея; остров имеет прекрасную, плодородную почву, отличается благорастворением воздуха и дважды в год производит плоды. Рассказывают, что на нем родилась Латона (мать Аполлона и Артемиды – В.П.), вследствие чего из всех богов наиболее почитаем там Аполлон. Жители его являются как бы жрецами Аполлона,

¹ Сборник Латышева. С. 418.

² Там же. С. 431.

³ Рода нашего напевы. Петрозаводск, 1985. С. 103.

потому что каждый день беспрерывно воспевают его в гимнах и оказывают ему высочайшие почести. Есть на острове прекрасная роща, посвященная Аполлону, и достопримечательный храм шарообразной формы, украшенный множеством приношений; есть также город, посвященный этому богу; большинство его обитателей – кифаристы и постоянно в храме играют на кифаре и поют гимны в честь Аполлона, прославляя его деяния. Говорят гиперборейцы на каком-то особом языке и очень дружелюбно относятся к эллинам, а в особенности к афинянам и дилосцам; начало этой дружбы восходит к очень древним временам. Говорят, что некоторые из эллинов приезжали к гиперборейцам и жертвовали в храм богатые приношения с надписями на греческом языке. Точно также и гиперборейцы Аварид, прибывший в древние времена в Элладу, возобновил дружбу и родство с дилосцами. Говорят, что с этого острова луна кажется отстоящей от земли на весьма незначительное расстояние и имеющей на себе несколько заметных земляных возвышенностей. Рассказывают также, что бог является на остров каждые девятнадцать лет, в течение которых оканчиваются орбиты движения созвездий; поэтому-то девятнадцатилетний период времени называется у эллинов Метоновым годом. Во время своего пребывания на острове бог играет на кифаре, устраивает хороводы по целым ночам от весеннего равноденствия до восхода Плеяд и радуется своим успехам. Царствуют в этом городе и заведывают священным участком так называемые Бореады, потомки Борея, у которых власть переходит из рода в род».¹

Надо отметить то, что не вполне ясно, какого Гекатея имеет ввиду Диодор? Если это Гекатей Милетский, живший в конце IV в. до Р.Х., тогда большой интерес представляет отрывок из схолий к Аполлонию Родосскому: «Гекатей говорит, что гиперборейский народ существовал до его времени. У него есть сочинение под заглавием «Об гиперборейцах». У гипербореев почитается Аполлон, поэтому его видели отправляющимся туда».² Об этом сочинении Гекатея Милетского ничего не известно. С другой стороны, Клавдий Элиан (II-III вв.), автор работы о животных, пишет: «Род гипербореев и воздаваемые ими Аполлону почести воспевают и поэты, прославляют и прозаические писатели, в том числе Гекатей, не Милетский, а Авдирский...».³ О Гекатее Авдирском (Абдирском) ничего не известно, нам во всяком случае. Тогда как последующий текст свидетельствует, что именно он является автором сочинения о гиперборейцах: «[Из его описаний] только следующее подходит к нашему сочинению. Жрецами названного божества служат сыновья Борея и Хионы, числом

¹ Сборник Латышева. С. 461-462.

² Там же. С. 428.

³ Там же. С. 604.

трое, по природе братья, ростом по шести локтей (около 187 см – В.П.). Когда они совершают в честь названного бога установленное священнослужение в обычное время, с так называемых у них Рипейских гор прилетают необозримые по величине тучи лебедей; облетев кругом храма и как бы очистив его своим полетом, они потом спускаются в ограду храма, отличающуюся огромной величиной и необыкновенной красотой. В то время, как певцы запоют туземные песни в честь бога, а кифаристы присоединяют к хору чрезвычайно гармоничную игру, тут вместе с ними запевают и лебеди; они поют очень согласно и никогда нигде не издают ни одного нестройного или несогласного с пением звука, как будто получив такт от регента хора и спевшись с местными творцами священных напевов. Затем по окончании гимна они удаляются, исполнив обычную службу в честь божества, таким образом вышеназванные, так сказать, крылатые хоревты целый день воспевают бога».¹

Итак, по Диодору, Латона (Лето) родилась на острове гипербореев. Стефану Византийскому известно его название: «Еликсия (Эликсия – В.П.), остров гипербореев, не меньше Сицилии, под рекою Карамвиком. Островитяне называются карамвиками от реки, как говорит Гекатей Авдирский».² Преследуемая Герой, Латона за 12 дней, по рассказам делосцев, добралась от него до о.Делос где родила близнецов Аполлона и Артемиду.

Делос стал одним из главных центров культа Аполлона в Греции. В юном возрасте Аполлон на склоне горы Парнас в материковой Греции убивает преследователя своей матери дракона-чудовище Пифона и на месте его погребения основывает святилище. С тех пор священные Дельфы становятся центральным храмовым комплексом Аполлона, где жрица-пифия прорицала как отдельным людям, так и городским общинам волю отца нашего божества Зевса.

Наиболее ярко культ Аполлона проявлялся в прибрежных городах Малой Азии, в том числе в Трое, защитникам которой златокудрый бог активно помогал в их войне с ахейцами, на Сицилии и на Крите. Аполлон, он же Феб, – бог солнечного света, отождествлявшийся с Гелиосом. Обладая даром предвидения, он наделял этим свойством людей (например, Кассандру и Абариса). Аполлон являлся также богом гармонии, духовной деятельности и искусств, прежде всего музыки и пения. Поэтому он изображался с лирой, а в рассказах о нем часто упоминается кифара. Аполлон также почитался божеством, охраняющим посевы и стада, считался отвратителем бед и богом исцеления. Распространен был культ Аполлона и в Риме. Где достиг расцвета при Августе, который считал его

¹ Сборник Латышева. С.605.

² Там же. С.918.

своим хранителем. Сравняться с Аполлоном в игре на кифаре и пении было заветным желанием Нерона, которого из лести часто звали Фебом.

Помимо прозвища Пифий, которое Аполлон получил как победитель Пифона, в Элладе было известно другое его имя – Аполлон Муссагет. Это имя, несомненно, отражает его связь с севером. Греческий поэт IV в. до Р.Х. Симмий Родосский отождествляет гипербореев с массагетами: «...я прибыл к богатому народу гипербореев, у которых некогда пировал и царь герой Персей; там живут массагеты, ездящие на быстрых конях, вооруженные скорострельными луками; я пришел и к дивному потоку вечнотекущего Кампаса, который несет свои воды в божественное, бессмертное море. Оттуда я прибыл на заросшие зелеными маслинами острова, осененные высокими тростниками».¹ Скифы называли его Гистосира. Геродот же говорит, что царские скифы называют его Гойтосир. Еще одним эпитетом Аполлона является «Пролагатель путей».

По мифу, весну и лето Аполлон жил в Дельфах, посещая и свою родину о. Делос, где ему также был посвящен великолепный храм. Каллимах (IV-III вв. до Р.Х.) в гимне острову пишет: «...Поэтому с тех пор ты называешься священнейшим его (Аполлона – В.П.) островом, кормилец Аполлона; тебя не посещают ни Енио, ни Аид, ни кони Аррея (священный остров не подвергался опустошительным войнам, на нем запрещено было рождаться и умирать – В.П.), но всегда посылаются ежегодные десятинные начатки и привозят хоры все города, которые получили участки земли на востоке, на западе и посередине (т.е. на юге – В.П.), а также и жители северного берега, самое долговечное племя (гипербореи – В.П.). Они первые несут солому и священные горсти колосьев; их, приносимых издалека, прежде всего принимают в Додоне пеласги (знаменитейший после Дельфийского культовый центр, где находился Додонский оракул при храме Зевса в Эпире, на северо-западе Греции – В.П.), спящие на земле служители неумолкаемого Таза. Затем они пребывают в священный город и в пределы Милийской земли; оттуда переплывают на прекрасную Лилантскую равнину авантов (на острове Эвбея – В.П.), затем уже недалек морской путь из Эвбии, ибо близки к тебе ее гавани. Первые принесли тебе это Упис, Лаксо и блаженная Екаерга, дочери Борея и славнейшие из тогдашних юношей. Они не возвратились домой, достигли блаженства и, никогда не остаются безславными».² Каллимах утверждает, что три девы, впервые принесшие дары Аполлону от гипербореев, происходили из племени аримаспов. О том же говорится в схолиях к Каллимаху.

Павсаний Периегет (II в.) дает иной маршрут пересылки даров Аполлону на Делос от гипербореев, который проходил через Понт Эвксинский :

¹ Сборник Латышева. С.391.

² Там же. С.393.

«В Прасиях есть храм Аполлона; сюда приносятся, говорят, начатки от гипербореев: гиперборейи передают их аримаспам, аримаспы – исседонам, от них скифы привозят их в Синопу, отсюда они несутся эллинам в Прасии, наконец афиняне перевозят их на Дилос; начатки эти спрятаны в пшеничной соломе и никому не известны».¹

Осенью Аполлон на своей колеснице запряженной лебедями, считавшимися птицами божества, улетал в далекую страну гипербореев, на север. Это вполне совпадает с годовым ходом солнца. Север здесь выступает как дом Аполлона. Поскольку греки очеловечивали своих богов, то вполне уместно проведение параллелей между людьми и богами. Коль скоро для человека домом является место, где он спит, то это справедливо и для богов.

Об особом отношении Аполлона к гиперборейцам свидетельствует рассказ Симмия о том, что в Месопотамии, в Вавилоне, жил боголюбивый и богатый муж Клинид. Его очень полюбили Аполлон и Артемида, и он с ними много раз бывал в храме Аполлона у гипербореев и видел жертвоприношения ослов божеству. Возвратившись в Вавилон, он захотел принести жертву Аполлону по гиперборейскому обычаю. Но бог, явившись ему, пригрозил убийством, если он не прекратит этого жертвоприношения и не принесет ему по обыкновению коз, овец и быков, ибо жертва ослов совершаемая гиперборейцами, доставляет ему особое удовольствие.²

Сведения о жертвоприношении ослов Аполлону гиперборейцами содержится также в более поздних памятниках литературы, в которых гиперборейи отождествляются со скифами. Климент Александрийский пишет: «Да получают многие блага карийцы, которые приносят ему (Аполлону – В.П.) в жертву собак. Скифы пусть не перестают жертвовать ослов, как говорят Аполлодор и Каллимах: «Фив (еще одно имя божества – В.П.) услаждается гиперборейскими жертвами ослов». Здесь же он говорит: «...услаждают Фива тучные жертвы ослов».³

Интересна дальнейшая трансформация культа Аполлона, который со временем стал отождествляться с Марсом. Так, в схолиях к Никандру находим: «Кто [сообщил], что карийцами приносятся ему [Марсу] в жертву собаки, скифами – ослы? Разве главным образом не Аполлодор с прочими».⁴

Значение имени божества не ясно. Полагают, что культ Аполлона был заимствован греками после заселения ими побережья Малой Азии.

¹ Сборник Латышева. С.571.

² Там же. С.391-392.

³ Там же. С.593.

⁴ Там же. С.447.

Расшифровка древнехеттской письменности дала имя божества Апельюн, защитника жилищ, городов и стад. Считают, что лишь со временем Аполлон превратился в бога света и солнца. Однако маловероятно, что главная и значительно более общая функция божества могла вырасти из скромной роли Апельюна. Прежде, чем обратиться к выяснению значения имени Аполлона и района, где возник его культ, приведем пространный отрывок из Геродота о гипербореях. Некоторые его места будут перекликаться с ранее приведенными сведениями об Аполлоне и гипербореях, но в них есть и нечто иное, причем существенно важное. Геродот пишет: «О гипербореях ничего не известно ни скифам, ни другим народам этой части света, кроме исседонов. Впрочем, как я думаю, исседоны также ничего о них не знают; ведь иначе, пожалуй, и скифы рассказывали бы о них, как они рассказывают об одноглазых людях (об аримаспах – В.П.). Но все же у Гесиода есть известие о гипербореях; упоминает о них и Гомер в «Эпиграмах» (если только эта поэма принадлежит Гомеру)».¹

Как мы уже могли убедиться, сведений о гипербореях во времена Геродота было достаточно много. Жалобы его связаны, во-первых, с недостаточным знанием источников; во-вторых, гипербореи – не самоназвание северных народов, а литературное греческое их обозначение, поэтому, находясь в Северном Причерноморье, Геродот и не мог получить у местных скифов сведений об этом народе. В то же время, автор рассказывает об аримаспах и массагетах, которые у ряда авторов отождествляются с гипербореями.

Далее автор пишет: «Гораздо больше о гипербореях рассказывают делосцы. По их словам, гипербореи посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ всегда передает их все дальше и дальше вплоть до Адриатического моря на крайнем западе (обратите внимание на применение выражения «крайний запад» относительно Адриатического моря: имеется в виду северная его оконечность – В.П.). Оттуда дары отправляются на юг: сначала они попадают к додонским эллинам, а дальше их везут к Малийскому заливу и переправляют на Эвбею. Здесь их перевозят из одного города в другой вплоть до Кариста. Однако минуют Андрос, так как каристийцы перевозят святыню прямо на Тенос, а теносцы – на Делос... В первый раз, говорят делосцы, гипербореи послали с дарами двоих девушек, по имени Гипероха и Лаодика. Вместе с ними были отправлены провожатыми для безопасности девушек пять гиперборейских горожан. Это те, кого теперь называют перфереями и весьма почитают на Делосе. Однако, когда посланцы не вернулись на родину, гипербореи испугались, что посланцев всякий раз может постигнуть несчастье и они

не возвратятся домой. Поэтому они стали приносить священные дары, завернутые в пшеничную солому, на границу своих владений и передавать соседям с просьбой отослать их другим народам.

...В честь этих гиперборейских девушек, скончавшихся на Делосе, девушки и юноши там стригут себе вслосы. Так, девушки перед свадьбой отрезают локон волос, обвивают им веретено и затем возлагают на могилу гиперборейнок (могила эта находится в святилище Артемиды при входе с левой стороны; у могилы стоит маслина). Юноши же наматывают свои волосы на зеленую ветку и также возлагают на могилу. Такие почести жители Делоса воздают этим гиперборейским девушкам.

По рассказам делосцев, еще раньше Лаодики и Гиперохы из страны гипербореев мимо тех же народов прибыли на Делос две молодые женщины – Арга и Опис. Они несли Илифии священные дары, обещанные за быстрые и легкие роды. Как передают, Арга и Опис прибыли из гиперборейской страны вместе с самими божеествами [Аполлоном и Артемидой], и делосцы им также воздают почести. В их честь делосские женщины собирают дары. В гимне, сочиненном ликийцем Оленом, женщины призывают их поименно. От делосцев переняли этот обычай жители других островов и ионяне: они также поют гимн, призывая Опис и Аргу и собирают им священные дары. Этот Олен пришел на Делос из Ликии и сочинил также и другие древние гимны, которые поются на Делосе. Пепел от бедер жертвенных животных, сожженных на алтаре, они рассыпают на могиле Опис и Арги. Могила же их находится за святилищем Артемиды на восточной стороне в непосредственной близости от зала для пиров кесцев».¹

Имена гиперборейских женщин, приведенные Геродотом, сопоставимы с двумя (из трех) имен, названных Каллимахом: Опис и Упис, а также Арга и Екаерга. Однако разнятся обстоятельства появления их на Делосе. Кажется, что Каллимах, писавший существенно позже Геродота, объединил в одном рассказе разновременные события.

Гораздо интереснее сообщение Геродота об Олене, которого он выводит из Ликии. По этому поводу в комментариях Г.А.Стратановский отмечает: «Геродот раскрывает двойное происхождение делосского культа: во-первых, принесенный греками с Севера культ Аполлона и Артемиды и, во-вторых, почитание Аполлона как божества света, перенесенное из Ликии».² Но следующий отрывок снимает всякую двойственность происхождения культа Аполлона в Греции, поскольку Павсаний пишет: «...Местная, [т.е. дельфийская] уроженка Вио, сочинившая гимн дельфийцам, говорит, что прорицалище [в Дельфах] устроили для бога пришельцы

¹ Геродот. Указ. соч. С. 195-196.

² Там же. С. 520.

из страны гипербореев, Олин и другие; Олин был, по ее словам, и первым прорицателем и первый изобрел гекзаметр (шестистопный стих, которым оформлялось прорицание; возник во II тыс. до Р.Х., использовался Гомером – В.П.). Вио пишет следующим образом:

Здесь устроили добропамятное прорицалище
сыны гипербореев Пегас и дивный Агий.

Перечислив затем остальных гипербореев, поэтесса в конце гимна называет Олина:

И Олин, который был первым пророком Фива
И первый из древних сочинил эпическую песнь».¹

Приведенные сведения, во-первых, раскрывают исключительную роль гипербореев в распространении культа Аполлона, причем, как представляется, не только в Греции. Ликия – горная страна на юго-востоке Малой Азии, примыкающая к Сирии. Если Олин (Олен) действительно пришел оттуда, то это является свидетельством миссионерской деятельности гипербореев на Ближнем Востоке. В пользу того, что имя Олина имеет гиперборейское происхождение, свидетельствует существование на севере города Олинна. Город стоял на Каспии (Стефан Византийский), вблизи устья которого Птолемей отмечает народ олондов. Если это так, то возможно, что Каспий начинался от места впадения Свири в Ладогу. Расположенный здесь город Олонец считается одним из древнейших на севере. В свое время его именем называлась вся Восточная Карелия – Олонецкий край, или Олонецкая Карелия, где в XVIII в. была образована Олонецкая губерния. Во-вторых, грандиозная работа Олина по созданию двух крупнейших в Греции храмовых комплексов (Дельфы и Делос) свидетельствует о целенаправленном и масштабном характере этой деятельности, требовавшей весьма значительных средств.

2.5. Гиперборейский народ и его локализация

В сущности район обитания гипербореев достаточно ясно обозначен в уже приведенных свидетельствах древних авторов, касающихся их отношения к Аполлону. Однако о гиперборейцах до наших дней дошло столь много сведений, описывающих их местоположение, образ жизни, обычаи и нравы, что мы сочли нужным привести их в отдельном разделе.

Среди информаторов прославленный поэт Пиндар относится к числу

самых древних (VI-V вв. до Р.Х.). Он внес существенную путаницу в представления уже античных поэтов, а современным исследователям Пиндар совершенно «не по зубам». У него можно встретить: «...Маслина, которую некогда сын Амфитриона [т.е. Геракл] принес от тенистых истоков Истра, как прекраснейший памятник олимпийских подвигов, убедив речью служащий Аполлону народ гипербореев». Здесь же Пиндар пишет: «Тогда вот дух [Герakла] стремился отправить его в Истрийскую землю, где его приняла наездница, дочь Латоны (Артемиды – В.П.)».¹

Пиндар привязал гипербореев к Истру. Казалось бы, этим он совершенно противоречит традиционным представлениям о их размещении на крайнем севере обитаемого мира, неимоверно сужая северные пределы обитаемого мира, тем самым, дискредитируя географические познания поэтов, за которые мы выше ратовали. Однако, в русле представлений о связи Истра и гипербореев, и серьезный ученый Посидоний утверждает, что гипербореи существуют и живут около Альпийских гор Италии. Стефан Византийский пишет, что Плутарх Альпы называет Рипейскими горами и говорит, что все живущие выше Альпийских гор носят имя гипербореев.²

Страбон полагает, что такие ошибки основаны на мимоходом подслушанных «обывательских представлениях», как их называл Полибий, говоря об историках. На самом деле все обстоит сложнее: привязка гипербореев к Истру – не домысел обывателей, а отражение древних реалий, понимание которых уже утрачено. Имя географического объекта – вещь условная и потому изменяющаяся. Кесарий, младший брат св. Григория Богослова, приводит несколько имен реки, бытовавших даже в одно время: «...одну из четырех рек, текущих из райского источника, называемую Фисоном в нашем писании, у греков же Истром, у римлян Данувием, а у готов Дунависом».³ Известно, что у местных жителей (это отмечает ряд источников) река называлась Истром лишь в нижней ее части, начиная от «катаракт» (совр. Железные ворота), а выше она носила имя Данубий. Известный историк Зосим (V в.), описывая гибель императора Деция Траяна в войне с карпами на Дунае, неоднократно называет его Танаисом.⁴ Наивно полагать, что причиной этого было незнание. Она могла заключаться в чем угодно: в отражении пограничного характера реки, имя могло быть греческим вариантом готского Данавис, в щегольстве автора, демонстрирующего таким образом глубокое знание древних источников или во всем этом вместе взятом.

¹ Сборник Латышева С.323.

² Там же С. 255, 428.

³ Там же С.717.

⁴ Там же С.788.

Имя Истр – такое же «мигрирующее», как и Танаис. Последний, например, в форме Танай проявляется даже в Шотландии, обозначая морской залив и реку (ныне р. Тайн), вдоль которых был построен вал Адриана, отделявший землю, подвластную Риму, от свободных племен, а позже здесь проходила граница между Англией и Шотландией. О том, что это было все то же имя Танаиса, свидетельствует Иордан, сообщающий, что каледонцы назывались скотами или меатами. Танаис с Меотидой всегда составляли неразрывную пару. Существует достаточно много свидетельств, что в глубокой древности Истром называлась река, протекавшая в глубине Скифии. Сам же Истр (Дунай), по словам Страбона, некогда назывался Матоас, по-гречески Асий, т.е. «мутный».¹

У древних авторов, наряду с упоминаниями Истра, где под ним несомненно понимается Дунай, встречается и иное: часто беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что речь идет о совершенно иной реке, протекающей в другом районе. Несмотря на издержки перевода, это бесспорно заметно в следующем отрывке из Геродота: «Фракия дальше Скифии выдается вперед к морю. Скифия же начинается за Фракией в том месте, где море образует залив и где Истр впадает в море (устье Истра обращено на юго-восток). Я сейчас опишу прибрежную полосу собственно Скифии, начиная от Истра, для определения ее длины. Это – исконная Скифия, она начинается от устья Истра, обращена к югу и простирается до города, называемого Каркинитидой. Отсюда идет гористая страна, лежащая вдоль того же моря. Она выдается в Понт и населена племенем тавров вплоть до так называемого Херсонеса Скалистого. Херсонес этот на востоке выступает в море. Подобно Аттике две четверти границ Скифской земли (на юге и на востоке) окружены морем. Тавры живут в части Скифии, соответствующей Аттической земле, как если бы не афиняне, а другое племя в Аттике занимало мыс Суний, выступающий дальше в море, то есть пространство от Форики до селения Анафлиста. Я сравниваю это, насколько можно сравнить малое с великим. Так же обстоит и с Таврией. Тому же, кто не плывал мимо этого мыса Аттики, я разъясню на другом примере. Тавры обитают в этой части Скифии так, как если бы в Иапии другое племя, а не иапиги отрезало бы для себя землю от гавани Брентесия (современный Бриндизи на полуострове Салентина в Италии – В.П.) до Таранта и населяло бы полуостров».²

Считается, что здесь приведено описание Северного Причерноморья от Дуная до Крыма, хотя практически не одна деталь рассказа Геродота не подходит к этому району. Не вдаваясь в подробный анализ, отметим, что автор сравнивает Таврию с Аттикой в Греции и полуостровом Сален-

¹ Страбон. Указ. соч. С. 314.

² Геродот. Указ. соч. С. 212

тина в Италии, отмечая при этом их несопоставимость по размерам – Таврия несравненно больше. Если бы в этом отрывке речь шла о Таврии-Крыме, то она была бы сопоставлена скорее с Пелопоннесом, который напоминает как по очертаниям, так и по размерам. Именно так поступает Страбон, говоря о Крыме: «Большой Херсонес по форме и величине похож на Пелопоннес».¹

В ряде источников прослеживается связь Истра с Борисфеном (Днепром). Так, в схолиях к Дионисию указывается: «Пантикап соединяется с Истром».² По Геродоту, Пантикап течет с севера и из озера, между ним и Борисфеном обитают скифы-земледельцы, минуя Гилею, сливается с последним.³ Плиний также размещает реку Пантикапу по соседству с Борисфеном, указывая, что некоторые считают, будто она сливается с ним, а некоторые относят ее к Азии.⁴ Помпоний Мела размещает ее в одном районе с Борисфеном и говорит, что она служит границей между кочевниками и земледельцами. Более определенно локализует Пантикапу Дионисий, размещая ее также рядом с Борисфеном, однако как самостоятельную реку: «Там воды же Алдиска и Пантикапа шумят в двух местах в Рипейских горах. При устьях их, недалеко от Ледовитого моря (Балтики – В.П.) водится янтарь».⁵ Никифор Влеммид называет Балтику Ледовитым Кронийским океаном, а о Пантикапе пишет близко к Дионисию: «Там же воды двух рек, Алдиска и Пантикапа, бьют ключом отдельно в Рипейских горах. У устьев их вблизи Мертвого моря растет блестящий камень янтарь».⁶

В свете данных Дионисия и Никифора, Пантикапа – ничто иное, как современный Неман. В отдельные периоды она действительно соединяется с Борисфеном, поскольку и сегодня притоки Немана и Днепра (Вилия и Березина) практически сходятся, вытекая из одного болота. Не случайно, по-видимому, и совпадение имен днепровской Березины и Березины, притока Немана.

Еще одним основанием для отождествления Истра с Борисфеном является следующий отрывок из Псевдо-Скимна: «Эфор (IV в. до Р.Х. – В.П.) говорит, что первыми по Истру живут карлиды, потом пахари, далее невры вплоть до необитаемой вследствие холмов страны, а к востоку за Борисфеном так называемое Полесье заселяют скифы, за ними к северу

¹ Страбон. Указ. соч. С.284.

² Сборник Латышева. С.214.

³ Геродот. Указ. соч. С.201.

⁴ Сборник Боднарского. С.248.

⁵ Сборник Латышева. С.181.

⁶ Там же. С.290.

земледельцы, потом опять простирается на далекое пространство пустынная местность, за нею живет скифское племя людоедов, а за ними опять пустыня».¹ Сам рассказ практически повторяет сообщение Геродота о расселении народов в районе Днепра, а упоминание Истра, похоже, относится к Борисфену. Наконец, в схолиях к Ликофрону (III в. до Р.Х.) находим: «Остров Белый лежит на реке Истре».² Отметим, что большая часть авторов связывает этот остров с Борисфеном.

Как представляется, Борисфеном скифский Истр не ограничивался. Тимагит (не позже III в. до Р.Х.) в сочинении «О гаванях» говорит: «Истр вытекает из Кельтических гор, находящихся в стране кельтов, затем впадает в Кельтическое озеро; после этого воды его разделяются на две части, из которых одна впадает в Эвксинский Понт, а другая в Кельтическое море».³ По последнему руслу проплыли аргонавты и прибыли в Тирринию. Этому мнению последовал Аполлоний и ряд других авторов, описавших поход «Арго». Однако позже под Истром стали понимать Дунай, в связи с чем широко разошлось представление, что одним рукавом он впадает в Адриатическое море. Между тем, Кельтийское море, или Кельтийский залив, достаточно долго встречались в литературе, и этими именами обозначали все ту же Балтику.

Аполлоний Родосский вполне определенно говорит об Истре, как о части Океана, что исключает его отождествление с Дунаем: «Есть некая река, крайний рукав Океана, широкая и глубокая даже для плавания на грузовом корабле. Ее далеко прославили под именем Истра. Сначала он один разрывает широкую землю, ибо истоки его выше дыхания Борея шумят вдалеке, в Рипейских горах; но когда он вступает в пределы земли фракийцев и скифов, то, разделившись на два рукава, одну часть воды изливает здесь в Ионийское море (т.е. в Понт, где ионийцы основали десятки городов – В.П.), а другую сзади посылает в глубокий залив, выдающийся из Тринакрийского моря, который лежит в вашей земле».⁴

Приведем еще один отрывок из Аполлония, хотя он относится скорее к походу аргонавтов, о котором будет речь впереди, однако в нем Истр упоминается в связи с уже знакомым нам Кронийским морем: «Ибо рекою Истром образуется некий остров по имени Певка, видом треугольный (размером с о.Родос – В.П.), широкими сторонами обращенный к берегам, а узким изгибом к речному руслу; вокруг него разделяются два устья, из которых одно называется Нариком, а другое, крайнее – Прекрасным устьем; здесь Апсирд (сын Эита и брат Медеи – В.П.) и колхи быстро

¹ Сборник Латышева. С.89.

² Там же С.924.

³ Там же. С.434.

⁴ Там же. С.423.

устремилась вперед; между тем аргонавты плыли вдаль у вершины острова. Дикие пастухи покинули на лугах свои многочисленные стада из страха перед кораблями, как бы увидев зверей, выходящих из обильного чудовищами моря, ибо доселе не видели еще морских судов ни смешанные с фракийцами скифы, ни сигинны, ни гравкении, ни синды, живущие уже на обширной и пустынной Лаврийской равнине. Когда колхи миновали Ангурскую гору и находящийся вдаль от Ангурской горы утес у Кавлиака, у которого Истр разделяет свое русло и впадает в то и другое море, а также и Лаврийскую долину, тогда, вышедши в Кронийское море, они повсюду отрезали пути, чтобы не скрылись от них аргонавты».¹

По поводу объектов, упомянутых в отрывке, в схолиях даны пояснения: «Лаврийская равнина – в Скифии»; «Ангурская гора – близ реки Истра; упоминает о ней Тимагит в сочинении «О гаванях». Кавлийский утес – в Скифии близ Истра; упоминает о нем Полемон. Многие пишут «Ангурская гора» и «Ангирская гора» и «Ангирской горы», а вместо «Кавлийского» – «Кавказского». Поэт говорит, что около этой горы Истр разделяется».²

Упоминание о фракийцах и скифах, около которых протекает Истр (в первом случае «вступает в пределы земли фракийцев и скифов», во втором «смешанные с фракийцами скифы»), также сыграло свою роль в отождествлении Истра с Дунаем, поскольку в более поздние времена Истр-Дунай отделял Фракию от Скифии. Однако о смешении фракийских народов со скифами в районе Борисфена и Танаиса говорит Геродот в своем скифском рассказе, что свидетельствует о распространении фракийцев далеко на север от Дуная. Фракийские обычаи он отмечает у агафирсов, не скифские (т.е., видимо, также фракийские) нравы у андрофагов. Перечислив царей, собравшихся на совещание по поводу вторжения персов (тавров, агофирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов), Геродот приводит слова послов от скифов: «Ведь если бы персидский царь выступил только против нас одних, чтобы отомстить за прежнее порабощение, то ему пришлось бы, оставив в покое все прочие народы, прямо идти на нашу страну. Тогда всем было бы ясно, что он идет на скифов, а не против других народов. Ведь лишь только царь переправился на наш материк, он подчинил все народности на своем пути. Все остальные фракийские племена уже в его руках, в том числе и соседние с нами геты».³ Из приведенного отрывка ясно видно, что часть этих народов, причем существенная, была фракийскими.

¹ Сборник Латышева. С. 423.

² Там же. С. 436.

³ Геродот. Указ. соч. С. 216.

Уже на основании приведенных данных очевидно, что Истром называлась система водных магистралей, пересекавшая Восточную Европу с запада на восток и с севера на юг. Само имя Истр несет в себе северный корень со значением «восток». Скифский Истр ничто другое, как широко известный позже «Восточный путь» или «Великий Восточный путь» в совокупности с не менее известным «Путем из варяг в греки». В особо водные периоды открывались также сквозные проходы из юго-восточного угла Балтики (район Немана) на Северное Причерноморье. Современный Ильмень представляет собой остатки того Кельтийского озера, разливавшегося к западу от Валдая до Белорусского Поозерья, из которого один рукав Истра (Борисфен) вытекал в Понт Эвксинский, а другой – в противоположном направлении, через нынешние Неву и Вуоксу соединялся с Кронийским морем. Между этими двумя реками простирался остров треугольной формы, который сравнивали по величине то с Сицилией, то с Родосом.

Косвенно подтверждают подобную интерпретацию Истра бытовавшие в античности представления о трех рукавах Истра. Так в схолиях к Аполлонию можно прочесть: «Очутившись между скифами и фракийцами, Истр разделяется, и одна часть извергает свои воды в наше море, другая впадает в Понтийское море, а третья в Адриатический залив».¹ Приведенный отрывок – результат переосмысления древних данных во времена, когда уже были утеряны всякие контакты греков с европейским Севером. Из того же Кельтического озера по современной реке Мсте начинался еще один рукав Истра, впадавший в Гирканское (Каспийское) море. Не случайно один из Филостратов писал: «...Кир, отправившись за реку Истр против массагетов и иссидонов (а народы эти – скифского племени), был бит женщиною, царствовавшей над этими народами; она отрубила ему голову...».² Рассказ об этом событии широко известен в подробном изложении Геродота. Царицу звали Томирис, а переходил Кир через реку Аракс, в которой даже ничего не понимающие современные историки видят нынешнюю Волгу.

Кроме Пиндара, гипербореев с Истром связывал его современник Эсхил, полагававший, что Истр течет из земли гипербореев и с Рипейских гор.³ Судя по всему, во времена Гомера (IX в. до Р.Х.) Истр воспринимался еще однозначно как далекая скифская страна, причем, очевидно, без Борисфена. Страбон отмечает: «...арктический круг следует считать соприкасающимся с землей (насколько можно доверять нашим чувствам) в самой северной обитаемой точке. Поэтому, по представлению Гомера,

¹ Сборник Латышева. С.434.

² Там же. С.637.

³ Там же. С. 434.

эта часть земли также омывается Океаном. Далее, Гомер знает людей, живущих на самом крайнем севере, хотя и не называет их по имени (ведь у них даже и теперь нет одного общего названия); он дает им имена по их образу жизни, называя «номадами» и «дивными мужами гиппемолгами, бедными, питающимися молоком».¹

На наш взгляд, некоторые имена он все же приводит:

... а сам (Зевс - В.П.) отвортил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракийян, наездников конных,
Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппемолгов...
(Ил., XIII, 5, 6)

Для нас совершенно ясно, что Зевс созерцает здесь всю землю с населяющими ее народами по меридиану от Трои до крайнего севера, а следовательно, два этнонима Гомер все же приводит (фракияне, или фракийцы, и мизяне, или миссийцы).

В другом месте Страбон пишет: «Гомер знает также реку Истр, поскольку он упоминает о мисийцах, фракийском народе, который живет на Истре».² Автор подразумевает Дунай и фракийский народ римской провинции Мезия, современной ему. Но ведь, по Гомеру, жившему едва не за тысячу лет до Страбона, мисийцы не являются фракийским народом, иначе бы в приведенном отрывке Гомеру не пришлось упоминать их отдельно, следом за фракийцами. С другой стороны, Страбон и сам признает, что в приведенном фрагменте «поэт соединил с мисийцами гиппемолгов, галактофагов и абиев, которые и есть кочующие в кибитках скифы и сарматы».³ В обоснование этого мнения, автор ссылается на то, что современники Гомера называли скифов гиппемолгами, например, Гесиод (VIII в. до Р.Х.). Добавим также, что Страбон упоминает о критике Гомера со стороны Аполлодора в незнании отдаленных стран, одним из аргументов которой было то, что поэт не упоминает ни одной из самых славных рек, впадавших в Понт, среди которых называет Истр, Танаис, Борисфен, Гипанис, Фасис и Фермодонт. Возможно, в основе этого лежит то, что во время Гомера представления о мире существенно отличались от господствовавших в античном обществе через несколько сот лет. И вовсе необязательно, что последние были совершеннее.

Результатом долгого отступления стало выяснение того, что, несмотря на упоминание Истра в ряде наиболее древних источников, гиперборей локализуется на своем месте – крайнем севере современной

¹ Страбон. Указ. соч. С. 10.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 271.

Европы. Именно там помещает их автор схолий к Пиндару: «Ибо страна эта гипербореев [т.е. находящаяся за Бореем], потому что она простирается позади дуновения Борея в Рипейских горах».¹ Этому взгляду следует и современник Геродота Гелланик Митиленский, размещающий гипербореев выше Рипейских гор. Евстафий пишет: «За этими горами (Рипейскими – В.П.), как говорят, так называемые гиперборейи спускаются до моря».² Это море, как говорится в одном из сочинений, гиперборейи называют Кронийским или Мертвым. Сочинение это, посвященное походу аргонавтов, написанное якобы его участником Орфеем, считается подложным. Однако оно оставляет впечатление далеко не самого бестолкового источника, с точки зрения знания географии района, что свидетельствует о том, что и документы подобного рода являлись результатом кропотливого и добросовестного труда, основанного на использовании добротных источников. Полагаем, что на него следует смотреть как на своеобразную повесть, написанную от лица одного из участников похода – известного мифического певца Орфея.

Значительно меньше, чем о культе Аполлона и локализации народа, дошло до нас сведений о характере, быте и нравах гипербореев. Судя даже по уже приведенным данным, можно видеть, что это весьма древний народ с устоявшейся культурой. В свое время В.Н.Татищев, ссылаясь на Пиндара и Свидаса (автор IX-начала X вв.), писал: «Скифы гиперборейские такое преимущество требовали, что праотец всех бог эллинских Уранус их первый король был...».³

Во II в. Цельс (греч. Келсос), написавший полемическое сочинение против христианства, в котором обвинял его в нравственной и интеллектуальной деградации, поставил гипербореев в ряд древнейших и мудрейших народов. Этим он вызвал крайнее неудовольствие христианского богослова из Александрии Оригена: «Я удивляюсь, каким образом Цельс поставил одрисов (Одрисское царство – фракийское государство на западе Балкан - В.П.), самофракийцев (Самофракия – остров на Эгейском море вблизи Фракии; однако здесь – фракийские народы севернее Дуная до современных Чехии, Словакии и Южной Польши - В.П.), елевсинцев (от греч. ελος «болото», «болотистая местность», «луг»; обширный болотно-озерный край, в древности назывался Гилея, т.е. Полесье - В.П.) и гипербореев в число древнейших и мудрейших народов, а иудеев не удостоил принять ни в число мудрых, ни число древних... Но гомеровских млекоедов, галатских друидов и гетов (те же народы, но под другими

¹ Сборник Латышева. С. 329.

² Там же. С. 348, 197.

³ Татищев. Указ. соч. С. 134.

именами - В.П.) он называет мудрейшими и древнейшими..., хотя от них вряд ли сохранились письменные памятники; только евреев, поскольку от него зависит, он исключает и из древности и из мудрости...».¹ Что называется, не крик, – но вопль, в котором и знакомый вечный плачь, и свирепая обида вечно голодного шакала, которого отогнали от падали.

Он, как нельзя лучше, отражает суть и характер раннего христианства. Приверженцы новой веры декларировали, что для них не существует отдельных стран (сфера деятельности христиан – весь мир), нет и отдельных народов, но, похоже, исключение составлял богом избранный народ (результат застарелой привычки вчерашних иудеев-саддукеев). В связи с этим интересно справедливое утверждение язычника Цельса: «...По моему мнению нет никакой разницы называть Зевса Всевышним, или Зином, или Адонеем, или Саваофом, или Аммуном, как называют его египтяне, или Папаем, как скифы. Точно также некоторые народы не могут быть святее других и потому, что обрезаются: ведь это делают египтяне и еще раньше их колхи...». Очень характерен ответ на это Оригена: «Причина обрезания иудеев не одинакова с причиной обрезания египтян или колхов; почему следует считать их обрезание не одинаковым...».² Что и говорить, весьма своеобразно это ближневосточное понимание братства. Стоит ли удивляться, что в смутный период христианизации смогли сохраниться лишь те народы, которые сумели и успели (хоть в какой-то степени) путем церковных расколов вернуться к отечественным богам.

Это же наглядная иллюстрация того, что теряет народ, предавший веру отцов. Приняв чужую религию, принимаешь и учителей (Бог пристанет и пастыря приставит). И будьте уверены, эти учителя все сделают, чтобы период «ученичества» никогда не закончился. Во-первых, познание, как мы знаем, бесконечно, во-вторых, как утверждает русская поговорка, меха не надуть, а раба не научить. Вынудив народ принять духовное рабство, князь Владимир преследовал свою цель – укрепление позиции монарха (как и императоры и короли всей Европы в те времена). Христианство, которое в достижении собственной духовной власти искало союза с любой правящей властью (как и их предтечи саддукеи), идеально отвечало этой цели, обожествляя любую светскую власть.

Власть учителя велика и многогранна. Из всех ее видов, существующих в этом мире, она наиболее непоколебима, поскольку основана на авторитете знания, стремление овладеть которым присуще человеку от природы. Особенно сильна власть учителя, когда он наставляет от имени Бога. Она же и тем более опасна, если пастыри чужие (бог один, да мольщики разные). В старину говорили: «Дай бог самому не разуместь, а

¹ Сборник Латышева... С. 647.

² Там же. С. 648.

добрых людей не слушать!», поскольку знали, что чужим умом в люди не выйдешь и ум за морем не купишь, коли его дома нет. Сегодня же мы имеем ситуацию, когда старые умники вымерли, а молодые не нарождаются. Не находя пророка в своем отечестве, мы совершенно забываем то, что их «и в других отечествах не густо», как говорит В. Высоцкий. Во многом это заслуга христианизации Руси. Итогом нашего «ученичества» стала полная утрата того, что было накоплено отечественной культурой за многие тысячелетия, а сомнительным приобретением стало то, что мы с избытком имеем сегодня, в том числе и историческое беспамятство. Как гласит поговорка: «Менять веру – менять и совесть», а мы бы поправили – «терять совесть». Возвращаясь к образу, который в этой работе уже однажды использовался, можно сказать: мы доверили чужому строительству своего дома, и подрядчик нас надул. Впрочем, подделом.

Гелланик о гипербореях говорит, что «они учатся справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаются древесными плодами».¹ Пиндар по поводу этого скептически добавляет: «Некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются убитою лошадыю, а тайком обдирают зубами кривые ноги и головы».²

Сведения о воздержании гипербореев в пище перекликаются с данными Посидония о мисийцах, которых он называет мисянами. Как уже упоминалось, в античной литературе деталь, которая является характерной в быте народа, делается штампом и прилипает к нему на века. Это служит большим подспорьем для исследователя, поскольку по ней народ этот легко распознается, под какими бы именами в последующем он не фигурировал в источниках. По сообщению Посидония, мисийцы из благочестия воздерживаются употреблять в пищу живые существа, поэтому не едят и домашних животных. Они питаются медом и сыром, ведя мирную жизнь, поэтому их называют «богобязненными» и «капнобатами».

Существуют, говорит Посидоний, также фракийцы (он, как и Страбон, путает мисийцев с фракийцами), живущие отдельно от женщин; их называют «ктистами», в силу воздаваемого им уважения, они считаются священными и живут свободными от всякого страха. Страбон к этому добавляет, поясняя, о ком идет речь: «Гомер говорит о всех этих народностях вместе:

... дивных мужей гиппемолгов.
Галактофагов и абиев. из смертных что всех справедливей
(Ил. XIII. 5-6)

Сборник Латышевой С. 349

Там же С. 326

Поэт называет их «абиями» потому, что они живут отдельно от женщин, так как полагает жизнь без женщин неполной (подобно тому, как он считает дом Протесилая «неполным», потому что тот был вдовцом). Он говорит о мисийцах как о «бойцах рукопашных», ибо они были неустрашимыми, как вообще все храбрые воины... Что касается абиев, то имя их можно толковать и как «безбрачные», и как «лишенные очагов» или «живущие в кибитках». Ведь несправедливости возникают вообще только в связи со сделками и [там, где] уважение к материальным благам слишком велико... Что касается «жизни без женщин», то она вовсе не дает повода к подобным представлениям и меньше всего в стране фракийцев, а среди них – у гетов. Вот что говорит о них Менандр, вероятно, не выдумывая, но черпая сведения из истории:

Фракийцы все и гетов большинство
(ведь признаюсь: я сам из рода этого) –
Служить примером мы не можем воздержания.

И немного дальше он приводит примеры их невоздержанности в отношении с женщинами:

Берет у нас по десять каждый жен
Иль по одиннадцать, иные – больше дюжины,
Четыре ж, если кто иль пять имея жен,
Покончит с жизнью, тот у них считается
Незнающим услад и песней свадебных.

Эти факты подтверждают и другие. Однако невероятно, чтобы те же люди считали жизнь без многих жен несчастной и в то же время признавали благочестивой жизнь совершенно без женщин».¹

Как видим, уже в древности, несмотря на ошибочное отождествление мисийцев с фракийцами, достаточно ясно понимали, что приписываемые им нравы относятся скорее к северянам. Особенно очевидным это было в отношении жизни без женщин. Страбон даже совершенно отрицает возможность такой жизни. Между тем, обычай этот в течение длительного времени бытовал на севере, а рецидивы его проявления отмечаются едва не до нашего времени. Несомненно, что данный обычай следует рассматривать в совокупности с явлением жизни женщин без мужчин, которое широко известно из легенд об амазонках.

Известный среднеазиатский ученый аль-Хорезми (: последнее время его имя пишется ал-Хваризми) оставил сочинение: «Китаб сурат ал-ард» («Книга картины земли»). В ее основе лежит «География» Птолемея,

¹ Страбон. Указ. соч. С. 272.

однако многие расхождения с ним в книге аль-Хорезми свидетельствуют о ее существенной адаптации к иному времени и к другому району. Автор рассказывает об островах Амазанус, на одном из которых живут мужчины, а на другом женщины. Острова лежат примерно на одном меридиане с дельтой Дуная (50° при начале отсчета от Канарских о-в). Остров женщин расположен между 60 и 64° с.ш., а остров мужчин между 62 и 64°. Существуют античные источники, в которых говорится об островном характере земли амазонок. Координаты островов соответствуют современным Финляндии и Карелии.¹ Скандинавы в средневековье называли этот район Квенланд, что переводится как «Земля женщин» и бесспорно является отражением древней памяти о Стране Амазонок. С другой стороны, согласно греческим источникам, имя народа, раз в год вступавшего в связь с амазонками, было гаргареи, что очень похоже на древнее скандинавское название Карелии – Гардарика.

Обычай проживания без женщин – форма кочевого (номадского) образа жизни. Сегодня слишком однобоко понимается содержание термина «номады» или «кочевники»: за ним видится лишь форма экстенсивного скотоводства. В древности за ним скрывался значительно более широкий смысл «подвижный образ жизни». Номадами были торговцы, воины и даже царские роды. Иногда на кочевой образ жизни вынуждены были переходить целые народы.

Когда античные источники сообщают о кочевой жизни того или иного народа, это вовсе не значит, что в местах исконного своего обитания этот народ также вел номадский образ жизни. Будучи вполне оседлым дома, вдали от него (часто за тысячи километров), где греки или римляне и сталкивались с ним, его активные представители (купеческие объединения и отряды воинов, во главе с его знатью) вели подвижный образ жизни. Скотоводство (в структуре преобладали крупный рогатый скот и овцы) при этом было самой естественной вспомогательной отраслью хозяйства, обеспечивающей жизненные потребности, выполняя роль консервов современного туриста. Даже когда удавалось овладеть какой-то областью в интересующем их регионе, оседлость представителей этого народа в нем была относительной. Они, как правило, не занимались земледелием (основной признак оседлости), происходил активный обмен товарами и людьми между обретенной колонией и метрополией, расширялся ареал экономических и военных интересов, наконец, они в любое время могли быть вытеснены из района более сильным народом, ведущим сходную жизнь.

Кочевать можно было как по суше, так и по воде, хотя сам термин «кочевать» в славянских языках больше связан с сушей. Об этом свидетельствует слово *кочка*, обозначающее островок суши среди хляби. Основа *коч* (кос), в древности служившая для обозначения дома на повозке, в современных языках (например, в словацком) имеет значение «карьета», «коляска». Но она же у поморов до сих пор означает старинный тип универсального судна, одинаково приспособленного для плавания по рекам и по морю. В финских языках эта же основа служит для обозначения дома

¹ Катинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 47

вообще (*koti*), хотя некогда под ним подразумевался дом на колесах (ср. *kotilo* «улитка»). С ним, вероятно, связан этноним *готы*, обозначавший народы, которые в глубокой древности греками назывались *гемаксобы*, т.е. «жившие в кибитках». В финском *kotti* обозначает также лодку-однодревку, бывшую в древности основным средством передвижения по воде.

В современных языках сохранилось значительно больше следов прошлой кочевой жизни, чем мы подозреваем. Любой поход состоит из череды передвижек и стоянок. Происхождение названия населенных пунктов юга России «станция» достаточно прозрачно – это место остановки, на котором оборудовался стан. Но с тех давних пор в языке сохранилась в устойчивом выражении (города и веси) слово «весь», означающее ныне село. Оно иногда в качестве составной части входит в топоним (Череповец, раньше Череповесь, Весъегонск и др.). В древности употреблялась и другая форма этого слова «вежа». Однокоренными словами являются «везти», «воз» и другие. Если место стана оборудовалось достаточно основательно: окапывалось рвом, обводилось валом, укреплялось частоколом или стенами, – оно называлось «город». В волжско-финских языках современное обозначение города *кар* сродни станице или веже. Аммиан Марцеллин свидетельствует, что станы готов, представлявшие собой составленные в круг кибитки, назывались *карраго*.¹ О том, что *кар* вырос из кочевой стоянки свидетельствует карельское *кагата* «гулять», «шляться». Отсюда происходит рус. *карга*.

Русское *шляться* некогда не имело нынешнего негативного оттенка, о чем свидетельствуют *шлях* (дорога) и даже *шляхта* (знать). Не только знать, но подавляющая часть правящих домов Европы и Азии происходила из скифов-кочевников. Элий Аристид пишет: «Некоторые цари переселялись с места на место и разнились от скифов-кочевников лишь тем, что ездили не в кибитках, а на колесницах».²

Возвращаясь к обычаю проживания без женщин, отметим, что у кочевников «*Männer bünde*» (буквально «мужской союз») играл ключевую роль. Как пишет О.Прицак: «Главная задача мира кочевников заключалась не в защите «национальной культуры» (которой, в современном понимании, тогда и не было – В.П.), но прежде всего в неограниченной власти «дисциплинированного» союза сильных молодых людей, созданного как олицетворение политического порядка, обеспечивающего экономические выгоды, с целью держать себя в свободе от тлетворных искушений «корруптированной» оседлой цивилизации».³ Экономические интересы кочевников требовали «всеобщего управления территорией» посредством контроля за нею по важным трансконтинентальным и морским (поскольку существовал и морской кочевничество) торговым путям и распространения на ней общих законов и уставов.

Существование «мужских союзов» отмечено у всех народов Северного мира: в Германии, в Скандинавии, но особенно живучим этот обычай оказался в Восточной Европе. В X в. деятельность князя Святослава

¹ Аммиан Марцеллин. Указ. соч. С. 503.

² Сборник Латышова. С. 523.

³ Pritsak O. The Origin Rus', V. I. Cambridge, 1981. P. 11-12. (перевод А.М.Шарымова).

представляла собой ничто иное, как реставрацию (в условиях угрозы христианизации страны) языческих обычаев Северной Руси. В ее основе лежало восстановление «мужского союза» на государственном уровне. Еще более поздним проявлением реставрации обычая служат раннее донское казачество и всем известная Запорожская Сечь, в которой «мужской союз» возродился со всеми внешними атрибутами времен Изначальной Руси и Святослава: широчайшие шаровары, чубы, называемые в Сечи оселедцами.

Поскольку речь коснулась оселедцев, скажем несколько слов об их назначении. Всем известно, что русский шлем имеет вид шишака с острым навершием. Менее известно, что в самых древних образцах эти навершия имели отверстие, через которое и пропускался клочок волос, оставшийся на бритой голове. Мало того, он еще окрашивался в рыжий цвет, что являлось одним из объяснений имени «русь» у иноземцев – «по обличью». Обычай этот был атрибутом представителей военной касты. Относительно окрашивания волос в Восточной Европе и Германии сообщает Климент Александрийский: «Племена кельтов и скифов носят длинные волосы, но не употребляют украшений; густые волосы варвара внушают страх, а их рыжий цвет, похожий на кровь, грозит войною. И те и другие из этих варваров ненавидят роскошь: достоверными свидетелями этого германец представит Рейн, а скиф – повозку».¹ Марцеллин отмечает его у алеманнов в Германии, причем они также имели обыкновение оставлять на бритой голове длинный клочок волос. Это объясняется происхождением алеманнов из Восточной Европы. Как видим, крашенный клочок волос выполнял ту же роль, которую позже играли султаны из перьев и конского волоса на шлеме.

С гиперборейями неразрывно связаны многие легендарные народы древности: амазонки, халивы, колхи и др. О каждом из них будет отдельный разговор, но то обстоятельство, что в источниках материалы о них тесно переплетены, вынуждает некоторые моменты, касающиеся их, рассматривать совокупно.

Все приведенные выше данные о локализации гипербореев подкрепляются сведениями античных источников относительно амазонок. В схолиях к Пиндару находим: «...[Беллерофонт] некогда победил и полчище амазонок, пришедшее из пустынного воздуха и самых холодных местностей гипербореев...»²

Вопрос об амазонках по своей запутанности не уступит никакому детективу. Страбон пишет, что в древности халдеи назывались халибами (в прошлом веке писали халивы): «Этих халибов, думается мне, Гомер упоминает в «Списке кораблей»

¹ Сборник Латышева. С. 596.

² Там же. С. 330.

после пафлагонцев, называя их гализонами:

Рать гализонов Годий и Эпистроф вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный;
(Ил., II, 856)

или же если текст изменен, из

...Халибы, стран отдаленных,

или эта народность в прежнее время называлась «алибами» вместо «халибов»... Некоторые писатели, изменяя гомеровский текст, пишут «алазонов», другие – «амазонок», слова же «из Алибы» изменяют на «из Алопы» или «из Алобы», называя скифов, что живут над Борисфеном, «алазонами» и «каллипидами» и другими именами (которые нам наболтали Гелланик, Геродот и Евдокс) и помещая амазонок между Мисией, Карией и Лидой, как полагает и Эфор, вблизи Кимы, его родины. А это, пожалуй, имеет смысл: ведь Эфор имеет в виду страну, впоследствии населенную золийцами и ионийцами, а первоначально – амазонками.

Есть, как говорят, несколько городов, названных именами амазонок: Эфес, Смирна, Кима и Мирина. Но как же можно поместить в этой местности Алибу, или, как некоторые называют ее, «Алопу» или «Алобу»? Или как следует объяснить выражение «стран отдаленных» или «исход серебра неоскудный»?

Эти трудности Эфор устраняет путем следующих изменений текста; он пишет:

Рать амазонок Годий и Эпистроф вели из Алопы,
Выйдя из славной страны, откуда амазонок племя.

Однако, устранив это затруднение, он попадает на другую выдумку, потому что в этой области нигде не найдешь Алопы, а его чтение, настолько измененное против показания древних рукописей, кажется необдуманностью. Деметрий Скепсийский, по-видимому, не одобряет предположения Эфора и не согласен с мнением тех, кто полагает, что ализоны жили около Паллены: о них я упомянул в описании Македонии. Точно так же ему трудно представить, как можно допустить, что на помощь троянцам пришло союзное войско кочевников, живших над Борисфеном.¹

Мы привели этот большой отрывок из Страбона не столько затем чтобы показать, какой сумбур был в головах ученых две тысячи лет назад по поводу соотношения халивов, алазонов, амазонок и их локализации, которая отягощалась сведениями Гомера о том, что они были издалека, а их страна была богата серебром. Хотя и это интересно: как сегодня, так и в древности ученые не столько знали, сколько отображали свое знание, полемизируя о пустяках, изменяя тексты источников, притягивая историю к своей родине и т.д. Последнее является проявлением застарелой болезни греческих авторов – всеми правдами и неправдами притягивать сюжеты мифов к Элладе («...как можно допустить, что на помощь троянцам пришло союзное войско кочевников...» и т. д.), тогда как сценой мифа был весь мир. Так, во многом, была создана та Древняя Греция, которая нам известна. Между тем, истина лежала на поверхности, но для того, чтобы она открылась, надо было снять шоры с собственных

¹ Страбон. Указ. соч. С. 516-517.

глаз, что для подавляющего большинства не только чрезвычайно сложно, но практически невозможно. Легко представить, насколько для них усложнилась бы ситуация, если бы пришлось совмещать с названными народами еще и гипербореев, а основания для этого дают многочисленные источники.

Вскользь упомянем, что сама локализация Трои, раскопанной Шлиманом, вызывает у нас большие сомнения. То, что он раскопал некий город, руководствуясь поздними античными представлениями о местоположении Трои, несомненно, но является ли он той самой Троей? У Страбона есть упоминание о том, что из ее стен была впоследствии возведена Ахиллея. Античной традиции известны три Ахиллеи, причем две из них (на Дарданеллах и Керченском проливе) появились в результате относительно позднего переноса имени (вместе с целым рядом других названий) из района Древней Меотиды. Самая же древняя Ахиллея с могилой героя, от имени которого она и получила название, располагалась в районе г. Орши. Такая локализация Ахиллеи, а следовательно и Трои (Илиона), снимает все несуразности относительно участия в войне амазонок, а также последующих скитаний Одиссея в районе Балтики при его возвращении домой.

Интересно упоминание в приведенном отрывке о том, что ализоны жили около Паллены. Страбон тут же демонстрирует полное незнание вопроса, упомянув Паллену Македонскую (п-ов восточнее г. Салоники), тогда как предшественники, о которых он упоминает не приводя имен, имели в виду Паллену Гиперборейскую. О ней упоминает, например, современник Страбона, опальный поэт Овидий, в силу обстоятельств проведший значительную часть жизни на крайнем севере империи, а потому лучше многих знакомый с географией: «Рассказывают, что на гиперборейской Паллене есть мужи, у которых тела покрываются легкими перьями, стоит им десять раз погрузиться в Тритонийское озеро. Говорят также, хотя я этому не верю, что и скифянки, окропляя свои тела зельями, упражняются в этом искусстве».¹

Локализовать Паллену в какой-то степени помогает отрывок из одного древне-го скандинавского документа: «Около Гардарики лежат такие земли: кирьялы, ревалы, Тавейстланд, Вирланд, Эйстланд, Ливланд, Курланд, Эрмланд, Пулиналанд, Виндланд – самый западный перед Данией. А к востоку от Полены находится Рейдготаланд, а затем – Хунланд».² Здесь приведено описание земель от Гардарики сначала на запад, вдоль южного побережья, как это понимали древние, Балтики, а затем от нее же вглубь материка. Таким образом, здесь отчетливо проявляется связь Полены (древней Паллены) с Гардарикой.

Еще более интересна связь, прослеживаемая по Гомеру, между амазонками (алазонами) и троянцами. Она подтверждается и другими древними источниками, среди которых есть уникальные. Близкий к Юлиану Отступнику ритор Ливаний пишет о причине войны между ахейцами и троянцами: «...Александр явился для мщения за финикий и скифов, как будто они не умели придти в раздражение от происшедшего или не могли отомстить за это...».³ Автор имеет в виду мифы о похищении женщин ахейцами без уплаты выкупа (Европы и Медеи), но, как бы то ни было, здесь подчеркивается связь между названными народами. В свете подобных данных, предания

¹ Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985.

С. 103.

² Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 65.

³ Сборник Латышова. С. 687.

скандинавов о происхождении северян из Трои воспринимаются уже не как сказка, а как отражение древних реалий. В ином свете предстают также постоянные походы киммерийцев, кельтов и скифов через Балканы в Малую Азию и далее в Палестину, Месопотамию и Египет.

Упомянутые халивы в греческом мифе считались профессиональными металлургами, изобретателями как меди, так и железа. О металлах в стране гипербореев Страбон приводит следующую подборку: «Относительно тысячелетних гипербореев Мегасфен сообщает то же самое, что Симонид и Пиндар и другие рассказчики мифов. Мифом является и сообщение Тимагена о том, что медь там лилась с неба дождем медных капель и уносилась [реками]; ближе к истине рассказ Мегасфена о реках, несущих вниз по течению золотой песок; добытую часть песка уплачивают царю в виде дани».¹ К сожалению, нам ничего не известно о россыпной меди на севере (вероятно она есть), но самые древние изделия из самородной меди, произведенные методом холоднойковки, найдены в неолитических памятниках Заонежской Карелии.

Выражение «тысячелетние гипербореи» связано с представлениями греков об исключительном долгожительстве этого народа (перекликается со сведениями о библейских родоначальниках). Эта тема присутствует в уже приведенном отрывке Каллимаха об острове Делос. Особенно ярко она выражена в упоминавшемся сочинении Орфея о походе аргонавтов. Когда они, миновав Рипейские ущелья, по узкому потоку вошли в океан, который гипербореи называют Кроновым или Мертвым морем, то «...приблизились к зажиточному и богатому народу Долговечных, которые живут многие годы, именно двенадцать тысяч столетних месяцев в цвете лет без всяких тягостей жизни; когда исполнится назначенное время цветущей жизни, они достигают смертного конца в сладком сне. У них нет забот о средствах жизни и делах человеческих; среди трав они питаются медовыми кормами, черпая себе божественное питье в бессмертной росе, и все одинаково блистают в приятном равенстве лет. У детей и родителей постоянно светится на челе мягкий и ясный взгляд, а спокойствие ума побуждает их делать должное и говорить разумно».²

Сведения Помпония Мелы являются своего рода обобщением всех приведенных рассказов о гиперборейцах: «Первый народ азиатского побережья – гиперборейцы. Они живут на крайнем севере, по ту сторону Рипейских гор, под самой Полярной звездой, солнце у них не восходит и не заходит каждый день, как у нас: оно восходит во время весеннего равноденствия и заходит во время равноденствия осеннего. Поэтому день продолжается у них шесть месяцев, и столько же месяцев тянется ночь.

¹ Страбон. Указ. соч. С. 661.

² Сборник Латышева. С. 917.

Это – поистине священная земля, солнца здесь много, и почва плодородна. Жители этой земли – справедливейшие люди, живут они дольше и счастливее, чем другие смертные. Постоянно наслаждаясь веселым досугом, они не знают ни войн, ни раздоров. Они ревностно исполняют священные обряды и особенно почитают Аполлона. Говорят, что первые плоды нового урожая они отправляли на Делос. Сначала они посылали с плодами своих девушек, а затем передавали плоды через посредство народов, живущих на пути к Делосу. Обычай этот сохранялся у них долго, до тех пор, пока он не был осквернен злоупотреблениями племен-посредников. Живут они в рощах и лесах. Когда кто-нибудь почувствует, что насытился жизнью (насладился, но не получил к ней отвращения), он украшает себя гирляндами и в самом веселом расположении духа бросается в море с определенной скалы (деталь ставшая штампом - В.П.). Такой вид смерти считается у них самым лучшим».¹

Мела – историк относительно поздний, возможно поэтому его рассказу свойственна идеализация прославленного предшественниками древнего народа. От него сильно отличается скептик Гелланик, который о последнем обычае пишет: «...шестидесятилетних стариков они выводят за ворота и убивают [собственно скрывают]».² Хотя обряд может существенно меняться во времени и по местностям.

Интересно, что сразу за рассказом о гипербореях, Мела описывает Каспий: «Каспийское море начинается узким и длинным проливом, наподобие реки. За этим прямым проливом море делится на три залива: прямо против выхода из пролива расположен Гирканский залив (южная часть Каспия - В.П.), слева от выхода – Скифский (Арал, соединявшийся с Каспием - В.П.), а справа тот, который, собственно, и называется Каспийским, по имени всего моря».³

Рассказ Плиния о гипербореях лишь в деталях отличается от приведенного выше: «Позади этих гор (Рипейских - В.П.) и по ту сторону Аквилонна живет, если можно поверить, с незапамятных времен счастливый народ, который называется гипербореями. Там, говорят, находятся полюса и крайние точки звездных путей». Далее, после материала, который использовал и Мела, автор пишет: «Одни считают, что гиперборейцы живут не в Европе, а в начале азиатского побережья, потому что там имеется похожий на них атакский народ; другие – что они живут между заходящим солнцем антиподов и нашим восходящим солнцем ...Нельзя усомниться в существовании этого народа; многие писатели рассказывают, что гипербо-

¹ Сборник Боднарского. С. 225.

² Сборник Латышевы. С. 597.

³ Сборник Боднарского. С. 226.

рейцы посылают обычно на Делос первые плоды урожая Аполлону».¹

Как можно судить из данного отрывка, по земле гипербореев проходила граница между Европой и Азией. Об условности проведения ее и о том, что наиболее древние авторы проводили ее по перешейку до Каспия и Фасису, мы уже говорили. Именно о ней говорит Плиний.

Многие сведения о гиперборейях и их стране с позиций сегодняшнего дня кажутся фантастическими. Возможно, что некоторые таковыми и являются. Однако ряд, казалось бы, неправдоподобных деталей (плодородие земли, мягкий климат, маслины, два урожая в год) в свете последних научных знаний выглядят не столь уж и невероятными. Древнейшие сведения о гиперборейях связаны с именем Геракла, время деятельности которого на крайнем севере относится примерно к середине XXIV в. до Р.Х. (если видеть в нем аккадского царя Саргона Древнего). Это время следует непосредственно за климатическим оптимумом голоцена, когда широколиственные леса шумели как на берегах Баренцева моря, так и в Большеземельной и в Малоземельной тундрах. В подросте были густые заросли орешника, который мог быть теми маслинами, о которых упоминается в источниках. Как недавно сообщили СМИ, полевой сезон 1997 г. дал археологам Московского университета сенсационные материалы: в Ловозерской тундре Кольского п-ва открыты крупные культовые и астрономические сооружения, и даже найдена виноградная лоза (чему мы не верим), росшая здесь в далеком прошлом.

Происшедшие перемены в климате района специалисты связывают с изменением угла наклона земной оси. Полярная звезда в античные времена была удалена от полюса на $12\frac{1}{2}^\circ$, а сегодня лишь на $1\frac{3}{4}^\circ$.² Другими были не только океанические течения в северных морях, которые, как полагают, в климатическом оптимуме были полностью свободны от льда, но и атмосферная циркуляция.

Сегодня впервые за последние десятилетия (в начале века В.Е. Борисов утверждал нечто подобное) во всеуслышание было объявлено, что мифическая земля гипербореев располагалась на Русском Севере (НТВ, 21.08.97). Между тем, в схолиях к Аристотелю говорится: «Мы, говорят, заселяем Среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причем скифы-русь и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу, а эфиопы, арабы и другие к летнему тропическому».³

¹ Сборник Боднарского. С. 250.

² Страбон. Указ. соч. С. 793.

³ Сборник Латышева. С. 385.

2.6. Аполлон-Вало и Ваал

Теперь, когда локализация гипербореев достаточно ясна, попытаемся отыскать следы господствовавшего некогда культа Аполлона на этой земле. Они содержатся в языке, топонимике и в быте народов, ее населяющих.

Поскольку жившие южнее гипербореев скифы называли Аполлона по-своему (согласно Геродоту, – Гойтосир, по Исихию, – Готисира), можно предположить, что и в гиперборейской стране существовало свое имя божества. Его не столь сложно восстановить на основе прибалтийско-финских языков. Аполлон – бог света, а «свет» по-фински *valo*. Этот корень активно участвует в образовании огромного количества слов, образующих ряд понятий, которые так или иначе могут быть связаны с культом бога света. Это и слова, связанные со значением «светлый», «белый»: *vaalea* «светлый», «бледный», *valasin* «светильник», *valju* «бледный», «бесцветный», *valkea* «белый», *valkeus* «белизна», «свет»; и с душевным подъемом: *valoisa* «светлый», «радостный»; и с функциями божества: *vaalia* «хранить», «беречь», *vala* «клятва», *valaa* «лить», «поливать», *valitella* «жаловаться», «стонать», *valitus* «жалоба», «апелляция»; и «выбирать», «избранность»: *vaali* «выборы», *valita* «выбирать», *valio* «элита», «цвет»; и с атрибутами Аполлона (конь и лебедь): *valko* «белая лошадь», *valakka* «мерин», *valjaat* «сбруя», «упряжь», *valjastaa* «запрягать», *valkojoutsen* «лебедь»; и «совершенство», «величие»: *vallan* «совсем», «совершенно», *valta* «огромный»; и «власть», «господство»: *valta* «власть», *vallata* «завладевать», «захватывать», *vallita* «господствовать», «властвовать».

Когда несколько лет назад в статье об Аполлоне автор впервые высказал предположение о том, что на Русском Севере местное имя бога было Вало, он еще не был знаком с «Влесовой книгой» в которой можно прочесть: «И там мы сложили песни наши об Индре и Валу».¹ Как выясняется из дальнейшего текста, «Индра был и пребудет навеки тем самым Индрой, который вместе с Перуном все брани (начинает)».

Что можно извлечь из приведенного отрывка? Во-первых, Вало и Валу – это одно имя, причем первый вариант характерен для более западных районов, второй – для восточных и южных. Именно форму Валу должно было иметь это имя в Новгородской земле, где была создана «Влесова книга». Переход *а,о* в *у* в наше время наблюдается в Карелии. Некогда он был характерен также для языка Новгорода, не случайно берестяные грамоты из раскопок, написанные на местном финском языке, интерпретируются исследователями как карельские.

¹ Лесной С. Указ. соч. С. 303.

Во-вторых, имя Вало (Валу), означавшее бога света, которого греки называли Аполлоном, со временем стало обозначать бога битв и борьбы, а затем было вытеснено именем Перун (еще один финский вариант Пиру). Мы уже видели, что подобная же трансформация произошла с Аполлоном и в Средиземноморье, где он стал отождествляться с Марсом. При этом на русской почве Перун был одной из ипостасей все того же божества света, он звался Свентовитом. «Влесова книга» говорит: «И Свентовиту мы славу рекли, он ведь восстал богом Прави и Яви! Песни поем мы ему, ведь Свентовит – это Свет. Видели мы через него Белый Свет. Вы посмотрите – Явь существует! Нас Он от Нави оберегает – Мы восхваляем Его! Пляшущего мы воспевали, к нашему Богу взывали мы, ибо тот Бог – землю нашу носил, звезды держал, Свет укреплял». Ниже раскрывается соотношение между Перуном, Сварогом и Свентовитом: «И говорите: «Все сотворенное не может войти в расторгнутый ум!» Чувствуйте это, ибо лишь это умеете, ибо тайна та велика есть: как Сварог и Перун – есть в то же время и Свентовит».¹

Это ничто иное, как наша языческая Троица. Таким образом, единый некогда Аполлон со временем распадается на три сути или функции, каждая из которых обретает свое имя. Модернизация культа происходила в смешанной скифо-фракийской среде. Если имена главных богов, к которым примыкают Велес (вероятно также от Вало) и Хорс (ипостаси Перуна) несут на себе налет «иностранины» с точки зрения славянина, то все более мелкие боги именуются уже по-славянски, что свидетельствует о преобладании фракийского языка. Более того, авторы «Влесовой книги» всячески отгораживаются от своего скифского прошлого, утверждая, что предки никогда не приносили своим богам человеческих жертв, а это делали варяги. Север всегда более архаичен, и приверженность старой религии там была сильнее. Однако это утверждение не имеет под собой исторической основы и является лишь проявлением ханжества, которое свойственно представителям всякой новой идеологии. Как мы убедимся, жители Новгородской земли и сопредельных областей в прошлом придерживались достаточно жестокого культа и исполняли весьма кровавые обряды.

Имя Аполлона-Вало сохранилось в ряде топонимов, главным образом Приладожья. Среди них, несомненно, выделяется о. Валаам. Природа и расположение островов Валаамского архипелага таковы, что они во все времена являлись культовым центром очень высокого ранга. Согласно одной из версий происхождения имени, оно означает «Земля Ваала», при этом учитывается то, что в карельских диалектах слово *таа* «земля» может принимать формы *тоа*, *тио* и даже *тоо*. В Сирии, Палестине,

¹ Лесной С. Указ. соч. С.286.

Месопотамии и Египте, где в древности господствовал культ Ваала, Валаам было общим именем божества, которое имело разные виды и различные имена, в зависимости от места (Ваал-Гад, Ваал-Пеор и т.д.). Таким образом, именем Валаам мог обозначаться центральный храм божества.

Помимо Валаама, существует еще ряд топонимов, содержащих тот же корень. Например, Сортавала, город на севере Ладogi, Кирьявала, деревня на оз.Тулoмьярви (Тулмозерo), Валлой, наименование местности на берегу того же озера. Последняя представляет собой две скалы, соединенные перешейком, которые выступают в озеро. Недалеко от перешейка, которым они соединены с материком, расположена третья скала, ныне окруженная болотом, но соединяющаяся с коренным берегом. Вероятно в периоды «большой воды» она выходит в озеро, тогда как две первые превращаются в острова. На ней видны остатки каменных сооружений, которые некогда, по-видимому, были капищем, посвященным Вало. Само название Валлой может быть одной из форм имени божества, поскольку многие имена в Карелии, в том числе и христианские, по сей день оформляются окончанием *-ой*: Онтой (Антон), Кондрой (Кондрат), Аброй (Абрам) и т.д. Как правило, на месте языческих капищ в христианское время возводились церкви или часовни, здесь же их не было, видимо, по причине относительной удаленности от мест современного заселения. Однако некогда расселение было другим, о чем свидетельствуют находки каменных орудий на близ расположенном острове. О «нечистости» этой красивейшей местности, с точки зрения христианской религии, свидетельствует то, что здесь располагалось скотское кладбище, а в советское время здесь закапывали убитых «преступников».

Интересно имя города Сортавала. По одной из версий, первая часть топонима связывается с русским «черт». Возможно это и так, поскольку в северных языках, по-видимому, существовало слово *sorta* с близким значением, которое сохранилось, например, в датском: *sort* «черный», «мрачный». Для понимания второй части имени следует вспомнить, что город имел и другое имя – Сердоболь (Сертополь), в котором окончание связывается с карельским *puoli* «сторона», «конец», смыкающееся с греч. окончанием имен городов *-поль*. Следовательно, Сортавала может означать просто «капище», если имя божества стало нарицательным для обозначения культовых мест Вало (Валу), с эпитетом, обозначающим, с позиции христиан, нечистую силу. Имя может означать также «город нечистого» или «город, посвященный нечистому», поскольку в гипербо-рейской земле, как мы помним, существовал город Аполлона. В таком случае, он составлял единый комплекс с храмом божеству на Валааме. Возможно еще, что имя города означало «храм, расположенный на северном (мрачном) берегу» или «храм расположенный на севере».

Приведем еще одну деталь этнографического характера, которая явно связана с культом Аполлона. Известно, что весенний праздник масленица является языческим пережитком, приспособленным христианством (как многие другие языческие праздники) к своей обрядовости, поскольку искоренить его оказалось невозможно. Блины, которые выпекают в масленицу, символизируют солнце. В Карелии такой блин называется *vall'oi*.

Если даже бегло взглянуть на Аполлона-Вало и Ваала, то совершенно ясно, что это один бог и единое имя. Традиционно Ваал считается ханаанским богом, однако он почитался также в Сирии, Египте, Вавилоне (где бытовал и фразеологический вариант имени – Бел) и других странах Востока. Родоначальником хананеев или ханаан был сын Хама и внук Ноя, именем которого и был назван народ. Ханаану было возведено проклятие рабства, которое навлек на себя Хам своим бесстыдным поруганием над своим отцом Ноем во время сна. «Проклят Ханаан, раб рабов будет он у братьев своих», – предрек Ной, и это пророчество в полной мере сбылось. Поэтому Ханаан – это покорная, подвластная или униженная страна. Земля ханаан простиралась от современного Ливана до Египта вдоль побережья, а к востоку доходила до Мертвого моря и р.Иордан. Сначала она была под властью Ассирии, могущественного азиатского государства с центром в огромном городе Ниневии (близ современного Мосула).

По одним преданиям, Ассирийское царство возникло за 2 тыс. лет до Р.Х., по другим, оно существовало уже за 1000 лет до Троянской войны (ок. 1200 г. до Р.Х. по археологическим данным). Основателем державы «Книга бытия» называет Ассура, сына Сима, вышедшего из земли Сennaар. По другим данным, это был Нимрод, который чрез 120 лет после потопа основал Ассирию, построил Ниневию и Вавилон, при нем потомки Хама начали возведение знаменитой Вавилонской башни в долине Сennaарской. Третьи называют основателем ассирийской монархии царя Нина, известного своими завоеваниями. Диодор Сицилийский пишет: «Когда дела у Нина шли так удачно, он возымел горячее желание подчинить себе всю Азию от Танаиса до Нила...». В течение семнадцати лет Нин сделался владыкой всех прочих народов, кроме индийцев и бактрийцев, подчинив своей власти и припонтийские племена варваров, занимавших области до Танаиса.¹ Семирамиду, жену Нина, считают основательницей Вавилона и строительницей одного из чудес света – знаменитых висячих садов.

То, что Нин является основателем Ассирийской державы – не более, чем легенда, поскольку он был едва не современником аргонавтов. Время деятельности этого царя легко вычисляется. Нин Ассирийский был Гераклидом, т.е. потомком Геракла, причем, если верить Геродоту, приходился ему правнуком. Согласно этому автору, правивший в Сардах, столице Лидии, дом Мормнадов, последним представителем которых был знаменитый Крез, в 716 г. до Р.Х. сменил у власти Гераклидов, 22 поколения которых правили страной в течение 505 лет (с 1221 г. до Р.Х.). Первым царем Сард из дома Гераклидов был Аргон, приходившийся сыном Нину, внуком Белу

¹ Сборник Латышева. С. 457.

и правнуком Алкею, сыну Геракла.¹ Таким образом, время правления Нина относится к середине XIII в. до Р.Х., а Геракл жил в XIV в. до Р.Х.

Еще до прихода евреев прибрежной частью земли ханаанов владели филистимляне, от которых и происходит название Палестины, города которых тянулись от Египта до Яффы. Когда евреи овладели Ханааном, Филистимия («страна странников») делилась на пять сатрапий. Ветхий Завет изобилует рассказами о битвах и сражениях евреев с филистимлянами, о переменных победах и поражениях. Филистимлян считают одним из так называемых «народов моря», нахлынувших в древности на Средиземноморье с севера.

Севернее филистимлян, до Сирии, побережье занимали финикийцы, чьи самые славные города Сидон и Тир располагались на севере Ханаана. По библейским данным, жители Сидона особенно выделялись среди прочих народов Ханаана богатством, торговлей и образованием. В Священном Писании часто ханаанами назывались именно торговцы, купцы и промышленники городов Финикии и Филистимии, которые, очевидно, и являлись миссионерами культа Ваала. В пользу этого свидетельствует распространение почитания Ваала по основным торговым магистралям и в главных экономических центрах древности (Вавилон, Сирия, Египет).

Флавиан Бренье пишет: «...боги хананеев были те же, что у финикийцев, которым храбрые их моряки из Тира и Сидона воздвигали капища всюду, куда они проникали, т.е. не только в Карфагене, но и по всему побережью Средиземного моря, на западных и северных берегах Европы, на западном побережье Африки и вплоть до Красного моря».² Еще в прошлом веке историки говорили о почитании Ваала в Скандинавии и на Британских островах, правда определяя его более поздним временем относительно Палестины. Однако в последнем можно усомниться.

Как это часто бывает, Страбон, опровергая чье-то мнение, попутно дает интереснейшую информацию. Таким же образом о сидонцах узнаем следующее: «Писатели, которые выдумывают особый эфиопский народ эрэмбов или кефенов, составляющих другой народ, или пигмеев – третий и множество других, не заслуживают большого доверия, так как, помимо неправдоподобия такого объяснения, у них еще проявляется склонность смешивать мифический и исторический жанры. Близки к этим и писатели, рассказывающие о сидонцах в Персидском заливе или где-то еще в Океане или переносящие странствие Менелая в открытый Океан, равным образом и финикийцев они помещают далеко в Океане. Немаловажным основанием для недоверия служат их взаимные противоречия. Одни из

¹ Геродот. Указ. соч. С. 13.

² Красовицкий С. На Ваалах через страну Ваалов. М., 1990. С. 1.

них утверждают даже, что наши сидонцы (т.е. средиземноморские) являются колонистами финикийцев на Океане, добавляя, что причина, почему их зовут финикийцами, – это красный цвет Персидского залива; другие же считают сидонцев на Океане колонистами из нашей Финикии».¹

Вольно Страбону отделять миф от истории, это ничуть не мешает по сей день жить как эфиопам, так и пигмеям. Пусть читателя также не смущает упоминание Персидского залива Океана, есть основания связывать его с сидонцами – об этом речь впереди. Также не следует применять относительно него знание современной карты – здесь имеется ввиду совсем другой залив и располагается совсем в иной части света. Однако сам факт существования представлений о том, что финикийцы Ближнего Востока были колонистами народа, обитавшего на Океане, чрезвычайно важен, в частности, для понимания северного происхождения божества Вало (Валу) и ближневосточного Ваала.

Финикийцы и другие народы видели в божестве солнце и называли его Вал-Самен, что значит Господь небес. Как всякое солнечное божество, Ваал был кровожадным. В книге пророка Иеремия говорится, что ему приносились человеческие жертвы. Для поклонения выбирались возвышенные места. На служении ему состояло множество жрецов и пророков. Ваалу воздвигались капища, в которых ставились идолы. У евреев, для которых поклонение Ваалу было главным и притом обычным грехом, идолослужение сопровождалось большой торжественностью и пышностью. Участники его надевали на себя особые одежды, в честь Ваала курились ароматы. Жрецы для привлечения его внимания и милости скакали вокруг жертвенника и испускали громкие крики, а в особых случаях кололи себя кинжалами и копьями, обливаясь кровью.

Женским божеством, которое, как правило, упоминалось вместе с именем Ваала, была Астарта, которую в Египте, Финикии и Вавилоне называли Иштар – вполне северное имя (ср. с именами языческих божеств женского пола из «Калевалы»: Ильматар – дочь воздуха мать Ваянямейнена, Ильпотар – другое имя Лоухи, Калеватар – дочь Калевы, Ловьятар – дух, мать болезней, Мелатар – богиня бурных течений и т.д. и т.п.). Имя Иштар вполне может быть истолковано на основе финского языка – «великая богиня», также как на основе славянских языков вполне понятен смысл имени Бел (вавилонский вариант имени Ваала). Ее почитание уходит в глубокую древность и было широко распространено. Даже Соломон ввел поклонение Астарте в самом Иерусалиме. Астарта называлась царицей небес, богиней Луны, почиталась как богиня любви, счастья и войны. Изображалась с серпом луны на голове. Все эти черты роднят ее с Артемидой (Дианой), которая наряду с Аполлоном, почиталась

¹ Страбон. Указ. соч. С.50.

на севере Европы.

Согласно религии Ханаана, бог – супруг (Баал) оплодотворяет землю, являясь по отношению к ней «Ваалом» (т.е. властелином и мужем). Как видим, Баал – это тот же Уран, который, согласно греческому мифу, правил миром, пребывая в Титанской земле, которая позже звалась Страной Колхов. Достаточно прозрачна связь с Ураном и Аполлона – Вало, а также Свентовита, который «держал землю». Уже одно это красноречиво говорит о месте рождения культа, однако существуют и другие доводы.

Совершенно очевидно, что культ неба, оплодотворяющего землю, или, что одно и то же, почитание неба и земли может возникнуть только у так называемых «природных» народов, жизнь которых строится на какой-либо территории со всем комплексом ее природных условий и ресурсов. Основу экономики финикийских городов составляла уже не земля, а торговля и ремесло, жившие зачастую на привозном сырье. В такой ситуации традиционная религия «природного» характера вполне могла поддерживаться какое-то время, но зародиться не могла. Точно также, бог «социальный» не может быть рожден «природным» этносом и сложно уживается с народом, кормящимся от земли. Доказательством тому служит трудная судьба иудаизма на земле Израиля.

Иудаизм возник среди торговцев, которые не были связаны с властью непосредственно, будучи разбросаны по городам среди самых разных народов. Специфика торговли предполагает необходимость поддержания как можно более тесных связей между торговыми общинами, рассеянными по протянувшимся на многие тысячи километров торговыми коммуникациями. В этих условиях и возникла необходимость создания космополитической религии, которая, во-первых, спаяла бы разрозненные общины единой духовной властью (при отсутствии политической), во-вторых, служила бы инструментом обособления этих общин в чужеродной среде на основе консолидации ее членов по религиозному признаку, с одной стороны, и в то же время представляла собой механизм адаптации общины к окружению. Иудаизм – религия диаспоры, а обретение «земли обетованной» и создание собственного «царства» было необходимо лишь для того, чтобы религиозный центр с его органами управления был независим от чужой политической воли. Именно на этой земле иудаизм столкнулся с главными сложностями идеологического характера: создав собственное царство, иудеи приобрели массу населения, связанного с землей (земледельцы и скотоводы), для которого старая языческая вера была естественней и понятней, чем новая. Этим и объясняется многовековое стремление основной части населения к ереси. Согласно библейским источникам, были времена, когда на весь Израиль оставалось семь тысяч приверженцев «истинной веры», остальное население поклонялось Ваалу и Астарте.

Вернемся к сидонцам, жившим где-то на Океане, о которых Страбон говорит, что, по мнению некоторых древних авторов, они некогда основали колонию на востоке Средиземного моря и, вероятно, принесли с собой культ Ваала. У Страбона есть упоминание о сидонах, племени бастарнов, живших в Скифии. Однако их локализация на основе данных этого автора затруднена и требует специального исследования. Но у Тацита, в его описании свебского торгово-политического союза, содержится точный адрес сидонов, которых он называет ситонами: «К свионам (Швеция – В.П.) примыкают племена ситонов. Во всем схожие со свионами, они отличаются от них только тем, что над ними властвует женщина: вот до чего пали ситоны, не говоря уже об утрате свободы, даже в претерпеваемом ими порабощении».¹ Здесь имеется ввиду современная территория Финляндии а точнее Карелия, которая в древности простиралась до северной Ботнии, т.е. до границ со Швецией. Таким образом, это все та же Страна Женщин, или Острова Амазонок и Гиперборейская земля, о которых упоминалось выше. В совокупности со сведениями о том, что гипербореи, основавшие культовые центры Аполлона на Делосе и в Дельфах, пришли в Грецию из района Сирии, где господствовал культ Ваала, это достаточно определенно свидетельствует о его северном происхождении.

В заключении обратимся к самому имени Аполлона. Основа его «полло» (сравните с английским вариантом имени – **Apollo**). Она вполне сопоставима с северным именем божества Вало или Валло, поскольку *П* и *В* зачастую чередуются даже в рамках одного языка.

2.7. Прометей. Ио. Атлант. Геракл.

Прометей, сын титана Иапета и Климены, брат Атланта. Обладал даром предвидения. Согласно некоторым мифам, сотворил из глины человека, обманув Зевса при жертвоприношении. Зевс разгадал обман и лишил людей огня, но Прометей похитил его и отдал людям, научив их пользоваться им, а также различным ремеслам и искусствам. В наказание Зевс велел приковать его к скале на Кавказе, где орел ежедневно пожирал печень Прометея, которая за ночь восстанавливалась. По воле Зевса Геракл убил орла и освободил Прометея. Таков основной сюжет мифов о Прометее. Ниже будет приведена еще одна версия его проступка, за который он был прикован к скале.

Ио, дочь речного бога Инаха, жрица Геры и возлюбленная Зевса, превращенная ревнивой Герой в корову, которую стерег сторукий Аргус. Когда Гермес по воле Зевса убил его, Гера наслала Овода, преследовавшего Ио, которая спасаясь от него, странствовала по многим землям, пока

¹ Тацит. Указ. соч. С.372.

не достигла Египта, где обрела покой и человеческий облик. Ио отождествлялась с египетской богиней Исидой.

Атлант, титан, брат Прометея. Согласно мифу, Атлант должен был держать на западной окраине мира небо в наказание за участие в борьбе титанов против Зевса и других богов. Гераклу на время взвалившему на себя его ношу, Атлант помог добыть золотые яблоки Гесперид. Лишь хитростью удалось Гераклу вернуть небо на плечи Атланта.

Геракл, прославленный герой Эллады, сын Зевса и Алкмены. В насланном Герой припадке безумия Геракл убил свою жену Мегару и детей, которых она ему родила, за это на него было наложено наказание: он должен был на службе у Эврисфея совершить 12 тяжелых и опасных деяний, за что ему было обещано бессмертие. Среди них были поимка киринейской лани, добыча пояса Ипполиты, скота Гериона, а также яблок Гесперид.

Самый древний из греческих трагиков Эсхил в пьесе «Прикованный Прометей» о месте заточения титана говорит: «Мы прибыли в отдаленный край земли, в Скифскую страну, в безлюдную пустыню». В другом месте хор дает более пространную характеристику места: «Все смертные, которые обитают в ближайших местностях чистой Азии, соболезнуют твоим плачевным страданиям: и девы – обительницы Колхидской земли, бестрепетные в боях (амазонки – В.П.), и многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера».¹

В следующем отрывке появляется еще один ориентир для локализации места, где был прикован Прометей. Он обращается к Океану: «Как ты осмелился, покинув соименные тебе воды и каменные самозданные пещеры, прийти в эту страну, родящую железо».² По поводу этого места в схолиях дается такое пояснение: «в землю – мать железа, то есть производящую железо. Поэт понимает Скифию; ибо там где-то вблизи живут халивы, скифское племя, где добывают железо».³

Наконец, в обращении Прометея к Ио, Эсхил его устами дает развернутое описание Скифии: «Прежде всего поверни отсюда к восходу солнца и иди по невспаханным степям; ты придешь к кочевым скифам, которые живут на высоких повозках с прекрасными колесами, под плетеными кибитками, вооруженные дальнобойными луками. К ним ты не приближайся, но удались из этой страны, идя вдоль шумного и утесистого морского берега. По левую руку живут обрабатывающие железо халивы, которых тебе нужно остерегаться, они суровы и непреступны для чужеземцев. Далее ты достигнешь Буйной реки, не ложно носящей это имя; не

¹ Сборник Латышева. С.333.

² Там же

³ Там же С.338.

переправляйся через нее, ибо она неудобна для переправы, пока не придешь к самому Кавказу, высочайшему из горных хребтов, где река яростно низвергается с самых вершин. Перевалив через поднимающиеся до звезд высоты, ты вступишь на южную дорогу, по которой придешь к враждебной мужам рати амазонок, которые со временем поселятся в Фемискире у Фермодонта, где находится суровая Салмидийская бухта, враждебная морякам и мачеха кораблям; амазонки очень охотно укажут тебе дорогу. За ними ты достигнешь у самых узких врат озера до Киммерийского перешейка; смело миновав его переплыви Меотийский пролив – и на века сохранится у смертных славное сказание о твоей переправе, а пролив получит от нее название Боспора. Покинув европейскую землю, ты вступишь на азиатский материк.

Берегись остроклювых, безгласных псов Зевса, грипов, и одноглазой конной рати аримаспов, которые живут у златоносного Плутонова потока».¹

Приведенный отрывок не дает вполне ясного представления о географии Восточной Европы, поскольку в одну кучу в нем собраны как древние данные, так и более современные, относящиеся ко времени Эсхила. Понятно лишь, что маршрут, которым прошла Ио, начинался в крайних северных пределах обитаемого мира. Это подтверждают и схолии к поэту: «Нужно знать, что Эсхил представляет Прометея прикованным не на Кавказе (имеется ввиду современный Кавказ – В.П.), согласно общераспространенному преданию, а у европейских пределов Океана, как можно заключить из слов его к Ио».²

Об этом свидетельствует также упоминание аримаспов и грифов, которых все античные авторы единодушно размещают на севере, у берегов Кронийского моря. Но амазонки, страна которых располагалась здесь же, у Эсхила помещены существенно южнее, в районе между Истром-Дунаем и Геллеспомом, то есть во Фракии. При этом Эсхил употребляет забавный оборот «которые со временем поселятся в Фемискире», т.е. Прометей как провидец дает ситуацию, которая еще только ожидается в будущем. Салмидийская бухта, Страбон ее называет Сальмидисс, пустынный каменистый морской берег, открытый северным ветрам, который ныне принадлежит Турции и тянется до Босфора. Он лежит на пути Ио к проливу, названному в ее честь. Именно этот маршрут хотел обозначить Эсхил, но по тексту совершенно ясно видно, что взятые из более древних источников имена не вписываются в географию времени поэта: «самые узкие врата озера», Киммерийский перешеек, Меотийский пролив. Кроме того, из источника видно, что эти объекты расположены вблизи Кавказа.

¹ Сборник Латышева. С.334.

² Там же. С.336.

Евстафий в комментариях к Дионисию пишет: «Под Кавказом теперь нужно разуметь, говорят, саму северную часть вышеозначенного Тавра, доходящую до Кронийского моря; часть его составляют и вышеописанные Рипейские горы... А такой Кавказ, к которому приурочено мифическое распятие Прометея, по словам древних, не существует на географической карте».¹

Представляется, что Эсхил, тем не менее, под Кавказом подразумевает именно Рипейские горы (Валдай). Пусть не смущает приписываемая им величина: по Эсхилу они вздымаются до звездной высоты. Никифор Влеммит также помещает их среди самых высоких гор Азии. Это проявление представлений того времени, о которых говорит Аристотель: «Под самым севером, выше крайних пределов Скифии, находятся так называемые Рипы (Рипейские горы – В.П.), о величине которых передают очень баснословные рассказы».² С одним из них мы и встретились у Эсхила. Самое любопытное, что представления древних о высоте Рипейских гор вполне могли иметь под собой реальную основу. По мнению специалистов в области современных тектонических движений земной коры, после отступления ледника, изостатические изменения рельефа были разнообразными: низменности, по некоторым оценкам, имевшие абсолютные отметки ниже современных на величину до 1000 м, поднимались, а возвышенности, имевшие отметки на несколько сот метров выше нынешних, – опускались. Отношение древней контрастности рельефа к сегодняшней, по некоторым оценкам, составляет 4:1. Подтверждение тому, что Рипейские горы – это Валдай, мы находим в следующих словах Аристотеля о них: «Оттуда, говорят, текут очень многие и притом самые огромные из других рек после Истра».³

По поводу локализации Сальмидисса уместно привести выдержку из Ликофрона, посвященную Ахиллу и Ифигении: «Супруг, ища ее, зарезанную эллинами, в пределах Салмидисского моря, долго будет жить на белеющем утесе вблизи устья озерных вод Келтра».⁴ Как видим Салмидийское море отождествляется с уже знакомым Кельтийским озером, которое иногда называли Келтра. Известно оно и под именем Скифского моря. Например, в сходях к Ликофрону находим: «...Скифского моря; ибо Салмидис – залив в Скифии».⁵

Существует и другая версия маршрута, не вполне связанная, но и по

¹ Сборник Латышева. С.200.

² Там же. С.373.

³ Там же.

⁴ Там же. С.398.

⁵ Там же. С.924.

ней он проходит по северным землям. В схолиях к Никандру сказано: «Ио, перейдя через Эм, переплыла пролив, тогда называвшийся Фракийским, а теперь называемый по ней Боспором. Уйдя затем в Скифскую и Киммерийскую землю, исхोдив огромное пространство суши и переплыв большое пространство моря в Европе и Азии, она пришла наконец в Египет».¹

О связи Кавказа, где был прикован Прометей, с севером и Титанской землей свидетельствует рассказ Плутарха, который также указывает отличную от распространенной версии причину наказания Прометея: «[К Фасису] прилегает Кавказская гора, которая прежде называлась «Ложем Борея» по следующей причине. Борея, страстно влюбившись в Хлориду, дочь Арктура, похитил ее, принес на один холм, называвшийся Нифантом... Поэтому гора стала называться «Ложем Борея», а Кавказом была названа по следующему поводу. После борьбы гигантов Крон, избегая угроз Зевса, убежал на вершину «Бореева ложа» и [скрылся] там, превратившись в крокодила; [но Прометей], зарезав одного из туземцев, пастуха Кавказа, и исследовав расположение его внутренностей (чисто скифский обычай гадания – В.П.), сказал, что враги недалеко. Зевс, явившись сюда, отца связал плетеною шерстью и низвергнул в тартар, а гору в честь пастуха переименовал в Кавказ, приковав к ней Прометея и заставив его терпеть мучения от терзавшего его печень орла за незаконный поступок с внутренностями пастуха; так рассказывает Клеанф (III-II вв. до Р.Х. – В.П.)...».²

Упоминание Борея убедительно свидетельствует в пользу возможности отождествления Кавказа с Рипейскими горами, поскольку последние в античной традиции неизменно связываются с его именем. Указанная же причина наказания Прометея (он, по сути, оказал великую услугу Зевсу) еще раз говорит о невозможности постижения смертными божественной воли. Впрочем, Прометей, будучи уже прикованным к Кавказу, продолжал служить Зевсу. Об этом рассказывает следующий отрывок из схолий к «Илиаде», который также ярко раскрывает нравы «вседержателей»: «Зевс, влюбившись в дочь Нереея Фетиду, преследовал ее, желая изнасиловать. Когда он явился на Кавказскую гору, то здесь ему помешал Прометей, сказав, что родившийся от Фетиды будет сильнее собственного отца. Испугавшись за свое царство на небе...Зевс удалился...».³ Напомним, что Фетидой была мать Ахилла, которого родила от Пелия.

Как показывает известнейший сатирик древности Лукиан, автор многочисленных пародий на богов, Прометей был не вполне согласен с мерой своего наказания. В приводимом отрывке, к тому же, дается еще одна при-

¹ Сборник Латышева. С. 450.

² Там же. С. 501.

³ Там же. С. 920.

вязка места исполнения наказания. Обращаясь к Гермесу, Прометей говорит: «Если есть у тебя досуг, я с удовольствием высказался бы в защиту против возводимых на меня обвинений, чтобы доказать, что Зевс неправильно решил мое дело; ты же как адвокат-краснобай, защищай его, что он правильно присудил распять меня вблизи этих Каспийских ворот на Кавказе, на печальное зрелище всем скифам». ¹ Вняв ли его аргументам, или устыдившись, Зевс освободил Прометея.

Сделал это по воле вседержителя Геракл. Освободив Прометея, он отправился выполнять очередное задание – добывать золотые яблоки. В схолиях к Никандру сказано: «Эврисфей поручил Гераклу одиннадцатый подвиг: принести от Гесперид золотые яблоки; они были не в Ливии, как говорят некоторые, а на Атланте в земле гипербореев». Далее говорится, что освободив Прометея, Геракл «прибыл в землю гипербореев к Атланту». ² Таким образом, в приведенном документе воедино связаны имена титана Атланта и страны Атланты, больше известной нам под именем Атлантиды. Трудно переоценить его значение, поскольку это единственный источник, прямо указывающий на точную локализацию безнадежно потерянной Атлантиды – земля гипербореев. Это делает более понятными многие вещи, о которых говорилось выше: вот куда уходят своими корнями культ Вало-Ваала-Аполлона и представления о «золотом веке» человечества.

Возвращаясь к Гераклу, отметим, что, согласно Диодору, пока он был занят освобождением Атланта, амазонки совместно со скифами двинулись в поход на Элладу. Целью его было мщение за похищение Гераклом пояса их предводительницы Ипполиты (девятый подвиг героя) и за то, что Тесей увел в рабство царицу Антиопу (некоторые пишут Ипполиту). Несколько иначе это событие передает Элий Аристид: «Геракл, посланный Эрисфеем, овладел поясом Ипполиты, предводительницы амазонок. Последние, придя в негодование, отправились походом на Элладу и, разрушив много городов, дошли до Аттики, но здесь были разбиты афинским царем Тесеем. Он, взяв в плен Ипполиту и сойдясь с нею, родил Ипполита. Амазонки живут в Скифии у реки Фермодонта». ³ Еврипид, в связи с данным подвигом, пишет: «[Геракл] по волнам Эвксинского озера пришел к конной рати Амазонок, живущей вокруг изобильной реками Меотиды». ⁴

Вряд ли Эвксинским озером назван здесь Понт. Скорее всего в этом нашло отражение представление о единстве системы Меотида-Понт,

¹ Сборник Латышева. С. 541.

² Там же. С. 451.

³ Там же. С. 524.

⁴ Там же. С. 343.

согласно которому Меотийское озеро считалось частью Понта Эвксинского. В свою очередь, эта система была частью системы более высокого порядка. Наиболее ярко представлена она Максимом Тирским в его образном сравнении Гомера и Платона, которые демонстрировали «...истечение той же гармонии, как из Океана течет Меотида, из Меотиды – Понт, из Понта – Геллеспонт и из Геллеспонта – наше море...».¹

Совершенно очевидно, что здесь имеется в виду не та, более поздняя Меотида, которая известна нам сегодня как Азовское море. Древняя Меотида имела связь с Океаном и, по свидетельству Филострата, впадая в Понт была равна ему по величине. Страбон говорит о Понте, что в гомеровскую эпоху его представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как те, кто путешествует далеко за Геракловыми столбами (Гибралтаром). Он пишет: «Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя «Понт» (т.е. «море» - В.П.), подобно тому как Гомера называли просто «позтом» (а самого Страбона – просто «географом» - В.П.)».² Это ничто иное, как отражение представлений о единстве Понта с Меотидой и Океаном. Поэтому часто районы, прилегающие к Меотиде, в античных источниках именуются понтийскими или прилегающими к Понту.

Практически повторяет Страбона, добавляя кое-что от себя, Евстафий: Эвксинский понт древним казался самым большим из морей, и отправляющиеся туда считались едущими на край света, как и плывущие за Геракловы столбы; тогда принимали это море как бы за другой Океан и путешествие туда считали путешествием в океан; поэтому он преимущественно перед другими морями назывался специально Понтом; отправиться в Понт значило то же самое, что идти на великое несчастье, как свидетельствуют и древние: Дипнософист говорит, что слова «из великого Понта» по значению равносильны выражению «из верной гибели».³

С другой стороны, Меотиду некоторые авторы именуют матерью Понта. Дионисий пишет: «Меотиду называют матерью Понта, так как из нее выходит огромная масса воды Понта прямо через Киммерийский Боспор, по которому живет много киммерийцев у холодной подошвы Тавра».⁴ Для «грамотного» историка нет проблем с локализацией указанных здесь объектов, но для нас она неприемлема в силу того, что упомянута «холодная подошва Тавра». Это тот самый древний Тавр, упоминав-

¹ Сборник Латышева. С. 593.

² Страбон. Указ. соч. С. 27.

³ Сборник Латышева. С. 191.

⁴ Там же. С. 180.

шийся выше в связи с Рипейскими горами, Кавказом и Каспием. Если Киммерийский Боспор, через который изливает Меотиды свои воды в Понт, не Керченский пролив, то что же?

По счастливой случайности, александрийский меридиан, который проходит через наши районы, греки со времен Эратосфена принимали за начальный, поэтому его часто использовали как полигон в различных теоретических построениях: Эратосфен вдоль него откладывал расстояния, иллюстрируя размеры земли и т.д. По александрийскому меридиану приводит астрономические характеристики математик Клеомид: «По существующим сведениям летняя ночь в Мерое (совр. суданский г. Мероэ на Верхнем Ниле - В.П.) в Эфиопии длится 11 часов, ...на Геллеспонте - 9..., а на Меотиде - 7 (для сравнения, в Ольвии, находящейся на одной широте с северной частью Азовского моря - 8 ч., а в С.-Петербурге - 5 ч. 10 мин)».¹ Уже на основании этого совершенно очевидно, что Азовское море никакого отношения к названной Меотиде не имеет. Этим именем обозначена обширная озерно-болотная система, начинавшаяся от современного Полесья. Поэтому Стефан Византийский указывает: «Борисфен - город и река Понта у Меотийского озера и реки Танаиса», а также: «Гипанис (Ю.Буг - В.П.) - река и город между Понтом и Меотийским озером. Александр Полиистор говорит, что Гипанис, разделяясь на рукава, одну часть воды изливает в Меотийское озеро, а другую в Понт».² Отсюда и сведения Арриана, взятые им из древних источников, о р. Танаисе: «Она вытекает из Меотийского озера и впадает в море Эвксинского Понта».³

Нетрудно заметить, что названия объектов в отрывке из Дионисия (Меотиды, Киммерийский Боспор, Тавр) практически идентичны именам Эсхила по маршруту Ио (Киммерийский перешеек, Меотийский пролив, Кавказ). Но у Дионисия через Киммерийский пролив Меотиды изливает свои воды в Понт, из чего следует, что под ним подразумевается Борисфен, тогда как у Эсхила Ио переплывает Меотийский пролив, в котором явно просматривается Геллеспонт. Казалось бы, в результате сопоставления двух авторов мы получаем несусветную чушь, в которой никогда не разобраться. Однако в этом нам поможет сообщение Исихия Александрийского о том, что в древности Борисфеном назывался также Геллеспонт. Из чего следует, что Дионисий взял имена рассмотренной нами водной системы у древних в неизменном виде, а Эсхил «творчески» переработал их в соответствии с современными ему представлениями, при этом безнадежно запутавшись в Боспорах-Борисфенах и запутав читателя.

¹ Сборник Латышева. С. 508.

² Там же. С. 255.

³ Там же. С. 224.

Ключевым именем в названии проливов является Боспор, а определения Фракийский и Киммерийский появились для того, чтобы различать два пролива, расположенные в разных частях Понта. Для современника ситуация осложнилась, когда имя Киммерийского Боспора вместе с названиями Меотиды и Танаиса было перенесено далеко на восток и стало обозначать Керченский пролив. Произошло это достаточно поздно. Во всяком случае, Геродот, который упоминает Меотиду ок. полутора десятков раз, называя ее Матерью Понта и утверждая, что по размерам она не намного меньше самого Понта, всякий раз имеет в виду озеро в районе Полесья. Нет ни малейшего основания полагать, что хотя бы где-то он под этим именем выводил Азовское море.

Можно приблизительно установить время, когда рассматриваемая водная система, частью которой была Меотиды, пересохла. К нему относится приведенное выше сообщение Аристотеля о том, что в Меотиду могут заходить суда гораздо меньшей величины, нежели шестьдесят лет назад, вследствие ее обмеления. Есть основания полагать, что в начале IV в. до Р.Х. началось иссушение, которое продолжалось в течение всего этого века. Отметим, что уже к последней трети V в. до Р.Х. Геродотом зафиксированы необычайно малые размеры Каспия, который в то время не имел связи с Океаном, представляя собой замкнутый водоем. Если вспомнить, что 20 лет назад начался неожиданный и происходящий со все возрастающей скоростью подъем уровня Каспия, грозящий в ближайшее время катастрофическими последствиями для населения прибрежных территорий, то можно сделать вывод об индикационном значении режима этого водоема как в периоды регрессий, так и трансгрессий. В силу каких-то причин, связанных, по-видимому, с характером питания, на Каспии раньше, чем на других водоемах начинаются процессы, которые через некоторое время проявляются в глобальном масштабе.

По поводу имени Боспор, Филарх (III в. до Р.Х.) приводит три объяснения: во-первых, «переправа коровы» (в честь Ио); во-вторых, «народы, жившие по сю сторону Понта, не знали земледелия, а жившие по ту сторону – знали; поэтому та часть и называлась Боспором, т.е. побережье ее засевалось» (свидетельство того, что первично имя Киммерийского Боспора); в-третьих, «некоторые говорят, что Боспорами называются узкие проливы; или что в древности при переправе на плотках запрягали в них быков и на них переправлялись...».¹

Остановимся также на имени Меотиды. Евстафий пишет: «Меотийское озеро называется матерью Понта, и от этого, по мнению некоторых, оно получило и первое свое название: $\mu\alpha\iota\alpha$ значит «кормилица». Нужно знать, что у древних встречается как форма $\mu\alpha\iota\omega\tau\iota\varsigma$, через ω , как бы от

¹ Сборник Латышев: С. 438.

глагола $\mu\alpha\iota\omega$, $\mu\alpha\iota\omega\sigma\omega$ [повиваю, повью], так и $\mu\alpha\iota\eta\tau\iota\zeta$, через η , как бы от $\mu\alpha\iota\alpha$ [кормилица]].¹

По поводу третьего подвига Геракла (поимки быстрой киринейской лани) и места его свершения в схолиях к Пиндару написано: «Преследуя эту лань, [Геракл] обозрел и весьма холодные гиперборейские места и Скифию».² К Скифии относится также десятый подвиг героя, угон скота Гериона, хотя традиционно его связывают с Африкой или Испанией, поскольку во время похода за быками на крайний запад были возведены Геркулесовы столпы. Но мы уже знаем, что скрывалось для древних греков за понятием «крайний запад», а также где держал небесный свод Атлант (с ним связана локализация Геракловых столбов). Представление об их размещении на Гибралтаре – результат утраты памяти о северном выходе в Океан. Хотя знание об истинной их локализации еще долго сохранялось на севере Европы. В годы правления императора Августа здесь познакомились с ним римляне. В 5 г. из Фризии, с устья Рейна, была организована морская экспедиция, возглавляемая Тиберием, которая обогнула Ютландию и достигла Балтики, но на этом завершилась. Вот что пишет Тацит по этому поводу: «Именно отсюда отважились мы проследовать в Океан: ведь молва сообщала, что и в нем все еще существуют Геркулесовы столбы, прозванные так или потому, что Геркулес и в самом деле посетил эти края, или из-за усвоенного нами обыкновения связывать с его прославленным именем все наиболее замечательное, где бы оно не встретилось. У Друза Германика (он организовал морские экспедиции в 15 и 16 гг. и по суше достиг Эльбы -В.П.) не было недостатка в решимости, но Океан не пожелал раскрыть ему свои тайны и то, что касается Геркулеса. С той поры никто не возобновлял подобных попыток, и было сочтено, что благочестивее и почтительнее безоговорочно верить в содеянное богом, чем тщиться его познать».³

Нам известно также, что в понятие Эвксинский Понт могла включаться Меотида, протянувшаяся от Полесья далеко на север и отделенная от Северного океана перешейком, по которому протекает Танаис. В сочинении «Собиратели пословиц» содержится подтверждение того, что именно Скифия является местом свершения десятого подвига Геракла: «Трехголовый Герион (поговорка - В.П.): об имеющих звериный характер. Рассказывают, что Герион был трехголовый. Но невозможно, чтобы одно тело имело три головы и в действительности это было так: есть город на

¹ Сборник Латышева. С. 193.

² Там же. С. 328.

³ Тацит. О происхождении германцев. Собрание сочинений. в двух томах. М., 1993. Т. I. С. 367. Далее в ссылках: Тацит. Т. С.

Эвксинском Понте, называемый Трикариния, а среди людей того времени был знаменитый Герион, отличавшийся богатством и в других отношениях. У него было дивное стадо коров; за ними пришел Геракл и убил воспротивившегося ему Гериона; зрители дивились угоняемым коровам, потому что величиной они были малы, от головы до бедра коротки, тупоносы, рогов не имели (часто подчеркиваемый признак скифского скота - В.П.), а кости у них были длинные и широкие. И вот некоторые отвечали спрашивавшим: «Геракл угнал этих коров, принадлежащих Гериону Трикаринскому». Некоторые поняли это слово так, что Герион имел три головы».¹

Геродот не только подтверждает то, что поход за быками Гериона происходил в Восточной Европе, но и переносит место действия далеко на север к океану. В рассказе эллинов, живущих на Понте, о происхождении скифов говорится: «Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией)».² Как бы далеко от Понта, в свете этих данных, кому бы то ни было (историкам или филологам) не хотелось удалить Эрифию и Гериона, но настаивать на их локализации за Гибралтаром и при этом ощущать себя психически здоровым человеком, на наш взгляд, все-таки невероятно сложно. Тем не менее, быки Гериона, которые являются элементом общечеловеческой культуры, пусть и небольшим, по сей день пасутся на тучных лугах где-то в Атлантике, а это, в какой-то степени, характеризует общее не вполне благополучное состояние самого человечества.

Пересказ мифа о трехголовом Герионе, который автор достаточно позднего сочинения попытался истолковать реалистически, сам по себе является памятником жуткого упадка культуры, происшедшего ко времени поздней античности. Дело в том, что миф о Геракле, похитившем быков Гериона символизирует идею о возможности свершения смертным человеком, казалось бы, абсолютно невозможного – влиять на извечный, с позиций людей, порядок мироздания. Не случайно Геракл, после выполнения своих заданий, согласно мифу, был принят в сонм богов. Герион – усеченный вариант от Гипериона, одно из имен Гелиоса, данное ему по отцу («живущий в высоте»); его быки и бараны – ночи и дни древнего греческого лунного календаря. Число их стад (по семь тех и других) соответствует количеству дней в неделе, а количество голов в каждом стаде – числу недель в лунном году. Гомер говорит:

Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров: издавна

¹ Сборник Латышова. С. 867.

² Геродот. Указ. соч. С. 189.

Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных
Злачных равнинах: семь стад составляют быки: и бараны
Столько ж: и каждом стаде числом пятьдесят: и число то
Вечно одно: не плодятся они, и пасут неусыпно
Их Фазтуса с Лампетией, пышнокудрые нимфы.
Гелиос их Гиперион, с божественной прижил Неерой.
(Од. XII, 125-130)

О происхождении же скифов Геродот далее говорит следующее: «Океан, по утверждению эллинов (понтийских - В.П.), течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и наконец прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы – полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя – змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удерживать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: «Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?». Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и выполнишь мое желание».

С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей – Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына

Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе...»¹

В приведенном рассказе упоминается одно интересное имя – Гилея. Интересно оно хотя бы уже тем, что о него «сломало зубы» великое множество ученых мужей. Принятая ныне на основании их «изысканий» локализация Гилеи (устье Днепра), равным счетом ничего не стоит. Во «Влесовой книге» эта обширная страна называется Голунь. Она считается историческим ядром Русколани, предшественницы Руси. Не вдаваясь в подробности (впереди будет отдельный разговор о Голуни-Гилее), приведем свидетельство Стефана Византийского: «Гилея – понтийская страна, иначе называется Αβιχη, т.е. «Полесье». Александр (Полиистор - В.П.) в «Описании Понта».² Эта страна, расположенная вокруг Меотиды, представляла собой тростниково-осоковые и осоково-злаковые луга, которые служили кормовой базой для животноводства. При уменьшении уровня озера, площадь их существенно увеличивалась, что связано с мелководностью водоема. Освободившиеся от воды территории служили поводом для длительных и кровопролитных войн между сопредельными народами. Район этот и поныне называется Полесьем, но зарос лесом.

В заключение рассказа о Геракле отметим, что существуют варианты мифов, противоречащие приведенному Геродотом. Так, часто встречается свидетельство о луке Геракла. Например, Геродор Гераклийский утверждает, что Геракл употреблял скифский лук (очень почитаемый среди греков и др. народов), будучи обучен каким-то скифом по имени Тевтар. Об этом же говорит Каллимах.³ По Диону Хризостому, Геракл является не родоначальником скифских царей, а владыкой скифов: «...мы знаем, что сам Геракл овладел Египтом и Ливией, а кроме того живущими окрест Эвксинского Понта фракийцами и скифами».⁴ Как мы знаем, Дион существенную часть своей жизни провел на Понте, поэтому мог использовать местные мифы.

Особняком стоят мифы об участии Геракла в походе аргонавтов в Колхиду. В схолиях к Никандру говорится: «Димарат передает, что Геракл прибыл (вместе с аргонавтами) в Колхиду, а Дионисий говорит, что он был даже предводителем аргонавтов».⁵ К этому Птолемею из Ифестиона добавляет: «Книга 2 [повествует]...как Геракл построил корабль Арго на фессалийской горе Оссе и дал ему имя от Арга, сына Ясона, который был

¹ Геродот. Указ. соч. С. 189

² Сборник Латышева. С. 255.

³ Там же. С. 355.

⁴ Там же. С. 506.

⁵ Там же. С. 449.

его любимцем и из-за которого он принял участие в плавании Ясона в Скифию».¹

На основании приведенного материала напрашивается вывод: большая часть деятельности самого прославленного героя Эллады пришлось на Скифию и Гиперборейскую землю, что, по меньшей мере, свидетельствует о прочных связях между этими странами в прошлом. Отметим еще один момент: если 70-метровая фигура человека с крестообразно раскинутыми руками на отвесной скале на Сейдозере, о которой говорят участники экспедиции в Ловозерскую тундру (о ней упоминалось во введении) действительно существует и, тем более, является «делом рук» разума, а не слепой игрой природы, то она не могла не породить мифа о прикованном к скале титане. Но тогда северные отроги древнего Кавказа не заканчиваются Вепсовской возвышенностью, а продолжают через Олонецкую и Западно-Карельскую возвышенности, Мансельгу (дословно «земли хребет» – название более чем подходящее для отрога Рипейских гор) до Хибин.

2.8. Фрикс и золотое руно

Фрикс, сын мифического царя Адаманта (Атаманда) из Фив и Нефелы. Фрикса и его сестру Геллу ненавидела и преследовала их мачеха Ино. Они бежали на золотом овне, присланном их матерью. Гелла упала в море и утонула, а Фрикс добрался до царя Колхиды Энта и женился на его дочери Халкиопе. Фрикс пожертвовал овна Зевсу и повесил его шкуру, золотое руно, в священной роще Ареса.

Таков «канонизированный» миф. Однако существует множество его вариантов. Близок к общераспространенному рассказ из сочинения «Собиратели пословиц»: «...Адамант, женатый первым браком на Нефеле, имел от нее двух детей: Геллу и Фрикса... Взял вторую жену Ино (после смерти первой - В.П.). Та, задумав погубить чужих детей, уговорила местных жителей засушить хлебные зерна, назначенные для посева, таким образом земля не приносила урожай. Адамант послал в Дельфы спросить оракул о причине, но Ино, подкупив посланных, уговорила их сказать, что бог ответил, что должно заколоть Геллу и Фрикса, если хотят избавиться от бесплодия. Тот поверил и велел принести к жертвеннику детей, но боги похитили их, подняв в воздух на златорунном баране».²

Другой вариант из того же сочинения несколько иначе передает историю Фрикса: «(об Адаманте)...он покинул Нефелу ради смертной

¹ Сборник Латышева. С.885.

² Там же. С. 856.

женщины. Она, удалившись на небо, покарала страну своего мужа засухой... Один баран, заговорив человеческим голосом, объявил Фриксу и Гелле об ожидаемом их заклании. Они бежали вместе и тут Гелла во время переправы через пролив у Авида утонула... В Колхиде Фрикс принес в жертву Арею или Эрмию (Гермесу - В.П.) барана, который по воле богов сделался златорунным, и, поселившись тут, оставил свое имя этой местности, потому что от него получила название Фригия.¹ В источнике говорится, что так воспроизводит историю, согласно сказаниям, Софокл. Неизвестно, упоминал ли Софокл Фригию, или она появилась в позднем переложении его драмы, но присутствие этого имени свидетельствует о полной утрате понимания того, где происходило действие мифа: с одной стороны, Колхида понимается как Кавказская, но, с другой, Фригия, расположенная в центре Малой Азии, не имеет к ней никакого отношения.

Уже в древности проявились большие сомнения в том, что главным участником данной истории был баран (свидетельство того, что миф для греков отражал реалии). Возникли два варианта истолкования барана и его роли, о которых говорится в схолиях к Аполлонию: «Некоторые говорят, что Фрикс отплыл на судне с изображением барана на носу, а Дионисий ... говорит, что Крий [Баран] был воспитателем Фрикса и отплыл вместе с ним в Колхиду, вследствие чего и возникли сказания о принесении там барана в жертву».² В другом месте схолий приводится более подробная версия Дионисия: «Дионисий в «Аргонавтах» говорит, что Крий [Баран] был воспитателем Фрикса и, заметив замысел Ино, посоветовал Фриксу бежать; отсюда и вышла сказка, что он был бараном».³

Наиболее ярко эти сомнения передал Палефат в сочинении «О невероятных сказаниях»: «Рассказывают, что баран предсказал Фриксу, что отец намерен принести его в жертву; Фрикс, взяв свою сестру и севши с нею на этого барана, прибыл по морю в Эвксинский Понт, совершив весь путь в три или четыре дня. Невероятно, чтобы баран мог плыть скорее корабля, притом неся на себе двух людей. И где пища и питье для них, ведь не провели же они столько времени без пищи. Затем Фрикс, зарезав... барана и сняв с него шкуру, дал ее Зиту в вено за его дочь; а Зит царствовал тогда над колхами. Смотри, как редки были даже шкуры, – что царь принял баранью шкуру в вено за собственную дочь. Так ни во что ценил он свою дочь! Некоторые писатели, чтобы избежать насмешек, говорят, что эта шкура была золотой; да если и золотой была шкура, все-таки не годится царю брать ее от чужестранца. Говорят также, что Ясон послал за этой шкурой корабль Арго и лучших эллинских витязей. Но ни

¹ Сборник Латышцева. С. 885.

² Там же. С. 424.

³ Там же. С. 429.

Фрикс не был так неблагодарен, чтобы убить своего благодетеля, ни, если бы даже шкура была изумрудная, Арго не отправился бы за нею».¹

Как утверждает автор сочинения «Собиратели пословиц»: «...в действительности дело происходило таким образом. Адамант, сын Стола сына Эллина, царствовал в Феии; у него был хранитель сокровищ, которого он считал самым надежным человеком, по имени Криос. Последний, узнав, что Адамант хочет погубить Фрикса, открыл это Фриксу; Фрикс снарядил корабль и нагрузил его весьма большим количеством сокровищ; на этом же корабле была и мать Пелопа, по имени Эос; она на свои средства сделала золотое изображение и поставила его на корабль. Таким образом Криос, посадив на него Фрикса и Геллу с сокровищами, отправился в путь; во время плавания Гелла заболела и умерла, дав свое имя Геллеспонт, а они прибыли в Фасис, поселились здесь; Фрикс женился на дочери колхидского царя Эита, дав ему в качестве брачного подарка золотое изображение Эос, а не шкуру барана. Вот в каком виде предстает истина».²

Примерно также представлял истину Палефат: «В действительности произошло следующее. Адамант, сын Зола, сына Эллинова, царствовал во Фтии; у него был управитель, которому он особенно доверял, по имени Криос [баран]. Последний, узнав, что Адамант хочет убить Фрикса, сообщил ему об этом. Фрикс снарядил корабль и положил на него множество драгоценностей. На тот же корабль и мать Пелопа, по имени Кос, положила золотую статую, которую заказала сделать из своих драгоценностей. Криос, посадив на этот корабль Фрикса и Геллу вместе с драгоценностями, удалились из Фтии. Во время плавания Гелла заболела и умерла (по ней и назван Геллеспонт), а прочие прибыли в Фасис и поселились там; Фрикс женился на Халкиопе, дочери царя колхов Эита, дав ему в вено золотую статую Коса, а не шкуру. Такова истина».³

Несколько иначе видится она Диодору Сицилийскому, который также говорит о двух взглядах на барана: «Одни говорят, что он (Фрикс - В.П.) переплыл через море на корабле, имевшем на носу изображение бараней головы, и что Гелла, страдая от морской болезни, перевалилась через борт корабля и упала в море. Другие рассказывают, что в то время, когда был захвачен Фрикс с своим воспитателем, гостил у колхов зять Эита, царь скифов, который влюбился в мальчика, получив его в подарок от Эита, полюбил как родного сына и оставил ему царство; воспитатель же его, которого звали Крием [Бараном] был принесен в жертву богам, а содранная с его тела кожа по местному обычаю была прибита к храму. После, когда Эиту было дано предсказание, что он тогда умрет, когда

¹ Сборник Латышева. С 883.

² Там же. С. 866.

³ Там же С. 883.

приплывут в его страну чужестранцы и увезут кожу Барана, царь, как рассказывают, окружил стеною святилище, поставил там стражу и кроме того позолотил кожу для того, чтобы она благодаря своему блеску была как можно тщательнее охраняемою воинами».¹

По-другому передает историю Гераклит: «Когда Гелла и Фрикс хотели избавиться от козней своей мачехи Ино, дядька их, по имени Крийос, зимою бежал с ними на малом судне. Случилось так, что Гелла упала в море, откуда и получил название Геллеспонт, а к спасшемуся Фриксу воспылал страстью Эит; с Крийоса, препятствовавшего желаниям Эита и старавшегося сохранить Фрикса невредимым, была содрана кожа и прибита гвоздями к дереву. Золотой же она была названа потому, что он был беззаветно предан Фриксу».²

В рассказе о Фриксе немного географии, но привели весь этот материал для иллюстрации множества вариантов любого греческого мифа. Отметим, что существовало также много мнений по вопросу, что же из себя представляло руно. В схолиях к Аполлонию говорится: «Руно называли золотым многие писатели, которым следовал Аполлоний; Симонид называет его то белым, то пурпурным...».³ Даже алхимики внесли свой вклад в толкование этого вопроса: «Хранившееся в Колхиде не было на самом деле золотое руно (это поэтический вымысел), а книга, написанная на кожах и заключающая в себе описание, как добывать золото химическим путем. Вполне основательно со временем назвали ее золотом за полученное от нее действие».⁴

Некоторые писатели цель аргонавтов видели в возвращении на родину души Фрикса. Так, Евстафий пишет: «...И Пиндар рассказывает, что поход Ясона был предпринят с целью вывоза души Фрикса из колхидской земли». В схолиях к Пиндару находим: «Пиндар говорит, что вместе с руном Ясон должен был привезти из Эи и душу Фрикса, ибо из-за этого гnevаются де подземные боги. Был обычай, в случае, если кто умирал на чужбине, и если нельзя было перевезти на родину тела, то по крайней мере вызывать посредством некоторых таинственных обрядов душу и, как бы плывущие вместе, перевозились на родину».⁵

Существенный интерес с точки зрения географии представляет следующее сообщение Плутарха, имеющее отношение к мифу о Фриксе. Оно идет вразрез каноническому варианту об аргонавтах, поскольку совершенно иначе предстает их маршрут в Колхиду. Плутарх пишет: «К Танаису

¹ Сборник Латышева. С. 467.

² Там же С. 876.

³ Там же С. 433.

⁴ Там же С. 893.

⁵ Там же С. 331.

прилегает гора, на языке туземцев называемая Вриксава, что в переводе значит «Бараний лоб». Названа она так по следующей причине: Фрикс, лишившись в Эвксинском Понте своей сестры Геллы и этим, естественно, опечалившись, остановился на вершине одного холма. Когда же заметили его какие-то варвары и стали взбираться туда с оружием в руках, то златорунный баран, взглянув вперед и увидев приближающуюся толпу, человеческим голосом разбудил спящего Фрикса и, взяв его на свою спину, привез к колхам. По этому-то случаю холм и назван был «Бараним лбом».

Возможно, определенный интерес для ботаников представляет другое сообщение автора о растущей на Танаисе траве: «В Танаисе растет трава, называемая на языке варваров фриксом (на наш взгляд, название вполне определенно связано с Фриксом - В.П.), что значит «злоненавистник». Она похожа на руту и обладает тем свойством, что пасынкам, владеющим ею, мачехи не могут нанести никакого вреда. Она растет преимущественно у так называемой «Бореевой пещеры». Когда ее собирают, она холоднее снега, а когда на кого-нибудь злоумышляет мачеха, то трава вспыхивает пламенем; пользуясь этим признаком, люди, опасющиеся вторых жен, избегают грозящих им бедствий».¹ Автор (со своим весьма поверхностным знанием ботаники) рискнет предположить, что так Плутарх изобразил нашу мать-и-мачеху. Но тогда наше отечественное название травы свидетельствует о былой распространенности рассматриваемого мифа в России.

Сообщение Плутарха о скале или холме на Танаисе, которая называется Бараний Лоб, интересно тем, что это имя часто встречается в описаниях Меотиды в связи с другими географическими объектами. Псевдо-Скилак (IV в. до Р.Х.) пишет: «В Таврийской земле живут эллины [у которых города] следующие: торговый город Херронис, мыс Таврийской земли Бараний лоб. Затем опять живут скифы (перед этим указано, что они живут от фракийцев до тавров - В.П.)». О том, что Таврийская земля связана с Меотидой, свидетельствуют последующие слова автора: «На Меотийском озере прямо при входе в него по левую руку живут скифы; ибо их область простирается от внешнего моря над Таврийскую землю вплоть до Меотийского озера».²

Дионисий, описывая этот район, также упоминает Бараний лоб: «К северу от него (Дунай - В.П.) на широком пространстве живет множество племен вплоть до устья Меотийского озера: германцы, сарматы, геты и бастарны, неизмеримая земля даков и храбрые аланы, тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Бег Ахилла и далее живущие до устья самого

¹ Сборник Латышева. С.502-503.

² Там же. С. 84.

озера. Выше их живет племя богатых конями агавов, а там меланхлены, иппимолги [доители кобылиц], невры, иппоподы [коненогие], гелоны и агафирсы. Здесь вливаются в Эвксин широко разливаясь воды реки Борисфена, перед Бараним лбом, прямо против Кианеев. Там же Алдиска и Пантикапа шумят в двух местах в Рипейских горах».¹

Приведенный отрывок требует некоторого комментария. Значение имени «Бег Ахилла» в античной литературе неоднозначно. Здесь имеется в виду Таврийская земля, имеющая вид вытянутого полуострова. Стефан Византийский свидетельствует о существовании селения с тем же названием в устье Меотиды. Когда Дионисий говорит о Борисфене, то следует понимать не место впадения его в Понт, а, напротив, место откуда он изливает свои воды в море.

Никифор Влеммид в «Краткой географии» приводит те же сведения, но в них ярче проявляется то, что имя агавов является общим для перечисленных народов, а также четко говорится, что описываемый район расположен севернее древнего Истра: «...могущественные аланы и тавры, которые заселяют великий бег Ахилла (перекликается с приводившимся сообщением Геродота о величине земли тавров - В.П.), узкий и длинный, и устье самого Меотийского озера. Выше их раскинулось племя многоконных агавов, где живут мужи меланхлены и иппимолги, невры, иппоподы [коненогие], гелоны и Агафирсы, где вода реки Борисфена сливается с Эвксинским Понтом перед Бараним лбом... Там же воды двух рек, Алдиска и Пантикапа, бьют ключом отдельно в Рипейских горах... Столько народов живет к северу от реки Истра».² Если Понт начинался с водоема, разливавшегося южнее водораздела (Московско-Смоленская, Оршанская и Минская возвышенности), то Борисфен вливался в него в районе Орши, где по сей день стоит городок Барань.

2.9. Эит. Персей (Перс). Геката. Курка. Медея.

Эит, сын Гелиоса, мифический царь страны Эи или Колхиды, куда сбежал на баране Фрикс, золотую шкуру которого похитили аргонавты. Эит считается братом Кирки и Пасифаи, жены царя Крита Миноса, матери Ариадны, восплававшей любовью к посланному Посейдоном быку и родившей Минотавра.

Персей считается сыном Зевса и Данаи. Своим дедом Акрисием вместе с матерью был брошен в море и спасен Дактисом на острове Сериф. При помощи Афины и Гермеса добыл голову Горгоны Медузы, с помощью которой убил чудовище и освободил Андромеду, ставшую его

¹ Сборник Латышева С. 181.

² Там же. С. 290.

женой. В Лариссе во время игр случайно убил диском своего деда Акрисия и стал владыкой Аргоса.

Геката, дочь титана Перса, божество карийского происхождения, считалась богиней колдунов и приведений, а также богиней Луны, поэтому отождествлялась с Артемидой.

Кирка, дочь Гелиоса, волшебница, жила на острове Эя (Эея) или на западе Италии. Она превратила спутников Одиссея в свиней, однако тот заставил ее снять колдовство. По совету Кирки Одиссей отправился в Аид, чтобы узнать свою судьбу. Сыном Одиссея и Кирки был Телегон.

Медея, дочь Эита, наделенная даром волшебства. Из любви к Ясону, с помощью волшебного зелья, помогла ему овладеть золотым руном и выполнить задания Эита. Бежала с аргонавтами и в пути сочеталась браком с Ясоном. В Иолке она подстроила гибель узурпатора царского престола Пелия, оттуда с Ясоном бежала в Коринф, где тот отверг Медею, чтобы жениться на Главке, дочери коринфского царя Креонта. Из мести Медея погубила ее, Креонта и детей, рожденных от Ясона, после чего на колеснице, запряженной драконами, улетела в Афины к царю Эгею.

В греческой литературе существует множество вариантов мифов, которые отличаются от приведенных канонических сюжетов. Так, древнейшие писатели называют Персея (Перса) братом Эита, причем, наряду с вариантами, в которых утверждается северное происхождение братьев (их большинство), встречаются версии, пытающиеся приписать им греческое происхождение. По-разному в них освещается и степень родства между рассматриваемыми персонажами.

Самая древняя версия восходит к Гесиоду: «Неутомимому Гелиосу [Солнцу] славная океанида Персида родила Кирку и царя Эита. Эит, сын лучезарного Гелиоса, по воле богов взял в жены милоликую Идию, дочь всесовершенной реки Океана. Она, покоренная ради златой Афродиты, родила ему в любви славноногую Медею».¹ В ней ничего не говорится о месте, где родились Эит и Кирка.

Пиндар дает коринфский вариант происхождения Эита и Перса, которого он называет Алоеем. Коринф – крупнейший торговый и политический центр Греции, расположенный на Истме, перешейке между Сароническим и Коринфским заливами, связывающий Пелопоннес с материковой Элладой, на котором в древности имелся шестикилометровый волок для сокращения пути из Ионического моря в Эгейское. В схолиях к Пиндару находим: «Говорят, что Коринф был первоначальным владением Медеи: Зиту-де, сыну Гелиоса [Солнца] и Антиопы, был дан оракулом совет основать город в Колхиде, названный по его имени, а верховную власть

¹ Сборник Латышова. С. 318.

над коринфянами перепоручить Вуну, сыну Гермеса, с тем условием, чтобы, если он возвратится, то Вун возвратит ему город, а если нет, то сам владел им».¹

Ниже приводится другой вариант: «Потому, что Коринф был родовым ее владением, следующим образом: Алоей и Эит, отец Медеи, были сыновьями Гелиоса и Антиопы; Гелиос разделил между ними страну, причем Алоей получил по жребию область в Аркадии, а Эит – Коринф. Эит, недовольный своей областью, передал город некоему Вуну, сыну Гермеса, поручив сохранять его для потомков, а сам, прибыв в скифскую страну Колхиду, поселился в ней и стал царствовать». Здесь же в схолиях приводится еще одна версия, которая практически повторяет предыдущую, однако она интересна тем, что содержит прямое указание на связь поэзии с историей: «Об этом сообщает некий поэт-историк (!-В.П.) Евмил, говоря: «Но когда от Гелиоса и Антиопы произошли Эит и Алоей, тогда славный сын Гипериона разделил землю на две части своим сыновьям: ту область, которую владел Асон, он предоставил божественному Алоей, а ту, которую приобрела Эфира, всю отдал Эиту».² Согласно схолий, существовали версии, что Эит, прибыв в скифскую страну Колхиду, захватил там некую область, став ее царем.

В схолиях к Аполлонию говорится: «Кирка по некоторым была сестрою, а по некоторым – дочерью Эита. Дионисий рассказывает, что от Гелиоса родились Персей и Эит. Персей сделался царем тавров..., произвел дочь Гекату... Эит пригласил ее к себе, женился на ней и имел от нее дочь Кирку».³ Здесь же говорится о месте рождения Эита и Персея: «Дионисий Милетский в первой книге «Сказания об аргонавтах» говорит, что: «Гелиос в тех местах родил два сына. Они получили во владение страну: Эит – колхов и меотов, а Персей стал царствовать над Таврической землею».

Очень подробный рассказ о наших персонажах, стране колхов и тавров, их соседях оставил Диодор Сицилийский, обобщивший сведения многих своих предшественников: «Рассказывают, что у Гелиоса было два сына: Эит и Перс; из них Эит сделался царем в Колхиде, а брат его в Таврике, и оба отличались жестокостью. У Перса была дочь Геката, которая отвагою и противозаконными поступками превосходила своего отца; она очень любила охоту (черта Артемиды - В.П.) и в случае неудач вместо зверей убивала людей; затем, приобретя опытность в составлении смертных ядов, она открыла так называемый аконит и испытывала силу каждого яда, примешивая его в пищу, даваемую чужестранцам. Обладая

¹ Сборник Латышева. С. 329

² Там же. С. 330

³ Там же. С. 431

большой опытностью в таких делах, она прежде всего отравила своего отца и наследовала его власть, затем построила храм Артемиде, установив обычай приносить в жертву богине пристающих к берегу чужестранцев и таким образом прославилась своей жестокостью. После этого она вступила в сожительство с Эитом и родила двух дочерей – Кирку и Медею, а также сына Эгиалея. Кирка посвятила себя изучению всевозможных лекарственных зелий, открыла всякого рода свойства и невероятные силы корней. Немало, конечно, она заимствовала у своей матери Гекаты, но еще больше открыла сама, благодаря своим ревностным исследованиям, так что не оставила другим женщинам возможности превзойти ее в знании лекарственных зелий. Будучи отдана в замужество царю сарматов (которых некоторые называют скифами), она прежде всего умертвила своего мужа, а затем, наследовав ему, совершила много жестокостей и насилий над своими подданными. За это она была изгнана из своего царства, бежала по свидетельству некоторых мифографов к Океану и, заняв пустынный остров, поселилась здесь с сопутствовавшими ей женщинами.

Про Медею рассказывают, что она узнала от матери и сестры все свойства зелий, но отличаясь совсем противоположным характером: она постоянно спасала от опасностей приплывавших к их стране чужеземцев;...Эит, отчасти по своей собственной жестокости, отчасти по внушениям своей жены Гекаты, сохранил в силе обычай убивать чужестранцев. ...Эиту дано было предсказание, что он тогда окончит свою жизнь, когда приезжие чужестранцы увезут золотое руно. По этой причине, а вместе с тем и по природной жестокости, он приказал убивать чужестранцев с той целью, чтобы ни один чужестранец не осмелился вступить в его страну, когда повсюду разнесется молва о дикости колхов. Кроме того он окружил священный участок стеною и поставил там многочисленную стражу из жителей Таврики. Поэтому-то сложились у эллинов чудесные сказания: ходили слухи, что около святилища были огнедышащие быки, а руно охранял дракон; с тавров одноименное название было перенесено на силу быков,...подобным же образом охранитель святилища назывался Драконом, а поэты перенесли это имя на чудесное и страшное животное».¹

Приведенный отрывок содержит свидетельства того, что страны колхов и тавров были не только сопредельны, но и составляли известное единство. Здесь же рядом располагались савроматы. Храм Артемиде был построен в стране тавров, о чем сообщают также многочисленные другие источники, которые связывают обычай убийства чужестранцев с культом Артемиды.

Относительно Медеи Диодор сообщает также следующее очень любопытное обстоятельство, связывающее историю северных стран с исто-

¹ Сборник Латышова. С. 464-466.

рией Азии: «Вообще, благодаря выдумкам трагических поэтов, относительно Медеи существует целый ряд разновременных и несогласных между собой сказаний; некоторые, из желания угодить афинянам рассказывают также, что она, захватив Мида, своего сына от Эгея, спаслась с ним в Колхиду. В то же время Эит, насильственно изгнанный из государства своим братом Персом, возвратил себе престол после того, как Мид, сын Медеи, умертвил Перса. После этого Мид, сделавшись могущественным, прошел значительную часть лежащей выше Понта Азии и занял названную впоследствии по его имени Мидию».¹

В связи с последним, укажем, что, согласно Гекатею, Мидия – страна лежащая у Каспийских ворот. Вне всякого сомнения, речь идет о северных Каспийских воротах, поскольку имя это к горному проходу южнее Каспия было приспособлено уже после походов Александра Македонского, когда греки познакомились с этим районом. Это привело к полнейшему непониманию древних источников, о чем свидетельствует содержание I главы II книги Страбона, в которой автор, уже не имея никакого представления о географии времен Эратосфена, но демонстрируя глубочайшее свое почтение к нему, пытается защитить Эратосфена от нападков известного астронома Гиппарха (II в. до Р.Х.). По ходу он приводит ряд выкладок Эратосфена относительно размеров обитаемого мира, где упоминаются и Каспийские Ворота. Согласно им расстояние от Вавилона до Фапсак, расположенного у истока Ефрата, составляет 4800 стадий, а от него до широты Каспийских Ворот – 10000 стадий. Совершенно очевидно, что Эратосфен, славящийся своими удивительно точными измерениями, и в этом случае близок к истине, в чем легко может убедиться каждый, переведав стадии в километры (1 ст. Эратосфена = 210 м).

Геродот в своем сочинении часто говорит о Мидии, простирающейся от Каспия до Месопотамии, однако ни разу не упоминает о Каспийских воротах здесь. Вместе с тем, не каждое упоминание Мидии у него имеет отношение к Закавказью. По нашему глубокому убеждению, о северной Мидии идет речь и в известном сообщении Геродота о маршруте скифов: «От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии – не дальше, только между этими странами живет одна народность саспиры. Минувя их, можно попасть в Мидию. Скифы во всяком случае вступили в Мидию не этим путем, но, свернув с прямой дороги, прошли верхним путем, гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа. Здесь-то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение, и их могущество было сломлено. Скифы же распространили свое владычество

по всей Азии».¹ Точнее, первая часть этого сообщения о расстояниях между скифами, колхами и мидийцами относится к северу, тогда как во второй части говорится о том, что в Закавказье скифы прошли через Дербентский проход.

Речь здесь идет об известном историческом событии, когда скифы, вытеснив киммерийцев из Европы, преследовали их в Азии, вторгшись при этом в Мидию. Историки понимают это описание так: киммерийцы уходили в Азию вдоль кавказского побережья Черного моря, тогда как скифы, преследующие их, прошли вдоль каспийского побережья. Несуразность этих представлений совершенно очевидна: ведь, согласно Геродоту, скифы, придя из Азии (историки полагают по причерноморским степям), погоняли киммерийцев у р. Тира (совр. Днестра), откуда киммерийцы бросились спасаться навстречу скифам, которые пустились их преследовать, но более чем странным образом. Не нужно быть большим стратегом, чтобы квалифицировать представления историков как несусветную чушь, и не надо быть доктором, чтобы состояние ее носителей определить как полный бред.

Большие сомнения вызывает черноморский маршрут, по которому якобы шли киммерийцы. Владетель Понта Митридат Евпатор, через несколько сот лет пробиравшийся этим маршрутом с относительно небольшим отрядом воинов к Боспору, едва выжил. А еще через полтысячи лет, опытные в сухопутных походах вораны были совершенно беспомощны при походах на Питиунт (Пицунда), Фасис и Трапезунд без боспорских судов, что связано с труднопроходимостью этого участка побережья по суше.

На основании сказанного, можно с уверенностью утверждать, что в приведенном отрывке Геродота говорится совсем не о тех Меотиде, Фасисе, Колхиде и Мидии, которые подразумевают современные историки. Действительно, существовали очень древние и прочные связи, в том числе политические, между жителями северных районов Восточной Европы и Закавказья, Месопотамии, Палестины и Египта, но они осуществлялись по Волге и Каспию, через Балканы и даже в обход Европы, через Атлантику. Известно и о контактах через районы, прилегающие к юго-восточному побережью Черного моря (им обязана Кавказская Колхида своим именем), но они осуществлялись морским путем.

Геродот пишет: «После вторжения Дария в их страну скифы-кочевники вознамерились отомстить царю. Они отправили в Спарту послов и заключили союз с лакедемонянами. При этом было решено, что сами скифы сделают попытку вторгнуться в Мидию вдоль течения реки Фасиса, в то время как спартанцы из Эфеса направятся внутрь [персид-

¹ Геродот. Указ. соч. С. 45.

ской] страны на соединение со скифами».¹

Впрочем, главным итогом этого посольства стало то, что спартанский царь Клеомен, «общаясь со скифами чаще, чем это было необходимо», научился у них пить неразбавленное вино и, как полагают, от этого впал в безумие. По свидетельству многих авторов, именно с того времени в Греции появилось выражение «наливать по-скифски». Что касается маршрута, по которому скифы должны были идти в Мидию, то это был традиционный путь вдоль Волги и Каспия (моря Фасисте «Влесовой книги»). Именно по нему и позже народы, населявшие Русский Север и Северный Кавказ с Азербайджаном, носили единые имена (массагеты, аланы, гунны и т.д.). Точно также обстояло дело в глубокой древности с именами Мидия, Армения, Ассирия, хотя ко времени Геродота о северной Мидии остались лишь упоминания в древних источниках, которые не вполне понимались читателем, в том числе Геродотом. Однако еще в средние века память о Мидии на севере все же существовала. В скандинавском сочинении «О заселении земли сыновьями Ноя» говорится, что один из них по имени Мадий, он же Мадай (некоторые, например, Иероним помещают потомков Мадая в Мидии) правил Кюльфингаландом, «который мы называем Гардарики».² Из этого мы можем извлечь точный адрес Древней Мидии – Карельский перешеек.

Это же адрес безнадежно потерянных ариев, поскольку Геродот свидетельствует о мидянах: «В древности все называли их ариями. После прибытия к этим ариям колхидянки Медеи из Афин и они также изменили свое имя. Так гласит о них мидийское предание».³ Имя это происходит от бога войны Ареса (одна из ипостасей Аполлона). Об острове, посвященном этому богу говорит Стефан Византийский: «Ареев остров близ Колхиды на Понте. Скимн говорит о нем в описании Азии. Имя народа – Αρειοί».⁴

В заключение рассказа о Медее приведем два любопытных сообщения, которые не имеют непосредственного отношения к истории, но зато находят отражение в русском фольклоре. Климент Александрийский указывает: «Колхидская Медея, дочь Энта, первая придумала краску для волос».⁵ Эту же тему развивает Палейфат: «О Медее говорят, что она варила стариков и делала их молодыми. На самом деле было следующее: Медея первая открыла такой цвет, который мог делать белые волосы черными. Итак она делала, что старики казались имеющими вместо седых

¹ Геродот. Указ. соч. С. 296.

² Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М. 1986. С. 136.

³ Геродот. Указ. соч. С. 332.

⁴ Сборник Латышева. С. 255.

⁵ Там же. С. 597.

волос черные...».¹ Таким образом, в греческом мифе мы видим истоки сюжетов русских народных сказок, которые стали особенно широко известны через литературные сказки Пушкина и Ершова (Персей с Данаей и царица с Гвидоном, Медея с покраской волос и омоложение через котел с кипящей водой).

2.10. Поход аргонавтов

Миф об аргонавтах широко известен, как и общепринятый маршрут их похода – Кавказская Колхида и река Фасис (Риони). Значительно менее известно то, что две тысячи лет назад, когда кавказская версия мифа уже казалось безраздельно господствовала, в научной литературе еще продолжалась дискуссия по вопросу о маршруте аргонавтов.

Мы сталкиваемся с ней на страницах сочинения Страбона: «И Деметрий из Скепсиса в этом вопросе не только не прав, но его мнение явилось даже причиной некоторых ошибок Аполлодора, потому что Деметрий, с жаром отвергая мнение Неанта из Кизика о том, что аргонавты по пути в Фасис (плавание, допускаемое Гомером и другими писателями) воздвигли по соседству с Кизиком святилище Идейской Матери, говорит, что Гомер вовсе не знал о путешествии Иасона в Фасис. Это утверждение противоречит не только словам Гомера, но и его собственным высказываниям. Ведь Деметрий говорит, что Ахиллес разорил Лесбос и другие места, но пощадил Лемнос и соседние острова по родству с Иасоном и его сыном Евнеем, который владел тогда островом Лемнос. Как же возможно, что поэт, зная, что Ахиллес и Иасон были родственниками, земляками или соседями, или какими ни на есть друзьями (это родство объяснялось не чем иным, как тем, что оба они были фессалийцами – один из Иолка, а другой из ахейской Фтиотиды), все же не знал, как это вздумалось Иасону, фессалийцу и жителю Иолка, не оставить на родине наследника, но сделать своего сына владыкой Лемноса. Ведь Гомер знал Пелия и дочерей Пелия и самую благородную из них – Алкесту и ее сына... И неужели он не слышал о приключениях Иасона, об Арго и аргонавтах (эти факты признаются всеми), а выдумал плавание в Океане из страны Эета без всякого исторического основания для своего рассказа?

Ведь, как все согласны, первоначальное плавание в Фасис по приказанию Пелия, возвращение и занятие островов (как бы продолжительно оно ни было) во время плавания вдоль берегов содержат какой-то элемент правдоподобия. Я утверждаю, что и еще более далекое странствование Иасона (как и странствование Одиссея и Менелая) также в какой-то степени правдоподобно, как это доказывается существующими до сих пор

и заслуживающими доверия памятниками, а к тому же и словами Гомера. Так, например, около Фасиса показывают город Эю и признается достоверным, что Эет царствовал в Колхиде, а имя Эета часто встречается среди местных жителей той страны. Далее, волшебница Медея является исторической личностью, и богатства тамошней страны, состоящие из золотых, серебряных, железных и медных рудников внушают мысль об истинном мотиве похода, что заставило и Фрикса еще раньше предпринять такое путешествие. Кроме того, существуют памятники обоих походов: святилище Фрикса, расположенное на границах Колхиды и Иберии, и святилища Иасона, которые показывают во многих местах в Армении и Мидии и соседних с ними странах. И, кроме того как говорят, есть много доказательств похода Иасона и Фрикса в области Синопы и примыкающего к ней побережья, а также в районе Пропонтиды и Геллеспонта, вплоть до Лемносской области. Существуют следы похода Иасона и преследовавших его колхов в обширной области вплоть до Крита, Италии и Адриатического моря; на некоторые из них указывает Каллимах...

Некоторые утверждают, что Иасон и его спутники даже поднялись вверх по Истру на значительное расстояние; другие же говорят, что они достигли Адриатического моря. Первые высказывают такое мнение по незнанию этих местностей, а по утверждению последних, река Истр берет начало из большого Истра и впадает в Адриатическое море, впрочем, в их высказываниях нет ничего невероятного и невозможного.

Таким образом, Гомер, используя подобного рода сведения, ведет свой рассказ в согласии с историческими данными, но присоединяет к этому элемент сказочного, причем он придерживается обычая, общего для всех поэтов и своего собственного. Его изложение соответствует историческим известиям, когда он называет Эета, говорит об Иасоне и об Арго, когда наряду с Эей придумывает Эею и помещает Евнея на Лемносе, изображая этот остров любезным Ахиллесе, когда наподобие Медеи создает волшебницу Кирку...

Он вставляет в рассказ элемент мифического, перенося далеко в Океан странствования, последовавшие за путешествием в страну Эета. Ведь если принять упомянутые выше факты, тогда слова

...всеми прославленный Арго
(Од. XII, 70)

также верны, поскольку предполагается, что поход происходил в хорошо известных и густонаселенных странах. Если же дело обстоит так, как утверждает Деметрий из Скепсиса, ссылаясь на авторитет Мимнерма (Мимнерм помещает жилище Эета в Океане на востоке, за пределами обитаемого мира, утверждая, что Иасон был послан туда Пелием и привез оттуда руно), то, во-первых, поход за руном становится невероятным (так

как он был совершен в неведомые и таинственные страны), во-вторых, поход через пустынные и необитаемые области и столь удаленные от нашей части света не мог быть ни знаменитым, ни «всеми прославленными». Мимнерм говорит:

И сам Иасон никогда бы с руном из Эи
Не возвратился, совершив полный страдания путь.
Дерзкому Пелию трудный урок выполняя, не смог ведь
Вод Океана прекрасных он никогда бы достичь.

И далее:

В город Зета, туда, где лучи быстрые Солнца
В терем его золотой на ночь пришли отдохнуть,
У Океана берегов, куда прибыл божественный Ясон.
(Фрг. 10 Бергк.)»¹

Мы начали рассказ об аргонавтах с пространного отрывка из Страбона не только для того, чтобы показать существование больших разногласий о маршруте плавания Арго. Как можно видеть, помимо канонического варианта, были представлены также другие, причем разительно отличавшиеся от него версии. Именно о них пойдет речь в данном разделе.

Многочисленные документы, причем наиболее древние, свидетельствуют, что плавание аргонавтов происходило в областях Океана, где и располагалась Колхида. Любопытно, как Страбон разрешает данное противоречие: он признает историческую достоверность обоих вариантов мифа (хотя, как мы помним, выступает против смешения исторического и мифического жанров), предполагая, что было два похода аргонавтов. Однако само по себе это не снимает противоречия, а даже его обостряет, ведь, согласно источникам, на Океан аргонавты плавали все за тем же руном. Таким образом, получается, что было две Колхиды, два руна и два похода за ним, что является абсурдом.

Страбон отстаивает маршрут аргонавтов вдоль северного побережья Малой Азии. Возможно, решающим моментом в его позиции, несмотря на всю ее абсурдность, явилось то обстоятельство, что автор был уроженцем г.Амасии, расположенного на этом побережье (совр. Самсун). Интересно, что вследствие того, что он покинул родину в ранней юности, Страбон весьма плохо был знаком с этим районом. Все описания его несут на себе налет книжности, даже когда речь идет об Амасии и ближайших окрестностях. Поэтому в них часто присутствует выражение

¹ Страбон. Указ. соч. С. 54.

«как говорят». Оно встречается и в приведенном отрывке, когда Страбон горячо отстаивает кавказскую версию и говорит о многочисленных следах пребывания аргонавтов в городах этой части побережья. Насколько они в действительности «многочисленны» можно судить из другого, более достоверного источника.

Арриан, на наш взгляд, один из самых добросовестных авторов древности, будучи римским наместником Каппадокии (т.е. той самой области, по которой якобы проходил маршрут похода аргонавтов), в 30-е гг. II в. предпринял инспекторскую поездку по прибрежным городам и гарнизонам, оставив написанный для императора «Перипл Эвксинского Понта». В нем мы имеем дело с непосредственными впечатлениями очевидца, что выгодно отличает его описание от сочинения Страбона. Согласно ему, от Трапезунда до Фасиса практически никаких следов аргонавтов не существует. В местечке Апсар Арриану показывали якобы могилу Апсирта, погибшего брата Медеи. Описывая сам Фасис, Арриан говорит: «...Здесь же показывают якорь корабля Арго: железный не показался мне древним, хотя по виду он и не похож на нынешние якоря и имеет несколько отличную форму, но тем не менее он показался мне относящимся к более позднему времени (естественно, поскольку во времена аргонавтов даже оружие было бронзовым - В.П.); но здесь же показали старинные обломки какого-то древнего каменного якоря, так что скорее можно эти последние принять за остатки от якоря корабля Арго. Никаких других памятников мифов об Иасоне здесь не было».¹

Как видим, следов пребывания аргонавтов в Кавказской Колхиде и сопредельных районах было ничуть не больше, чем в любом другом месте Средиземноморья и Причерноморья. Стремление приобщиться к древней памяти было характерной чертой социальной жизни греческих полисов. Это повышало как статус полиса в глазах жителей других городов, так и значение горожан в их собственных глазах, что было не менее важно. Этим и объясняется тот факт, что десятки городов претендовали на звание родины Гомера. Даже в периоды глубокого упадка городов, а возможно, что в наибольшей степени именно в эти периоды, горожане свято хранили древние предания, связанные с их полисом. По свидетельству Диона Златоуста, в Ольвии, переживавшей далеко не лучшие времена, жители знали Гомера наизусть, а в почитании Ахилла дошли до его обожествления. Зачастую почитаемые герои (или боги) имели весьма небольшое отношение к городу (например, Артемида и Ахилл к Ольвии), а иногда и совершенно не имели никакого. Поэтому доверие Страбона к якобы существующим следам пребывания аргонавтов в том или ином районе не многого стоит.

¹ Сборник Латышева. С. 221.

Согласно Мимнерму, город Эя, куда плавали за руном аргонавты, находился у берегов Океана, причем явно на севере, поскольку «лучи быстрые Солнца» на ночь приходят отдохнуть в терем Зета. Четкие астрономические характеристики Колхиды содержит «Одиссея». Согласно Гомеру, остров Эя расположен рядом со страной лестригонов, которую автор описывает так:

Ибо дороги и ночи и дня там сходятся близко.
(Од. 10, 85)

В комментариях Евстафия находим: «Выражение «близки пути ночи и дня», т.е. что в течение некоторого времени там бывают очень короткие ночи...». Далее автор продолжает: «Такое математическое объяснение первый дал, говорят, Кратет, предложивший гипотезу о краткости тамошних ночей... Арат также сказал про нее, что она находится там, где «концы заката и восхода смешиваются друг с другом». Поэтому и говорят, что день больше, а ночь коротка».¹

Кроме того, остров Эя, согласно Гомеру, находится у Океана. Сбежав от лестригонов, Одиссей со спутниками прибыл к Кирке (Цирцее):

Мы напоследок достигли до острова Эя. Издаана
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Ээта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
(Од. 10, 135).

Одолеть козни Кирки Одиссею помогает Гермес. От Кирки до Океана Одиссей прошел за день с попутным ветром. Здесь начиналась «киммерян печальная область», в которой находится вход в Аид, куда направлен был Киркой Одиссей для встречи с пророком Тиресием, имя которого, по всей вероятности, связано с названием северной реки Тирис. О ней упоминает Исихий Александрийский, утверждая, что она впадает в Борисфен. Ее историки, начиная с Геродота, по сообщению которого на берегу Тираса находились могилы киммерийских царей, не пожелавших покинуть родину во время скифского нашествия, принимают за Днестр. По описанию Гомера, этой рекой, в устье которой находился вход в Аид, может быть современная р. Нарва. В верховьях (сегодня р. Великая) она соединялась с Меотидой, откуда возникло представление о соединении с Борисфеном. Птолемей называет реку Турундом.

Страбон о. Эю с Киркой помещает в Италии, поскольку иного места

¹ Сборник Латышева. С. 311-312.

для страны, находящейся на пути к Аиду, расположенному на крайнем западе у Океана, он подобрать не смог. Коль скоро выход в Океан для него существовал лишь один – Геркулесовы Столбы или Гибралтар, в соответствии с этим он и реконструировал мир Гомера, а насколько удачно – судить читателю.

Уже в свете приведенных данных локализация Колхиды и острова Эи предельно ясна – Приладожье и прилегающие к нему районы. Она вполне отвечает локализации, приведенной в схолиях к Аполлонию «Эя – город Колхиды. Она лежит на краю населенной земли. Но каким образом данную характеристику, как и астрономическую, приведенную выше, соотносить с Кавказской Колхидой? Тем более, как связать ее со следующим сообщением Стефана Византийского: «Евергеты [Благодетели], скифское племя; называются также аримаспами. Так они названы потому, что у них во время бури нашли спасение аргонавты с своим кораблем»?

Рассмотрим, как происходил поход аргонавтов по дошедшим до нас источникам. Пространное описание относительно его оставил Аполлоний Родосский. Оно носит противоречивый характер. Сам маршрут в Колхиду описан посредством перечисления и характеристики народов, которых аргонавты должны были миновать на своем пути. При этом приведен список народов, которые с легкой руки Ксенофонта (V-IV вв. до Р.Х.) были выстроены в ряд вдоль побережья Малой Азии на пути к Кавказскому Фасису. Очень похоже, что именно его воспроизводит Аполлоний: «Но вы продолжайте плыть на корабле, пока не упретесь в самый край моря. Там на Китаидском материке обильный водоворотами Фасис, вытекающий из далеких Амарантских гор, по Киркейской долине несется в море широким потоком. Гоня корабль к устью этой реки, вы увидите башню Китаидского Эита и тенистую рощу Арея. Там дракон, страшное на вид чудовище, стережет руно, повешенное на вершине бука...».¹

С другой стороны, при возвращении аргонавтов из Колхиды описывается география совершенно иного района. Возможно, поэтому или в силу того, что автор схолий к Аполлонию имел пред собой не испорченный переводом предполагаемый маршрут аргонавтов, в них мы находим следующий комментарий приведенного отрывка, который свидетельствует о совершенно ином направлении пути аргонавтов, нежели кавказский: «Но плывите, говорит поэт, пока не достигнете самого дальнего угла моря. За Скифию находится конец моря, так как дальше следует Меотийское озеро, за которым находится Северный океан».²

В пользу того, что Аполлоний все же имел в виду р. Риони, говорит его описание характера реки – «обильный водоворотами Фасис». Тогда

¹ Сборник Латышева. С. 413.

² Там же. С. 426.

как Гиппократ, рассказывая о народах «живущих направо от летнего восхода солнца до озера Меотиды, составляющего границу Европы и Азии», говорит о скифском Фасисе следующее: «Что касается до местностей по Фасису, то страна эта болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года бывает много сильных дождей. Люди проводят свою жизнь на болотах, их деревянные или тростниковые жилища построены на воде; они мало ходят пешком, только в городе или на рынке, а обыкновенно разъезжают на однодревках вверх и вниз по каналам, которых там множество. Воду пьют они теплую, стоячую, гниющую от солнечного жара и пополняемую дождями. Самый Фасис тише других рек и течет едва заметно. Произрастающие там плоды все плохо удаются, отличаются дряблостью и вследствие изобилия воды не спеют, как следует. Поднимающийся от воды густой туман окутывает всю страну. Вследствие этих причин фасианы резко отличаются своею наружностью от остальных людей (походя, впрочем, на живущих рядом скифов – В.П.). Они высоки ростом и чрезвычайно тучны; в их теле не заметно ни сочленений, ни жил; цвет кожи у них желтый, как у страдающих желтухой; голос несравненно грубее, чем у других людей, так как они дышат воздухом не прозрачным, а сгущенным и сырым; они от природы мало способны к перенесению телесных трудов. Климат у них не подвержен резким изменениям от тепла к холоду, южные ветры преобладают, за исключением одного местного ветра, который иногда бывает очень силен, неприятен и зноен; этот ветер называется «Кенхрон». Северный ветер бывает там не часто, а когда подует, то лишь слабо и тихо».¹

Как ни непривычно с позиций современника изображен здесь наш район, он все же вполне узнаваем. В силу существенно большего увлажнения, климат отличается ярковыраженными морскими чертами, непохожа на нынешнюю циркуляция атмосферы. Однако свайные поселки на болотах хорошо известны археологам на севере Восточной Европы, а лодки-однодревки широко использовались здесь во все времена и дожили до наших дней. Описание фасиан очень напоминает рассказы римских и византийских авторов о северных варварах с их высоким ростом, излишней массой и неспособностью к перенесению длительных физических нагрузок, что, впрочем, нисколько не помешало им разрушить античный мир.

По Аполлонию, аргонавты, проплыв мимо халивов, обогнув мыс Гениетского Зевса, миновав тиваринов, Святую гору, моссиников, на Арееве острове встретили четырех сыновей Фрикса, потерпевших кораблекрушение. Вступив с ними в беседу, узнали, что руно можно увидеть «висящим на кудрявых ветвях дуба» (впереди речь шла о буке).

¹ Сборник Боднарского. С. 58.

На следующую ночь они миновали остров Филирский, прошли мимо макронов, пространной земли вехиров, гордых сапиров и визиров и, наконец, увидели «крутые вершины Кавказских гор, где Прометей, прикованный к диким скалам несокрушимыми медными оковами, кормил своею печенью орла». Так аргонавты прибыли к широкому Фасису и крайним пределам Понта. Далее идет описание Киркейской равнины, которое уже приводилось в связи с погребальным обычаем колхов.

При помощи Арга, одного из сыновей Фрикса, аргонавты попали во дворец Эита. Тот спросил его о причине столь внезапного возвращения и о чужестранцах. Арг рассказал о том, как буря разбила их корабль и как встретившиеся чужеземцы спасли его с братьями от гибели. Затем открыл причину прибытия героев в Колхиду и попросил Эита уступить им руно, обещая от имени Ясона помощь при покорении враждебных савроматов: «Ясон желает воздать тебе достойную благодарность за дар, слыша от меня о весьма враждебных савроматах, которых он покорит твоему скипетру».¹

Когда, после ряда злоключений, аргонавты с помощью Медеи добыли руно, они, согласно Аполлонию, бежали из Колхиды по реке Истру, под которой не следует понимать современный Дунай.

Диодор Сицилийский утверждает, что аргонавты плыли в Колхиду через Фракию, где освободили сыновей царя Финей, убив его (по другим вариантам, именно Финей указал аргонавтам путь в Колхиду). Диодор пишет: «Отправившись на кораблях из Фракии и приплыв в Понт, они пристали к Таврической земле, не зная о суровости ее жителей. У варваров, населяющих эту страну, был обычай приносить в жертву Артемиде Таврополе чужестранцев, которые пристают к берегу. Говорят, что именно у них впоследствии Ифигения, поставленная жрицей упомянутой богини, приносила в жертву пленных».²

Локализация Страны Тавров, которая во времена аргонавтов составляла единое целое с Колхидой, нам уже известна. Нет не только ничего удивительного, но, напротив, это совершенно закономерно, что путь в Колхиду аргонавтам был указан фракийским царем Финеем. Мы уже не раз встречались с источниками, говорящими о смешанном расселении скифских и фракийских (или славянских, пользуясь современным именем) народов в районе Меотиды.

Обратный маршрут аргонавтов Диодор изображает так: «Немалое число как древних, так и поздних писателей (между ними и Тимей) рассказывает, что когда аргонавты после похищения руна узнали, что Эит своими кораблями занял устье Понта, то совершили удивительный и

¹ Сборник Латышева. С.420.

² Там же. С.464.

достопамятный подвиг: проплывши вверх по реке Танаису до его истоков и перетащивши в одном месте корабль по суше, они уже по другой реке, впадающей в Океан, спустились к морю и проплыли от севера к западу, имея сушу по левую руку, очутившись недалеко от Гадир (современный Кадис), они вступили в наше море...».¹ Это самый простой и логичный вариант возвращения аргонавтов.

Наконец, приведем сведения уже неоднократно упоминавшегося сочинения «Орфеев поход аргонавтов» об обратном пути возвращения Ясона и его спутников: «...но мы не бросились прямо к изобильному рыбью морю через широкое устье Фасиса; мы были увлечены заблуждением, постоянно выплывая далеко назад. Города колхов остались позади неразумных минеев и густой туман окутывал их. Затем мы по неразумению поспешно бежали по течению посреди равнины; ее населяли смертные гимны, вуономы и дикие аркии, а также племена мужей керкетских и гордых синдов, которые жили посреди Харандойских ущелий у Кавказского хребта в узкой Эрифии. Когда на востоке появилась веселящая смертных денница, мы пристали к покрытому травой острову, который образуют своими изобильными руслами два потока, именно широко-могучий Фасис и плавнотекущий Саранг, который с шумом посылает по земле в море полноводная Меотида чрез болотную траву».² Этот маршрут в начальной стадии практически повторяет предыдущий. Рекой, текущей через болотную траву в Океан (Диодор говорит о том, что здесь аргонавтам пришлось перетаскать корабль по суше) вполне может быть современная Луга.

Однако дальнейшее плавание аргонавтов продолжилось на юг по Меотийскому озеру: «Тогда мы плыли на веслах день и ночь и в двое страшных суток прибыли к находящемуся посреди озера Боспору, где некогда воруящий быков титан, сидя на сильном быке, прорезал проход в озере. Целый день трудясь над веслами, мы прежде всего прибыли к меотам в мягких одеждах, затем к народу гелонов, бесчисленным племенам вазиагров, к савроматам, гетам, гилейцам, кекрифам, арсопам и племенам аримаспов, богатому народу, поколение которого живет вокруг Меотийского озера. Но нам спешащим бессмертные боги ниспослали страшное несчастье и мы миновали конечные шумные воды. Шумно волнующееся озеро изливает жестокую гибель на низменные берега; изобильная пена с шумом несется к северным пределам в Океан. Подхваченный ею Арго пробежал туда через устье. Трудясь девять ночей и столько же дней, мы миновали там и сям соседние племена смертных, именно пактеев, арктиев, гордых лелиев, луконосных скифов, верных служителей Ароя, и людоедов тавров, которые приносят суровые жертвы

¹ Собрник Латышева. С. 468.

² Там же. С. 913.

Мунихии (Артемиде - В.П.), и чаша бывает мала для человеческой крови; затем миновав гиперборейских мужей, номадов и народ каспийский. Когда же появилась десятая денница, осветившая смертных, мы прошли Рипейские ущелья, а оттуда Арго побежал вперед по узкому протоку и вошел в Океан, который гипербореи называют Кроновым, а также Мертвым морем».¹

На первый взгляд, приведенный отрывок представляет сумбурный перечень многочисленных народов, живущих вокруг Меотиды. Судя по всему, аргонавты достигли перешейка на водоразделе, прорезанного каналом, но штормом были отнесены назад и, пройдя Рипейские ущелья, в которых, следует полагать (по упоминанию народа каспийского) Каспийские ворота, по узкому протоку, которым может быть современная Вуокса, впадающая в Выборгский залив, вышли в Океан. Большой перечень народов – возможно, главное достоинство приведенного отрывка. Ощущение же сумбурности его возникает от того, что, если аргонавты фактически вернулись к местам, откуда они незадолго до этого сбежали, то неясно куда подевалась Эя, город колхов – о нем больше не упоминается. Объяснением может быть лишь то обстоятельство, что Вуокса и сегодня (тем более во времена, когда она называлась Фасисом) представляет собой скопление островов, разделенных протоками. По этой причине аргонавты, как свидетельствует источник, заблудились и, вместо того, чтобы броситься к морю через устье Фасиса, попали на уже знакомый им путь, ведущий к Понту.

Выйдя в Океан, аргонавты направились вдоль его берега. Сначала прошли пешком страну долговечных (об этом говорилось выше), которая, таким образом, располагалась между Выборгом и С.-Петербургом, затем, сев на корабль, прибыли в страну киммерийцев, располагавшуюся при устье р.Тирис (Нарвы): «...мы прибыли к киммерийцам, которые одни лишены сияния огненного солнца: с востока его закрывает Рипейская гора и Калпийский перешеек, а огромная Флегра висит близко, затеняя воздух с полудня; вечерний же свет закрывают несчастным смертным длинные Альпы, так что над ними всегда расстилается мрак...».² Это описание страны киммерийцев скорее напоминает Озерный край Финляндии или даже район Северной Прибалтики, нежели южный берег Финского залива. Выход аргонавтов в Океан в Южной Финляндии или в районе г.Оулу ничуть не исключен, поскольку существовали водные проходы из Ладоги в Озерный край Финляндии через Янисярви, Куркиеки и другие места. В конце концов, варианты описания маршрута аргонавтов являются лишь отражением существовавших в древности водных путей, среди которых

¹ Сборник Латышева. С. 916.

² Там же. С. 917.

тот или иной автор выбирал наиболее приемлемый, с его точки зрения. Позже произошла утрата их понимания.

Как аргонавты плыли в Колхиду в древности (мы имеем в виду времена задолго до Страбона) было совершенно ясно. По поводу же обратного пути уже достаточно рано возникли разногласия, со следами которых мы сталкиваемся в дошедших до нас источниках. Автор схолий к Аполлонию делает краткий обзор литературы по поводу обратного маршрута аргонавтов. Гесиод, Пиндар и Антимак говорят, что они по Океану прибыли в Ливию (т.е. в Африку) и, перенеся «Арго» на плечах очутились в «нашем море» (т.е. Средиземном). Скимн утверждает, что аргонавты по реке Танаису проплыли в великое море (т.е. в Океан), а оттуда прибыли в «наше море», где-то перенеся «Арго» на копьях, пока не достигли моря. Гекатей Милетский пишет, что они по Фасису проплыли в Океан, откуда попали в Нил, а затем в «наше море». Другой Гекатей, Абдирский, оспаривает это мнение, говоря, что Фасис не впадает в море, но они не плыли и по Танаису, поскольку вернулись тем же путем, которым пришли в Колхиду (уже не понимает реалий, поскольку имеет в виду Кавказскую Колхиду), как о том рассказывают Софокл в «Скифах» и Каллимах. Последние обосновывают это тем, что те из преследовавших аргонавтов колхов, которые проплыли по Истру в Адриатику, не нашли бежавших, а нашли другие, которые проплыли через Кианейские скалы (эти уже потеряли Кианеи и под Истром понимали Дунай). По их представлениям, Истр, протекая из земли гипербореев, когда доходит до местностей между скифами и фракийцами, разделяется на две части (древние источники излагали правильно, но Софокл и Каллимах их уже не понимали), из которых одна впадает в Понт, а другая в Тирренское море. Таким образом, большинство древних писателей выводил аргонавтов в Океан или пользуется источниками, в которых совершенно определенно фигурировала Северная Колхида.

Местные варианты легенд об обратном пути аргонавтов просуществовали до позднего римского времени. Зосим, описывая события 410 г., говорит: «Стилихон (римский стратег, фактический правитель империи, вандал по происхождению, сыгравший значительную роль с судьбе северян в Западной Европе - В.П.) получив от кого-то известие, что Алларих, покинув Эгир и перейдя теснины, запирающие проход из Пеонии (Паннонии - В.П.) к венецам (область Фриули-Венеция-Джулия в Италии - В.П.), стал лагерем у города Эмона (Любляна - В.П.), лежащего между Верхней Пеонией и Нориком... Говорят, что аргонавты, преследуемые Эитом, пристали к месту впадения Истра в Понт и признали удобным подняться по этой реке против течения и проплыть по ней на веслах и с попутным ветром до тех пор, пока они не очутятся ближе к морю. Приведя в исполнение свое решение и сбравшись до этого места, они оставили

память о своем прибытии в основании города и затем поставив Арго на катки и протянув его на пространстве 400 стадий до моря, пристали к берегу Италии, как рассказывает поэт Писандр».¹

Несколько иной вариант этой легенды, указывающий другой маршрут до Любляны, приводит Еремий Созомен: «...Аквилу, в которую, по преданию, был перетащен корабль Арго и затем спущен в Тирренское море. Ибо аргонавты, бежавшие от Эита, на возвратном пути совершили не то же плавание, но, переправившись через лежащее выше Скифии море (Балтику - В.П.), через тамошние реки прибыли в пределы Италии и, зазимовав здесь, построили город, по имени Эмон. С наступлением лета они при помощи туземцев протащили Арго по земле посредством машин около 400 стадий и спустили в реку Аквил, впадающую в Эридан (р.По); а Эридан изливается в Итальянское море».²

Интересно, что и колхи, преследовавшие аргонавтов, оставили память о себе в этом районе, а именно, в г.Пола (Пула на п-ве Истрия). Страбон пишет: «Пола расположена в заливе, похожем на гавань, с плодородными островками в нем, удобными для стоянки кораблей. Ее основали в древние времена колхи, посланные на поиски Медеи; они не достигли цели и сами осудили себя на изгнание, как говорит Каллимах:

...маленький город,
Который грек бы назвал «Изгнания градом»,
А на их языке он Полою назван.»³

Возможно, эта легенда отражает связи между двумя районами, которые были реалиями совершенно иного времени, а не похода аргонавтов. Точно также они проявляются в совпадении имен новгородских словен и Словении, столицей которой является упомянутая Любляна, или живших по соседству венетов и северных венедов (вандалов), как когда-то назывались все те же новгородцы, отчего Россию финны по сей день зовут Веня или Веняла.

Имя северных колхов иногда неожиданно всплывает в источниках через многие сотни и даже тысячи лет после похода аргонавтов. Историк Евнапий (IV-V вв.) пишет о некоем Сувармахии: «Это был начальник телохранителей, более всех других верный евнуху Евтропею. Он пил вина больше, нежели мог вместить; но все-таки его желудок, благодаря привычке и сильным, свойственным юности телесным упражнениям, все переносил и естественным путем выделял жидкости. Выпив или не выпив,

¹ Сборник Латышева. С. 809.

² Там же. С. 755.

³ Страбон. Указ. соч. С. 203.

он всегда был пьян, но умел скрывать свое опьянение: хотя и ходил шатаясь, но усиливался не падать, по молодости, и удерживался на ногах. Он был царского рода, настоящий колх из живущих выше Фасиса и Фермодонта и превосходный стрелок, если бы не подстреливало его самого излишество неги».¹

Какой северянин не узнает в этом описании своего земляка? Совместное упоминание Фасиса и Фермодонта совершенно исключает возможность понимания упомянутых колхов как жителей Лазики и определенно указывает на Карелию или Финляндию, откуда византийские императоры традиционно набирали гвардию.

Несколько позже в Константинополе они назывались варангами, а на Руси варягами. Согласно В.Н.Татищеву, Анна, дочь императора Алексия Комненна, пишет о варангах, советниках царских, «которые на плечах повешенные топоры имеют, будто бы от родителей залог и наследство приняли верность к императорам и караул их тела держать», что они происходят из Тулы, т.е. с о.Туле (Фулы). Варанги состояли при должностях константинопольского двора, составляли караул при дверях спальни и в столовой зале, на форпостах города и империи, в их руках находились ключи важнейших городов, надзор за подозрительными людьми, охрана государственной казны и т.д. Особо подчеркивается наследственный характер службы: «Верность как бы один от другого преданную принявши, невредину соблюдают и немалого упомянутя о измене сносить не могут».²

Остановимся на вопросе, который, и это совершенно очевидно, является коренным в истории аргонавтов: что же все-таки из себя представляет руно? Сама по себе овечья шкура, будь она даже изумрудной, как справедливо заметил один из приведенных древних авторов, является сомнительной целью для столь опасного предприятия.

На наш взгляд, ответ содержится в приведенном фрагменте стихов Мимнерма:

В город Зета, туда, где лучи быстрые Солнца
В терем его золотой на ночь пришли отдохнуть...

Здесь имеется ввиду суточный ход солнца. Кроме него существует годовой. В осенне-зимний период солнце также уходит на север, поэтому оно все ниже восходит над горизонтом и все меньше путь проходит над ним. Вспомним, что осенью Аполлон покидает Дельфы и на своих лебедях улетает в гиперборейскую землю. По-видимому, в глубокой древности

¹ Сборник Латышова. С. 731.

² Татищев В.Н. Указ. соч. С.304-305.

существовало представление о том, что какие-то силы заточают солнце, а для того, чтобы оно вернулось, его необходимо освободить. Таким образом, миф об аргонавтах, похитивших золотое руно, является отражением знакомого нам с детства сюжета о краденном солнце и его возвращении. Он известен многим народам мира на всех континентах.

Теперь, когда локализация страны колхов достаточно ясно определена – часть территории нынешних Финляндии, Карелии и Ингерманландии, уместно провести параллель между сюжетами мифа об аргонавтах и карельского эпоса «Калевала». В обоих произведениях герои отправляются из южной страны на мглистый север. Правда, герои «Калевалы», которая в определенном смысле является литературным произведением, созданным Элиасом Ленротом, построившим единый сюжет на основе разрозненных и многочисленных вариантов народных сказаний-песен (рун), отправляются в мрачную страну Лоухи за красавицей севера. Один из женихов, кузнец-демиург Илмаринен, имя которого, вне всякого сомнения, связано с названием озера Ильмень (в древности Ильмерь), как вено за невесту выковал Сампо. Что это такое – понять также сложно, как содержание руна. Это и чудесная мельница, производящая все блага жизни, и пестрая крышка, т.е. ничто иное, на наш взгляд, как эпитеты того же солнца. Хозяйка страны Похьелы, старуха Лоухи, не желая отдавать дочь, придумывает для Илмаринена три невыполнимые задачи, которые с помощью колдовства помогает решить сама невеста. Ясону, поставленные Эитом задания, помогла выполнить теми же методами Медея. При этом, одно из заданий (вспахать змеиное поле) перекликается с тем, что должен был проделать Ясон (распахать поле на огнедышащих быках, посеять зубы дракона и побороть выросших из них мужей). В конце концов, сюжет «Калевалы» оборачивается так, что главной задачей героев становится похищение Сампо для народа эпической южной страны Калевалы, с которой ее герои справляются не вполне, поскольку Сампо разбивается на кусочки, когда Лоухи преследуют похитителей. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что солнце в бывшей стране Калевале существенно меньше, чем в Греции. Однако, хозяйственные герои Калевалы бережно собрав осколки, закопали их в родной земле, обеспечив определенную меру счастья своему народу.

Подтверждением предположения, что Сампо – это украденное солнце, находим на страницах той же «Калевалы». Не смирившись с потерей Сампо, Лоухи выкрала с неба солнце и месяц, освобождать которые пришлось опять нашим героям. Еще раз повторим, что «Калевала» представляет собой собрание многочисленных вариантов народных преданий, произвольно объединенных Ленротом в сюжет, причем, как видим, далеко не единый. Руны изустно передавались из поколения в поколение в течение тысяч лет. Каждый исполнитель выступал в определенной

степени в роли творца. Именно этим объясняется столь большое многообразие вариантов, из которых Э.Ленрот включил в «Калевалу» едва ли половину. Поэтому естественно предположить, что варианты рун, где герои похищают Сампо, и те, где они освобождают солнце и месяц, родились из одной основы. Еще одним подтверждением служит само содержание имени Сампо. В финском языке находим *samea* «мрачный», «темный»; *sampua* «гаснуть», что несомненно указывает на связь рассматриваемого имени с потухшим или исчезнувшим солнцем.

Большая часть авторов, рассказывающих о походе аргонавтов, утверждает, что они отплыли на одном корабле, построенном с помощью Афины. Иногда встречаются упоминания о том, что «Арго» был пятидесятивесельным кораблем. Однако довольно часто говорится, что Ясон возглавлял целый флот. Так Евстафий пишет: «Харак рассказывает, что аргонавты вошли в Эвксинский Понт не на одном корабле, как говорит общераспространенное предание, а на многих судах, и что некоторые из них сбились с пути... На одном из них были возницы Тиндаридов, т.е. Диоскуров, от которых и получили названия племена гениохи и тиндариды, да и самая страна Диоскурида, находящаяся в углу Эвксина, т.е. в самом конце пути у Колхидского Трапезунта».¹

Забавно то, что город, основанный этими заблудившимися аргонавтами позже многими воспринимается как цель путешествия аргонавтов – колхидский город Эя. Например, Стефан Византийский пишет: «Диоскуриада... город у Понта, называемый также Севастополем (современный Сухуми – В.П.); прежде по сведениям Никандра, он назывался Эей».² Казалось бы уже одно это должно настораживать: если дело обстоит так, то куда же прибыл сам Ясон со своими аргонавтами?

Время плавания аргонавтов в Колхиду источники определяют достаточно единодушно. Кефалион, автор живший при Адриане, говорит: «В следующем поколении (после Персея), во время власти Пания, флот аргонавтов отплыл к Фасису и Колхидской Мидии».³ Последнее название весьма знаменательно, поскольку предполагает, что была и другая Мидия. Возможно к этому источнику, если не к общему предшественнику, восходит сообщение епископа Кесарии Палестинской Евсевия (IV в.): «В (этом) последнем поколении при владении над ассирийцами Панина (Нина – В.П.), флот аргонавтов приплыл в реку Фасис и к Мидии Колхидской».⁴ Феодорит, епископ кирский (IV-V вв.), при определении времени похода использует другие ориентиры, которыми пользовались также и многие его

¹ Сборник Латышова. С. 203.

² Там же. С. 255.

³ Там же. С. 512.

⁴ Там же. С. 666.

предшественники, например, Страбон: «Орфей, первый из поэтов, одним поколением старше троянских событий: ибо он вместе с Ясоном, Пилеем, Теламоном, Гераклом и Диоскурами совершил плавание в Колхиду; а сыном Ясона был Эвний, посылавший под Трою вино ахейцев».¹

Относительно Эи Стефан Византийский пишет: «Эя – город колхов, построенный Эитом, отстоящий от моря на 300 стадий (примерно 60 км – В.П.); его обтекают две реки, Ипп и Кианей, образуя у него полуостров; кажется, наоборот, от имени города образовано имя Эита».² Имя одной из рек несомненно связано с названием Кианейских скал. Уже в древности под ними понимались небольшие островки при выходе из Босфора в Понт.

Страбон их, хотя и не вполне конкретно, сопоставляет с Планктами Гомера, которые он упоминает в связи с плаванием Ясона: «Кианийские скалы (которые иногда называют Симплегадами)...весьма затрудняют плавание через пролив у Византия. Поэтому если сравнивать Эю Кирки с Эей Медеи (Страбон полагал, что первая живет в Италии, а другая – в самой отдаленной части Понта – В.П.) и Гомеровы Планкты с Симплегадами, то плавание Иасона через Планкты тоже представляется совершенно правдоподобным. По-видимому, вероятно и плавание Одиссея между скалами, если вспомнить Скиллу и Харибду».³

Столь сложная для понимания конструкция возникла оттого, что маршруты плаваний героев Гомера (Ясона и Одиссея) Страбон пытается уместить в своем мире, который, между тем, был существенно меньше, чем у Гомера, географическим познанием которого, как это не удивительно при его отношении к мифу, Страбон весьма доверял, горячо отстаивая их в споре с оппонентами. Было ли это интуитивное чувство уважения к большим знаниям, чем его собственные, или нечто другое – неизвестно. Однако, представляется, что именно интуиция проявляется в следующем фрагменте из Страбона: «И хотя Эратосфен сказал, что древнейшие греки совершали плаванья ради грабежа и торговли, правда не в открытое море, а вдоль берегов, как например Иасон, который даже оставил корабли и из страны колхов предпринял поход вплоть до Армении и Мидии, но позднее он говорит, что в древнее время никто не решался плавать ни по Эвксинскому Понту, ни вдоль берегов Ливии, Сирии и Киликии. Если под словом «древние» он понимает тех людей, которые жили в незапамятные времена, то нам вовсе не нужно говорить о них, совершали ли они плаванья или нет. Если же Эратосфен говорит о людях, упоминаемых в преданиях, то можно сказать не задумываясь, что древние, по-видимому, совершали более далекие путешествия по суше и

¹ Сборник Латышева. С. 781.

² Там же. С. 253.

³ Страбон. Указ. соч. С. 27.

по морю, чем люди позднейшего времени, если только следует принимать во внимание такое предание (сам Страбон его принимал – В.П.). Например, Дионис, Геракл и сам Иасон, кроме того, Одиссей и Менелай, о которых рассказывает Гомер. Вероятно, что Фесей и Пирифой тоже решились на долгие путешествия и оставили о себе славу, будто совершили нисхождение в Аид, а Диоскуры потому же получили имя «хранителей на море» и «спасителей моряков». Кроме того, сказание о господстве Миноса на море и слухи о путешествиях финикийцев (которые немного спустя Троянской войны объехали страны за Геракловыми Столпами и основали там города, так же как и в середине Ливийского побережья) получили широкую известность. А Энея, Антенора, энетов и вообще всех обреченных на скитание из-за Троянской войны по всему обитаемому миру разве не следует считать людьми древнего времени? Ведь тогдашним грекам, как и варварам, из-за долгой войны приходилось терять и свое домашнее имущество, и приобретенное войной. Поэтому после гибели Трои не только победители стали заниматься морским разбоем из-за бедности, но еще больше того побежденные, уцелевшие после войны. Последние, по преданию, основали множество городов по всему побережью за пределами Эллады и в некоторых местах внутри страны».¹

Что это, как не интуиция, если на практике Страбон даже не предпринимал попыток выйти за пределы современного ему известного мира, хотя бы при истолковании тех же гомеровских сюжетов. А ведь ему было проще, чем любому из нас, дойти до мысли, что в древности у Понта было два устья, а следовательно, и Средиземное море соединялось с Океаном не только через Гибралтар. Проще, поскольку даже в тех скудных источниках, которые дошли до нас, содержатся едва ли не прямые указания на это. Страбон практически подходит к пониманию этого, когда рассуждает о том, что в древности Понт представлялся как бы другим Океаном. Но, по видимому, в характере его сидел своеобразный ограничитель, не позволивший преодолеть этот довольно несложный барьер между познанным и непознанным, а точнее прочно забытым. На самом деле, и Кирку, и Планкты, и Кианеи следует искать в совершенно другом и существенно удаленном от Италии районе.

Существует у Страбона еще один пассаж относительно общности Планкты и Кианейских скал: «...поэт создал Планкты по образцу Кианейских скал, всегда заимствуя свои мифы из каких-либо исторических фактов. Например, он рассказывает мифическую историю об опасных скалах, какими, говорят, были Кианейские (отчего их называют «Симплегадами»), поэтому он и приписал Иасону плавание через эти скалы. И пролив у Столпов, и пролив у Сицилии подсказали ему миф о Планктах.

¹ Страбон. Указ. соч. С.56.

Относительно менее правильного сообщения по намекам из вымышленного рассказа о Тартаре (мы уже знаем в каком районе он размещался – В.П.) можно вывести заключение, что Гомер имел ввиду области около Тартесса (город в Иберии, т.е. Испании, куда Страбон притягивает действия «Одиссеи», поскольку по его представлениям, где-то там за Геркулесовыми Столпами, у Океана, расположен вход в Аид)¹.

Давайте по первоисточнику, т.е. по Гомеру, убедимся, чего стоит выражение Страбона «он и приписал Ясону». Побывав в Аиде, Одиссей с товарищами вернулся на остров Эю к Цирцее. Она предупреждает Одиссея об опасностях, ожидающих его на пути домой. Первой были две чародейки-сирены, привлекающие своим дивным пением «людей мореходных». После острова сирен открываются два пути, возможно имеются ввиду два рукава, омывающие остров:

...дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящие у моря утесы; крутом их
Шумно волнуетесь зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя бродящих дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчаться, ни даже амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
Каждый раз и Зевс заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обжевавший корабль невредимо
Их миновал – посетитель Зета, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона.
(Од. XII, 60)

Альтернативой этим скалам, которые и есть Планкты, т.е. «блуждающие», были две другие опасности – Сцилла и Харибда, которые и предпочел Одиссей. После них на его пути был, кстати, остров Тринакрия с быками Гелиоса-Гипериона.

Как видим, Гомер вовсе не приписал Ясону плавание через скалы, а вполне определенно говорит о том, что Одиссей плыл по одному маршруту с аргонавтами. Планкты же – не выдумка поэта, по аналогии с Кианейскими скалами, а это те самые скалы, расположенные в устье Понта при входе в него со стороны Океана, поскольку, как мы помним, Меотида при

¹ Страбон. Указ. соч. С.146.

входе в которую они расположены, рассматривается как часть Понта (и даже Мать Понта). Не лишнее и весьма весомое подтверждение такой локализации находим у самого Страбона: «...согласно самому Эратосфену, меридиан через устье Нила у Каноба и меридиан через Кианейские скалы – один и тот же».¹ Предлагаем читателю убедиться, что этот меридиан выходит точнехонько на Санкт-Петербург и на место раздвоения Вуоксы, тогда как Кианеи у Боспора остаются несколько в стороне.

Кроме упоминания о р.Кианей, у Стефана приведено расстояние, отделяющее город Эю от моря (т.е. Океана), которое составляет 300 стадий и очень подходит к Вуоксе, но никак не приложимо к Риони. Осознавая это, анонимный автор перипла Эвксинского Понта (Псевдо-Арриан) второе уменьшил его, когда пишет о Кавказском Фасисе: «Река эта судоходна на протяжении 100 стадий, 4 миль. На ней есть большой город по имени Эя, откуда происходит Медея».² Интересно еще одно расстояние, которое мы находим в описании той же Риони у Псевдо-Скилака: «...Фасис-река и Фасис город эллинский, и вверх по реке 180 стадий плавания до большого варварского города, откуда была Медея».³ Несмотря на то, что этот автор Хохиду и Фасис уже локализует на Кавказе, расстояние до города Эя взято им из древнего документа, относящегося к Северной Колхиде. В пользу этого свидетельствует то обстоятельство, что в совокупности расстояние Стефана (от моря до Эя) и Псевдо-Скилака (от Эя до устья) составляют длину водного пути от Выборгского залива до Ладоги. Следовательно, город Эя был расположен в районе современного пос.Лосево (скорее всего, несколько западнее).

Главный город колхов, куда плавали аргонавты, располагался при впадении Фасиса-Вуоксы в Ладогу на северной его протоке, там где ныне расположен г.Приозерск, на месте которого прежде был г. Корела, переименованный шведами в Кексгольм, еще раньше знаменитый Холмгард (летописный Колмо), один из крупнейших торговых городов Европы. Торговая функция города подчеркивается и в античных документах. Псевдо-Арриан пишет о городе Фасисе: «...в котором, как говорят, сходятся 60 племен, говорящих на разных языках; в их числе, говорят, приезжают варвары из Индии и Бактрианы. Между ними варварская страна Кораксика, к которой прилегает так называемая Колика, где ныне народ меланхленов и колхов».⁴ Нет никакого сомнения, что речь здесь идет о северном Фасисе и северных колхах, районе, который во все времена являлся мировым торговым перекрестком, в котором сходились товарные потоки, текущие

¹ Страбон. Указ.соч. С. 94.

² Сборник Латышева. С. 274.

³ Там же. С. 84.

⁴ Страбон. Указ.соч. С. 274.

по направлениям запад-восток и север-юг.

Возможно, Кавказская Колхида являлась морской колонией торгового северного народа (наряду с множеством других), от которого получила свое имя. Не случайно, по сей день в Грузии бытуют на бытовательском уровне смутное воспоминание о том, что некогда грузины были светловолосы и светлоглазы, сванская войлочная шапочка, которая, как и само имя сванов, имеют аналоги на севере. Птолемей в этом районе указывает даже народ под именем сванноколхи, что на материале северных языков можно перевести как «южные колхи». Однако, город на Риони никогда не был мировым торговым центром, имея, разве что, местное значение. Осознавая это, а также будучи знаком с древними источниками, говорящими о Фасисе как о крупнейшем тоговом городе, Страбон пытается применить эти сведения к соседней Диоскуриаде: «Эта же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае (весьма характерная оговорка - В.П.) в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300)».¹ Весьма характерна и последующая оговорка: «Большинство их – это сарматы, но все они кавказцы». Это явное свидетельство того, что речь в источниках, которые пытался приспособить автор к современным реалиям, шла о Фасисе в Сарматии. К тому, же местный характер торговли в Диоскуриаде отмечен в приведенном отрывке из Страбона, а в другом месте он и вовсе проговаривается, как о структуре, так и о масштабах этой торговли: «Там обитают племена, которые, как я указал выше, сходятся в Диоскуриаду, а сходятся они туда главным образом за солью. Из этих племен одни занимают вершины гор, другие же обитают в лесных долинах, питаются большей частью мясом диких животных, дикими плодами и молоком. Зимой вершины гор недоступны, а летом люди поднимаются на них, подвязывая к ногам из-за снега и льда утыканные шипами широкие куски сыромятной бычьей кожи в форме вроде литавров. Спускаться им приходится со своей кладью, лежа на шкурах и скользя по льду...».² Надеемся, что приведенных сведений достаточно, чтобы отбить у кого бы то ни было охоту приписывать этому району Причерноморья роль центра индийской и бактрийской торговли.

Напротив, купцы и товары из этих районов были обычны для торговых центров, расположенных вдоль водного пути из Каспия на Балтику. Плиний сообщает, что в начале I в. до Р.Х. Квинту Метеллу Целеру царем свевов (сарматский торгово-политический союз, который, согласно Тациту, простирался от южных рубежей Германии через Балтику до Карелии)

¹ Страбон. Указ. соч. С. 472.

² Там же. С. 479.

были подарены индийцы, которые в торговых целях плыли из Индии и были прибиты бурей.¹

Интересно упоминание Псевдо-Аррианом варварской страны Кораксии, к которой прилегает Колика. Наиболее древние сведения о них содержатся во фрагментах работ Гекатея Милетского, который в описании Азии сообщает, что кораксы, племя колхов, расположенное вблизи колов. Существуют Кораксийская крепость и Кораксийская страна. О колах автор говорит, что это народ у Кавказа, «а подгорья Кавказа называются Кольскими горами». Страна называется Коликою. Эти сведения Гекатея приводят Стефан Византий и Элий Геродиан.

Аристотель в Метеорологии приводит довод в пользу существования подземных пустот: «...озеро у подножья Кавказа, которое туземцы называют морем. Хотя в него впадает много больших рек, оно не имея (никакого) видимого стока, выливается из-под земли в (стране) кораксов, у так называемых Пучин Понта – речь идет о какой-то беспредельной глубине моря: во всяком случае никому еще не удавалось там нащупать дно. В этом месте, почти в трехстах стадиях от суши; навверх выходит пресная вода – на большом пространстве, но не сплошь, а в трех местах».² Что стоит за этим сообщением, не вполне понятно.

Отдельную группу составляют сведения, которые С.Н.Муравьев назвал «порногеографией». Он приводит из словаря Гесихия пункт, относящийся к кораксам: «Кораксы – скифское племя и женский срам».³ Из того же автора извлекается: «Синдская расщелина: (половой орган) женщин.» «Синдида: Скифия; и публичная женщина».⁴ Проявившаяся в приведенных отрывках связь между кораксами и синдами прослеживается также в другой области: «О милетской шерсти говорили многие, а о шерсти кораксийской Гиппонакт сказал хромыми ямбами в I книге ямбов:

Облекшаяся в кораксийское платье.

Метит же он в племена кораксов и синдов».⁵

С.Н.Муравьев, разумеется, размещая кораксов и синдов от Абхазии до Тамани (там их указывают историки), проводит аналогию между кораксами (буквально: «воронье», «черные как вороны») и меланхленами («люди в черных плащах»), связывая эти этнонимы с черными бурками кавказцев. Если происхождение переносного значения выражения «син-

¹ Сборник Боднарского. С. 241

² Муравьев С.Н. Указ. соч. С. 146

³ Там же

⁴ Сборник Латышева. С. 854.

⁵ Муравьев С.Н. Указ. соч. С. 146

ская расщелина» автору вполне понятна: синды населяли Тамань, а Синдская щель – это Киммерийский Боспор, то переосмысление этнонима кораксы потребовало построения целой цепи занятных ассоциаций. От черных кавказских бурок имя кораксов перешло на обозначение сорта шерсти, причем производимой не только на Кавказе, но и в Испании с Фригией. Затем сорт шерсти сближается с именем синдов через растительность, прикрывающую «синдскую расщелину» у женщин. Что и говорить, ход мысли более, чем завлекательный, однако, на наш взгляд, не все объясняющий. Почему же Синдида еще и Скифия? Поэтому предлагаем свой ряд построений, в котором меньше анатомии, но больше географии.

Приведем еще одно сообщение относительно овец и шерсти. Клавдий Элиан пишет: «...у будинов, живущих кругом Кариска, не водятся белые овцы, но ... все они черные».¹ Оно восходит к Аристотелю. Кариск – это ни что иное, как Коретский залив Меотийского озера. По Плинию, сюда стекаются реки Буг, Герр и Гиपाкир, которые относятся к числу важнейших рек Скифии. Более того, это центр Скифии: «По положению можно сказать, что середина Скифии в области Корет («богатая хлебом»)».² По Птолемею, середина Скифии – река Коракс.³ Плиний называет эту область Синдийской Скифией.⁴ Помпоний Мела называет залив Понта в этой области Керкинитским, поскольку на его берегу расположен город Керкине. Полоса земли между этим заливом и Меотидой называется Таффры, и отсюда начинается полуостров тавров и сатархов. Исихий Александрийский жителей города Керкине считает синдами: «Керкеты: народ синдский».⁵

Как видим, и кораксы, и синды, и овцы, а соответственно и шерсть, группируются в одном, причем ключевом районе Скифии, а рассматриваемые выражения идентичны и действительно обозначают Киммерийский Боспор, но только древний. Поэтому нет необходимости в построении приведенного выше анатомического ряда заключений. Мы бы его изменили так: всем известно в каком месте пребывает по своему нынешнему состоянию бывшая Скифия, и дай ей Бог в ее стремлении отыскать более уютное место не попасть впросак.

В первом приближении локализация синдов устанавливается достаточно легко по сообщению Аполлония Родосского о том, что синды живут

¹ Сборник Латышева. С. 605.

² Татищев В.Н. Указ. соч. С.409.

³ Сборник Боднарского. С. 413

⁴ Там же. С. 248.

⁵ Сборник Латышева. С. 853.

по Истру, который в их земле разделяется на два рукава. Есть маленькая неопределенность: что считать разделением Истра? Первое разделение Истра на рукава происходит на Карельском перешейке. Если в качестве одного рукава реки понимать современную Свирь, который через Онегу, Белое озеро и Шексну переходит в современную Волгу, а за вторым видеть Вохов с Мстой и Тверцей, то синды занимают Юго-Восточное Приладожье. В случае же, если рукавами Истра считать Мсту и Ловать, то синды занимают Приильмень. Определиться в этом вопросе не помогают свидетельства Плиния и некоторых других авторов о том, что туземцы называют Танаис Сином (это имя, несомненно, связано с синдами), поскольку Танаис – тот же Истр в более поздние времена. Но мы помним, что сидоны, колонией которых некоторые считали Сидон (Сайду) в Финикии, были жителями Океана, а Тацит свидетельствует о том, что ситоны были соседями свионов (шведов).

Говоря о меотах, Страбон сообщает, что к их числу принадлежат сами сидоны, а также некоторые другие народы (дандары, агары и т.д.). Следовательно, меоты – обобщающее название многих живущих у Меотиды народов, среди которых находятся и синды. В значительной мере ситуацию в районе проясняет замечание Сократа, дошедшее до нас в передаче Ксенофонта: «В Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны». Тот факт, что весь обширный район называется Синдской Скифией, свидетельствует о том, что синды и есть те скифы, которые в нем господствуют. Об этом же говорят данные Гекатея, Плиния, Птолемея и Гесихия, если их рассмотреть совокупно: кораксы – племя колхов, но и скифское племя тождественное керкетам, которые составляют часть синдов. Следовательно, колхи и синды – один и тот же народ на разных этапах своего существования.

Совместное проживание на одной территории разнородных народов конечно же основывалось на господстве одних над другими. Со временем политический аспект сосуществования подменяется экономическим, основанным на разделении труда между разнородными общинами. При этом грани между ними постепенно стираются и формируется некое территориально-этническое единство. Надо полагать, что со временем колхи-кораксы постепенно были кооптированы в местную общину. Если Геродот еще вскользь упоминает о том, что собственно скифов в многолюдном скифском сообществе немного, а Сократ даже подчеркивает суть взаимоотношений двух разнородных компонентов скифского мира, то в последующем подобные моменты практически исчезают из источников. Точно так же, если Геродот подчеркивает греческие корни гелонов, которые являясь земледельцами, живут среди могущественнейшего кочевого народа будинов. После него авторы указывают гелонов как вполне сарматский народ, входящий в тройку самых мощных народов севера. Как

бы то ни было, вся территория от Ладоги до Черного моря уже в глубокой древности представляла собой единое политическое пространство, в рамках которого взаимодействовали многочисленные народы ее населяющие.

2.11. Колхи и их происхождение

Геродот, который непосредственно в Египте знакомился с его историей у тамошних жрецов, пишет: «...я обойду этих царей молчанием и перейду к их преемнику, имя которого было Сесострис. Сесострис, как говорили жрецы, первым отправился на военных кораблях из Аравийского залива и покорил народы на Красном море (Индийском океане - В.П.). Он плыл все дальше, пока не достиг моря, непроходимого для судов из-за мелководья. Когда он возвратился в Египет, то, по словам жрецов, с большим войском двинулся по суше, покоряя все народы на своем пути. Если это был храбрый народ, мужественно сражавшийся за свою свободу, тогда царь ставил на их земле памятные столпы с надписями, гласившими об имени царя, его родине и о том, что он, Сесострис, силой оружия покорил эти народы. Если же удавалось взять какие-нибудь города без труда и сопротивления, то он ставил те же столпы с надписями, как и у храбрых народов, и, кроме этого, еще прибавлял изображения женских половых органов, желая показать этим, что они трусы.

Так Сесострис прошел по материке, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев. До этих-то народов – не дальше – дошло, по-моему, египетское войско, так как в этих странах еще есть такие столпы, а дальше – уже нет. Отсюда Сесострис повернул назад к югу, и когда подошел к реке Фасису, то оставил там часть своего войска. Я не могу точно сказать, сам ли царь Сесострис поселил в этой стране часть своих воинов, или же некоторые из них, удрученные долгим блужданием, самовольно поселились на реке Фасисе.

Ведь колхи, по-видимому, египтяне: я это понял сам еще прежде, чем услышал от других. Заинтересовавшись этим, я стал спрашивать [об этом родстве] как в Колхиде, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем, египтяне говорили мне, что, по их мнению, колхи ведут свое происхождение от воинов Сесострисова войска. Сам я пришел к такому же выводу, потому что они темнокожие, с курчавыми волосами. Впрочем, это еще ничего не доказывает. Ведь есть и другие народы такого же вида. Гораздо более зато основательны следующие доводы. Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы. Финикияне же и сирийцы, что в Палестине, сами признают, что заимствовали этот обычай у египтян. А сирийцы, живущие на реках Фермодонте и Парфении,

и их соседи-макроны говорят, что лишь недавно переняли обрезание у египтян. Это ведь единственные народы, совершающие обрезание, и все они, очевидно, подражают этому обычаю египтян. Что до самих египтян и эфиопов, то я не могу сказать, кто из них и у кого заимствовал этот обычай. Ведь он, очевидно, очень древний. А то, что [финикияне и сирийцы] переняли этот обычай вследствие торговых сношений с Египтом, этому есть вот какое важное доказательство. Все финикияне, которые общаются с Элладой уже больше не подражают египтянам и не обрезают своих детей.

Назову еще одну черту сходства колхов с египтянами. Только они одни да египтяне изготавливают полотно одинаковым способом. Так же и весь образ жизни, и язык у них похожи. У эллинов, правда, колхидское полотно называется сардонским, а привозимое из Египта – египетским...

Этот-то египетский царь был единственным царем, который властвовал также и над Эфиопией. Он оставил также памятники – две каменные статуи высотой в 30 локтей, изображавшие его самого и его супругу, и четыре статуи своих сыновей высотой в 20 локтей каждая. Они стоят перед храмом Гефеста (знаменательная деталь - В.П.). Еще много времени спустя, когда персидский царь Дарий пожелал поставить свою статую перед этими древними статуями, жрец Гефеста не позволил этого сделать, заявив, что Дарий не совершил столь великих подвигов, как Сесострис Египетский. Сесострис, по его словам, ведь не только покорил все те народы, что и Дарий, да к тому же еще скифов, которых Дарий не мог одолеть. Поэтому-то и не подобает ему стоять перед статуями Сесостриса, которого он не смог превзойти своими подвигами. И Дарий, как говорят, должен был согласиться с этим¹.

Итак, более чем три с половиной тысячи лет назад (XVII в. до Р.Х.) огромное египетское войско царя Сесостриса совершило грандиозный поход на Север. Это свидетельство того, что Фасис и Колхида уже в то время были хорошо известны египтянам. Мероприятия такого рода требуют тщательной подготовки и хорошей организации. Они не совершаются «в никуда» и через неизведанные страны. Сам маршрут похода (через Фракию) в Скифию совершенно исключает вероятность того, что его целью была Кавказская Колхида, как это полагает Геродот.

Этот автор не пишет о последствиях похода, кроме того, что у колхов появился обычай обрезания и сходный с египтянами способ производства полотна. Гораздо более вразумительно о них говорит Аполлоний Родосский словами Арга: «Оттуда [то есть из Египта], говорят, некто обошел кругом всю Европу и Азию, уверенный в силе, могуществе и смелости своего народа; при своем нашествии он населил бесчисленные города, из

¹ Геродот. Указ. соч. С.110-112.

коих одни доселе существуют, другие уже нет, ибо с тех пор прошло уже очень много времени. Эя еще и ныне стоит твердо и в ней живут потомки тех людей, которых он посадил жить в Эе; они сохраняют сделанные на досках записи своих отцов, в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников».¹

В схолиях к Аполлонию находим: «Арг говорит, что Эя от времен Сесонхосия (по другим – Сесострис) остается неприкосновенною, и жителей ея называют потомками египтян... И Скимн в «Арии» говорит, что колхи – переселенцы из Египта; и Геродот во 2-ой книге упоминает об обрезании половых частей и о ткани холста и говорит, что они (т.е. колхи) пользуются египетскими законами; Филостефан говорит, что на реке Фасисе находятся островки и что город Эя лежит на острове этой реки».²

Приведенный материал свидетельствует, что главной задачей египтян являлось создание целостной сети торговых поселений вдоль всей транспортной магистрали, проходившей от Египта (через Ближний Восток и Малую Азию, вдоль побережья Балканского полуострова, по Северному Причерноморью и далее по Меотиде) к Северному океану. Об этом говорит создание и заселение бесчисленных городов, а торгово-транспортная их роль вырисовывается из упоминания записей на досках, в которых описан весь этот грандиозный путь. По-видимому, отражением существования этой транспортной сети в греческом мифе является сообщение Овидия о том, что Эит владел всеми землями до Левого Понта (так назывался участок побережья от Босфора до Дуная). Разумеется, этот торговый путь существовал и раньше. Чем он не устраивал Сесостриса, совершенно очевидно – отсутствием египетского контроля над ней. Поход и строительство опорных пунктов с гарнизонами были призваны исправить этот недостаток.

Нарисованная здесь картина может отражать реалии далекого прошлого лишь в том случае, если мы сможем доказать важность нашей торговой магистрали для Египта. Для этого же следует отыскать причину, которая влекла египтян на далекий Север. Она была, и увидеть ее совершенно несложно. Время правления фараонов XIII династии, к которой принадлежал Сесострис – кульминация бронзового века. Важным моментом, который фактически определял экономическую и политическую жизнь общества этого времени, являлся металл, а точнее сплав двух стратегических по своему значению металлов – меди и олова, получивший название бронзы.

С этим сплавом в Египте дело обстояло плохо. Медь в небольших количествах добывалась здесь: примерно с 4400 г. до Р.Х. началась пере-

¹ Сборник Латышева. С. 422.

² Там же. С. 434.

работка самородной меди, которую находили в безводных долинах рек (ваади) на границе с Суданом, а приблизительно с 3000 г. стала осуществляться и добыча медной руды на Синайском полуострове. Однако на Синае нет практически ничего для жизни здесь людей и эффективной работы рудников, для которых, в первую очередь, нужны вода и лес, необходимый для получения древесного угля. Все это создавало огромные организационные сложности в производстве меди, приводило к частой и долгой приостановке работы рудников. Лишь Рамзесу II (1301-1234 гг. до Р.Х.) удалось наладить бесперебойное развитие горного дела на Синае. Как видим, это было достигнуто лишь через несколько веков после Сесостриса.

Однако, сама по себе медь годится, в лучшем случае, на изготовление украшений, кухонной и прочей бытовой утвари, что связано с ее мягкостью. Примерно в 2750 г. до Р.Х. началось производство бронзы, что стало буквально переломным моментом в истории человечества. Для него требовалось олово, металл, по тем временам, очень редкий, а потому особо ценный. По археологическим раскопкам установлено, что его производили в Юго-Восточной Азии, поэтому можно предполагать, что морская экспедиция Сесостриса на восток была связана с поисками олова.

Большие политические претензии должны быть обеспечены экономической мощью и военной силой. Эти три составляющие всякой державы тесным образом взаимосвязаны. Судя по всему, Сесострису было не занимать политической воли, о чем свидетельствует покорение сопредельных Египту стран и народов, но крайне нужна была бронза, на которой строились как экономическое процветание (а, согласно Геродоту, Сесострис проводил в Египте крупные экономические реформы и строительство), так и военная мощь (в условиях, когда все оружие и снаряжение были бронзовыми).

Бронзу же в Средиземноморье, причем готовую, поставляли (не только Египту, но и другим странам) критские купцы, которые привозили ее из какой-то располагавшейся на западе (как водится, на крайнем) «страны олова». Именно на торговле бронзой выросла предтеча греческой полисной цивилизации – крито-микенская культура. Меридиональный характер ее распространения (остров Крит - материковая Греция) является отражением направленности ее экономических связей. В самом деле, если бы «страна олова» располагалась на Пиренеях, как это понимают современные историки, то следовало бы ожидать развития критской государственности вдоль побережья Ливии, как позже обстояло дело с расширением финикийской торгово-политической системы, приведшей к образованию Карфагена.

Если с медью для производства бронзы у Сесостриса все было более или менее благополучно, как за счет собственных египетских рудни-

ков, так и вследствие наличия меди в завоеванных странах, то именно олово было ключевой проблемой, ограничивающей устремления фараона. Он полностью зависел от Крита, победить который военным путем Сесострис не мог, поскольку тот был островным государством, а критский флот полностью господствовал на Средиземном море. В этой ситуации у Сесостриса оставался единственный вариант – сухопутный поход в «страну олова», имеющий целью не только разрушить торгово-политический альянс «Север-Крит», но и присоединить ее к своему государству, что сразу сделало бы его владыкой мира.

Однако, даже Сесострис не был пионером на этом пути. У К.Бакса находим: «В странах Средиземноморья ... бронза четыре столетия подряд была металлом, определявшим расцвет культуры «древнего бронзового века», который «неожиданно оборвался здесь приблизительно в 2350 г. до н.э.». В Месопотамии образовалось мощное семитское царство. Его деспотичные владыки – «разрушители мира» царь Аккада Саргон Древний и следом за ним его внук Нарамсин – разграбили в Египте сокровищницы фараона и похитили из храмов золотые изображения богов. Объявляя себя «солнечным богом Вавилона» и «царем четырех частей света», они поработили страны Средиземноморья, проникнув далеко вглубь «Западной земли» и дойдя до Гибралтарского пролива. Там Саргон Древний, отождествляемый с Гераклом (Геркулесом), воздвиг знаменитые «Геркулесовы столбы».

Саргон знал о лежащей на западе «стране олова». Из найденных клинописных памятников известно, что критские купцы доставляли ему оружие и инструменты из изготавливавшейся там «твердой меди». Однако вместо того, чтобы заняться мирной торговлей – целью, которую преследовали купцы своим визитом, – Саргон предпочитал воевать. Начатая им «переделка всего тогдашнего мира 300 лет препятствовала торговле между Испанией и странами Востока». Востоку пришлось довольствоваться медью и эрзац-бронзой – сплавами меди с рудами свинца, мышьяка и сурьмы. Лишь после того, как «аккадское царство распалось и Крит как торговая держава снова окреп», иберийское олово в 2100 г. до н.э. опять проложило себе дорогу на Восток».¹

Следует отвлечься от Иберии (Испании), поскольку автор лишь повторяет представления историков о расположении «страны олова», которая на самом деле еще в глубокой древности была «потеряна». К этим сведениям надо приложить уже приводившееся высказывание Диона Златоуста: «...мы знаем, что сам Геракл овладел Египтом и Ливией, а кроме того живущими окрест Эвксинского Понта фракийцами и скифами». Такое сопоставление, во-первых, наглядно демонстрирует историзм

¹ Бакс К. Богатства недр земных. М., 1986. С. 88

греческих мифов; во-вторых, показывает направление похода Саргона в «страну олова» – Фракия и Скифия. Да и куда еще мог ходить Геркулес, если, как мы выяснили, большую часть жизни он провел здесь. Поскольку мы уже знаем, где располагались Геракловы Столпы, то эта страна совершенно четко локализуется на месте нынешних Карелии и Финляндии. Кристаллические выходы балтийского щита делают этот район совершенно уникальным в горнорудном отношении. Немногие территории в мире могут поспорить с ним в разнообразии металлических руд и других полезных ископаемых.

Приблизительно к XIV в. до Р.Х. появляются первые изделия из осталенного железа, которое на первых порах ценилось значительно дороже золота. Однако бронза еще долго сохраняла свои позиции, конкурируя с железом. Примерно в 1400 г. до Р.Х. погибла Критская держава. Причины ее гибели до сих пор неясны. Разрушение микенских городов в материковой Греции в начале XII в. до Р.Х. связывают с дорийским нашествием народов севера, которое было частью движения так называемых «народов моря», хлынувших через Балканы в Малую Азию, будущие Сирию и Палестину. В грандиозных сражениях на суше (как полагают в Греции) и на море (в дельте Нила) они были разбиты египетским фараоном Рамзесом III. Результатом их нашествия стали гибель Хеттского царства в Малой Азии и появление явно неместных народов на побережье Ханаана – филистимлян и финикийцев. Те и другие заселили города, многие из которых стали крупными центрами ремесла и торговли на побережье от Сирии до Египта. Они занимались крупной международной торговлей, в том числе и торговлей металлами. Очень похоже на то, что северяне произвели крупные «кадровые» перестановки, заменив своих «торговых представителей»-критян, на других. Но похоже в самой природе торговли заключена опасность перерождения «полпредов»: если одни обратились в древних греков, то другие, через некоторое время, и того хуже – в евреев.

К. Бакс о филистимлянах пишет: «Те из «завоевателей-ветеранов», которые остались в живых «после великой кровопролитной битвы» с египтянами, «осели в 1180 г. до н.э. на южном побережье Ханаана»; отныне они известны в истории как библейские филистимляне. Там, в стране, названной позже в их честь Палестиной, им еще долгое время удавалось сохранять в тайне способ закаливания железа. Они разрушили все еврейские кузницы, потому что иудеи не имели права носить оружие. Когда же инструменты тупились, евреи вынуждены были за большие деньги точить ножи, косы и серпы «в кузницах ненавистных филистимлян».¹ При этом, автор полагает, что секрет осталенного железа филистимляне получили от завоеванных хеттов – мысль более чем наивная,

¹ Бакс К. Указ. соч. С. 237.

поскольку, даже если допустить, что по ходу достаточно скоротечной и разрушительной компании, люди, до этого не имевшие дела с железом, сделались опытными специалистами, очень маловероятно, что хетты сами владели им.

Автор утверждает, что за двести лет до гибели хеттской державы ею было завоевано царство Митанни, располагавшееся на севере Месопотамии, где и был открыт секрет производства железа. Основанием для такого предположения он считает тексты двух глиняных табличек, найденных в Египте. В одной из них, относящейся к 1400 г. до Р.Х., говорится, что царь страны Митанни послал египетскому фараону Аменхотепу II вместе с 318 наложницами кинжалы и кольца из осталенного железа». Через 15 лет, когда хетты завладели царством, их царь Хаттушилль пишет фараону Тутанхамону следующее: «Что касается хорошего железа, о котором Вы мне писали, то оно находится в Кисвадне. В моей казне его нет. Время было неблагоприятно для получения железа, но я предписал, чтобы изготовили доброе железо. Сейчас оно еще не готово. Когда его изготовят, я пошлю его Вам. Сейчас же я посылаю всего лишь лезвие для кинжала».¹

На наш взгляд, из приведенных сведений следует лишь то, что фараон из Митанни получил какое-то количество железа, но о том, что его здесь производили, нет ни малейшего намека. Более того, второе письмо говорит о том, что у царя хеттов, незадолго до того покорившего Митанни, железа не было. Доставить его должны были из совершенно другой страны Кисвадны, которая располагалась, как полагают, в Каппадокии (область, прилегавшая к Понту), следовательно она достаточно далеко удалена от Митанни и, напротив, расположена рядом со столичной областью хеттов. То обстоятельство, что в казне хеттского царя железа нет, свидетельствует скорее о том, что он получал его из-за пределов государства, возможно морем через Каппадокию. Единственно, что можно сказать определенно, это то, что для населения Малой Азии и Месопотамии железо было более доступно, нежели для египтян. Это обстоятельство указывает лишь направление, на котором относительно Египта находился район производства железа.

В конце II - начале I тыс. до Р.Х. торговлю металлами в Средиземноморье контролировали финикийцы, заменившие в этом критян. По словам Геродота, они «прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю и поселились в стране, где и теперь еще живут. Финикийцы тотчас же пустились в дальние морские путешествия» (свидетельство их морской природы). Они перевозили египетские и ассирийские товары во многие

¹ Бакс К. С. 236.

страны.¹ Как мы помним, о Красном море и Океане, откуда, по мнению некоторых авторов, происходили финикие-сидонцы, говорит и Страбон. Обычно в античных источниках Красное море обозначает Индийский океан. Однако ряд источников этим же именем называет Каспий – Эри-трейский (т.е. «красный») залив или море, а он, как мы помним, начинался от Океана, в районе, где жили сидоны. В этом имени отражался по сути сквозной характер залива, который соединял Северный (Балтику) и Южный (Индийский) океаны.

В числе металлов, которыми торговали финикийцы, важное место занимало олово. Доставляли его все из той же «страны олова», причем, если сначала путь ее пролегал через Меотиду, поскольку известно, что она была знакома финикийцам задолго до ионийцев (на дошедшей с VII в. до Р.Х. карте мира, составленной ими, присутствует имя «Меат»), то затем им пришлось осваивать маршрут по Атлантике, в обход всей Европы. Причиной этого, по-видимому, послужило очередное изменение водного режима Меотиды, сделавшее ее непроходимой. Восстановился этот путь лишь в VII в. до Р.Х., но освоили его уже милетяне. Атлантический маршрут финикийцы держали в строгой тайне, поэтому уже в древние времена о Касситеридах или Оловянных островах в Океане у греческих географов не было никаких сколь-нибудь четких представлений. Значение Касситерид для финикийцев уменьшилось, когда было найдено олово на северо-западе Испании. Однако, еще в IX-X вв. арабские авторы отмечают, что олово было среди главных статей экспорта руси, занимавшей район Приладожья, который до самого средневековья содержал в своем названии имя колхов – скандинавы называли его Кюльфингаланд.

2.12. Артемида, Ифигения и Ахилл

Артемида, дочь Зевса и Лето, сестра-близнец Аполлона, с которым по «специализации» составляла устойчивую пару, что свидетельствует о том, что культ Аполлона и Артемиды восходит к древнему культу Неба (Урана) и Земли (Геи). Поэтому роль Артемиды так многообразна. Согласно мифу, Артемида является целомудренной богиней-девой охоты и живой природы, богиня девственной чистоты, но в то же время она богиня плодородия, супружества и деторождения. Артемида Эфесская изображена матерью-кормилицей со множеством сосцов. Если Аполлон отождествлялся с богом солнца, то Артемида считалась богиней луны и отождествлялась с Селеной.

Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Ореста. Так как ее отец убил священную лань Артемиды, богиня не позволила греческому

¹ Геродот. Указ. соч. С. 11.

флоту отплыть из Авлиды в Трою. Прорицатель Калхас объявил, что Ифигения должна быть принесена в жертву Артемиде. Под предлогом заключения брака с Ахиллом Ифигения была привезена в Авлиду. Во время жертвоприношения она была заменена Артемидой ланью и перенесена в Тавриду, где стала жрицей богини. В Тавриде Ифигения должна была, по местному обычаю, приносить в жертву всех чужестранцев. Ее брат Орест вместе со своим другом Пиладом должны были похитить статую Артемиды, но были схвачены и должны были быть принесены в жертву богине. Ифигения узнала брата и бежала вместе с ним в Элладу.

Ахилл, сын Пелея и Фетиды, один из самых прославленных героев Эллады. Фетида, желая сделать сына бессмертным, погрузила его в священные воды Стикса. Лишь пятка, за которую она его держала, не коснулась воды и осталась уязвима. По предсказанию, Троя не могла быть побеждена без участия Ахилла. Мать спрятала его, но с помощью хитрости Одиссей нашел Ахилла, который отправился с ним под Трою и совершил многочисленные подвиги. На десятом году осады города Агамемнон отнял у Ахилла пленницу и тот в гневе отказался воевать дальше. Однако, узнав о гибели своего друга Патрокла от руки Гектора, Ахилл вернулся и поразил его в поединке. Погиб Ахилл от стрелы Париса, которую Аполлон направил в пятку.

В сохлпиях к Никандру приводится несколько отличающийся от канонического вариант мифа об Ифигении, который также содержит некоторые важные географические сведения: «У Тесея и Елены, дочери Зевса, родилась дочь Ифигения, и ее воспитывала сестра Елены Клитемнестра, сказав Агамемнону, что сама родила ее... Когда поход ахейцев был задержан в Авлиде противными ветрами, прорицатели объявили, что плавание будет благополучно, если Ифигению принесут в жертву Артемиде, и Агамемнон по требованию ахейцев отдал ее на жертву... Но Артемида вместо Ифигении представила к алтарю теленка, а ее унесла весьма далеко от Эллады на так называемый Эвксинский Понт к Фоанту, сыну Борисфена, и туземный кочевой народ назвала таврами [быками], потому что вместо Ифигении представила к алтарю бычка, а ее – именем Таврополы [т.е. волопаски]. По прошествии времени она переселила Ифигению на так называемый Белый остров к Ахиллу, посредством превращения сделав ее вечно-юным и бессмертным божеством и вместо Ифигении назвала Орсилохию; она сделалась сожительницей Ахилла».¹

Тесей, заявленный здесь как истинный отец Ифигении, сын афинского царя Эгея (Посейдона) и Эфры, главный герой Афин, известный женолюб, слышавший не только похитителем Елены, но и соблазнителем Ариадны, дочери Миноса, с помощью которой он, победив Минотавра, вышел

¹ Сборник Латышева. С. 445.

из Лабиринта, пленитель царицы амазонок Ипполиты, женившийся на ней, которую погубила вторая жена Тисея Федра. Елена является пожалуй самым известным женским персонажем мифов: дочь Зевса и Леды, сестра Диоскуров и Клитемнестры. Была похищена Тесеем, но освобождена Диоскурами. Являлась объектом вожделения многочисленных женихов. По совету Одиссея, который также безуспешно сватался к Елене, женихи поклялись признать ее выбор и всегда защищать ее. Она выбрала Менелая. Однако в споре трех богинь за яблоко Эриды Елена была Афродитой, победившей в споре, обещана Парису, который помог ей его выиграть. Парис, выкрыв Елену, увез ее в Трою, после чего верные клятве греческие цари-женихи, а также герои, домогавшиеся Елены, единодушно участвовали в Троянской войне, чтобы вернуть нашу героиню.

Фоант, царь тавров, который отождествляется также с Фоантом, лемносским царем, сыном Диониса и Ариадны. Здесь мы имеем дело с уже знакомым явлением: когда греки были еще не такими древними, какими мы знаем их сейчас, а, напротив, совершенно юными, они исподволь приобщались к вечности, собирая богов, полубогов и героев по всему обитаемому миру. Имеет тот, кто собирает, а не разбазаривает – это вполне справедливо и по отношению к истории.

Существует еще одна версия о судьбе Ифигении. Павсаний пишет: «Я знаю, что по словам Гесиода в «Каталоге женщин» Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатою. Согласно с этим Геродот пишет, что тавры, живущие в соседстве со скифами, приносят потерпевших кораблекрушение в жертву Деве и эту Деву называют Ифигенией, дочерью Агамемнона».¹ Но Геката часто ассоциируется с самой Артемидой, как мы уже указывали выше. Возможно, что такой вариант трансформации Ифигении связан с тем, что сама Артемиде, согласно представлениям греков, покинула кровожадных тавров и перебралась, по некоторым сказаниям, в Элладу, по другим – в Эфес. Так, ритор времен Юлиана Отступника Ливаний говорит: «Когда люди приносили ей в жертву людей, считая, что ее надо почитать величайшими жертвами за величайшие благодеяния, она изменила закон, так как и у тех, у кого она почитается кровью, она за подобное почитается живою кровью. Сама же она и человеколюбива и эллинолюбива. Поэтому она пришла к эллинам, оставив скифов».² Каллимах в «Гимнах к Артемиде» об этом говорит такими словами: «Или когда ты, богиня, (к Артемиде), пришла из Скифии, чтобы поселиться в Алах Арафинских, и отвергла уставы тавров...».³

Можно предположить, что Геката – местное имя Артемиды, впрочем,

¹ Сборник Латышева. С. 571.

² Там же. С. 684.

³ Там же. С. 392.

как и Кирка, в описаниях которой также явно прослеживаются черты Артемиды. Хотя в некоторых вариантах мифа их соотносят как мать и дочь, однако в большинстве версий Кирка предстает как сестра Эита, а Геката в них не фигурирует. С именем Артемиды-Кирки, возможно, связано название христианских культовых сооружений у германцев и финнов: *Kirche* (др.-верхн.-нем. *kirkko*) и *kirkko, kirikkö*. Нет ничего противоестественного в том, что наименование языческого/культового сооружения, посвященного Кирке, было перенесено на христианский храм. Достаточно часто понятия, доставшиеся от язычества, употребляются в современном языке для обозначения неожиданных вещей. Например, многим известно выражение «поставить на-попа», однако вряд ли кто догадывается, откуда оно произошло: попами у скифов называются идолы (кумиры), стоящие в капище. По-видимому, это название восходит к имени верховного бога скифов. Геродот говорит, что Зевс у них называется Папей (очевидно, речь идет о фракоязычных скифах). Арриан относительно Вифинии, области прилегающей к Пропонтиде, где жили также фракийцы, пишет, что Зевс называется Папой или Атисом.

Следом за Ифигенией, на ее поиски, в Скифию отправился Ахилл. Ликофрон пишет: «Супруг, ища ее, зарезанную эллинами, в пределах Салмидисского моря, долго будет жить на белеющем утесе вблизи устья озерных вод Келтра».¹ В схолиях, которые написал, как полагают, Иоан Цец, находим: «Которую супруг] смысл таков: которую ища в пределах Эвксинского Понта (разумеет неистовствующую головорезку и убийцу эллинов), супруг Ахилл в течение долгого времени будет жить на Белом острове называемом и Σρίλοζ (а лежит этот остров у впадения болотных вод Кельтского озера)». Ниже добавлено, что Келтр – имя озера, излаивающегося в Эвксинский Понт, а также о том, что Ахилл провел в Скифии 5 лет.²

Существуют многочисленные данные, позволяющие утверждать северное происхождение Ахилла. Приведем лишь отрывок из Льва Диакона, который великолепно обобщил их: «Ведь Арриан пишет в своем «Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка Мирмикион (Мирмидон - В.П.), лежащего у Меотийского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покрыв его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость, над которой издевался Агамемнон, порицая его следующими словами:

¹ Сборник Латышева. С. 398.

² Там же С. 402-403, 407.

Тавроскифы (так Диакон называет воинов Святослава, что связано с тем, что при жизни матери, княгини Ольги, согласно Константину Багрянородному, он правил в Немогарде, за которым некоторые видят Гродно, хотя скорее это город в районе Смоленска, который археологи называют Гнездово - В.П.) и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога. Князя Рос». Но довольно о жертвоприношениях тавров».¹

Как уже отмечалось, Сальмидис – залив Меотийского озера, соединенный с ним проливом. Его называли Салмидийским или Скифским морем, Кельтийским озером или Келтром. Это разлив, расположенный севернее водораздела между Балтикой и Черным морем, который проходит по Минской и Московско-Смоленской возвышенностям. Он разделялся на две части, восточную (разлив Ильменя) и западную (разлив Псковско-Чудского озера). В финских языках *salmi* означает «пролив», т.е. имя озера или залива связано с проливом, соединявшим океаническую и понтийскую части Меотиды, который назывался Киммерийским Боспором. Характерно, что греки требовали от Святослава довольствоваться наградой, полученной за набег на болгар, и удалиться домой, на Киммерийский Боспор, который начинался с юга в районе Орши.

Ифигения была перенесена Артемидой на остров Белый, где находился храм, посвященный богине. Подтверждает это и Еврипид в «Андромахе», рассказывая об Оресте и Пиладе, прибывшими за статуей Артемиды в храм богини: «Как эти чужестранцы прошли сквозь сбегающиеся скалы (Кианеи - В.П.), как миновали неусыпные финеевы берега, ... в изобилующую птицами землю, на белый берег, прекрасный бег Ахилла на негостеприимном Понте?».² Здесь упоминается все тот же остров Белый, который в то же время привязан к Ахиллову Бегу. Это ясно из другого свидетельства Еврипида: «Ты увидишь любезного тебе и мне сына Ахилла обитающим в островном доме на Белом берегу внутри Эвксинского Понта». Отметим, что в предыдущем отрывке Понт был назван негостеприимным, т.е. Аксинским. Возможно, что два имени (Понт Аксинский и Понт Эвксинский) были названиями двух разделенных перешейком (водоразделом) водоемов: Понт Эвксинский – современное Черное море и южная часть древней Меотиды, в которой греки плавали беспрепятственно; Понт

¹ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 79

² Сборник Латышева. С. 345

Аксинский – северная часть за водоразделом, где в определенный период плавать им было запрещено. Характерно, что здесь же позже проходила граница Великой Руси и «черта оседлости», севернее которой было запрещено селиться евреям. О запрете плавания в Северную Русь упоминают и арабские авторы IX-X вв.

Остров Белый, названный так то ли по цвету его прибрежных утесов, то ли по обилию птиц, в честь пребывавшего там героя именовался также островом Ахилла. Евстафий пишет, что белые птицы Ахилла – по некоторым авторам, аисты. В схолиях к Ликофрону говорится более определенно: «Белый, это остров, названный так от множества аистов;– будет жить на белом острове, лежащем на реке Истре».¹

В вопросе о локализации о.Белый уже в древности существовали большие сложности, приведшие к недоразумению. Плиний пишет: «Перед Борисфеном расположена вышеупомянутая Ахиллея, она же Левка (греч. «белый») и Макаросс: по данным нашего времени, этот остров находится в 140000 шагах от Борисфена, в 120000 шагах от Тираса, в 50000 от острова Певки».² Существует и другой перевод, в котором название Ахиллеи передано как о.Ахилла, а Макаросса – как Макарон. Совершенно очевидно, что автор пытается древние данные приспособить к современным ему знаниям и представлениям о географии Причерноморья. Указывая расстояния, Плиний имеет в виду современный о.Змеиный. Но он никак не может быть назван лежащим напротив устьев Борисфена. Скорее он расположен напротив Тираса (Днестра) или Дуная. Мудрые современные историки, поднатеревшие в деле создания натяжек, доведя его до совершенства, и здесь легко снимают противоречие, предположив, что Плиний слил воедино имевшиеся у него сведения о двух разных островах – Левке (Змеином) и Тендре (Тендровская коса), расстояния же указал до первого. Напомним историкам разницу между ними и Плинием: Плиний был, прежде всего, достойным человеком, поэтому его труды живут уже две тысячи лет, а достойный человек не станет ерзать как вошь на гребенке, пытаясь из ничего сделать нечто – он просто приложил древние данные к реалиям и пошел дальше. К измышлениям же наших историков Плиний отношения никакого не имеет.

Иордан, который также пользовался древними источниками, в том числе готскими, пишет: «Близ его (Данапра) устьев, против них есть остров по имени Ахиллов, а между ними (т.е. устьями и островом - В.П.) лежит обширнейшая земля, заросшая лесами и страшными болотами». Несколько выше он сообщает, что и сам Данапр рождается великим болотом,

¹ Сборник Латышсва. С. 924.

² Сборник Боднарского. С. 250.

«источаясь как бы из материнской утробы».¹ Иордан писал в VI в., поэтому его сведения о лесах и страшных болотах между истоками Борисфена и островом Ахилла несут в себе отпечаток реалий того времени.

Страбон, описывая Киммерийский Боспор, говорит: «При входе в Киммерийский Боспор налево лежит городок Мирмекий, в 20 стадиях от Пантикапея. Вдвое дальше от Мирмекия лежит селение Парфений; здесь самый узкий вход – около 20 стадий; напротив этого селения в Азии расположено селение под названием Ахиллей».² В другом месте он пишет: «Далее, до селения Ахиллея, где находится святилище Ахиллеса... На противоположном берегу находится селение Мирмекий; поблизости лежат Гераклея (Гераклея-Херсонес других авторов - В.П.) и Парфений».³ В совокупности с приведенными данными Плиния об Ахиллее сведения Страбона позволяют видеть о.Ахилла к востоку от Орши. По сведениям античных авторов, он также лежал напротив Ахиллова бега, отчего его часто связывали с полуостровом.

В древности существовали еще два имени острова. О них упоминает в комментариях к Дионисию Евстафий: «Там, говорит он, по преданию движутся по пустынным долинам души Ахилла и других героев»; так что этот остров называется островом героев, подобно тому, как воспеваемые поэтами острова на Западном Океане называются островами блаженных».⁴ Более определенно о.Белый отождествлен с островами Блаженных в схолиях к Ликофрону: «Поэт понимает Ахилла, так как он, по преданию, после смерти взял в жены Медею, дочь Эита, на островах блаженных...».⁵ Медея в связи с Ахиллом появилась в мифе, по-видимому, для того, чтобы привести сюжет в соответствие с теми вариантами, где Ифигения вместе с Орестом покидает Тавриду и возвращается в Элладу. Как бы то ни было, но упоминание Медеи привязывает о.Белый к Стране колхов, а следовательно, подтверждает его локализацию на севере. Страбон Острова Блаженных связывает с походами Геракла за быками Гериона и за золотыми яблоками Гесперид.⁶

¹ Иордан. Гетика. С.74.

² Страбон. Указ. соч. С. 284.

³ Там же. С. 469.

⁴ Сборник Латышева. С. 198.

⁵ Там же. С. 924.

⁶ Страбон. Указ. соч. С. 147.

2.13. Тавры, аорсы, аланы

Из предыдущего материала видно, что тавры упоминаются, прежде всего в связи с полуостровом Таврией, который часто называют Бегом Ахилла. Для его точной локализации воспользуемся тем обстоятельством, что уже определенный нами объект – мыс Бараний Лоб во многих документах стоит рядом с Бегом Ахилла.

Стефан Византийский пишет: «Тафры, Тафра – страна у Меотийского озера, которую окружили рвами рабы, вступившие в связь со своими господами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами или жившими по сю сторону Истра, как рассказывает Каллистрат ... Эту страну заселили саторхеи».¹

История со скифскими рабами хорошо известна в изложении Геродота, который, однако, связывает ее с походом скифов в Азию: «Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидийцами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами. ...От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего они оградили свою землю, выкопав широкий ров от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу. Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: «Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т.е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться. Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, уstraшенные этим, забыли о битвах и бежали».²

Полиен (II в.) описывает это событие короче, не упоминая о рве: «Скифы сделали набег в Азию. Скифянки во время их отсутствия вступили

¹ Страбон. Указ. соч. С. 255.

² Геродот. Указ. соч. С. 187-188

в связи с рабами и прижили детей. Рабы не приняли своих господ при их возвращении. Произошла война. Рабы стройными рядами с оружием в руках выступили против господ; тут один скиф, испугавшись их отчаянной решимости сражаться, посоветовал своим бросить доспехи и луки, а идти на рабов с поднятыми бичами; скифы, подняв бичи, устремились вперед, и рабы не вынеся тяжести сознания своего рабства, тотчас бросились бежать».¹

Геродот говорит о том, что скифы-рабы копали не перешеек, а про странство от Таврийских гор до самой широкой части Меотиды. Уместно здесь будет привести комментарий В.Н.Татищева к рассказу Геродота о восстании скифов-рабов против своих господ, в котором говорится о месте сооружения рва: «О сем некто, не знающий истории, Витсена обманул, которому Мартиниер поверя, в Лексикон географический внес, якобы сие было близ села Бронницы».² Это село в низовьях р.Мсты, существующее поныне. Здесь на холме издревле существовало языческое святилище высокого ранга. В.Н.Татищев даже ошибочно полагал, что именно в этом месте располагался известный из летописей знаменитый город Колмо.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, как хорошо подходит по многим деталям этот район для того, чтобы претендовать на то, что именно здесь располагался перешеек. В периоды «большой воды» Ильмень вплотную подступал к Валдайской возвышенности, а сплошные болота к югу от Ладоги, вплоть до рек Вишеры и Мсты, представляли собой мелководный водоем. То же самое было с заболоченными территориями за Тихвинской грядой, вплоть до современного Рыбинского водохранилища. Район Бронниц представлял собой узкий перешеек, по которому только и было возможно сухопутное сообщение с Валдаем и другими районами, расположенными между Волгой и Днепром.

Однако, скорее всего, событие происходило в районе водораздела между Балтикой и Черным морем, которым незадолго до этого овладели, отобрав у киммерийцев, скифы, происходившие из-за реки Ра или Аракса, т.е. жившие до этого за современной р.Шексной. Через этот район и возвращались новые хозяева Восточной Европы, поскольку самый короткий путь из Мидии проходил через Дон на Оку и ее приток Угру к Смоленску, а далее через Сураж на Великие Луки и в район Новгорода. Восставшие рабы (возможно, поработанные местные жители) вполне могли прокопать, а скорее всего, восстановить ров на перешейке в районе Суража. Рвы в этом районе выполняли прежде всего транспортную задачу, но вполне могли быть использованы и в оборонных целях. Их следы сохранились по наши дни. Так, недалеко от Усвят (севернее Сура-

¹ Сборник Латышева. С. 566.

² Татищев В.Н. Указ. соч. С. 144.

жа) есть болото Волочинский мох. Его пересекает старый канал («копанка»), который являлся частью несуществующего ныне водного пути, проходившего по маршруту Ловать-Усвяча-Каспля-Днепр. Таким образом, Сураж был перекрестком водных путей, которые шли отсюда на север, юг и на запад. Вполне возможно, что рвы были прокопаны в обоих рассмотренных местах, ведь Стефан говорит о них во множественном числе.

Вновь обращаясь к Бараньему Лбу и древней Тавриде, напомним, что мы имеем дело с географическими представлениями греков и римлян, дошедших до нас в литературных источниках. Возможно, читатель уже уловил основную тенденцию изменения географических знаний о Восточной Европе, особенно ее северной части, которая заключается в явном снижении их уровня со временем. Страбон просто откровенно признается в отсутствии каких-либо достоверных данных о севере. В римское время достаточно часты такие заявления. Например, Макриан из Гераклеи Понтийской, автор IV-V вв., живший, казалось бы, у самых дверей, ведущих в Скифию, в своем описании пользуется данными трехвековой давности из Плиния и Помпония Мелы, что свидетельствует о практически полном отсутствии контактов с северными районами варварского мира: «...почти неизвестен точный объезд этого Северного океана, приближающегося на севере к неизвестной земле, которая лежит выше Меотийского озера, будучи мало известной огромному большинству людей...».¹

Плиний и Мела, имея кое-какие свежие данные относительно севера Восточной Европы, полученные после проникновения римлян в районы на Северном море, при описании ее со стороны Черного моря, уже не могли их привязать к тем древним сведениям греков, которыми они пользовались, поскольку новой информации по Северному Причерноморью и сопредельным ему территориям практически не имели. Поэтому в их рассказах о севере Восточной Европы явно заметно наложение совершенно разновременных источников. В связи с изменившейся географической ситуацией, отсутствием сколь-нибудь прочных связей с внутренними районами Скифии, имена известных всему миру крупных объектов Внутренней и Северной Скифии оказались перенесены в ставшие периферией античного мира районы Северного Причерноморья. Однако в описаниях Тавриды, под которой Плиний и Мела понимали уже Крым, и Меотиды, в которой они видели Азовское море, отчетливо просматриваются черты древних Таврии и Меотиды. Резонно предполагать, что коль скоро детали древних описаний, использованных авторами, не вписываются в реалии новых объектов, носящих старые имена, то они являются правдивыми в отношении прежних. Следовательно, несмотря на ошибочность представлений Плиния и Мелы, их данные вполне можно использо-

¹ Сборник Латышева. С. 250.

вать в качестве дополнений к сведениям о древних Меотиде и Таврии.

Плиний пишет: «Всю эту местность населяют таврские и сиракские скифы. Море, которое омывает простирающуюся дальше лесистую область, называется Гилейским: там острова Енекадлы, Река Пантикапа отделяет кочевников от земледельцев. Некоторые рассказывают, что Пантикапа сливается под Ольвией с Борисфеном, более добросовестные сообщают это о Гипанисе, еще больше заблуждаются те, которые относят Пантикапу к Азии. Море отступает далеко назад и, находясь на расстоянии 5000 шагов (пар шагов, т.е. $\approx 4,5-5$ км - В.П.) от Меотийского озера, омывает большие пространства земли, заселенной многими племенами; залив называется Керкинитским, река Пахирида, города Навар, Каркина, позади озеро Буг, соединенное каналом с морем. Сам Буг отделяется скалистым хребтом от Корета, залива Меотийского моря; в озеро впадают реки Буг, Герр и Гипакир, которые стекают сюда из разных мест. Ведь Герр отделяет царских скифов от кочевников, а Гипакир через область кочевников и Гилеев течет по искусственному руслу в Буг, а по естественному в Коретский залив. Эта область называется Сендийской Скифией.

А от Керкинитского залива начинается Таврика. Прежде она омывалась морем со всех сторон и даже там, где теперь простираются степи; дальше поднимаются большие горные хребты. В этой стране живет 30 племен, из них 23 во внутренних областях, и имеется 6 городов, жители которых называются оргокинийцами, харакенийцами, лигиранийцами, трактарийцами, арсилахитами и калиордами. В горах живут скифотавры: на западе они граничат с Херсонесом, а на востоке с Сатархской Скифией. На побережье, начиная от Керкинитского залива, на самом перешейке полуострова расположен город Тафры, затем Гераклея-Херсонес...».¹

Помпоний Мела также свел в один рассказ сведения как о Крыме, так и о внутренних районах Скифии, однако свое описание он начинает с севера: «Плавный контур Меотиды нарушается впадающей в нее рекой Букес. По берегам этой реки живут агафирсы и савроматы, которых называют гемаксобиями за то, что жилищем им служат повозки. Затем, по направлению к Боспору, тянется неровная полоса суши, заключенная между Понтом и Меотидой. Меотийский берег этой области населен сатархами... На Эвксинском берегу живут тавры. Дальше идет залив с хорошей гаванью. Поэтому он называется Прекрасная гавань. Залив этот замыкается двумя мысами; один из них называется Бараний лоб... Другой мыс называется Парфенион. Вблизи этого мыса стоит город Херсонес, основанный, по преданию, Дианой (Артемидой - В.П.). Затем море вклинивается в берег и образует залив. Ширина перешейка, отделяющего Понт от Меотиды, доходит до пяти миль. Поэтому земля сатархов и

¹ Сборник Боднарского. С. 248.

тавров имеет вид полуострова. Полоса земли между этим заливом и Меотидой называется Тафры, а сам залив Керкинитским. На берегу его находится город Керкине. Близ этого города находится общее устье двух рек – Герра и Гипокариса, имеющих, однако, различные истоки и текущих с разных сторон».¹

Пришла пора попытаться более конкретно разобраться в соотношении Рипейских гор, Тавра и Таврики, а также Ахиллова Бега. Имя *Ῥίπαϊ*, означающее Рипейские горы на крайнем севере Скифии, сложно объяснить на основе дошедшей до нас древнегреческой лексики. Однако известно, что латынь вобрала в себя огромное множество элементов из языка Эллады. В ней же находим *ripa* «берег» (морской и речной), *riparius* «береговой», «прибрежный». Это значение, как нельзя лучше, объясняет суть имени Рипейских гор, за которыми, согласно множеству античных свидетельств, начинались области, омываемые Северным океаном. Опоясывая дугой низменные территории, прилегающие к Балтике, гидрография которых часто изменялась, они служили водоразделом между бассейнами Понта и Океана, включая современный Валдай с Вепсовской, Московско-Смоленской возвышенностями, Тихвинской и Белорусской грядками. Области по ту сторону от Рип изображаются древними авторами по-разному: одни полагают, что Океан доходит до Рипейских гор (что, вероятно, действительно было в отдельные периоды и некоторых местах), а суша здесь представлена множеством островов (т.н. Мертвое море), другие же говорят о существовании здесь ряда озер и рек, которыми они соединялись с Океаном (что также отражает реалии отдельных периодов).

Ахиллов Бег, длинный и узкий полуостров, отождествляющийся многими авторами с Таврикой, составлял часть Рипейских гор. Впоследствии, когда связь античного мира с этими районами была утрачена, этим именем стали называть длинные песчаные косы, в частности, Тендровскую косу. В схолиях к Аполлонию говорится: «Дионисий Ольвианский свидетельствует, что широкие и низкие берега называются «Ахилловыми бегами»».² Это, по-видимому, характеристика Ахиллова Бега или Таврики, связанная с мелководностью омывающих полуостров водоемов. Начинаясь он, судя по древним авторам, с перешейка, отделяющего Океан от Меотиды, т.е. с современного Карельского перешейка. Ахиллов Бег составляла цепь возвышенностей, протянувшихся с севера на юг: Ижорское плато, Лужская, Судомская, Бежаницкая и Вязовская, а также возможно Городокская и Витебская возвышенности. Такая его локализация подтверждается рядом источников. Именно этот полуостров описывает

¹ Сборник Боднарского. С. 250.

² Сборник Латышова. С. 427.

Геродот в уже приведенном отрывке под именем Таврия. Собственно Скифию Геродот сравнивает с Атикой, полагая, что она также с юга и востока омывается морем. Вероятно он не знал о Ботническом заливе, простирающемся далеко на север. Таврия же, подобно Сунии в Атике, выступала далеко в море к югу.

В другом месте Геродот дает еще некоторые сведения о Скифии и Таврике: «За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными. Их область к югу простирается до Таврики, а на восток – до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом. Севернее этих царских скифов живут меланхлены – другое, не скифское племя. Севернее меланхленов, насколько мне известно, простирается болотистая и безлюдная страна».¹

Псевдо-Скимн, после описания Борисфена, приводит ряд данных, содержание и контекст которых свидетельствуют об их принадлежности Древней Таврии: «Ахиллов Бег – морской берег, очень длинный и узкий. С этими местами граничит так называемый Херсонес Таврический с эллинским городом, основанным гераклеотами и делосцами вследствие данного гераклеотам, живущим в Азии внутри Кианей, прорицания заселить вместе с делосцами и Херсонес. В эту местность Таврики, говорят некоторые, прибыла некогда Ифигения, похищенная из Авлиды. Тавры – народ многоисленный и любят кочевую жизнь в горах; по своей жестокости они варвары и убийцы и умиляют своих богов нечестными деяниями. Затем при самом устье Меотийского озера лежит наиболее отдаленный Пантикапей, называемый столицей Боспора. Выше этих мест лежит варварская страна Скифия, граничащая с землей необитаемой и неведомой никому из эллинов. Эфор говорит, что первыми по Истру живут карпиды, затем пахари, далее невры вплоть до необитаемой вследствие холода страны, а к востоку за Борисфеном так называемое Полесье заселяют скифы, за ними к северу земледельцы, потом опять простирается на далекое пространство пустынная местность, за нею живет скифское племя людоедов, за ними опять пустыня. По ту сторону Пантикапа живет племя лимнеев (озерян - В. П.) и многие другие племена, не названные собственными именами, а называемые вообще номадскими; они весьма благочестивы, ни один из них не нанесет обиды живому существу. Они возят с собою кибитки, как говорит Эфор, и питаются молоком и скифским доением кобылиц, живут они так, что считают имущество и весь семейный строй общим. И мудрец Анахарсис, по

¹ Геродот. Указ. соч. С–192.

словам Эфора, происходил из самых благочестивых номадов. Затем лежит получившее свое имя от меотов Меотийское озеро, в которое впадает Танаис, вытекающий, по словам Гекатея Эритрийского, из реки Аракса, а по свидетельству Эфора, – какого-то озера, границу которого определить невозможно (оба правы; озеро с неопределимыми границами – скорее всего Ладога, но может быть и Озерный Край Финляндии, они же являлись частями Аракса - В.П.). Впадает он двумя устьями в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор (т.е. делится на две части, между которыми перешеек - В.П.). На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, – первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам писателя Деметрия, следует меотийское племя, называемое азаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов. С этими савроматами соединились, говорят, амазонки, пришедшие после битвы при Термодонте; по ним-то они получили название женоуправляемых. Затем следует Гермонасса, Фанагория, которую как говорят, основали некогда теосцы, и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из ближайших местностей. Эти города расположены на острове (Ахиллов Бег - В.П.), занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде вплоть до Боспора; этот остров недоступен с одной стороны вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной стороне (от моря), с другой – благодаря морю и озеру. При самом выходе из устья лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров-киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеп, основанный милетянами. ...Керасунт, колония синопцев, перед которой тянется пустынный остров, называемый Аресовым. ...Прямо против Карамбиса на противоположном берегу Понта лежит огромная круто обрывающаяся к морю и высокая гора, называемая Бараньим Лбом...».¹

Страбон, как всегда в своей своеобразной форме, описывая Крым, приводит еще кое-какие данные о нашем районе: «Здесь находится перешеек, отделяющий от моря так называемое озеро Сапра; в ширину он 40 стадий и образует так называемый таврический, или скифский (многозначительная оговорка – В.П.), Херсонес. По словам некоторых, ширина этого перешейка 360 стадий. Хотя озеро Сапра имеет, как говорят, 4000 стадий (как правило, стадий Страбона составляет 157,7 м, т.е. длина озера не менее 670 км, но не известно, каким пользовался информатор Страбона, если его стадий был 200 м, то длина озера – 800 км - В.П.), но является только западной частью Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно весьма болотисто и едва судоходно для сшитых из кожи лодок, так как ветры легко обнажают мелкие места и затем снова

¹ Агбашев М.В. Указ. соч. С. 51-52.

покрывают их водой; поэтому болота непроходимы для больших судов. В заливе 3 островка, вдоль побережья несколько мелких мест и немного подводных камней».¹ Совершенно очевидно, что речь здесь идет о заливе, разливавшемся западнее Ахиллова Бега до водораздела, протянувшегося по меридиану от Пандивере до Ошмянской возвышенности, а на юге включавшему Белорусское Поозерье до Минской возвышенности, о чем свидетельствует его протяженность. Сложнее обстоит дело с перешейком. С одной стороны, его ширина, указанная Страбоном, вполне соответствует ширине перешейка между Финским заливом и Ладогой в районе С.-Петербурга. С другой, вполне возможно, что имеется в виду совершенно иной перешеек, который возникал при падении уровня воды в водоемах, когда прерывалось водное сообщение между Балтикой и Черным морем, в районе водораздела. Этот перешеек появлялся около современного города Сураж Витебской области Белоруссии. Скорее всего, до него простиралась в отдельные периоды власть греков из Боспора. Согласно Гиппократу, Азандр некогда построил на нем стену от моря до Меотиды длиной 360 стадий с 10 башнями.²

Анонимный автор относительно позднего времени (V в.), описывая европейскую Сарматия, также дает привязку Таврии к древнему Киммерийскому Боспору: «К Германии за р.Вистулой прилежит Сарматия, обнимающая большую область и многие племена и другого материка, ...ограниченного в Европе Меотийским озером. Затем, за перешейком Таврийского полуострова (который выступает, образуя с Азией пролив, называемый Киммерийским Боспором), она захватывает часть Понта до р.Борисфена».³ Аппиан помещает тавров среди народов, живущих у реки Фермодонта. Из приведенных данных достаточно отчетливо видно, что перешейком с проливом является Карельский перешеек. Однако позже Киммерийским Боспором стал называться не только перешеек на водоразделе, но даже и нижнее течение Борисфена между Меотидой и Понтом.

Характеристику Дионисия тавров-аланов, как храброго народа подтверждает Полиен, описывая следующий их военный обычай: «Скифское племя тавры, предпринимая войну, всегда перекапывают дороги в тылу и, сделав их непроходимыми, вступают в бой; делают они это для того, чтобы не имея возможности бежать, необходимо было победить или умереть».⁴ Подкрепляет ее и свидетельство Льва Диакона: «О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные, — когда нет уже надежды на спасение,

¹ Страбон. Указ. соч. С. 282.

² Татищев В.Н. Указ. соч. С. 155.

³ Сборник Латышсва. С. 294.

⁴ Там же. С. 566.

они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении с неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот такое убеждение владеет ими».¹ Еще один, как мы полагаем, индикационный обычай, связывающий тавров с древними русами, описывает Николай Дамасский: «Скифское племя тавры вместе с царем погребают преданнейших друзей; а царь по смерти друга отрезывает себе часть уха или целое сообразно с достоинством умершего».²

Среди городов на Каркинитском заливе, Плиний упомянул Навар. У Птолемея указан город с таким же именем, но он расположен чуть севернее и западнее Ольвии, вероятно на р. Гипанис (Ю. Буг); на широте Смоленска и на долготе, отличающейся на 1/3 часа (не указано к востоку или западу) от александрийского меридиана ($\approx 30^\circ$ в.д. по современной сетке координат), отмечен город Азиатской Сарматии Наварида. Судя по соотношению координат Навариды с координатами г. Танаиса, ею мог быть предшественник Смоленска город Гнездово (условное имя развалин, принятое историками). Похожее имя носит современный Невель (чередование Л и Р вещь достаточно обычная). Невель и сегодня узел железных и шоссейных дорог. В прошлом здесь сходились также водные пути. О значении города в прошлом свидетельствует тот факт, что в 1678 г. царь Алексей Михайлович обменял Невель с окрестностями на Киев, передав его полякам, которые владели им почти сто лет. Совсем не случайно также то, что в начале века свыше 70% населения Невеля составляли евреи, и это не может быть в полной мере объяснено лишь тем, что здесь проходила известная «черта оседлости», севернее которой не разрешалось поселяться. Главная причина такой концентрации еврейского населения – извечное стремление этого народа к торговым коммуникациям, породившим его.

По-видимому, город с таким же названием существовал и на Таврии, причем имя сохранилось до наших дней. Располагался он на современной Судомской возвышенности. Название ее, как и одноименной реки Судомы, финского происхождения. Так полагают и современные исследователи, возводя его к фин. *sydä*, *sydän* «сердце», «середина» и *maa* «земля», т.е. *sydämaa* «сердце земли» или «середина земли». На языке народности сету, живущей на западе Псковской области (Печеры и окрестности) это слово означает «родина». Судомы действительно представляет собой центр Древней Таврии. С нею связаны самые древние легенды края. В

¹ Лев Диакон. Указ. соч. С. 79-80.

² Сборник Латышева. С. 456.

одной из них рассказывается о семействе великанов – отце Лобно, матери Судоме и дочери Степулихе, которые каменным топором отбивались от врагов. Когда топор утонул в озере и враги стали одолевать, мать заплакала и произнесла заклинание, и все трое превратились в высокие горы (современные Бежаницкая возвышенность, где самая высокая гора называется Лобно, Судому и Лужскую, а, возможно, в Вязовскую возвышенности).¹ В летописи XV в. упоминается Навережский погост, в то время центр Навережской губы на границе новгородских и псковских земель в центре Судомы. Сегодня деревня называется Навережье, а озеро рядом Навережское.

Губа – одного корня с герм. **haf**, во многих языках образующее «залив», «гавань», восходит к понятию «рот», «устье»; ср. нем. **gaffen**, дат. **gabe**, нид. **gaab** «зевать» – в старину означало на севере Руси «округ», «область»; ср. нем. **Gau**, **Gebiet**, нид. **gtbied** «округ», «область». Интересно, что другая основа, образующая в Западной Европе то же понятие, **golf** «залив», также имеет соответствие в нашем районе, ср. фин. **huuli** «губа», «выемка». Третья основа **bok** представлена в швед. **bukt** «бухта», **buk** «живот»; нем. **buht** «залив», **buklig** «горбатый», «сутулый», **Bock** «козел», «баран», «бык»; кар. **bokku** «сторона», «бок», **bokki** «баран»; рус. **бык**, ею же образовано название озера, которое упоминают Плиний и Мела – Буг или Букес, которое представляет, по-видимому, исконное название и озера, и земли, которую оно омывает. Переводом-калькой его является греческое имя Тавр. Представляется, что это название, сделавшись нарицательным, впоследствии в ряде языков стало обозначать «залив».

Псевдо-Скилак, помимо общего обзора расселения народов в районе Меотиды, согласно которому за фракийцами живут скифы, область которых простирается от внешнего моря над Таврийской землей вплоть до Меотийского озера, приводит некоторые сведения о самой Тавриде: «В Таврийской земле живут эллины [у которых города] следующие: торговый город Херронис, мыс Таврийской земли Бараний лоб. Затем опять живут скифы».² Иногда название города в переводе дают как Херсонес (притягивая данные к Крыму), но это неправильно, поскольку в имени Херронис явно просматривается название реки Герр. Вряд ли греческий автор в такой форме станет приводить прозрачное, с точки зрения носителя греческого языка, название Херсонес («полуостров»). Упоминает Херронис также Полиен в интересной истории, отражающей взаимоотношения варваров и греков, живущих среди них: «Амага, жена Мидосакка, царя сарматов, живших на понтийском побережье, видя, что муж ее предается

¹ Кулаков И.С., Манаков А.Г. Историческая география Псковщины. М., 1994. С. 253.

² Сборник Латышева, С. 84.

роскоши и пьянству, по большей части сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обиженным соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, так что и жившие на Таврическом полуострове херронисцы, обижаемые царем соседних скифов, попросили ее принять в число союзников. Амага сначала послала скифскому царю приказание прекратить свои набеги на Херронис; когда же скиф не послушался, то она выбрала 120 человек, сильнейших душою и телом, дала каждому по три лошади и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадий, внезапно явилась ко двору царя и перебила всех стражей, стоявших у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и вообразили, что нападающих не столько, сколько они видели, а гораздо более. Амага же, ворвавшись со своим отрядом в дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херонисцам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо, и помня печальную кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров».¹

Земля, которая в прошлом составляла Таврию или Бег Ахилла, по хозяйственному использованию прежде всего была интересна в транспортном отношении. По ней и вдоль нее проходили коммуникации, связывавшие север с югом. В периоды «большой воды» обладание Таврией позволяло контролировать все водные магистрали, которые вели из Балтики в Восточную Европу и далее в Среднюю Азию, Индию и Китай. Очень знаменательно, что в любые времена эти пути контролировались одним народом, который в силу их важности для стран Европы и Азии, был гегемоном на обширнейших пространствах от Ледовитого до Индийского океана. Была еще одна отрасль хозяйства, по развитию которой район выделялся в мире – льноводство. Начиная с Геродота, античные писатели подчеркивают его ведущую роль в мире в производстве льна. Она сохранилась по наши дни. Также, как в древности, восточные районы Псковской области выделяются по производству льна. До революции он считался лучшим в Европе.

Еще одну особенность района следует подчеркнуть. Во все времена его население было этнически неоднородным. В древности владели им скифы, но населяли его также меоты. В отдельные времена эти разнородные в этническом отношении элементы населения носили различные имена. Но эта разнородность прослеживается и в наши дни. В средневековые здесь проходила граница между Новгородской и Псковской землей, которые осознавая свое братство (Новгород – «старший брат», Псков – «младший»), в основе которого лежат тысячелетия совместного взаимодействия, время от времени ошестинивались друг против друга системой

¹ Сборник Латышева. С. 568

крепостей. Где-то посередине возвышенностей проходит еще одна граница, которую выделяют лингвисты, между северовеликорусскими окающими и средневеликорусскими акающими говорами. От скифского языка остались топонимика района и ряд фонетических особенностей в диалектах местного населения. Например, мазуренье, которое уходит также в Пруссию и на северо-восток Польши. Термин происходит от названия Мазовецкого княжества со столицей в Варшаве, а суть явления состоит в шепелявости (замене с на ш), которая восходит к финским языкам, где эти звуки часто не разделяются. Само финноязычное население, сравнительно еще недавно широко представленное в районе, ныне в значительной степени ассимилировано русскими: осталось несколько сот носителей древнего водского языка, а также немногочисленные потомки ингерманландского населения, бежавшего в район во времена шведской оккупации некоторых областей Северо-Запада России.

Этим мы пока ограничимся в осуществлении локализаций древних географических объектов, поскольку в условиях, когда сведения, содержащиеся в одном документе, приходится тщательно просеивать и сортировать, распознавая время и место к которому они относятся, каждый конкретный объект требует самостоятельного и обширного исследования. Тем не менее, район, в котором этот поиск необходимо осуществлять, просматривается достаточно ясно.

Во времена Евстафия (XII в.) еще существовала память о древней северной Тавриде, что отчетливо видно из следующего отрывка: «Древние свидетельствуют, что есть и северный народ тавры и Артемиды Тавропола, названная так не только от народа Тавров, но и от животного».¹ В другом месте автор сообщает: «Племя же тавров получило название, говорят, от животного волга, так как там Озирис, запрягши вола пахал землю».² Сегодня никто не полнит (даже новейший и достаточно подробный учебник «Историческая география Псковщины» историю псковского герба освещает с XIII в.) о том, что древнейший герб Пскова (Плескова) украшала голова быка с короной и рогами.³ Как указывает В.Н.Татищев, в древнем гербе Новгорода также была воловья голова.

Сведений о синдах в районе Древней Меотиды дошло до нас немного. Кроме того, они содержатся большей частью в поздних источниках, в которых синды привязываются к Синдской гавани (современная Анапа). Однако в ряде из них совершенно ясно видно, что речь идет не о Тамани. Так, Дионисий пишет: «Вблизи Меотийского озера живут сами меоты и савроматские племена, славный род воинственного Арея;... обитающие в

¹ Сборник Латышева. С. 305.

² Там же. С.195

³ Борисов В.Е. Указ. соч. С. 78.

необозримом лесу, среди которого катится Танаис, впадающий в угол Меотиды и отрезающий Европу от Азиатской земли, так что на запад лежит Европа, а на восток Азия. Истоки его журчат вдали в Кавказских горах... С савроматами-же соседят синды, киммерийцы...».¹

Примерно так же рассказывает Никифор: «Вблизи Меотийского озера живут меоты и племена савроматов, занимающие великую и беспредельную область, по середине которой катится Танаис, впадающий в середину Меотиды, и отделяет Европу от Азии, так что Европа находится к западу от него, а Азия – к востоку. Он катится по равнинам скифов с севера, а его истоки идут от горы Кавказа, где бывает величайшая стужа. За савроматами живут синды, киммерийцы и племена близкие к Эвксинскому Понту, керкетийцы, ореты (кореты? - В.П.) и могущественнейшие эллины, довольно многочисленные».²

Как видим, место скифов в приведенных отрывках занимают савроматы (иное время), а синды указаны рядом с киммерийцами. Упоминание многочисленных эллинов в нашем районе не столь уж неуместно. Как свидетельствует Геродот, жители огромного торгового города Гелона «издревле были эллинами»: «После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском».³ С другой стороны, Стефан, автор гораздо более позднего времени, пишет: «Гелоны – сарматское государство от Гелона, брата Агафирса и сына Геракла».⁴ Евсевий же говорит: «У сарматов два соседних племени: амаксии и грекосарматы».⁵

Обычно в античных источниках амаксии или гемаксии (у древних авторов будины) указываются в паре с аорсами (например, у Плиния, который причисляет их к сарматам), с которыми они, по-видимому, составляли известное единство, а также с агафирсами (например, Помпоний Мела, который называет их гемаксиями и размещает вместе с агафирсами по р. Букес, впадающей в Меотиду).⁶ Евстафий, архиепископ Антиохии (середина IV в) гелонов называет лоями.⁷ Согласно Псевдо-Скимну, Эфор среди всех скифов-номадов самыми славными называет савроматов, гелонов и агафирсов. Поэтому, заявление Никифора о том, что эллины могущественны и довольно многочисленны в нашем районе, заслуживает доверия.

¹ Борисов В.Е. Указ. соч. С. 183.

² Там же. С. 292.

³ Геродот. Указ. соч. С. 214.

⁴ Сборник Латышева. С. 196.

⁵ Там же. С. 668.

⁶ Сборник Боднарского. С. 199, 247.

⁷ Сборник Латышева. С. 699.

Влияние греков в районе было столь велико, что у сопредельных районов он ассоциировался с Грецией. Это прослеживается вплоть до раннего средневековья. Г.З.Байер специально останавливается на этом вопросе: «Наконец, Руссия в тогдашних временах и Грециею прозвана. Приведу я свидетельство. Адам Бременский пишет О положении Дации, стр.36, хронограф Саксон (Саксон Грамматик - В.П.), стр.162: «Из Шлезвига корабли отпускают в Славонию, или в Швецию, или в Семландию и до самой Греции». Пространнее он на другом месте объявляет в Истории естляндской, стр.19: «Ежели морем поплывешь от Шлезвига или Олденбурга чтоб приплыть к Юмине (Виннете, или Юлину), от самого города парусы поднявши, в сорок три дни поспеешь в Острогард русский, которого столичный город есть Хиве, подражая скиптру константинопольскому, преславное украшение Греции». И паки на ином месте пишет, стр.58: «Також говорят знатоки мест, что они от Швеции сухим путем до самой Греции прибыли, но грубые народы, в промежности находясь, делают в оном пути препятствие и для того водою туда проезжают». Исчисляя же острова, говорит: «Голм – преславная датская пристань и надежная гавань кораблям, которыми грубые народы в Грецию плавать обывкли», то есть в Гардарикию. Гельмольд в самом начале пишет: «Залив тамошнего моря от западного океана к востоку распространяется; для того Балтиским прозван, что по подобию пояса долгим течением мимо Скифския области простирается до самой Греции». И сие же уже от той ошибки, которую я многократно исправлял, понеже верно, что оный залив Финляндский к Кавказу простирается. Откуда уже Меотиское озеро мешается и Каспийское море и Понт, так что к самой Греции плыть можно. Немного потом пишет Гельмольд, что Руценское море Эстландским кратким (Финландским) заливом в Грецию течет. Автор Славенския истории объявляет, стр.189, Рученское море краткое, то есть протоком в Грецию тече. Эрик король в Истории датской объявляет, стр.264, о Фронтоне – он завоевал Швецию, Британию, Гиберию, Шконию, Норвегию, Саксонию, Венгрию. И все к востоку лежащие места по самую Грецию Грециею называют, которую Саксон Грамматик в том же Фронтоне Руссиею именует. Видел уже Генрик Бангерт, к Гельмольду, стр.3, и причину ту придает, что руссы не токмо греческого языка употребляют, но и веру греческого исповедания содержат. Однако в самом деле хотя удержал, что Руссия Грециею прозывана, но от весьма неприличного Гельмольдова сказания, ибо, по вышеобъявленному, есть в том другая ошибка».¹

Далее Байер приводит доводы, опровергающие представление о том, что Русь называлась Грецией в результате принятия православия: «Однако ж древнейшая есть ошибка называющих Россию Грециею, в

¹ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 221.

которую христианская вера вошла, ибо Алай Тригвонид когда из Гардарики, или России, возвратился, то Герскор сказал, что он Грек, по свидетельству Сноррона Штурлеа, титул 1, стр.236, от чего потом иные скаску о Олаевом константинопольском и иерусалимском походе вымыслили, которой Сноррон не ведал. И хотя уже тогда, когда в России Олай жил, при дворе было некоторое желание христианские веры, однако ж толь малыя были оныя семена, что неимоверно, чтоб от того россияне названы были греками, греческих же письмен они тогда и никаких не имели. Сего ради лучше я хочу признаться, что оные ошибки начала не ведаю».

Г.З.Байер полагает, что многие упоминания Греции на поминальных камнях Скандинавии на самом деле относятся к Руси. Он пишет: «Надпись у Перингскиолда: «Азур в Острогардии в Греции воспитан был». Здесь Греция та ж, которая Аустр. На ином камне: «Асгут (Азур - В.П.) фельд-маршал в Острагардии и Тургилл, и Штурбион померли в Острогардии».¹ Выходцы из северной Греции присутствовали во всех портовых городах Балтики, расположенных на Великом Восточном пути. Зона их влияния на запад простиралась по крайней мере до Одера, как о том свидетельствуют источники: «На устьи Одра реки, куда мимо скифских озер течет (Балтиское море), преславный город Юлин весьма знатен диким народам и грекам, которые кругом живут». Это выдержка из Адама Бременского. Г.З.Байер пишет: «Гельмольд о сем яснее так объявляет, кн.1, гл.7: «На устье Одера в старину был преславный город Виннета, делая пристань весьма знатную посторонним и грекам, около находящимся».²

Отметим, что без знания того обстоятельства, что Гардарика называлась Грецией, многие сведения из древних источников попросту лишены смысла. Например, первый историк саксов, работавший в середине X в., Видукинд Корвейский, говоря о происхождении саксов, которые были неместным народом в Германии, пишет: «...одни думают, что саксы происходят от датчан и норманнов, другие – что род их идет от греков».³ Отсюда ясно происхождение саксов из районов восточной Балтики, а имя их восходит к имени скифов-саксов. Совершенно обескураживает без этого знания заявление автора V в. Исихия Александрийского: «Меотийское озеро – в Элладе».⁴

Остановимся на присутствии аорсов в Таврии и на Ахилловом Беге, в частности. Реконструируя карту Птолемея по перечням приводимых народов, в которых В.Е.Борисов справедливо полагал описания древних торговых путей (дорожников или гостинцев), автор так восстанавливает

¹ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 222.

² Там же.

³ Памятники средневековой латинской литературы. С. 72.

⁴ Сборник Латышева. С. 853.

один из маршрутов: «...затем аорсы и пагириты (пажириты), ниже их савары и боруски до Рипейских гор». Если мы отметим у Новоржева оз.Аршо, по 10-ти верстовой карте, и селение Оршинское, затем р.Северу, приток Шелони, затем р.Порусью около Старой Русы, то получим маршрут Птолемея: аорсы – Орша, Аршо, пажириты – Пажиричи (Пажеревицы на Судоме - В.П.), савары – Севера, боруски – Порусья, полагая, как мы увидим ниже, Рипейские горы, как Валдайские или как древний Воковский лес». ¹ Погост Аршо (Оршо) известен со времен раннего средневековья на месте, где расположен Новоржев. Первоначально он являлся западным поселением новгородского Ашевского (Ошевского погоста, ныне село Ашево).

Автор полагает присутствие аорсов также в Себеже, что согласуется с ареалом расселения тавров из древних документов, а также свидетельствует, возможно, о том, что в именах этого типа он связывал с аорсами. Топонимы с суффиксом ж/жа обычны для Карелии и Ингерманландии (Пудож, Нарвож, Пряжа, Куйтежа, Пчевжа, Оредеж, Веряж и т.д.), представлены в Новгороде (Любоежа, Веряжа) и на запад от него в бывшей Шелонской пятине (Невижи, Миложа, Перехожа), часты на Лужской, Судомской и Бежаницкой возвышенностях (Кочевуж, Навереж, Заверез, Вержа), т.е. на древнем Ахилловом Беге и прилегающих районах (Себез, Велиж), далее они фиксируются в районе Минской возвышенности (Мстиж) и Копыльской гряды (Несвиж), в районе Белостока (Беловеж, Сураж), в Мазовии (Ломжа, Бебжа) в Загородье (Бездеж) а затем широко представлены по другую сторону Полесья, особенно на Волыни и в Галиции (Тонеж, Черныж, Подбуж, Сураж, Збараж).

Аорсы, вне всякого сомнения, и территориально и этнически связаны с Западным Приладожьем, которое еще в конце I тыс. по Р.Х арабы называли Арсой (Артой). Значение этого имени одинаково с именами русь и аланы – «красный». Это толкование имени аорсы ничуть не противоречит объяснению, которое можно найти у В.Н.Татищева: аорсы – т.е. «меченосцы» (от греч. *αοροζ* «меч») Обозначение меча и вообще оружия связано с именем Ареса (Ароя) или Марса, в самом имени которого содержится красный цвет, являющийся символом божества. Все приведенные имена принадлежат одному народу, но на разных этапах его существования. Из древности известен еще ряд вариантов имен этого же народа – синды (сидоны), коралы (кореты, корсь и т.д.), фены (финны), от которого в Средиземноморье возникло название финикийцев и т.д. (еще Саксон Грамматик помнил о том, что куреты или кореты – это карель²). И все эти имена несут одну и ту же смысловую нагрузку – «красный». С чем

¹ Борисов В.Е. Указ. соч. С. 33.

² Татищев В.Н. Указ. соч. С. 215.

это связано, можно лишь догадываться. Самое общее объяснение заключается в изначальном поклонении богу (Аполлону, Арею, Марсу), которого этот цвет олицетворял. Как бы то ни было, склонность к этому цвету у народа, носящего все эти имена, проявлялась во всем (цвете одежд и обуви, крашении волос, посыпании охры при погребениях со времен палеолита и т.д.). Народ – торговец, вследствие своего географического положения, – воин и кочевник, в силу своей основной специальности, был широко известен, поскольку его интересы простирались практически на весь обитаемый мир. По этой причине многие варианты указанных имен представлены во всех частях света, охваченных его деятельностью, практически нет района, в котором бы он не «наследил» в то или иное время. Это легко проиллюстрировать на примере рассматриваемого района.

Приведенные топонимы, которые показывают связь перечисленных районов с Приладожьем, дополняются многочисленными разновременными именами, демонстрирующими их коммуникационную роль и отражающими основные маршруты, которыми был связан север варварского мира с миром античным. С аорскими или аланскими названиями, окачивающимися на ж, соседствуют имена, которые имеют аналоги далеко на севере или же являются явно финноязычными: Свирь и Плиса на севере Белоруссии, реки Нарев, Вильга, Вепш на западе Польши, многочисленные топонимы с финским окончанием -лин («город») как в Польше, так и в Белоруссии (Столин, Осмолин, Гарволин, Демблин, Уршулин, Люблин и т.д.). Подобных некогда было множество в Пруссии, само имя которой соответствует старому наименованию скандинавскими и западноевропейскими историками Гардарики. Например, швед Олаф Верелий пишет: «Алдеюбург (Старая Ладога - В.П.), городок Пруссии полуденной», а в другом месте называет его городом «Гардарики или России полуденной».¹ Река Неман в древности называлась Русой (до сих пор литовский город при впадении Немана в море называется Русне), т.е. Пруссия является тезкой как Порусью (район Старой Русы до Валдая), так и Гардарике (собственно Гардарика – Карельский перешеек, но часто этим именем покрывали все сопредельные территории, бывшие под ее властью и северо-западную Россию). Интересно, что и другой вариант имени народа этого района – корсь (куроны) соответствовал имени населения Карельского перешейка, от чего в раннем средневековье эти районы в источниках иногда путали.

Имя русь (рось) наиболее широко представлено в регионе. По сей день русинами называют себя наиболее «незалежные» украинцы Галиции. Далее это имя уходит в Трансильванию. В.Е. Борисо пишет: «Весь

¹ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 217.

венгерско-румынский район покрыт названиями, напоминающими о руси: Пояна Руска, Рускберг, Русс, Русор, Русанешти, Рускова, Рушова, Рушполяна, Рустина, Рутка, Росток, Россия, Роскочь, Рочина; ко многим селениям прибавляется «орос», «орош», «ороч», по-венгерски «русь». Прилагают и «Олах» или влах, т.е. римский, «маджар», «хорват», «роман», «немет». Это служит несомненным доказательством, что население между собой, по крайней мере в старину, различало русов, волохов, хорватов, немцев».¹

С другой стороны, по этим же самым районам на сегодняшней карте уходят на север до Ладоги и дальше греческие окончания *-поль*: Ямполь, Крыжополь, Томашполь, Острополь, Тернополь и многие и многие другие на Западной Украине; Тересполь, Фрамполь, Семпополь в Польше; Антополь и многочисленные *-полю* в Белоруссии, Псковской и Новгородской областях. Это свидетели существовавших в древности сухопутных коммуникаций, шедших в обход обводненных и заболоченных территорий.

Аорсы, населявшие Бег Ахилла, это те же самые «храбрые аланы» из других источников. Страбон еще не знал имени аланов, но использовал название аорсов. Из неведомого нам источника взято его сообщение о том, что аорсы жили по Танаису. Но здесь же другие авторы указывают аланов. Так, Аммиан Марцеллин пишет: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами...».² Знает их здесь и Птолемей: «...по всему берегу Меотиды языги и роксоланы (обычно считаются частью аланов - В.П.); у поворота реки Танаиса – офлоны и танаиты».³ Эти аланы занимали Приильмень (район Новгорода и Порусье). Аланы Таврии назывались тавро-аланами. Завладев во II в. частью Крыма, они принесли и туда имя Сурож (древнее название современного Судака). Марцеллин пишет об аланах: «Мало помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя...». Конкретное место обитания аланов древним авторам (как и историкам сегодня) определить было сложно: «С другой стороны поблизости от места обитания амазонок смежны с востока аланы, рассеявшиеся среди многочисленных и великих народов, обращенных к азиатским областям, которые, как я узнал, простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов и впадающей в южное море».⁴ Вот как Марцеллин определяет ареал экономических интересов аланов, которые требовали их присутствия на всем этом пространстве.

Существует одно недоразумение, которое следует снять. В переводах можно прочесть об аланах: «...в разбоях и охотах они доходят до

¹ Борисов В.Е. Указ. соч. С. 184.

² Аммиан Марцеллин. Указ. соч. С. 494.

³ Борисов В.Е. Указ. соч. С. 85.

⁴ Аммиан Марцеллин. Указ. соч. С. 493.

Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой». Здесь Марцеллин опять обозначил район экономических интересов аланов в несколько другом направлении, определив крайние северные районы, в которых они проживают, и южные, куда простираются их устремления. Но мы уверены, что перевод, относящийся к характеру их деятельности (разбой и охота), совершенно неверен. Дело в том, что одной и той же основой в латыни передаются понятия, выражающие перемещение в пространстве (подвижный образ жизни), торговлю (особенно рабами) и охоту: лат. **venio, veni, ventum** «приезжать», «подходить», «доходить»; **vendo** «продавать» (преимущественно в рабство), **venus** «продажа» (особенно кого-либо в рабство); **venor** «охотиться»; **venatum ire** «идти на охоту», **ali venando** «жить охотой». Или же ошибка закралась сама по себе при переписывании источника, или воображения писцов не доставало на то, чтобы воспринять аланов в качестве не охотников, а торговцев. «В разбоях и торговле» придало бы сведениям смысл и обозначило бы верную роль аланов в мире.

В пользу именно такой специализации аланов свидетельствует отрывок из Страбона, посвященный городу Танаис, локализации которого историки совершенно не понимают, размещая его при впадении Дона в Азовское море. Между тем, Птолемей дает совершенно четкие координаты города – 67° долготы и 54°20' широты. Похоже, что это все та же Орша, хотя долгота ее определена несколько неверно (по долготе город должен находиться в районе Минской возвышенности): «На реке и на озере лежит одноименный город Танаис, основанный греками, владевшими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон за неподчинение. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода».¹

Марцеллин указывает и европейских аланов, занимавших районы, прилегающие к реке Днестр. В свете этого понятны те проявления в топонимике района Западной Украины, о которых говорилось.

2.14. Халивы

В какой-то степени мы уже познакомились с современными воззрениями на историю открытия железа и о месте, где это произошло. Господ-

¹ Страбон. Указ. соч. С. 468-469.

стует представление, что производство железа было открыто в районе Малой Азии и Закавказья. Нельзя сказать, что оно выросло на совершенно пустом месте, поскольку под ним есть какая-никакая античная традиция. А вот она уже появилась на основе заурядной фальшивки. Как можно было заметить из материала, изложенного выше, автор этих строк с безусловным доверием относится к любому пишущему человеку, будь он ученый или поэт. Это доверие основано на убеждении, что нормальный человек берется за перо или садится за пишущую машинку, во всяком случае, не для того, чтобы соврать. Даже если он заблуждается, то этому как правило, есть объективные и зачастую видимые причины. Ненормальные люди практически не пишут, а если такое случается, то их ненормальность видна любому здравомыслящему читателю. Однако была, есть и будет категория пишущей братии, которую нельзя отнести ни к нормальным, т.е. здравомыслящим людям, ни к психопатам в расхожем смысле слова – это профессиональные политики. Они пишут, преследуя свои интересы, а потому фальсификацию за грех не считают, если она им отвечает. Один из известных авторов античности, оставивший яркий, хотя нельзя сказать, что позитивный след, безусловно относится к этой категории. Речь идет о Ксенофоне Афинском. Чтобы избежать обвинений в предвзятости оценки его биографии, перепишем ее из энциклопедического словаря, изданного в Германии: «К. Афинский, род. 430–425 в Афинах, ум. После 335 до н. э. в Коринфе, историк и писатель; ученик Сократа, не проявивший глубокого интереса к философии. К. вырос в среде аристократов, враждебно относившейся к афинской рабовладельч. демократии и дружественных Спарте. Неудовлетворенный политич. жизнью Афин, К. принял участие в походе Кира Младшего против Артаксеркса. После поражения Кира при Кунаксе в 401 К. вместе со спартанским стратегом возглавил отступление греч. наемников Кира, которые, преодолев немало трудностей и опасностей, достигли Фракии. Стремясь теснее сблизиться с антидемократич. Спартой, К. в качестве соратника внушавшего ему восхищение царя Агесилая сопровождал его в компании 394 против союзных Афинам Фив и в битве при Коронее. За это К. был приговорен в Афинах к изгнанию и удалился в пожалованное ему спартанцами имение возле Скилла (близ Олимпии). После занятия Скилла элейцами в 370 К. бежал в Коринф, где и умер. Исторические труды: «Анабасис» (Kyru anabasis) о походе 10 тыс. греч. наемников вглубь перс. державы и их обратном пути к Черному м.; описывая поход (с преувеличением собственных заслуг), К. сообщает интересные географич. и этнографич. сведения о М. Азии и Закавказье...».

От себя добавим, где он никогда не бывал. Из приведенной статьи вырисовывается типичный портрет политика авантюрного типа. С какой целью написан «Анабасис» – можно лишь догадываться: возможно, не только для создания собственного образа в глазах греков, но и для того,

чтобы оправдать, по-видимому, длительное отсутствие. Как бы то ни было, от всей этой истории веет чем-то нечистым. Мы не будем сейчас раскрывать всю несуразность маршрута, которым якобы шел Ксенофонт с наемниками. Доказательств тому, что этого похода не было, впереди будет достаточно много. Укажем лишь на то, что от Ксенофонта пошла традиция размещения народа, который по греческим источникам, был изобретателем и производителем железа и изделий из него, на северо-востоке Малой Азии. Речь идет о халивах.

Добавим также, что Ксенофонт, детально описывая народы, через которые он будто бы проходил, не выдумал их, но списал из некоего источника обычаи и нравы ряда племен, которые жили в совершенно другом районе. Данные о них взяты из очень хорошего по качеству документа, возможно, персидского. Многие детали быта, описанные Ксенофонт, находят подтверждение в других, иногда значительно более поздних трудах (например, у арабских авторов, рассказывающих о тех же самых народах в иную историческую эпоху). Ксенофонт лишь переместил эти народы на несколько тысяч километров, причем сделал это, скорее всего не по злему умыслу, а от недостатка образования. Судя по приведенной выше биографии, оно вполне сопоставимо с незаконченным высшим образованием многих наших современных политиков. Последствия же его ошибки для нас весьма печальны: в условиях «информационного голода», свойственного тому времени, она была подхвачена многими вполне добросовестными людьми и внесла немало неразберихи в умы не только античные, но и современные.

К чести античных авторов следует заметить, что далеко не все из них следовали заблуждению Ксенофонта. Большинство известных нам источников утверждает, что халивы (как и другие названные с ними народы) жили не в Малой Азии. Тем более, это относится к источникам, которые древнее Ксенофонта. С некоторыми из них мы уже знакомы: например, когда Эсхил говорит о стране, родящей железо, он имеет ввиду именно страну халивов, и размещает ее, как помним, в глубине Скифии. Словами Прометея, обращенными к Ио, он характеризует халивов, обрабатывающих железо, как народ суровый и неприступный для чужеземцев. Видимо, с этими его чертами связано относительно небольшое количество дошедших о халивах сведений. Закрытость же его во многом, вероятно, связана с родом деятельности – горное дело и производство металла во все времена и у всех народов прикрыто завесой таинственности.

В схолиях к Эсхиллу находим: «Это халивское железо происходит из Скифии, так как оно добывается из скифского города Халива. Так как железо открыто у халивов, а халивы составляют часть скифов, и оттуда распространилось по всей земле, то поэтому автор называет его гостем, то есть другом Халива и высленцем из Скифии». Ниже говорится: «Поэт

называет железо понтийским, потому, что на побережье живут халивы, у которых добывается железо; или потому, что халивы, откуда вывозится железо, – народ с Понта».¹ Понт здесь следует понимать в широком смысле, т.е. вместе с Меотидой.

В схолиях к Пиндару также сказано: «Халивская земля – в Скифии, где впервые найдено железо». Подтверждается и то, что халивское железо называется понтийским, поскольку вывозится с Понта. Но, кроме того добавлено, что халивы живут около амазонок.²

Аполлоний Родосский, хотя и приводит в маршруте аргонавтов народы, упомянутые Ксенофонтом, но ведет его к Океану, а список его этнонимов существенно шире, чем у Ксенофонта. В схолиях сказано: «Халивы – скифский народ за Фермодонтом; они, открыв железные рудники, занимаются их разработкой. Халивами они называются от Аресова сына Халива».³ Возведение родословной халивов к Аресу свидетельствует об их северном происхождении: обычно воинственными сынами Ареса греческие источники называют самую северную часть скифов – сарматов. Ниже говорится: «Халивы, добывая из рудников железо, продают его и таким образом добывают себе средства к жизни, так как земля их неплодородна».⁴ Память о скифской природе халивов жила еще в V в., когда Исихий Александрийский указывал, что халивы – это народ в Скифии, где добывают железо, а страна называется Халивдикой.⁵

Косвенно подтверждает северную локализацию халивов миф о Полифеме, одном из циклопов, сыне Посейдона. Согласно Гомеру, он принял Одиссея во время его странствий и съел нескольких его спутников. Одиссей напоил жестокого и непобедимого циклопа и ослепил его раскаленным колом. Ослепший Полифем не смог помешать бегству Одиссея с товарищами. Однако существует и другая версия истории Полифема, о которой упоминается в схолиях к Аполлонию: «Полифем окончил жизнь в сражении с халивами – это народ скифский».⁶ О циклопах же Страбон писал: «Может быть, Гомер заимствовал свое представление об одноглазых Киклопах из истории Скифии, ибо есть известие о существовании одноглазого народа аримаспов, о которых сообщает Аристей из Прокон-

¹ Сборник Латышева. С. 341–342.

² Там же. С. 338.

³ Сборник Латышева. С. 426.

⁴ Там же. С. 428.

⁵ Там же. С. 865.

⁶ Там же. С. 425.

неса в своем «Эпосе об аримаспах».¹

Пожалуй, самое убедительное свидетельство северного происхождения железа содержится в сообщении Аристотеля: «Рассказывают о совершенно особом происхождении железа халивского и амисского: оно образуется, по рассказам, из песка, несомого реками; песок этот по одним рассказам, просто промывают и плавят в огне, а по другим – образовавшийся от промывки осадок несколько раз еще промывают и потом плавят, прибавляя так называемый огнеупорный камень, коего много в той стране; этот род железа лучше прочих, и если оно плавилось не в одной печи, то, кажется, ничем не отличалось бы от серебра. Только одно это железо, по рассказам, не подвержено ржавчине; но добывается оно в незначительном количестве».²

Аристотель описал здесь ни что иное, как процесс получения нержавеющей железа из болотной руды. Действительно, наиболее простой и естественный способ получения железа заключается в его восстановлении из гидроксида, который представляет собой болотная руда. Именно из нее, по логике вещей, возможно получение химически чистого железа, секрет производства которого открыли халивы. Отсюда оно, согласно источникам, распространялось по миру, в том числе, в такие отдаленные его районы, как Индия. Вспомним знаменитую колонну из чистого железа, которая до наших дней сохранилась здесь. При той высокой цене железа, которое оно имело в первое время после его открытия, колонна вполне могла служить не только для возвеличивания властителя, обладавшего ею, но и быть своеобразной формой хранения «капитала», весьма немалого по тем временам.

Аристотель называет железо халивским или амисским. Второе название отражает тот путь, которым оно шло с севера в Малую Азию, Месопотамию, Палестину и Египет в древности. Амисос или Амисия – город на черноморском побережье Каппадокии в районе нынешнего города Самсун, родина Страбона, который через три с лишним века, как мы помним гадал, где же размещалась эта самая Алиба – родина железа, не находя ей места. Сюда поставлялось морем железо из Скифии, поэтому позже, когда исчезла память об Аксинском Понте или Меотиде, сюда греческими авторами были перенесены халивы, река Фермодонт и амазонки. Поскольку никаких следов производства железа в самой Амисии не было, то район его задвинули в самые глухие уголки северо-востока Малой Азии, о которых практически не было никаких сведений.

Халива – безусловно древнее имя, однако, надо полагать, оно не древнее имени Калевала. Если от последнего отнять топонимический

¹ Страбон. Указ. соч. С. 28.

² Сборник Латышева. С. 380.

формант **-ла**, то со всей очевидностью становится ясно, что перед нами одно и то же имя. К тому же Халиву и Калеву объединяет металлургическая тема. Вот как описывается рождение железа и векового кователя Илморинена в «Калевале»:

В Похьеле родился мальчик,
Мужичок – в том крае мрака,
Муж – в деревне той холодной.
Уж на третий день мальчишка
Раскидал свои пеленки.
Для отца был Илмори он,
Называла мать сыночком,
Ратником прозвали сестры,
Воином – родные братья,
Остальные безымянным.
Вызван старец был крестить,
Вироканнас – имя выбрать.
И промолвил слово старец:
«Малыша снесите в топи.
Палкой череп проломите,
Мальчика бревном убейте».
Вымолвил тогда трехдневный,
Старцу так ответил мудро:
«Ой ты, старичок нездешний,
Вироканнас ты карельский,
Не снесли ж тебя в болото,
В голову бревном не били,
Палкою не колотили,
Хоть ты в молодые годы
Сам носил собак в утробе,
Тварей в собственных печенках,
Кобылиц ты всех бесчестил,
Покрывал волосохвостых
Среди тины, на болоте,
В середине скользкой жижи.
Не снесли ж тебя в болото,
В голову бревном не били,
Палкою не колотили».
Мальчика тогда крестили,
Похьелы царем назвали.
Похьелы царя женили,
Для него нашли невесту
Средь любимых дочек леса,
Курочку – из шерстогрудых.
Дева леса невеличка,
С кровью белою девица
В тонкой юбке их тумана,
Легкою прошла походкой,

Жалкий отпрыск, ржа
худая, —
Родилась ты в ножнах Вайно,
В горне Илмори возникло.
Тут зарок дало железо,
Присягнуло страшной
клятвой
Вайнемейнену на верность,
Дерево рубить клялось,
Резать палки обещало,
Сердцевину камня грызть.
Времени прошло немного,
И железо рассердилось, —
Жалкий отпрыск, ржа худая,
Черный ил со дна дряной, —
Впилося в тело человека,
Кожу рассекло бедняге,
Кровь пустило изливаться,
Молоко на землю литься.

.....

Я ведь знаю весь твой род:
Ил — отец, а мать — земля,
А вода — твой старший брат,
Средний брат из вас огонь,
Ты, железо, — младший брат.¹

Совершенно ясно, что для того, чтобы болотная руда скапливалась в значительным масштабах, необходимо, чтобы грунтовые воды, питающие болото проходили через железорудное тело. Чем оно крупнее, и чем больше в его районе болот, тем больше запасы болотной руды. Понятно и то, что земля халивов должна локализоваться на не слишком большом удалении от главных транспортных магистралей того времени, имея хорошую связь с ними.

Самый древний автор, Гекатей, размещает халивов у Понта, на реке Фермодонте. Это самая «темная» для историков река, из всех упоминаемых в древних источниках. Между тем, локализовать ее достаточно легко. В основе ее имени явно просматривается лат. *termo* или греч. *терма* «граница», «предел», «конец» (поэтому иногда зовется Термодонт). Следовательно, это еще одно название все той же границы между Европой и Азией, наряду с Истром, Фасисом и Танаисом. Такое предположение подтверждается примерами совместного употребления этих имен. Так, Софокл в «Царе Эдипе» пишет: «Я думаю ведь, что ни Истр, ни Фасисис

¹ Рода нашего напевы. Петрозаводск. 1985. С. 71-72.

не могут омыть очистительною водою этого дома...». В.В.Латышев полагал, что здесь две эти реки названы вместе как величайшие реки Европы и Азии.¹ Однако вот другой пример совместного их упоминания, из которого уже следует, что они, по крайней мере, протекают в одной стране: «Истри и священный Фасис хвалятся, что кормят таких дев (амазонок - В.П.)...».² Филострат употребляет уже три имени вместе: «И скифы, кочующие на повозках, связаны не менее нас: их ограничивают Истры, Фермодонты и Танаисы, реки нелегкие для переправы, пока не станут от мороза...».³ В предположение, что все эти имена относятся к единой водной системе, хорошо вписывается и сообщение Страбона: «Фасис и Лик – впадают в Понтийское море (Эратосфен неправильно пишет вместо Лика Фермодонт)...».⁴ Если понимать, что Лик (Волхов), ответвляясь от Аракса, впадает в Меотиду (как об этом сообщают древние источники), то Эратосфен безусловно прав, поскольку Лик является частью Фасиса (Истра, Аракса, Танаиса и Фермодонта).

Исходя из того, что Фермодонтом называется все та же граница между двумя частями света, попытаемся на нем найти страну халивов. Как следует из источников, она невелика. Первое, что привлекает внимание, совпадение древней формы названия Ильменя – Илмерь – с именем вековечного кователя Илмаринена. В совокупности с тем, что левый приток р Мсты, берущий начало на севере Валдая, называется Холова, это обстоятельство наталкивает на мысль, что Халива располагалась в районе Ильмень-Валдай. Здесь достаточно много болот, в которых возможна добыча болотной руды. Кроме того, Валдай во времена неолита являлся экспортером кремня во многие районы Северной Европы, что свидетельствует о наличии здесь древней традиции горной добычи, на основе которой могло зародиться производство металлов. Однако выработка железа в Халиве выросло на основе традиционного производства меди. Античные источники свидетельствуют, что в Греции само название меди было связано с именем Халивы: «Медь. От слова Халив, [родительный падеж] Халива; означает народ, ибо там была найдена медь...».⁵

Более того, Халива была славна не столько производством меди, сколько бронзы, для чего требовалось олово. Ни меди, ни, тем более, олова в районе предполагаемого размещения халивов нет. И то, и другое есть лишь на Балтийском щите.

¹ Сборник Латышева. С. 342.

² Там же. С.335.

³ Там же. С. 637.

⁴ Страбон. Указ. соч. С. 498.

⁵ Сборник Латышева. С. 921.

Из всех возможных вариантов, наиболее хорошо отвечающим всем перечисленным условиям, на наш взгляд, является район Туломъярви (Тулмозера): он близок к Ладоге, соединяясь с нею рекой Тулемой; здесь располагается достаточно мощное гематитовое рудное тело, омываемое крупными реками, в результате чего вода в озере исключительно железиста; здесь множество верховых болот с крупными запасами болотной руды. На одном из них, перекопанном старинными дренажными канавами, чистейшую болотную руду можно черпать ведрами. Именно оно являлось сырьевым источником последнего, насколько нам известно, металлургического завода, работавшего в конце XVIII в. на болотной руде, вырабатывавшего десятки тысяч пудов железа в год. Отсюда по реке на баржах оно сплавлялось в Ладогу (в Салми, который являлся центром одного из пяти собственно карельских погостов). В XIX в. на базе месторождения железной руды был построен крупный по тем временам металлургический завод «Крунун раута» («коронное железо»), проработавший до революции.

Существует множество деталей для идентификации этого района с древнейшим центром железоделательного производства. Во-первых, его название как нельзя лучше подходит для страны, владыкой которой являлся Вулкан (Гефест): Тулема, где *-ма* «земля», *тули* (*tuli*) «огонь». Очевидно, название острова Туле связано с именем этой территории, которая являлась промышленным сердцем региона. Во-вторых, если эта территория была землей знаменитых халивов, то память об этом должна отражаться в самых разных формах достаточно долго, что мы и имеем: в титуле владетелей севера второй половины I тыс., наряду со славным именем Биармии присутствует имя Тулемы. У В.Н.Татищева находим: «О Рудерове сыне в истории рунской Гиалмара, короля биармландского и тулемарского...».¹ В-третьих, как мы помним у Страбона говорится об алибском (халивском) серебре, а в Туломъярви еще в XVI в. на реке Колас, впадающей в озеро, существовал серебрянный рудник.

Среди мелких деталей, говорящих о горнорудном прошлом этого района, отметим одну, на наш взгляд, крайне интересную. Горняки и металлурги составляли в древнем обществе достаточно замкнутую касту, образ жизни и быт которой очень отличался от прочих людей. В полной мере это проявлялось и в характере жилья. Не случайны легенды о том, что горняки жили под землей. Уже в советское время в этом районе Карелии крайне редко, но все же встречался весьма своеобразный вид жилья: полуземлянка, стены которой выкладывались камнем. По воспоминаниям стариков, достаточно просторное, чистое и теплое жилье. Оно настолько необычно для северной деревни, что заставляет полагать в себе проявление очень древней и давно ушедшей жизни.

¹ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 302.

Интересно уже приводившееся имя реки Колас (иногда Коллас). Оно связано с названием села, оставшегося на месте некогда населенной и богатой волости Туломъярви – Колатсельга, где *сельга* «спина», «хребет», «морена», «селитебное место», а *колам* содержит ту же основу, что и англ. *cold*, фин. *coleus*, рус. *холод*, имеющих единое значение. Хотя эта связь вполне может быть «обратной»: в древних языках четко проявляется закон *единства противоположностей*, который состоит в том, что часто изменение одной гласной в слове приводит к перемене его значения в совершенно обратное. Здесь нам придется еще раз забраться в дебри лингвистики – дело насколько сложное, настолько и увлекательное. Изначально Колатсельга была именем одного из поселений, потянувшихся вдоль озера, значение которого «северная сельга» вполне соответствует истине. Это подтверждает и второе его имя Похьойнен или Похья. Казалось бы, имя реки также вписывается в ряд значений, связанных с севером, тем более, что она течет оттуда. Однако в нем можно видеть и другую основу, которая содержится в фин. *kalio*, кар. *kallevo* «скала», сюда же примыкают имена Калева, Калевала, а также фин. *kalevantuli* «зарница», «сплохи», которое может иметь отношение как к верховному божеству, так и к металлургическому ремеслу; *Kalevanmieikka* («меч Калева») народное название Пояса Ориона (ср. лат. *collis* «холм», «гора», *callis* «горная тропа». *caleo* «быть горячим, теплым», *caeles* «небесный», «небожитель»). Основа, представленная в приведенных словах, скорее «горячая», нежели «холодная», но сравните лат. *caligo* «туман», «мгла», «тьма». Она же в латыни и финском образует понятия «цедить», «отстаивать», а также «бренчать», «звенеть» чем-то металлическим, к которым примыкает и рус. *колокол* (представлена дважды), которые связаны с металлургическим производством и кузнечным делом. Следует отметить, что река Колас, в отличие от другой реки Нарвож (Наравожа), которая также впадает с севера в озеро, не только очень порожиста, но и имеет значительные водопады.

Разумеется, производство железа, тем более первого в мире, выросло не на пустом месте. Как мы помним, район был также первым производителем бронзы, которая поставлялась отсюда в Средиземноморье и другие страны мира. Кстати, если ставшее *международным* обозначение меди «купрум» происходит от названия о. Кипр, который посредничал в торговле северными металлами, то название железа «*феррум*» связано с именем Фермодонта. Наиболее ценная медь вывозилась от моссиников, соседей халивов. Аристотель пишет: «Рассказывают, что моссиникская медь отличается ярким блеском и чрезвычайной белизной; к ней примешивается не олово, но особый сорт тамошней земли, которая плавится вместе с медью; говорят, что изобретатель этого сплава (возможно, латуни - В.П.) никому не открыл своего секрета; поэтому старинные медные

изделия этой страны отличаются превосходным качеством, а позднейшие уже не имеют их».¹ Очевидно, что речь здесь идет о латуни, которая в фин. по сей день называется *messinki*.

Моссиники не только соседствуют с халивами, но, как указывает Ксенофонт, халивы подвластны моссиникам.² Если в качестве района, производящего железо скорее всего следует видеть Туломъярви, то производство меди с наибольшей вероятностью локализуется в Иматре, причем не только потому, что там существует хорошая сырьевая база для этого. Районы, расположенные по Вуоксе, являлись центральными в Карелии, тогда как Туломъярви было восточной периферией ее исторического ядра. В сущности, сообщение Ксенофонта отражает реальное положение дел в территориальной организации государственности в рассматриваемом регионе на протяжении всей его истории. Так, новгородская летопись, сообщающая о войне князя Буриной с варягами (начало IX в.) на территории Карельского перешейка, называет его Биармией, что вполне согласуется с приведенным из Татищева титулом государя – король Бьярмландский и Тулемарский. Таковой она оставалась на всем протяжении независимого существования Древней Корелы позже.

Можно предполагать, что производство меди, а затем и железа, первоначально возникло в районе современной Иматры, там, где Вуокса вытекает из оз. Сайма. Позже производство железа переместилось на восточное побережье Ладоги, в район Туломъярви. Такое развитие территориальной организации производства металлов подтверждается античными сведениями о существовании двух Халив. Впервые об этом упоминает Гекатей, сообщающий, что, помимо халивов, живущих на Фермодонте, существует народ халивои: «...с халивоями к югу граничат армении».³ В двух местах халивов локализует также Ксенофонт. Можно также предполагать, что перемещение халивов и сопредельных им народов из района Приладожья в области, расположенные к югу (Приильменье и водораздел по Московско-Смоленской и Белорусской гряде), которое фиксируется древними данными, связано с изменением географических представлений и привязкой этих народов к Киммерийскому Боспору, который, как мы уже знаем, со временем переносился античными авторами все южнее.

В скандинавских источниках, наряду с асами и ванами, часто упоминается народ карлов. Снорри Стуррлусон в «Младшей Эдде», разъясняя язык скальдической поэзии, дает объяснения употребляемым в ней кенningам (образным поэтическим обозначениям, которые после их создания становились штампами). Весьма интересны некоторые кеннинги, служив-

¹ Сборник Латышева. С. 380.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 3.

шие для обозначения карлов, в числе которых «племя скал», «саксы скал». Карлы – это, вне всякого сомнения, карелы. Приведенные кеннинги свидетельствуют о том, что в основе имени Калевала древние видели скалы (*kallevo*). Второй кеннинг свидетельствует о том, что карелы происходят от скифов-саков. Кстати, лат. *saxum* означает «скала». Диодор Сицилийский пишет о царских скифах: «...ибо это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами...».¹ В совокупности все царские скифы, согласно Геродоту, называются сколотами, которых с тех пор безуспешно ищут историки. Не там ковыряются, а между тем в Финляндии словом *kalotti* – калотт обозначают северные районы Финляндии, Швеции и Норвегии, связанные общими географическими, этнографическими и экономическими условиями, т.е. север. Оно же обозначает «ермолка», «тюбетейка». «круглая шапочка», что свидетельствует о ее происхождении от слова *kallo* «череп», «голова». В древности упомянутая войлочная шапочка была символом свободнорожденных и благородных людей.

Помимо карлов, в скальдической поэзии кеннинг «жители скал» начал великанов, так же, как «гауты гор», где гауты – воины. Таким образом карелы выступают из древности, с одной стороны, как великаны (память многих народов сохранила воспоминания о северных великанах), с другой, как люди очень маленького роста (карлы, карлики), которые в европейском фольклоре выступают как гномы или тролли, живущие внутри гор – отражение той роли, которую играли предки карелов в мировом горнодобывающем промысле (Марцеллин сообщает, что трупами на Истре вандалы, бывшие с ними в близком родстве, называли готов).

Отметим еще один кеннинг, хотя он не имеет отношения к рассматриваемой здесь теме, но подтверждает оду предыдущую нашу локализацию: небо определяется как «бремя карлов». Здесь имеет место явная перекличка с греческим мифом об Атланте, держащем небо в районе Гиркулесовых Столпов. В кеннингах, относящихся к самой поэзии, часто упоминаются карлы: «питье карлов» (связано с отождествлением поэзии с медовухой, которую, согласно исландским легендам впервые получили карлы), «корабль карлов». Само слово «кеннинг», неперебиваемое на основе скандинавских языков, имеет, по-видимому, карельские корни и означает «оборот речи» (от *kendeä* «завернуть», аналог русскому *ввернуть, завернуть*).

Калевальскому Илмаринену у германских народов соответствует кузнец-волшебник Велунд (Вилунд, Виланд), согласно «Эдде», сын конунга финнов, а самой стране Калевале – Вальская земля или Валланд,

¹ Сборник Латышева. С. 459.

расположенная к востоку от Швеции. В скандинавских и германских источниках часто встречаются упоминания «вальских клинков», «вальских шлемов» и «вальских колец». Последним именем иногда называется известный клад нибелунгов. Нибелунги, они же нифлунги, в эпических произведениях предстают то как непобедимые бойцы, то как карлики, живущие в недрах гор. Локализуют их на востоке Балтики. Л.В.Френкель, основываясь на эпических произведениях, отождествляет Нифландию с Лифляндией, т.е. страной ливов (часть Латвии и Эстонии), но представляется, что имя нифлунгов связано с древним названием Ладоги – Нево.

В германской эпической литературе нифлунги связаны с маркой Валейс или страной Валланд. В этих названиях бесспорно содержится имя Вало (Валу). Отождествление нифлунгов с горными гномами со всей очевидностью связывает их с горным делом. Интересно то, что в Европе найдены многочисленные свидетельства существования в древности людей очень маленького роста, занимавшихся добычей руды в ряде регионов. Они были явно неместного происхождения, о чем свидетельствуют оставшиеся от них инструменты в заброшенных забоях и народная память о карликах, наделенных чудесной силой. В поисках металлов они появлялись на Карпатах (здесь находятся наиболее ранние следы их пребывания), в Альпах, Германии, на Балканах. Полагают, что это были пришельцы из некоего древнего центра металлургии и горного дела (чаще всего указывают, по известным нам причинам, на Кавказ и Закавказье), которые работали своего рода «вахтовым способом», исчезая довольно скоро после своего появления.¹ Выработка особого генотипа, приспособленного к работе в забоях высотой ок. 1 м, а шириной до 1/2 м – свидетельство очень длительного существования народа, который специализировался на добыче и производстве металлов. Несомненно, халивы – первые претенденты на оставшуюся в Европе память о таинственных горняках.

Интересно, что через некоторое время, иногда пять столетий спустя, «карлики» возвращались на те самые места добычи металлов, которые были ими когда-то оставлены. К.Бакс, рассказывая о последней волне древних рудознатцев в Европе, которая в Германии связывается с именем венетов (а это опять-таки указывает на наш район), пишет: «Через 500 лет после сведущих в рудах и металлах «карликов» Центральную Европу в поисках руды вновь посетили низкорослые племена. Это были иллирийские венеты, двигавшиеся с северо-западной части Балканских гор и с Восточных Альп и – было ли это случайностью? – также нашли дорогу в Рамсберкк и добывали серебро в той же самой штольне. В сагах они зовутся «венецианцами», отчего выработка по сей день именуется

¹ См. Бакс К. Указ. соч. С. 97.

«штольной венецианцев». Заложенная «карликами» и расширенная венецами, она представляет собой старейший в Германии горнотехнический памятник (после еще более древних разработок кремня, яшмы и роговика). Это своего рода «документ в камне» повествующий о долгих, почти двухтысячелетних поисках в Центральной Европе олова для твердого сплава с медью».¹

Существует еще одна параллель, позволяющая в какой-то степени локализовать нибелунгов. Страбон, рассказывая об озере-заливе Аверн (район г. Сорренто), которое жители «предшествующего поколения» связывали с гомеровским входом в Аид, поясняет причину этого: «Залив Аверн окружен отвесными скалистыми холмами, возвышающимися со всех сторон, за исключением входа... Человеческое суеверие превратило залив из-за этих скалистых холмов в обиталище призраков. Местные жители прибавляют еще мифический рассказ о том, что пролетающие через залив птицы падают в воду, погибая от поднимающихся испарений, как это бывает в Плутоновых пещерах. Эту местность они считали Плутоновой (т.е. связанной с потусторонним миром - В.П.), полагая, что там жили киммерийцы. Во всяком случае туда пускались в плавание только те, кто, принеся предварительную жертву, умилил подземные божества, причем жрецы, которые брали это место на откуп, руководили подобного рода священнодействиями. Там есть у моря какой-то источник питьевой воды, но местные жители воздерживались пить из него, считая его воду водой Стикса... Кроме того, Эфор, который помещает здесь киммерийцев, утверждает, что последние жили в землянках (их называли «аргиллами»); киммерийцы общались друг с другом, по его словам, по каким-то подземным ходам и принимали чужестранцев в помещении оракула, находившегося глубоко под землей. Жили киммерийцы горным промыслом и подачками людей, вопрошающих оракул, и местный царь назначал им определенные выдачи».²

Как следует из приведенного рассказа, некие люди, занимавшиеся горными разработками на Апеннинском полуострове, назывались киммерийцами. Вероятно, они на самом деле были выходцами из районов дальнего севера, специалистами горного дела, нанятыми одним из царей. В пользу этого свидетельствует сообщение о производимых царем выплатах киммерийцам. У них был распространен культ подземных божеств, что само по себе естественно, учитывая их род деятельности. Спустя много времени, когда этих киммерийцев уже не было в Аверне, местные жители считали это место входом в царство мертвых. Те же самые представления были у греков и римлян относительно киммерийской земли. Вспом-

¹ Бакс К. С. 99.

² Страбон. Указ. соч. С. 227.

ним, что Гомер в земле киммерийцев размещал вход в Аид, куда спускался Одиссей. Сопряжение Леты и Киммерийских болот находим у римского автора Тибулла Альбия. Вместе с тем, и скандинавы также связывали горное дело и металлургию с преисподней и царством мертвых, о чем говорит означающее их имя – Нифльхель. Таким образом, страна нибелунгов (нифлунгов), горняков и металлургов, отождествлялась у них все с тем же потусторонним миром. Впрочем, обитель героев Вальгала, в которую к Одину отправлялись павшие бойцы, также находилась в нашем районе, как и остров Героев древних греков. Все это свидетельства общности представлений об устройстве мира в Средиземноморье и на Балтике, что указывает на древние генетические связи народов, населяющих эти районы.

Каллимах в свое время написал: «Да погибнет род халивов, который открыл это злое растение, поднимающееся из земли». Он имел в виду, естественно, железо. Похоже, что проклятие поэта исполнилось вполне, если у нас, живущих на земле, звавшейся Халивской и славной на весь обитаемый мир, память о предках исчезла совершенно.

2.15. Народы сопредельные колхам

Маршрут аргонавтов Аполлоний Родосский описывает так: «Там [у устья реки Фермодонта] лежит долина Дианта и близ нее три города амазонок. За ними несчастнейшие из людей, рабочие Халивы, заселяют скалистую и суровую страну, занимаясь обработкой железа. Вблизи, выше Генитейского мыса Зевса гостеприимного, живут богатые стадами тиварины. За этим мысом соседние моссины занимают лесистую страну и подгорья, устраивая себе жилища в деревянных башнях и крепкие ограды, которые называют моссинами; отсюда они и сами получили название. Минувя их, вы пристанете к скалистому острову, не имея возможности прогнать очень дерзких птиц, которые в бесчисленном множестве селятся на этом пустынном острове. На нем царицы амазонок Отрира и Антиопа построили каменный храм Арею, когда отправлялись в поход.

За островом на противоположном материке живут филиры, выше филиров – макроны, а за ними многочисленные племена вехиров; непосредственно с ними живут сапиры, с этими соседят визиры, за которыми следуют уже самые воинственные колхи. Но вы продолжите путь на корабле, пока не упретесь в самый край материка. Там на Китаидском материке обильный водоворотами Фасис вытекает из далеких Амарантских гор, по Киркейской долине несется в море широким потоком».¹

¹ Сборник Латышева. С. 413.

Связь данного маршрута с Океаном уже рассматривалась выше. Все указанные выше народы в схолиях называются скифскими: «Тиварины также скифский народ, соседний с халивами. Моссиники – народ, также получивший название от образа жизни: «моссинами» называются деревянные дома, в которых они жили; именно на это намекая, поэт сказал, что они заселяют «лесистую» страну. «Впереди острова». Впереди острова Аритиоды и противоположащей земли живут филиры, названные так от Филиры, дочери Океана, супруги Крона и матери Хирона, прожившей здесь некоторое время. Или так: за островами противоположащую землю занимают филиры. Вехиров: народ скифский. Затем сапиры, то есть за вехирами. Сапиры – народ скифский, получил свое название оттого, что у них в изобилии встречается камень «сапирин». Визирь – народ скифский».¹

Тиварины упоминаются как носители весьма своеобразных обычаев, по одному из которых можно фиксировать этот народ в других документах, независимо от имени, под которым они в них упоминаются. Один из них позволяет полагать, что они относятся к гиперборейцам. Порфирий (233-304 гг.) пишет: «...тиварины живьем обрасывают со скал состарившихся ближайших родственников...».² Об этом же обычае говорит епископ кирский Феодорит (390-457 гг.): «И тиварины, имевшие обычай сталкивать стариков с высочайших утесов, уничтожили этот безобразный обычай».³ Можно видеть, как трансформировалось истолкование древнего гиперборейского обряда со времен Плиния и Мелы.

Аполлоний о тиваринах пишет: «У этого народа мужчины, когда женщины родят им детей, ложатся в постель с повязанными головами и стонут, а жены кормят их вкусной пищей и устраивают им послеродовые купания».⁴ В силу экзотического характера данного обычая, о нем упоминают и другие авторы. В схолиях к Аполлонию говорится: «Тиварины – народ в Скифии. Они славятся самыми справедливыми людьми и никогда не вступают в сражение, не известивши заранее о дне, месте и часе битвы. В земле тиваринов женщины после родов ухаживают за своими мужьями, как свидетельствует Никифор в «Обычаях»».⁵ Этот обычай является проявлением мировоззрения тиваринов, которое в самом общем виде восстанавливается из тех разрозненных сведений о них, которые у нас имеются. Псевдо-Скимн приводит другой диковинный обычай этого

¹ Сборник Латышева. С. 426.

² Там же. С. 657.

³ Там же. С. 784.

⁴ Там же. С. 414.

⁵ Там же. С. 428.

народа, а также указывает его местоположение: «Керасунт, колония синопцев, пред которой тянется пустынный остров, называемый Ареевым. Рядом жил народ тиварины: они все стараются смеяться, признавая это величайшим благополучием».¹ Стефан Византийский пишет: «Тивариния – страна у Понта, прилегающая к халивам и моссиникам; Эфор: тиварины поставили целью своих стремлений забаву и смех и считают это величайшим блаженством».² Оба приведенных обычая объединяются в единое целое Плутархом, который называет тиваринов кавсианами и говорит, что они «при рождении детей плачут, а при смерти кого-либо радуются».³

Помпоний Мела приписывает этот обычай исседонам (тиваринов он не упоминает), которых он привязывает к Рипейским горам, а также к Меотиде: «Исседоны отмечают похороны родителей весельем, благодарственной жертвой и торжественным сбором родственников».⁴ Отдельно от исседонов автор упоминает здесь же агафирсов, полагая их за разные народы. Мы подчеркнули это обстоятельство, поскольку в сочинении «Собиратели пословиц» говорится о том, что травсы плачут над рождающимися, а об умерших радуются;⁵ в то же время Стефан пишет: «Травсы – город кельтов; народ, который эллины называют агофирсами».⁶

Несмотря на то, что агафирсы являются одним из известнейших народов Скифии, их локализация по сей день проблематична. В.Н.Татищев сформулировал это обстоятельство так: «Агафирсов положение не только у разных, но и Геродота в 4-х местах положено: 1) в Трансильвании при реке Марисе, н.34; 2) по Богу на западной стране Днепра; 3) в верховьях Дона, чему и Плиний согласует; 4) при берегах Меотиса. Но всюду с неврами обще. Бриет езуит, по сказанию Марцеллина, Мели и Солина, полагает их в Померии близ Каргополя и к Вологде, Птолемей к морю Балтискому, по табели Пеутингера положены в Ингермоладии, Ключевский, кн. IV, гл. 17, при верховье Днепра в области Смоленской».⁷

Несложно заметить, что третье и четвертое местоположение агафирсов разнесены В.Н.Татищевым лишь по недоразумению, в основе которого лежит неверная локализация Танаиса и Меотиды. Кроме того, Геродот почти ничего не говорит о северных агафирсах, указывая их точный адрес лишь по реке Тисе, хотя они, по-видимому, занимали весь

Сборник Латышева. С. 90.

² Там же. С. 255.

³ Там же. С. 499.

⁴ Сборник Боднарского. С. 200.

⁵ Сборник Латышева. С. 858.

⁶ Там же. С. 255.

⁷ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 148.

Карпатский узел (стык современных Словакии, Венгрии, Западной Украины и Польши). В районе Днепра они упоминаются в связи с событиями персидского похода в числе других народов. На севере, давая картину расселения народов выше Днепра, Геродот упоминает фиссагетов (тиссагетов). Страбон называет их тирогетами, причем совершенно не упоминает агафирсов. Валерий Флак (I в.) называет их фирсогетами, утверждая, что они не являются скифами (перекликается с Геродотом, который писал о преобладании у агафирсов фракийских обычаев).¹ Как можно видеть, данный вариант имени сближается с агафирсами.

Локализация агафирсов в районе Каргополь-Вологда подкрепляется данными современной геологии. Как уже указывалось, в их земле добывался камень адамант или алмазы. Помимо приводившихся уже сведений Дионисия и Никифора, о богатых залежах камня адаманта у агафирсов упоминает Аммиан Марцеллин.² В его время агафирсы входили в державу аланов, причем и те территории, которые, по Геродоту, занимали в районе Карпат, как указывает Марцеллин, принадлежали уже европейским аланам. На сегодня в Европе известны две кимберлитовые трубки или трубки взрыва, к которым приурочены алмазы: Павловская, на юге Воронежской области, и Северо-Онежская, на границе Карелии и Архангельской области. Никифор и Дионисий упоминают алмазы агафирсов в связи с Рипейскими горами, причем, судя по использованному эпитету агафирсов («холодные»), они локализируются севернее их.

Макриан пишет: «За рекой Хесином находится неизвестный Гиперборейский океан, прилежащий к Гиперборейской неизвестной земле. По реке Хесину живут агафирсы народ Европейской Сарматии».³ Хесин или Херсин – река, известная по многим источникам. Птолемей приводит даже координаты ее устья. Чаще всего под эти именем понимают современную Ловать с Волховом. Но упоминание Макрианом Гиперборейского океана, который располагается где-то за рекой Хесином, позволяет видеть в ней современную Свирь вместе с Онегой (озером и рекой). Под названным океаном здесь несомненно выступает Белое море, поскольку Балтика у автора представлена Венедским заливом, являющимся частью Сарматского океана. В нее впадают реки Хрон и Рудон. Куда впадают реки Турунт и Хесин, автор не указывает, поэтому можно предполагать, что в Ладогу. Однако при таком понимании Хесина возникает противоречие с упоминанием Европейской Сарматии: ведь Свирь, а тем более Онега – это скорее азиатские, по тому времени, реки. Единственно возможное объяснение заключается в предположении, что под Хесином Макриан понимает всю

¹ Татищев В.Н. Указ.соч. С. 242.

² Марцеллин. Указ. соч. С. 256.

³ Сборник Латышева. С. 250.

систему Ловать-Волхов-Свирь-Онега. Тогда яснее делается и совпадение имен Западной и Северной Двины, которое произошло от древнего представления о них как частях единой водной системы в венедское время (фин. название реки *Viena*). Во время Макриана, после распада аланской державы в результате войны с гуннами, агафирсы вновь выступают в качестве самостоятельного объединения.

Приск свидетельствует о значительном количестве владений у агафирсов (акациров) и о большой протяженности их земель. В 448 г., когда он прибыл с римским посольством к Атилле, фаворит владыки гуннов Онигисий утверждал его старшего сына на царство у агафирсов. По Иордану, его звали Эллак и он пал в кровавой битве при Недао, когда делилось наследство Атиллы. Приск упоминает, что Эллак стоял не только во главе акациров, ходивших воевать с персами через Дербентский проход, но и прочих народов, живших в припонтийской Скифии. Между тем, по его же свидетельству, не все агафирсы были под властью гуннов: «У этого народа было много начальников по коленам и родам; император Феодосий послал им дары для того, чтобы они по взаимному согласию отказались от союза с Атиллою и предпочли союз с римлянами. Но посланец с дарами раздал их не по порядку каждому из царьков народа, так что Куридах, старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежащих ему даров, призвал Атиллу против своих соправителей. Последний не замедлил выслать большую рать и одних перебил, а других склонил к подчинению; затем он пригласил Куридаха для участия в празднике победы; но тот, заподозрив злой умысел, ответил, что трудно человеку являться пред лицом бога, ведь если даже на солнечный диск нельзя посмотреть пристально, то как может кто-либо невредимо лицезреть величайшего из богов? Таким образом Куридах остался на родине и сохранил свою власть, между тем как весь остальной народ акацирский подчинился Атилле. Желая поставить своего старшего сына царем этого народа, он послал Онигисия для устройства этого дела».¹

Обстоятельства, изложенные в этом рассказе, свидетельствуют о большой протяженности земель агафирсов. Причем, верховная власть, судя по всему, слабая на данный период, располагалась в историческом ядре агафирсов, находящемся далеко на севере. Об этом свидетельствует как то, что римские посланники были не в состоянии начать дарения с верховного владыки агафирсов, пусть даже в определенной степени номинального, в результате чего дары оказались «перехвачены» каким-то владельцем территории, расположенной на юге, что было расценено как вызов верховной власти, так и то, что для Атиллы, фактически оккупиро-

¹ Сборник Латышева. С. 823.

вавшего часть агафирских земель, организация похода во владения Куридаха была мероприятием трудноосуществимым, почему он и попытался выманить его к себе. Весьма показательны и действия Куридаха: на всякий случай, что называется, «лизнув» хозяина по песью, он, тем не менее, скорее осмелился не выполнить его волю, нежели просто не решился к нему явиться. Следует учитывать, что власть Атиллы, в силу характера этого повелителя, была настолько велика, что, как пишет Иордан, «толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно сателлитам, кивка Атиллы: куда бы ни повел он глазом, тотчас же всякий из них предстал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось».¹ Подчеркнем, что речь идет не о нынешних холуях при власти, а о природных властителях.

Очевидно, владения Куридаха располагались в районе Онеги и Белого моря. Южные же территории агафирсов были на Ильмене и на Среднем Днепре, который гунны (агафирсы после включения в державу Атиллы также стали гуннами) называли Варом. Иордан об их расселении пишет: «...берег океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильное племя акациров, не ведающее знаков, но питающееся от скота и охоты».²

Приведенные данные позволяют выстроить ряд преемственности имен одного и того же народа на протяжении приблизительно тысячи лет. Тиварины, имя которых сохранилось в названии города Тверь, с середины I тыс. до Р.Х. известны как исседоны, а еще через несколько столетий они входят в состав агафирсов, нося их имя.

Интересно, что характеристика внешности агафирсов из Плиния в разных изданиях дается по-разному: в большинстве говорится о «темноволосых агафирсах» (например, в сборнике Боднарского), а у Татищева находим «синеглазых агафирсов». Это может быть как следствием различия при переводе, так и результатом использования различных списков произведения. Но еще интереснее то, что в совокупности обе эти характеристики составляют описание достаточно редкого антропологического типа, который по сегодняшний день выделяется среди поморов Карелии и Архангельской области. Особенно отчетливо он проявляется в древних поморских поселениях, которые, в силу своего местоположения, до сих пор существуют достаточно изолированно (например, в Мезени).

Из прочих сведений об агафирсах отметим свидетельство Геродота: «Агафирсы – самое изнеженное племя. Они обычно носят золотые украшения и сообща сходятся с женщинами, чтобы всем быть братьями и как родные не завидовать и не враждовать между собой. В остальном их

¹ Иордан. Указ. соч. С. 105.

² Там же. С. 72.

обычаи схожи с фракийскими». ¹ Отмеченные Геродотом обычаи свойственны также массагетам. Вот как описывает их тот же автор: «Из золота и меди у них все вещи... Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща». ² Один из них, не связанный с золотом, всеми греческими авторами приписывается моссиникам. Аполлоний пишет: «За ними (тиваринами -В.П.) аргонавты миновали Святую гору и страну, в которой моссиники живут в горах в «моссилах», от которых и получили свое название. У них свои особые законы и обычаи: все то, что можно совершать открыто, при людях или на площади, они делают в домах, а то, что мы делаем в комнатах, они бесцеремонно совершают вне дома, среди улиц; им не известен даже брачный стыд: как свиньи на пастбищах, ничуть не стесняясь присутствующих, они на голой земле вповалку соединяются с женщинами в любовных объятиях. А в самом высоком моссине сидит у них царь и творит правый суд своему многочисленному народу; но положение его жалко: если он при суде допустит какую-нибудь ошибку, то его запирают и целый день томят голодом». ³

Псевдо-Скимн говорит: «Моссиники ... по своим обычаям, законам и поступкам – самые грубые варвары. Говорят, что они живут в очень высоких деревянных башнях и всегда все делают открыто, а царя своего, скованного и запертого в башне, прилежно стерегут: в самом верхнем этаже; стерегущие его следят за тем, чтобы все его распоряжения были согласны с законом; если же он в чем-либо преступит закон, то они, говорят, подвергают его жесточайшей казни, не давая пищи». ⁴

Николай Дамасский несколько расширяет наши знания о моссиниках: «Моссины содержат своего царя запертым в башне; если покажется, что какой-либо царь когда-либо дурно решил дело, то его умертвят голодом; употребляемый в пищу хлеб делят поровну, сообща выделив часть приезжающим иностранцам». ⁵

Наиболее подробные сведения о моссиниках содержатся в работе Ксенофонта, которая, как уже отмечалось, несмотря на то, что в целом является фальсификацией, имеет в своей основе некий солидный источник по описанным в ней народам. Поэтому будет уместно привести их здесь. Ксенофонт пишет, что, отправившись из колхидского города Керасунта, эллины, частью морем, а остальные по суше, вошли в пределы земли моссиников. К ним было направлено посольство с просьбой пропустить отряд через их земли, но моссиники, «надеясь на свои

¹ Геродот. Указ. соч. С. 213.

² Там же. С. 79.

³ Сборник Латышева. С. 414.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Там же. С. 456.

укрепления, отвечали, что не пропустят их». Тогда эллины заключили союз с врагами этих моссиников, поскольку среди них была распря. Ксенофонт пишет: «Обменявшись клятвами с эллинами, моссиники ушли и на другой день явились с 300 лодок-однодревок, из коих в каждой сидело по три человека; по два из них выходили и становились в строй, а один оставался в лодке. Эти последние с лодками отплыли назад, а оставшиеся построились в ряды следующим образом: они стали по сотням, не больше, один против других подобно хорам; у всех были плетеные щиты, обтянутые воловьими шкурами с белой шерстью и имевшие форму плющевого листа, а в правой руке дротики длиною около шести локтей, спереди снабженные острием и спереди древка деревянным шаром. Одеты они были в небольшие хитоны, не достигающие до колен, такой толщены, как мешочный холст, на головах имели кожаные шлемы, вроде пафлагонских, с пучком волос по середине видом очень напоминающие тиару (ср. русский шишак с оселедцем, пропущенным в отверстие наверх - В.П.); кроме того у них были и железные секиры (т.е. топоры, считавшиеся у греков исконно скифским оружием, как сариса у фракийцев - В.П.).

После того [как они выстроились], один из них запел, а все остальные пошли в такт с пением и, прошедши сквозь ряды эллинского войска и лагерь, сразу двинулись против неприятелей на то укрепление, которое им казалось наиболее доступным. Оно лежало перед городом, который назывался у них столицей и занимал самый возвышенный пункт страны моссиников (деталь не очень подходящая к маллозиатскому побережью - В.П.). Из-за него-то и воевали они между собой, ибо те, в чьих руках он находился, считали себя владыками всех моссиников; между тем союзники эллинов говорили, что враги их не по праву владеют им, а силою захватили общее достояние и теперь величаются перед ними.

К моссиникам присоединились и некоторые из эллинов, не по приказу начальства, а с целью грабежа. При их приближении неприятели сначала стояли спокойно, но когда нападающие подступили близко к укреплению, они сделали вылазку, обратив их в бегство, убили при этом много варваров и некоторых из присоединившихся к ним эллинов и преследовали бегущих до тех пор, пока не увидели, что эллины идут к ним на помощь. Тогда они повернули и пошли назад, отрезали головы у убитых и показывали их эллинам и своим врагам, причем плясали и пели на какой-то особый лад.

...на следующий день, совершив жертвоприношение и получив благоприятные знамения, позавтракали, затем, построившись прямыми колоннами и поставив варваров таким же строем на левом крыле, двинулись вперед, имея стрелков между лохами, на некотором расстоянии впереди фронта голплитов, потому что у неприятеля были легковооружен-

ные, которые выбегая вперед, бросали в эллинов камнями, их-то должны были отражать стрелки и пелтасты. ...Нападение пелтастов варвары выдержали и сражались с ними, но при приближении голлитов бежали. Тогда пелтасты немедленно бросились за ними в погоню вверх к городу, а голлиты в порядке следовали за ними. Когда эллины поднялись до самих строений Столицы, неприятели, собравшись вместе, встретили их метательными копьями; кроме того у них были другие копья, столь длинные и толстые, что одному человеку трудно было их нести; этими копьями они пытались отражать эллинов в рукопашную.

...варвары бросились бежать и отсюда, и все покинули укрепление. Царь их, живший в моссине (деревянной башне), построенном на возвышении (он должен здесь оставаться постоянно, здесь его содержат на общественный счет и охраняют), не согласился выйти, равно как и тот, который был в прежде взятом укреплении; оба они сгорели на месте в своих башнях. Эллины, грабя укрепления, находили в домах большие запасы провоянных хлебов, собранных в предыдущем году, по словам моссинок; а также и новый хлеб, лежавший еще не обмолоченным; больше всего было полбы.

Находили также в амфорах куски соленого мяса дельфинов и дельфиний жир в сосудах; моссины употребляют его так-же, как эллины масло; в верхних этажах было множество плоских орехов без всякого рубца на скорлупе: моссины по большей части питались ими в вареном виде или в виде печеного хлеба. Находили также вино, которое без примеси воды имело острый и терпкий вкус, но с водою было душисто и приятно на вкус».

Город был передан союзным моссиным. Поход продолжился, причем из укреплений врагов союзных моссинок часть жителей бежала, а другие сдавались. Ксенофонт пишет: «Большая часть этих городов были такого рода: они отстояли друг от друга стадий на 80, некоторые дальше или ближе. Когда жители перекликались друг с другом, то крики слышны были из одного города в другом: так высока и изрыта оврагами эта страна. Когда эллины дошли до области своих союзников, им показывали тучных детей богатых лиц; они кормились вареными каштанами, были очень нежны и белы и без малого таких же размеров в толщину, как в ширину; спины их были разрисованы, а вся передняя часть тела татуирована цветами (существуют многочисленные свидетельства распространенности татуировки у агафирсов - В.П.). С гетерами, которых эллины вели с собой, они хотели вступать в сношения открыто, ибо таков у них обычай. Все мужчины и женщины очень белы. Участники похода говорили, что этот народ из всех пройденных ими – наиболее варварский и наиболее отличается своими обычаями от эллинских; они публично делали то, что люди делают обыкновенно наедине, а наедине вели себя, как-бы находясь в

обществе других: говорили сами с собой, смеялись сами по себе и вставали плясать где бы ни случилось, как-будто показывая свое искусство другим».¹ Остается добавить, что поход по земле моссиников занял восемь дней.

Ряд авторов называет моссиников горными массагетами, что со всей очевидностью свидетельствует об их локализации в районе Волги. Плутарх пишет: «Горные массагеты вступают в половые отношения на дорогах».² О том, что он подразумевает под этим именем все тех же моссиников свидетельствует не только сам диковинный обычай (отрывок взят из работы «Об александрийских пословицах»), но то обстоятельство, что сообщение о нем стоит в ряду упоминаний об обычаях савроматов, амазонок, исседонов, кевсианов (тиваринов), вакхириев, оргемпеев (аргиппеев, аримфеев), фиссагетов и тавроскифов, т.е. народов Скифии. Точно также автор сочинения «Собиратели поговорок» упоминает об этом обычае горных массагетов наряду с сообщениями о нравах травсов, аргиппеев и в целом Скифии.³

Еще одним подтверждением того, что рассматриваемые народы не имеют отношения к Малой Азии, а являются скифскими, служит замечание Стефана Византийского об одном из них: «Сапиры – народ Понтийской области ныне называемый савирами». Согласно Приску, в 463 г. произошло следующее событие: «Около этого времени к восточным римлянам прислали послов сарагуры, уроги и оногуры, племена, выселившиеся из родной земли вследствие враждебного нашествия савиров, которых выгнали авары, в свою очередь изгнанные народами, жившими на побережье океана [и покинувшие свою страну вследствие туманов, поднимавшихся от разлития океана, и появления множества грипов (грифов - В.П.): было сказание, что они не удалятся прежде, чем пожрут род человеческий; поэтому-то гонимые этими бедствиями, они напали на соседей, и так как наступающие были сильнее, то последние, не выдержав нашествия, стали выселяться]: так и сарагуры, изгнанные с родины в поисках земли прибыли к гунам акацирам и сразившись с ними во многих битвах, покорили это племя и прибыли к римлянам, желая приобрести их благосклонность».⁴

Из приведенного отрывка видно, что савиры жили поблизости от Океана, т.е. на севере Восточной Европы. Можно с большой долей вероятности предполагать, что именно они оставили имя реки Свирь. Вероятно, изначально в савирах следует видеть население территории,

¹ Сборник Латышева. С. 80-82.

² Там же. С. 499.

³ Там же. С. 858.

⁴ Там же. С. 848.

входящей в Озерный край Финляндии, к северо-западу от Карельского перешейка, где и поныне существует историческая область Саво или Саво-Карьяла. Через некоторое время (на рубеже V-VI вв.) савиры уже имели мощную торговую и военно-политическую систему на Северном Кавказе. В то же время существовала и метрополия на севере, поскольку в источниках упоминается о савирах, живущих во внутренних районах. Коммуникации, которые связывали север с Кавказом, по-видимому, проходили через Валдай на Северский Донец, где существовала летописная Северская земля.

Агафий о савирах пишет: «Этот народ и величайший и многочисленнейший, весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу, присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим».¹

Как и аланы, с которыми савиры часто нанимались вместе, они ценились ради своей тяжелой пехоты и инженерного искусства, поскольку, будучи прирожденными плотниками, умели строить осадные орудия и грамотно брать укрепления.

В византийских, закавказских и арабских хрониках савиров часто отождествляют с хазарами, поэтому среди современных историков бытует мнение, что первоначально хазары входили в военно-политическое объединение савиров. Представляется, что дело обстоит существенно проще или, если угодно, гораздо сложнее для понимания историков. Существует момент генетического единства между савирами и хазарами, который ими не вполне улавливается. Равеннский аноним отождествляет хазар с акацирами. В эту же компанию смело можно включать аланов или русь. Генетическое единство данных народов коренится на севере, где они происходят из одного района. Это люди одного языка и единой культуры, связанные тысячелетиями совместного проживания, в процессе которого они многократно входили в единые политические системы. Поэтому древние источники, персонифицируя имена этих народов, называют их братьями. Причем, источники эти могут иметь самое разное происхождение. Так, например, «Влесова книга» утверждает, что наш пращур Богумир имел трех дочерей и двух сыновей: Древу, Скребу и Полеву, а также Сева и Руса. От них происходят древляне, кривичи, поляне, северяне и русы. В хазарском источнике (письмо хазарского царя Иосифа) говорится о том, что от сынов сына Иафета Тогармы происходят

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 97.

десять братьев, в числе которых указаны Хазар, Савир, Таурис (Тавр), Базил (от имени северного острова Базилия «царский», Михаил Сириец называет Берсилию страной алан), Булгар и Авар. Другие варианты перечня этих братьев («Книга Иосиппон») в их числе называют Печенег, Турка и Мадьяра. В персидском источнике («Полное собрание историй») братьями, происходящими от Иафета, называются Хазар, Турок, Рус, Буртас, Булгар, Сакалиб и др. Арабский анонимный источник 1126 г. утверждает, что Рус и Хазар происходили от одной матери и отца. Все эти источники, отображающие родство народов, относятся не только к разному времени, каждое из которых характеризуется определенной политической ситуацией, но и содержат взгляд из разных географических точек и различаются широтой охвата географического пространства. Но тем не менее, уже приведенный список имен свидетельствует о том, что вся восточная Европа представляет единое политическое поле, на котором взаимодействуют народы, состоящие между собой в той или иной степени родства. И будьте уверены, что если народы происходят от одних родителей, то, по крайней мере в своем «детстве», они были одного языка и единой культуры. Что касается соотношения савиров и хазар, то, как свидетельствуют восточные источники, имя хазар произошло от названия города на Итиле (Волге), тогда как на тюркском языке их звали савирами. Но все это предмет подробного и отдельного разговора, который будет в свое время.

Возвращаясь к моссиникам, которые позже известны как массагеты, именем которых затем звались и аланы, и гунны, отметим, что тип жилища, от которых они получили свое название, сохранился до наших дней: это построенные уже из камня жилые башни в заброшенных горных аулах современных Алании (Осетии), Ингушетии и сопредельных с ними районах. Угадывается он и в постройках на севере. Те, кто видел высокие (иногда до трех этажей) рубленные дома в Карелии и Архангельской области, не могли не отметить наличия у них балкончика под крышей, выполняющего ныне чисто декоративную функцию. Это все, что осталось от былых домов-крепостей, да еще сохранилось слово *mökki* или *mökkine*, которое в финских языках ныне означает «избушка», «лачуга», а раньше, судя по производным словам, было «изба». Данное слово – кентумный вариант слова «моссина» (к>с). Сохранился и сетемный вариант слова, хотя сфера его применения сильно ограничена: *messi* «кубрик», «кают-компания». По мере устаревания типа жилья, «ветшало» и значение слова, которое его обозначало (ср. рус. *терем* и *теремок*).

Относительно положения моссиникских царей отметим, что подобный статус царской власти был характерным для народов севера в древности, как бы ни непривычно было такое заявление для читателя, имеющего определенный образ князей и королей. Связан он был с сакральной функцией царской власти, в которой монарх занимал промежу-

точное положение между богами и человеком, а следовательно, был ответственен за все перед обеими сторонами. Это обстоятельство ставило их в такое положение, что Аристотель пишет: «Скифские цари от природы изнежены и отличаются от других людей, как женщины от мужчин».¹

Царь отвечал перед своим народом не только за соблюдение закона, как сообщают источники о царях моосиников, но и за природные явления и связанный с ними урожай (или неурожай). Поэтому он был, в определенном смысле, заложником обстоятельств, что и отмечают греческие источники. Не случайно в «Саге об Инглингах» в рассказе о практически каждом короле шведов подчеркивается урожайными или неурожайными были годы его правления. Вот как описывается судьба одного из первых представителей династии конунга Домальди (II в.): «В его дни в Швеции были неурожай и голод. Шведы совершали большие жертвоприношения в Уппсале. В первую осень они принесли в жертву быков. Но голод не уменьшался. На вторую осень они стали приносить человеческие жертвы. Но голод был такой же, если не хуже. На третью осень много шведов собралось в Уппсалу, где должно было происходить жертвоприношение. Вожди их стали совещаться и порешили, что в неурожайе виноват Домальди и что надо принести его в жертву – напасть на него, убить и осквернить алтарь его кровью. Это и было сделано».²

По прошествии многих сотен лет еще сохранялись остатки такого положения царей в Восточной Европе. Арабы отмечают сакральный характер власти кагана в Хазарии и его достаточно бесправное положение. Ибн-Фадлан пишет: «Что же касается царя хазар, титул которого хахан, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почетном] отдалении. Его называют «большой хахан», а его заместителя называют «хахан-бех». Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляясь [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хахану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его трон с правой стороны (подобную сцену Приск описывает у Атиллы - В.П.). Его замещает муж, который называется кундур-хахан, а этого замещает муж, называемый джавшигир. Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, которых мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказы-

¹ Сборник Латышева. С. 382.

² Снорри Стурлуссон. Круг земной. М., 1995. С. 18.

вать [преступников] и управлять государством принадлежат его заместителю хахан-беку... [Еще] один обычай царя хазар [тот], что у него 25 жен [причем] каждая из этих жен – дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет [себе] волей или неволей. У него 60 девушек наложниц для его постели, причем только таких, которые отличаются красотой (репродуктивная функция царя, направленная на улучшение породы своего народа - В.П.)...

Продолжительность [правления] их царя – 40 лет (до 40 лет по другим источникам - В.П.). Если он переживет их [хотя бы] на один день, то его подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: «У этого ум уже уменьшился и его суждение[стало] путаным [неясным].

Если он пошлет [в поход] отряд [войска], то он не обращается вспять никсим образом и никаким способом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него к нему [царю] возвратился. А что касается предводителей и его заместителей, то, если они обращаются в бегство, приведут их [самих] и приведут их жен и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они смотрят [на это], и точно также [дарят] их лошадей, и их [домашние] вещи, и их оружие, и их дворы [усадыбы], а иногда он [царь] разрежет каждого из них на два куска и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажут им милость, то сделает их конюхами».¹

Многие историки склонны полагать, что такое положение кагана хазар, когда он является лишь формальным главой государства, в то время, как реальная власть принадлежит беку или пеху, – результат тайного переворота, осуществленного евреями в Хазарии с принятием иудаизма в качестве государственной религии. Однако это не так. Мы имеем дело со своеобразным разделением ветвей власти, при котором каган осуществляет представительство божьей власти на земле и контролирует власть земную. Основы этой системы власти пришли с севера и, по-видимому, подверглись некой модернизации, имевшей целью адаптацию к местным условиям.

Нечто похожее мы видим и у северных русов, с которыми правящая верхушка хазарского общества состояла в «братском родстве», хотя они не только не были иудеями, но, похоже, были с ними в весьма натянутых отношениях. Ибн-Фадлан пишет: «Один из обычаев царя русов (также носил титул кагана, т.е. царя царей - В.П.) тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находится 400 мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него. С каждым из них

¹ Ковалевский А.Г. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков. 1956. С. 147

[имеется] девушка, которая служит ему, моет ему голову и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, [которой] он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти 400 [мужей] сидят, а ночью спят у подножья его ложа. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе 40 девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы [выше] упомянули. И этот поступок они не считают постыдным. Он не спускается со своего ложа (т.е. не ступает на землю – проявление связи царя с богом неба - В.П.), так что если он захочет удовлетворить некую потребность, то удовлетворяет ее в таз, а если захочет поехать верхом, то он подведет свою лошадь к ложу таким образом, что сядет на нее верхом с него, а если [он захочет] сойти [с лошади], то он подведет свою лошадь настолько [близко], чтобы сойти со своей лошади на него. И он не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками] (это позволяет царю состоять с кровных отношениях со значительной частью своего народа - В.П.), пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных».¹

Рассказывая о стране ас-Сакалиба, арабские источники говорят, что народ считает своей обязанностью по религии служение царю, пищу которого составляет исключительно молоко («Худуд ал-Алам»), а некоторые подчеркивают, что это кобылье молоко (Ибн Русте). Лошадь была одним из символов божества солнца и света, поэтому данная деталь сообщения отражает сакральный характер царской диеты. О млекоедстве среди скифов сообщают многие греческие источники, начиная с Гомера. Наши современники склонны видеть в млекоедах некий скифский этнос, также как в скифах, живущих без женщин. Однако, скорее всего, это были обычаи, которых придерживались отдельные социальные группы скифского общества, и они не связаны ни с как таковыми этносами, ни с политическими образованиями. Иногда греки брали господствующий обычай в основу имени всего народа. Например, Птолемей пишет о народах Азиатской Сарматии: «Сарматии занимают в местностях, прилегающих к неизвестной земле, сарматы-гипербореи, ниже их – сарматы-царские, народ модоки и сарматы-конееды». Порядок перечисления народов вдоль Восточного пути (Каспия) позволяет локализовать конеедов в районе Средней Волги, где и сегодня бытует этот обычай. Однако следует отметить, что ритуальное поедание конины было распространено среди всех народов севера Восточной Европы. То же самое было в Скандинавии, куда Один в свое время принес законы своей родины – Великой Скифии. Обычай этот соблюдался здесь вплоть до принятия христианст-

ва, а в Исландии, согласно сагам, бытовал даже после крещения. Делалось это поздней осенью, ближе к зиме, когда приносились жертвы за урожайный год и мир. В «Круге земном» описывается, как бонды-язычники принудили конунга Хакона Доброго, насаждавшего христианство в Норвегии (середина X в.) вкушать конины на жертвенном пире (йоле).

По-видимому, недалеко от реальности упомянутые Ксенофонтом обычаи откармливания детей благородного происхождения и нанесения татуировки. Неслучайно в народном сознании севера хорошая жизнь ассоциируется с дородностью и дебелистью. О татуировке пишут многие авторы. Аммиан Марцеллин об агафирсах сообщает, что простые люди наносят ее небольшими кое-где рассеянными пятнами, а знатные – широкими, яркими и частыми.¹ Артемидор Далдианский пишет о нравах и обычаях северных народов следующее: «... у фракийцев клеймятся (о татуировке - В.П.) благородные дети, а у гетов рабы; первые живут к северу (от Дакии - В.П.), вторые к югу. Моссины, живущие в Понтийской стране, открыто сходятся и вступают в сношения с женщинами, как собаки, а у других людей это считается постыдным».²

В свете имеющихся данных, моссины или горные массагеты занимали Валдай, включая Тихвинскую гряду и Вепсовскую возвышенность, это были те же самые тавры или тавроскифы, позже известные как аланы. Тиварины локализируются к югу от р.Мсты, вдоль восточного побережья бывшего озера их владения подходили к Московско-Смоленской возвышенности, где располагался известный город Кerasунт, который Ксенофонт называет колхидским. Он локализует его в Малой Азии, в приспособленной к мифу топонимике которого по сей день существует Гиресун, небольшой портовый городок, расположенный в ста с небольшим километрах к западу от Трабзона.

Хотя ни Трабзон, ни, тем более, Гиресун никогда не были городами Кавказской Колхиды, а относились к Припонтийской Каппадокии, попытаемся по карте проследить маршрут, по которому, согласно Ксенофону, прошли греческие наемники. За Кerasунтом начинается земля моссинов, имеющая протяженность свыше 200 км, поскольку для ее прохождения потребовалось 8 дневных переходов, каждый из которых составлял 5 парасагов (1 парасаг = 5-6 км). За моссиниками, по Ксенофону, жили халивы, занимавшиеся переработкой железной руды, и только за ними начиналась страна тиваринов. Таким образом, география Ксенофонта входит в явное противоречие со сведениями Псевдо-Скимна относительно локализации тиваринов вблизи г. Кerasунта. Впрочем, пытаясь осмыслить то, что осмыслению не поддается, авторы в размещении всех этих

¹ Марцеллин Указ. соч. С. 493.

² Сборник Лавровского. С. 512.

народов в Малой Азии впадают и не в такие противоречия. Например, Никифор Влеммид дает противоположный Ксенофону и Дионисию порядок расположения народов вдоль побережья: у него за Халкидоном (около Босфора) живут визирь, а халивы располагаются перед Колхидой. Автор пишет: «Где находится Халкидон, живут визирь; за ними – племена векиров, макроны, филиры и богатые стадами тиварины, а за этими халивы, которые проводят жизнь в тяжком труде, обрабатывая тягостное железо...».¹

Впрочем для того, чтобы прочувствовать всю абсурдность локализации наших народов в Малой Азии, нет необходимости выискивать противоречия в сведениях авторов, которые ее придерживались. На наш взгляд, достаточно просто внимательного чтения текста самого Ксенофонта. По его словам, от истоков Евфрата, перевалив через горный хребет, эллины попали в некое селение. Спросив через переводчика, что это за страна, получили ответ – Армения. Соседнюю страну староста селения назвал областью халивов. Это первые халивы на пути наемников, вторые, как мы уже знаем, будут в конце похода. Муж дочери старосты в это время отсутствовал, поскольку охотился на зайцев. По видимому, охота на зайцев для древних армян была такой же забавой, какой сравнительно недавно она была для русских. При этом, зайчатину, согласно Ксенофону, армяне запивали пивом, поскольку именно этот напиток указывается в качестве употребляемого армянами

Дома в селении были подземными, в которые спускались по лестнице. Народов, использовавших подобное жилье, в мире известно немного, и армян среди них нет. Из античных источников известны троглодиты (так называли людей, живущих в подобных домах) в Ливии (Африке), где в Тунисе туристов по сей день водят в жилища, которые врыты глубоко в землю; были они и на Танаисе, но не на Доне, как это понимают сегодня. Жители последнего района известны как «ненастоящие скифы» (позже сарматы). Плиний упоминает их в списке народов, живущих севернее Истра: «За Истром живут одни только скифы, но побережье занимают разные народы: то геты, которых римляне называют даками, то сарматы, по-гречески савроматы, и причисляемые к ним гемаксоны, или аорсы, то ненастоящие и происшедшие от рабов скифы, или троглодиты, затем аланы и роксоланы».²

В арабских источниках (Ибн Русте) о стране ас-Сакалиба, как называли иногда всю бывшую Скифию к западу от Волги до Германии включительно, иногда же имели в виду государство Буриvoja и Гостомысла (Новгородско-Псковская земля с сопредельными территориями) Иоакимо-

¹ Сборник Латышева. С. 293.

² Сборник Боднарского. С. 247.

вой летописи, которое было наследником державы венедов (вандалов), владевших некогда всей упомянутой Скифией, говорится: «В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погребца, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывает землю. В такие погребца переселяются со всем семейством и, взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда камни раскалятся до высшей степени, их обливают водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилище до того, что снимают даже одежду. В таком жилье остаются они до весны».¹

Подобный обычай Тацит описывает в Германии, которую арабы также считали страной ас-Сакалиба: «У них принято также устраивать подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза и которые служат им убежищем на зиму...».² Такое соответствие объясняется генетическими корнями части германцев, которые, согласно Тациту, делились на три ветви, а по Плинию, — на пять, одна из которых называлась вандилиями (т.е. вандалами) и включала такие крупные народы Германии, как бургундионы (бургунды), варины, харины и гутоны.

Дальнейшее описание маршрута у Ксенофонта представляет уже совершенную чушь: перевалив через хребет наемники вышли к Фасису, вдоль которого прошли семь переходов по пять парасангов (т.е. более 200 км) по направлению к морю. Достаточно сказать, что Риони вытекает с Главного Кавказского хребта, т.е. с севера, а ее протяженность примерно соответствует расстоянию, которое якобы прошли греки. Отсылаем читателя к карте и полагаем, что вообще не было бы смысла более возвращаться к маршруту Ксенофонта, если бы в описании народов не просматривались реальные черты, но не малоазиатских, а североевропейских народов. Они настолько реалистичны, что хотелось бы и Ксенофонта включить в число достойных авторов, но для этого необходим целый ряд немыслимых допущений. Во-первых, надо допустить, что «разборка» по поводу власти между персами, в которой участвовали греческие наемники, происходила на севере, что само по себе было бы не столь невероятно, как это кажется на первый взгляд. Но известно, что Кир Младший, сын Дария, брат Артаксеркса II, у которого он попытался отнять трон, был наместником Лидии, Фригии и Каппадокии, а решающая битва между братьями произошла при Кунаксе, расположенном, как полагают, на реке Евфрат. Во-вторых, после первого допущения надо полагать, что сочинение Ксенофонта некто, уже не понимая содержания его рассказа,

¹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и русах VI-IX вв. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 388-389.

² Тацит. Указ. соч. С.360.

переработал, привязав маршрут эллинов к упоминаемой Армении. Дело в том, что своя Армения, как мы в этом убедимся, существовала и на севере (как Мидия и некоторые другие страны). Но с подобными вещами мы не сталкиваемся во всей литературной традиции, хотя, как мы видим, непонимание предшественников в ней является делом обычным. Следовательно, самое логичное – полагать, что сам Ксенофонт был введен в заблуждение упоминанием Армении, Колхиды, возможно, также Мидии в каком-то древнем источнике, происхождение которого для нас останется загадкой, и на его основе сочинил рассказ о своем походе через варварские страны Малой Азии.

Земля халивов (первых, которые жили рядом с Арменией) весьма пространна и, по-видимому, равнинна, судя по большим переходам: «Оттуда прошли через землю халивов в семь переходов 50 парасангов (250-300 км - В.П.). Из всех народов, через земли которых эллины проходили, это был самый мужественный и вступал в рукопашную с эллинами. Халивы носили льняные панцири, доходившие до живота, а вместо оперения к панцирям были густо прикреплены крученые шнуры; они носили также поножи и шлемы, а у пояса нож вроде лаконского меча; им они резали всякого, кто попадался в их руки, отрезывали головы и с ними шли дальше; когда неприятель мог их увидеть, они пели и плясали. У них были также копыя локтей в 15 длины с одним острием. Они оставались в своих городках, а когда эллины проходили мимо, то они преследовали, постоянно готовые к бою. Жили они в укрепленных местах, куда свезли и продовольствие».¹ Поэтому греки в стране халивов ничего не могли достать.

Из Трапезунта половина греческого войска под предводительством Ксенофонта совершила поход в горные местности: «Трапезунтские проводники... повели в страну обижавших их дрилов, – в горные и непроходимые местности и против самого воинственного из припонтийских племен». Когда эллины появились в их стране, дрилы (ср. с трулами, т.е. готами) стали поджигать и покидать все деревни, поэтому здесь ничего нельзя было добыть, «кроме разве свиньи, быка или какого-нибудь другого животного, спасшегося от огня». Далее приводится описание деревянного укрепления, которое пытались взять греки: «Одно укрепление было у них главным пунктом; в него-то и собрались теперь все они. Оно было окружено очень глубоким оврагом, и доступ к нему был труден. ...но так как с боя они (эллины - В.П.) не могли взять укрепления, потому что кругом его был проведен широкий ров, на насыпи которого были натканы колья и было выстроено множество деревянных башен». Оружие дрилы имели такое же, как халивы или моссирики: плетеные щиты, копыя, поножи и

¹ Сборник Латышева. С. 73.

пафлагонские шлемы. В результате боя весь город сгорел: «дома, башни, палисады и все остальное, за исключением укрепления», которое так и не было взято.

По поводу имени макронов или макриев существует несколько объяснений. В схолиях к Аполлонию находим: «1) некоторые говорят, что они переселились из Еввии (Эвбеи - В.П.), почему и названы макронами, так как Еввия называется и Макрией. Макроны были соседями долионов. 2) Макриями народ вехиров, постоянно воюющий с кизикийцами – другие. Они были опыты в военных делах, как рассказывают Филостефан и Нимфодор, писавшие об их образе жизни. Дионисий Халкидский говорит, что они получили название макронов потому, что были переселены из Еввии. Другие говорят, что они называются макронами вследствие того, что у них довольно много длинноголовых (макрокефалаов), как у персов – орлинноносых».¹

Последней версии придерживаются большинство из авторов, пишущих о макронах, тогда как первые отражают обычное стремление греков привязать любой известный народ к истории Эллады. Зачастую макронов так и называют – длинноголовые. Особенно интересные сведения о них приводит Гиппократ, давший и географическую привязку местообитания макронов: «Относительно народов, живущих направо от летнего восхода солнца до озера Меотиды, составляющего границу Европы и Азии, можно сказать следующее. Эти народы в этом отношении более отличаются от других, чем те, о которых рассказано выше, по причине непостоянства климата и природных свойств страны.

Я умолчу о тех народах, у которых отличия малозаметны, и расскажу только о тех, которые представляют важные особенности, происходящие от природы или от обычаев. Прежде всего скажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально важнейшею причиною подобной формы головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, происшедшему от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем. Лишь только родится ребенок, пока еще кости его мягки, неотвердевшую еще головку выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так как обычай уже не насилует ее. В самом деле, семенная жидкость идет из всех частей тела, от здоровых частей – здоровая, а от больных ненормальная. Следовательно, если

¹ Сборник Латышева. С. 424

от плешивых родителей рождаются плешивые дети, от голубоглазых – голубоглазые, от косоглазых – в большинстве случаев косоглазые, и то же самое можно сказать о других внешних особенностях, то что-же мешает от длинноголовых родиться длинноголовому? Впрочем теперь они уже не рождаются такими, как прежде, потому что обычай этот уже не имеет силы, вследствие сношений длинноголовых людей с другими».¹ Таково происхождение антропологического признака, который в Европе традиционно считается атрибутом аристократичности.

Интересно, что признак, описанный врачом древности, дожил на севере до наших дней. В.И. Хартанович пишет: «...В.П.Алексеев... на основании данных по финнам и эстонцам выделил следующие главные особенности черепов прибалтийских финнов: длинную, среднеширокую и невысокую мезокранную черепную коробку; средних размеров лицевой скелет при резкой его горизонтальной профилировке; сильно выступающие носовые кости. Полученный материал по карелам, народу, язык которого также относится к прибалтийско-финской лингвистической группе, по ряду признаков не укладывается в приведенные характеристики. Так, их черепа отличаются чрезвычайно большой высотой, достаточно отчетливо выраженной брахикрацией. Лицо довольно высокое, в некоторых группах широкое, с ослабленной горизонтальной профилировкой... Отсутствие прямых аналогий антропологическому типу карел среди имеющихся данных о черепах прибалтийско-финских народов заставляет расширить круг сравнительных материалов».

Проведенный анализ позволил автору сделать следующие выводы: «Определенное сходство между собой демонстрируют серии черепов карел-ливвиков и карел-людиков...Можно предположить, что антропологическое сходство является результатом общих процессов сложения этих двух этнических групп... карельские краниологические серии занимают особое место, а площадь их расположения не перекрыта ареалами серий, представляющих другие народы. Отличаются от карельских черепа эстонцев и финнов. Краниологические серии русских и саамов также отличаются от серии черепов карел. Некоторые аналогии антропологическому типу карел обнаруживаются лишь среди серии черепов, происходящих с территории Латвии. Факт общего сходства черепов карел с черепами некоторых групп латышей на первый взгляд выглядит неожиданно – эти народы проживают в удаленных местах и говорят на языках, относящимся к разным лингвистическим группам. Однако в работах Р.Я. Денисовой (1975,1977,1982,1983) была показана сложность процесса формирования антропологического состава населения Латвии, и его многокомпонентность.

¹ Сборник Латышсва. С.57-58

Как представляется, объяснить сходство близких к современности серий черепов карел с краниологическими сериями XVI-XVIII вв. н.э., происходящих с территории Латвии, можно лишь с привлечением широкого круга палеоантропологических материалов, что является предметом специального исследования».¹

Нет ничего удивительного в присутствии рассматриваемого антропологического признака в Курземе и в низовьях Даугавы (территория ливов), которая была второй по значению водной коммуникацией, ведущей во внутренние районы Восточной Европы и далее в Азию и на Черное море. Сопоставление сообщений Страбона и Тацита о сидонах и ситонах свидетельствует о том, что первые занимали район Юго-Восточной Балтики, тогда как вторые локализуются на территории современных Финляндии, Ленинградской области и Карелии. Связь данных районов проявляется и в именах иного времени: жители прибрежных районов современной Латвии и Литвы назывались куро́нами (рус. летопис. корсь), откуда пошло позже название Курляндия, тогда как население Карелии звалось хорами или куретами. Имена эти настолько близки, что Адам Бременский, как убедительно показывает З.Г.Байер, путал эти два района. Сравните также имена ливов в Латвии и карелов-ливвиков.

Насколько нам известно, длинноголовость проявляет себя как доминантный признак. В настоящее время он отмечается в Дании. Следовательно, можно полагать, что длинноголовость присутствует по всему южному побережью Балтики от Карелии до Дании, концентрируясь в важнейших центрах торгового пути, который в прошлом назывался Восточный путь, как о том свидетельствуют скандинавские саги.² Проявляется она и западнее Дании – в Голландии и Англии. Это также является отражением существования в прошлом торгово-политических систем высокого ранга. В последние годы среди историков все большее распространение получает взгляд о существовании в прошлом единой в культурном отношении циркумбалтийской общности. Как свидетельствуют факты, границы этого единства выходят за пределы Балтики, оно включает в себя районы, омываемые Северным морем. Любопытно отметить, языки в ареале проявления длинноголовости, не ведая того, что лингвисты отнесли их к разным семьям, демонстрируют удивительное единство лексики. Причем, создается впечатление, что между Британией и Карелией перекинут своеобразный языковой мост, поскольку многие лексемы, общие для названных районов, отсутствуют в промежуточных языках. Объясняется это, по всей видимости, известной всем консервативностью

¹ Хартанович В.И. Краниология карел. В кн.: антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986. С.112,117-118.

² Норри Стурдуссон. Указ. соч. С.430

английского и архаичностью, которую подмечал еще В.Н.Татищев, карельского языков.

Отметим, что существуют источники, связывающие длинноголовых или макронов с сираками. Так, в сочинении «Собиратели пословиц» говорится: «Сираки дают царский венец самому рослому, или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову».¹ Сираки как мощный союз сарматских племен Северо-Западного Кавказа известен по источникам со времен Страбона, который упоминает их наряду и в связи с аорсами. Судя по этим сведениям, аорсы были намного сильнее сираков, хотя ни о каком подчинении последних им не упоминается. Страбон говорит о том, что во времена Фарнака, сына Митридата Евпатора (начало I в. до Р.Х.), правившего Боспорским царством, скифский царь Абеак выставил 20 тыс. всадников, очевидно в помощь Митридату, который, по Аппиану, привлек на свою сторону все племена «жившие от Танаиса до Истра вокруг Меотийского озера». Спадин же, царь аорсов, выставил 200 тыс., «однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря».² Под последним Страбон подразумевает современную Волгу с Приильменьем и Приладожьем. Речь же здесь идет о подготовке Митридатом вторжения в Италию, которое не состоялось в связи с его гибелью.

Еще раз отметим, что у Страбона представления о географии Восточной Европы, по крайней мере, той ее части, которая ему была известна, близки к современным, что отражало объективную реальность, существовавшую в его время. О районах же расположенных севернее, свежих данных практически не было, поэтому он пользовался древними сведениями греческих авторов, когда географическая реальность была иной. Это отразилось на противоречивости сообщений Страбона о Восточной Европе и народах, ее населяющих. Меотида для него была нашим Азовским морем, Танаис – Доном, Каспий – современным Каспием и т.д. Но в сведениях, которые Страбон приводит об известных ему народах (римляне с ними уже соприкасались; например, аорсы и сираки), под теми же именами могут выступать совершенно иные территории, причем сам автор этого не понимает.

По представлениям Страбона, доставшимся ему от предшественников, Каспийское море начинается на севере от океана: «...вначале море довольно узкое, но расширяясь по мере удаления вглубь и в особенности в области самой отдаленной части, ширина его достигает около 5 000 стадий (приблизительно 1 000 км, т.е. Каспий включает Арал – В.П.)».³

¹ Сборник Латышсва. С.858.

² Страбон. С.480.

³ Там же.

Дальше Страбон перечисляет, ссылаясь на Эратосфена, народы сначала вдоль западного побережья широкой части Каспия (албанцы и кадусии), а затем вдоль восточного (анарики, марды и гирканы). Следовательно, слова автора, приведенные выше, о том, что аорсы занимают большую часть побережья Каспия, относятся преимущественно к узкой его части, т.е. к современной Волге и протокам, соединявшим ее с Ладогой. Причем, выше Страбон не двусмысленно говорит о том, что владения аорсов и сираков на севере достигают районов, близких к океану: «При таком географическом положении первую часть – от северных стран и океана – населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них вглубь страны – сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор».¹

Плиний, ссылаясь на Агриппу, размещает сираков вместе с таврами на уже известном нам полуострове Тафры, тогда как аорсов отождествляет с гемаксобами («живущие в кибитках»). Дионисий на этом полуострове указывает аланов и тавров.² Следовательно, из сопоставления двух этих источников видно, что сираки тождественны аланам. Если сопоставить все три приведенных здесь источника, то становится ясным, что сираки и аорсы представляют собой два племени единого народа, каждое из которых имеет своего владельца.

Следует заметить, что преемственность аланов на Кавказе от сираков признают и современные историки, хотя одновременно видят и «сарматских выходцев из племени аорского объединения в Северном Прикаспии, что не исключает участия массагетских групп в их этногенезе».³ Надо признать, что для подобной неопределенности существуют глубокие предпосылки. Не случайно археологи на Северном Кавказе не в состоянии отделить сираков и аорсов. Сегодня также сложно провести грань между материальной культурой карелов, вепсов, новгородцев, поскольку эти народы срослись в многовековом взаимодействии. Карелы и вепсы образовали переходные этнические группы, каковыми на сегодня являются карелы-ливвики и карелы-людики, проживающие между Ладогой и Онегой.

Ситуация, описанная Страбоном на Северном Кавказе, является отражением событий происшедших за полстолетия до этого периода. О них нам известно из скандинавского источника Снорри Стурлуссона «Круг земной»: «рядом с устьем реки Танаквисль или Ванаквисль, которая, протекая по Великой Швеции или Скифии, впадает в Черное море, располагалась Страна Ванов. Страна в Азии, к востоку от Танаквисля называлась

¹ Страбон. С.468.

² Сборник Латышева. С.181.

³ История народов Северного Кавказа. С.85-86.

Страной Асов. Река отделяла Европу от Азии, – это известный всем из античных источников Танаис. Страной Асов правил Один, а его владения простирались до Кавказа. Однажды Один пошел войной против Ванов, но те не были застигнуты врасплох и защищали свою страну. В течение какого-то времени противники разоряли и опустошали земли друг друга, но наконец заключили мир и обменялись заложниками. Это послужило основой объединения двух мощных народов севера. Через некоторое время Один со множеством людей, среди которых были и Ваны, через Гардарики (Карельский перешеек) отправился в Страну Саксов или Германию."

Таков взгляд с севера на предысторию и движущие силы широко известного из римских источников похода кимбров и тевтонов в конце I в. до Р.Х. в Западную Европу. Его результатом явилась существенная сарматизация значительной ее части, и с этого времени сарматы становятся главной силой в Европе. В Восточной Европе результатом этих масштабных процессов, требовавших известного единения сил, было воцарение мира. Поэтому, хотя аорсы явно преобладали, сираки владели наследственными землями на юге. Более того, через некоторое время они существенно усилились и стали широко известны под именем аланов, контролируя обширные территории в том числе те, которые незадолго до этого считались аорскими.

Локализация рассматриваемых народов затруднена их подвижностью, определяемой главным занятием этих людей – торговлей, которая требовала присутствия в разных районах мира. Ранняя христианская традиция, перенявшая библейское представление о делении народов мира на потомков сыновей Ноя, распределяет страны следующим образом: «...Симу выпал жребий в ширину, именно: Палестина, Финикия, Киле[сирия], Коммагина, Киликия, Каппадокия, Галатия, Лазия, Иверия, Каспия и Кардия до Мидии к северу. Отсюда Этот жребий ограничивает владения Иафета к северу...».¹ Таким образом, все страны, расположенные севернее Дуная, Черного моря и Кавказа являются наделом Иафета. Остальные земли принадлежат Хаму. В результате последовавших затем переделов мира эта картина оказалась существенно усложнена. Так, многие земли Сима оказались заселены потомками Иафета. Святой Елифаний, епископ кипрского города Констанции (314–403 гг.), мидянин, горганов (юго-восточное побережье Каспия), армянцев, галатов, каппадокийцев, пафлагонцев, фракийцев и иллирийцев причисляет к иафетову колену, наряду с ариями, амазонами, коллами, венеагинами, тиваринами,

¹ Сборник Латышева. С. 710.

* Арамейское **библиа** означает «книга». Происходит от имени г.Библ в Финикии. Стефан Византийский свидетельствует, что существует и скифский народ библии.

халивами, моссиниками, колхами, меласхинами (меланхленами), савроматами, меотами, скифами, таврами, бастарнами. При этом рассматриваемые нами народы, будучи потомками Иафета, включены также в состав потомков Сима (германцы, халивы, моссиники, скифы), а моссиники названы также даже среди потомков Хама. По этому поводу св. Епифаний пишет: «Если же где-нибудь имя народа или острова заставлено дважды, в уделе одного, а потом другого, по общим пределам или по совершившимся со временем выселениям, или по присвоению Хама, который получил больший удел и захватил нечто из части Сима, – то пусть никто этому не удивляется и не сомневается».

2.16. Амазонки

По господствующим на сегодня представлениям, амазонки – женщины-воительницы, жившие в древности в Малой Азии. Причем, с античных времен существует две традиции их локализации в этом районе: первая размещает воинственных дев в древней Ликии в районе города Эфес располагавшегося на побережье Эгейского моря напротив острова Самос а вторая – на южном побережье Черного моря, в районе современного города Самсун.

В древности амазонки вторгались в Аттику, но были разбиты царем Тесеем под Афинами. В Троянской войне они выступали на стороне иллионцев. Исторической основой мифа об амазонках считается имевшее место в глубокой древности противоборство с племенами, стоявшими на низкой ступени развития, у которых господствовал матриархат. Знакомство с различными вариантами мифа убеждает, что как историческая основа мифа об амазонках, так и их локализация, были совершенно иными.

Амазонок в «Илиаде» упоминает Гомер в связи с событиями, происходившими незадолго до Троянской войны. В первый раз они появляются в связи с воспоминаниями троянского царя Приама об отражении нашествия амазонок фригийцами на реке Сангарий, современной р.Сакарья когда он вместе с Атреем, отцом Агамемнона, выступал в качестве союзника последних. В другой раз амазонки упоминаются в рассказе о Белле рофонте, относящемся к тому же времени. В древних схолиях к «Илиаде» по поводу этих упоминаний находим: «Амазонки подобные мужам: говорит, что амазонки – дочери Ареса и Афродиты, вскормленные у Фермодонта, реки в Скифии».¹ Следовательно, по Гомеру, амазонки были сродни ахейцам, поскольку автор неоднократно называет последних сынами Ареса. Любопытно, что когда боги разделились в своей поддержке противоборствующим сторонам, Арей вместе с Афродитой и северными богами

¹ Сборник Латышева. С. 301.

Аполлоном и Артемидой встал на сторону троянцев, для поддержки которых, согласно некоторым вариантам мифа, из отдаленных местностей прибыли также амазонки.

В схолиях к «Илиаде» находим также упоминание о попытках рационального для того времени объяснения мифа об амазонках: «Некоторые говорят, что выступившие в поход были не женщины, а мужчины-варвары: они носили длинные до земли хитоны, волосы повязывали повязками, а также брили и бороды, и поэтому враги называли их женщинами. Они были из племени амазонов и храбры в бою».¹

Об этом практически теми же словами говорит Палефат (VI в. до Р.Х.): «Об амазонках говорят, что это были не женщины, а мужчины-варвары. Они носили длинные до пят хитоны, подобно фракиянкам, волосы повязывали митрами, а бороды брили и за это назывались у неприятелей женщинами. Племя амазонов было храбро в битвах, невероятно чтобы когда-либо бывали походы женщин: ведь и ныне нигде их не бывает».²

В объяснениях к «Илиаде» Евстафия говорится: «Алисонами предводительствовали Одий и Епистроф, издавек из Аливы, где родится серебро... Об этих алисонах весьма большие сомнения у древних. Вместо «из Аливы» некоторые пишут «из Халивов»..., а также и «из Халивы». Он (Страбон – В.П.) говорит также, что некоторые вместо «ализонов» пишут не только «олизонов», но и «алазонов» и что некоторые разумеют под алисонами скифов. Ясно, что от них [т.е. амазонок] получила начало и пословица «прекрасно действует хромой»: амазонки, говорят, калечили ногу или правую руку у детей мужского пола. Когда скифы приглашали их жить с ними, как с неискалеченными, по Павсанию, то, говорят, Антианира, одна из амазонок, дерзкая и наглая, сказала: «прекрасно действует хромой», то есть что они довольны и хромыми».³

Упомянутые у Евстафия сведения из Страбона, в которых он связывает алазонов с халивами, уже приводились выше (см. стр.). С Халивской землей, где впервые найдено железо, связывают амазонок также Гекатей и автор схолий к Эсхилу.⁴ Следуя именно этой традиции, амазонок поместили на южном побережье Черного моря, после того, как там локализовали халивов. Достаточно прозрачна также и причина, по которой амазонок стали располагать в районе Эфеса. Это произошло после того, как греки приняли культ Артемиды. Один из главных храмов, посвященных ей, находился в Эфесе. Выше уже говорилось, что, по представлениям

¹ Сборник Латышева. С.302.

² Там же. С.883.

³ Сборник Латышева. С.306.

⁴ Там же. С.3,338.

греков, Артемида оставила Скифию и поселилась среди них. Поскольку культ Артемиды традиционно связывался с северянами, в том числе с амазонками, возникло представление, что они в древности жили в районе Эфеса. В сохлжих к Пиндару сказано: «Истр имеет истоки в стране гипербореев. Сюда же амазонки и тавры, почитающие Артемиду, как и гиперборейцы».¹ Существуют и другие источники, указывающие на связь Артемиды с амазонками, с некоторыми из них мы еще познакомимся.

Как упомянул в приведенном отрывке Евстафий, ряд авторов под алазонами подразумевает скифов. Традиция, связывающая амазонок со скифами, очень широко представлена в античных источниках. Николай Дамасский (I до Р.Х.), рассказывая о так называемых млекоедах, скифском народе, говорит, что с ними трудно бороться, поскольку они повсюду имеют с собой пищу в виде молока и сыров, которые они получают от своих стад, что они справедливы (обычный для греков штамп в отношении скифов) и из них происходит Анахирсис, признанный одним из семи мудрецов в Греции. Далее он пишет: «У них женщины не менее воинственные, чем мужчины, и в случае надобности воюют вместе с ними. И поэтому амазонки чрезвычайно мужественны, так что некогда дошли походом до Афин и Киликии, так как жили рядом с этими млекоедами близ Меотийского озера».²

В древних сохлжих к «Илиаде» употреблено другое их имя, известное со времен Гомера: «Авиив – кочевых скифов, из которых происходит и Анахирсис; их-то поэт называет справедливейшими всех потому, что они имеют общих детей, жен и все прочее, кроме меча и чаши; им земля сама собой дает пропитание и они не едят никакой животной пищи. Эсхил называет их гавиями... ибо поэт прибавляет «справедливейших людей»; или – «не употребляющие насилий»; или – «живущих в кибитках». Некоторые называют их сарматами; говорят, что они кормят путников и пересылают один другому. Когда все скифы покорились Александру, одни авии, как говорят, не подчинились ему и только увидевши величие его души, вступили с ним в сношения. Справедливейшими поэт называет их по необходимости с другими народами... или потому, что они не пожелали принять участие в походе амазонок в Азию».³

Диодор Сицилийский, обобщив в своем труде сведения многих своих предшественников, рассказывая о скифах, излагает происхождение амазонок следующим образом: «...когда в Скифии случилось однажды междоусобица, восцарились в ней женщины, отличающиеся силою. У этих народов женщины подобно мужчинам приучены к войне и несколько не

¹ Сборник Латышева. С.328.

² Там же. С.456.

³ Там же. С.302-303.

уступают им в храбрости; поэтому много великих подвигов было совершенно славными жителями не только в Скифии, но и в соседних с нею землях. Например, когда персидский царь Кир, могущественный царь своего времени, с значительными силами двинулся походом в Скифию, то скифская царица пербила персидское войско и самого Кира захватила в плен и распяла. Составившееся таким образом племя амазонок отличалось такой храбростью, что не только опустошило много соседних стран, но и покорило даже значительную часть Европы и Азии.

Далее Диодор дает отдельный рассказ об амазонках: «Жил у реки Фермодонта народ под управлением женщин, которые наравне с мужчинами занимались военными делами. Говорят, что одна из них, имевшая царскую власть, отличалась мужеством и силою; составив войско из женщин, она стала обучать его военному искусству и покорила кое-кого из соседей. Приобретая все более и более доблести и славы, она постоянно делала набеги на соседние племена, и возгордившись вследствие удач, провозгласила себя дочерью Арея, а мужчинам предоставила пряжу шерсти и домашние женские работы; затем она издала законы, которыми женщин вызывала на воинственные состязания, а мужчинам предоставила смирение и рабство. У детей мужского пола она калечила ноги и руки, чтобы сделать их непригодными к военной службе, а у девочек выжигали правую грудь, чтобы в пору телесной зрелости она не выдавалась и не мешала им; по этой причине племя амазонок и получило это название (т. е. «безгрудые» – В. П.). Отличаясь вообще умом и военными талантами, царица построила большой город при устье Фермодонта, по имени Фемискиру, выстроила славный дворец и, во время походов обращая большое внимание на дисциплину, сначала покорила всех соседей до реки Танаиса. Совершив эти подвиги она, как говорят, героически окончила свою жизнь, мужественно сражаясь в одной из битв.

Дочь ее, унаследовав царство, в доблести подражала своей матери и в отдельных подвигах даже превзошла ее; девиц она с самого юного возраста приучала к охоте, каждый день обучала военному искусству и устраивала пышные жертвоприношения Арею и Артемиде, по прозванию Таврополе. Отправившись войною в страну за рекою Танаисом, она покорила все соседние племена вплоть до Фракии и, возвратившись домой с богатой добычею, построила великолепные храмы упомянутым богам и своим кротким управлением снискала себе величайшую любовь своих подданных. Затем она отправилась войною в другую страну, приобрела большую часть Азии и распространила свое владение до Сирии. После ее кончины родственники, наследовавшие царскую власть, владели со славою и возвышали силу и славу племени амазонок».¹

¹ Сборник Латышева. С. 459–461.

Со временем амазонок все более сближают с савроматами (сарматами). Стефан Византийский пишет: «Амазонки – женское племя у Фермодонта, как говорит Эфор; ныне их называют савроматидами. О них рассказывают, что физической силой они превосходят мужчин, и объясняют это климатическими свойствами местности, которая будто бы обыкновенно производит женщин более сильных и рослых, чем мужчин; но я думаю, что общие всем свойства заключаются уже в самой природе, так что приведенная причина неосновательна. Более правдоподобна та, которую приводят их соседи: савроматы еще в незапамятные времена отправились походом в Европу, но все погибли там и женщины остались одни... Когда у них мальчики подросли, то восстали против женщин, но когда последние одолели, то мужское население убежало в густые заросли и там погибло; опасаясь места со стороны младших, женщины постановили переломать у них члены и всех сделать хромыми».¹ К этому автор добавляет, что они звались савроматидами потому, что жили в Савроматской Скифии.

В связи с этим, следует отметить, что одно из первых упоминаний о савроматах, которое мы находим у Геродота, связано с амазонками: «О савроматах рассказывают следующее. Эллины вели войну с амазонками (скифы называют амазонок «зорпата», что по-эллински означает мужеубийцы; «зор» ведь значит муж, а «пата» – убивать). После победоносного сражения при Фермодонте эллины (как гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на эллинов и перебили [всех] мужчин. Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убийства мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали наконец к Кремнам на озере Меотида. Кремны же находятся в земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю.

Скифы не могли понять, в чем дело, так как язык, одеяние и племя амазонок были им неизвестны. И скифы недоумевали, откуда амазонки явились, и, приняв их за молодых мужчин, вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов попало в руки скифов и таким образом те поняли, что это женщины. Тогда скифы решили на совете больше совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было разбить стан

¹ Сборник Латышева. С. 253.

* Из современных языков на большую близость к приведенным скифским словам демонстрирует финский: *ihos* или *ihho* «муж», *tappa* «убивать».

поблизости от амазонок и делать все, что будут делать те; если амазонки начнут их преследовать, то они не должны вступать в бой, а бежать. Когда же преследование кончится, то юноши должны опять приблизиться и вновь разбить стан. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок.

Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти приказания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем.

В полдень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое, чтобы в стороне отправлять естественные потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставлял амазонку одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое и она явится с подругой. Юноша возвратился и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то же место вместе с товарищем и застал там уже ожидающих его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок.

После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жены ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда наконец они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: «У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом. Вы одни будете нашими женами и других у нас не будет». На это амазонки ответили так: «Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе».

Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: «Мы

в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране: ведь ради нас вы лишились ваших отцов, и мы причинили великое зло вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выселимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом».

Юноши согласились и на это. Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами.

Савроматы говорят по-скифски, но истари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай»¹

Псевдо-Скимн приводит частное имя этих савроматов, а также их прозвище, которое часто встречается в источниках: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам [писателя] Диметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов. С этими савроматами соединились, говорят, амазонки, пришедшие некогда после битвы при Фермодонте; по ним-то они получили название женоуправляемых».²

Несколько иначе понимал эту историю Дионисий: «Вблизи Меотийского озера живут сами меоты и савроматские племена, славный род воинственного Арея; они произошли от той могучей любви амазонок, которую они соединили некогда с савроматскими людьми, блуждая вдали от своей родины Фермодонта; от них родились воинственные потомки, обитающие в необозримом лесу, среди которого катится Танаис, впадающий в угол Меотиды и отрезающий Европу от Азиатской земли, так, что на запад лежит Европа, а на восток Азия».³ Помимо того, что в этом варианте геродотовых скифов заменили савроматы, автор отнес Фермодонт далеко от места событий – в Малую Азию.

Между тем, множество источников привязывают амазонок к гиперборейам и колхам, Меотиде, Фасису, Танаису и Истру. По поводу происхождения их из страны гипербореев, помимо приводившихся уже сведений из схолий к Пиндару, в них же находим: «Будучи при коне [т.е. Пегасе] или вместе с ним, [Беллерофонт] некогда победил и полчище амазонок,

¹ Геродот. Указ. соч. С. 214-216.

² Сборник Латышева. С. 90.

³ Там же. С. 183.

пришедшее из пустынного воздуха и самых холодных местностей гипербореев или живущих в Скифии».¹ Напомним, что автор схолий, вслед за Пиндаром, представлял, что истоки Истра находятся в земле гипербореев, а саму эту землю располагал севернее Рипейских гор.

Эсхил, называя амазонок обитательницами Колхидской земли, сближал их со страной халивов и Меотийским озером.² Автор схолий к Клименту Александрийскому пишет: «Амазонок: скифское племя мужественное и мужеподобное, соседнее с колхами».³ Евнапий колхов располагал севернее Фасиса и Фермодонта, рядом с поселением амазонок.⁴

Относительно локализации амазонок рядом с Меотидой, кроме приведенных уже сведений Эсхила, Еврипида, Николая Дамасского, Дионисия и др., уместно привести сообщение Филострата, поскольку Меотида и Аксинский Понт это одно и то же: «У негостеприимной стороны Понта, где тянутся Таврические горы, в стране, которую окружают вытекающие из гор реки Фермодонт и Фасис, живут, по рассказам, некие амазонки».⁵ Согласно автору, амазонки размещаются по левому (западному) берегу Аксинского Понта, а расстояние от устья Фермодонта до острова Ахилла составляет 2000 стадий (примерно 400 км).

Танаис или Фасис в связи с амазонками, помимо приводившихся Эсхила, Псевдо-Скимна и Дионисия, упоминает также Демосфен, который, вспоминая поход амазонок на Афины, пишет: «[Предки афинян] так разбили пришедшее против них войско амазонок, что прогнали его на Фасис».⁶

Воспоминания об этом походе амазонок наиболее часто встречаются в греческих источниках, что свидетельствует о реальности этого события. Иногда в них упоминается Истр. Независимо от того, как его понимать (древний Истр в Скифии или современный Дунай), это упоминание совершенно исключает малоазиатский вариант локализации амазонок. Евстафий в комментариях к Дионисию пишет: «Заблудились же амазонки, говорят, или тогда, когда они, пройдя северные страны и переправившись через Истр, предприняли поход против Эллады, ...или когда Геракл прогнал их из Азии, предприняв поход за поясом Ипполиты».⁷

Ликофрон о походе амазонок говорит: «[Амазонки], покинув Эрид, Лагм, Тилам (очевидно, три города амазонок, расположенные в устье

¹ Сборник Латышова. С. 330.

² Там же. С. 333.

³ Там же. С. 598.

⁴ Там же. С. 731.

⁵ Там же. С. 641.

⁶ Там же. С. 367.

⁷ Там же. С. 199.

Фермодонта - В.П.), поток Фермодонта и Актейскую гору, стремясь к возмездию и свирепым грабёжам, погнали скифских коней через чёрный Истр,пуская бранный клич грекам и потомкам Эрехвея (предок афинян - В.П.).¹ В схолиях, написанных, как полагают, Исаакием или Иоаном Цецесом, говорится, что первые три имени – названия рек в Скифии, а Актей – гора в ней же.

Некоторые источники указывают на то, что поход был совершен вместе со скифами. Диодор Сицилийский пишет: «Пока Геракл занят был этим [т.е. освобождением Атланта], оставшиеся амазонки, как говорят, собрались у реки Фермодонта, немедленно двинулись поголовно с целью отомстить эллинам за все, что совершил Геракл в своем походе. Особенно же негодовали они на афинян за то, что Тесей увел в рабство их царицу Антиопу или, как некоторые пишут, Ипполиту. Так как в походе амазонок приняли участие скифы, то собрались значительные силы, с которыми предводительницы амазонок, переправившись через Киммерийский Боспор, двинулись через Фракию, пройдя значительную часть Европы, они прибыли наконец в Аттику»² Афиняне в битве одержали победу, перебив часть амазонок, а остальных изгнав из Аттики. Далее автор пишет: «Оставшиеся в живых амазонки не пожелав возвращаться на родину, удалились вместе со скифами в Скифию и поселились вместе с ними». Так Ликофрон примиряет две традиции локализации амазонок.

Более древний автор Исократ (436-338 гг. до Р.Х.) сообщает об этом событии и о его последствиях следующее: «Самые способные к власти и обладающие наибольшим могуществом народы – скифы, фракийцы и персы. Еще во времена слабости Эллады пришли в нашу страну фракийцы с Евмолпом, сыном Посидона, а скифы с амазонками, дочерьми Арея, не в одно и то же время, а в которое те и другие господствовали над Европой. Однако они не имели удачи... Об амазонках существует предание, что из пришедших ни одна не ушла назад, а остальные дома вследствие понесенного здесь поражения лишились владычества».³

Некоторые авторы связывают амазонок с Кавказом, не с современным, а с древним, о котором упоминалось в связи с мифом о Прометее. Прежде всего следует упомянуть Эсхила с приведенным выше обращением Прометея к Ио. В поэме «Деяния Диониса», в последнем и самом крупном эпическом произведении античности, его автор Нонн из Панополя (Египет) словами Ириды, обращенными к Ликиургу, говорит: «Дитя, отпрыск непобедимого Арея, неужели ты дрожишь перед женской угрозой нежных вассарид? Ведь оне не амазонки с Фермодонта, не войнолюбивые жены с

¹ Сборник Латышева. С. 399.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 356.

Кавказа...». ¹ Ниже он пишет: «Ведя их (слонов - В.П.), владыка Дионис после битвы с индами поверг в страх женщин с прекрасными шлемами (амазонок - В.П.) у Кавказского берега амазонской реки...». далее говорится, что Дионис поставил первое войско у лесистых краев круга Медведицы, где стремительно несясь бежит из скалы Кавказской светлая вода многочисленных рек. Отсюда ясно видно, что события происходили в районе Рипейских гор, рождающих множество рек, поскольку «круг Медведицы» это арктический круг. Приведенный отрывок позволяет связать поход Диониса в Индию с ариями, которые по Восточному пути или Эретрийскому заливу, описанному в разделе о походе Александра Македонского, из районов крайнего севера дошли до Южного океана.

Страбон, уже воспринимающий рассказы об амазонках лишь как древние сказки, но удивляющийся тому, что в людских представлениях они даже в его время продолжают оставаться реальными участницами истории, наряду с другими древними народами, на всякий случай приводит интересную подборку материалов о девах-воительницах, взятую им из предшественников. Для него мифические сюжеты об амазонках вполне определенно связаны с родным городом и его окрестностями, где он неоднократно указывает Долину Амазонок и Фермодонт, хотя отчетливо представляет всю нереальность рассказов о них, поскольку никаких следов о пребывании этого мифического народа в этом районе он не знает. Однако не привести иные мнения, бытующие относительно амазонок, автор просто не может, поскольку слишком многие о них пишут, делая амазонок участницами реальных событий, отстоящих от современности всего лишь на три столетия.

Поэтому Страбон пишет: «Как говорят, в горах над Албанией (современный Азербайджан - В.П.) обитают амазонки. Феофан, который сопровождал Помпея в походе и посетил страну албанцев, рассказывает, что скифские племена гелов (по-видимому, гелонов - В.П.) и легов живут между амазонками и албанцами и что в этой стране протекает река Мермадалида (очевидно, Волга - В.П.) посредине между этими племенами и амазонками. Другие писатели, также прекрасно знакомые с этими местами (среди них Метродор Скепсийский и Гипсикрат), утверждают, однако, что амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими (из них вытекает Фасис - В.П.). Все остальное время амазонки употребляют для себя, выполняя отдельные работы, как пахота, садоводство, уход за скотом и в особенности за лошадьми; наиболее сильные из амазонок занимаются главным образом охотой верхом на лошадях и военными упражнениями. С детства у всех них выжигают правую грудь, чтобы

¹ Сборник Латышева. С. 733.

свободно пользоваться правой рукой при всяком занятии и прежде всего при метании копья. У них в ходу также лук, боевой топор и легкий щит; из шкур зверей они изготовляют шлемы, плащи и пояса. Весной у них есть два особых месяца, когда они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргарейцев. По некоему стародавнему обычаю и гаргарейцы также восходят на эту гору, чтобы совершить вместе с женщинами жертвоприношение, сойтись с ними для деторождения; сходятся они тайком и в темноте, кто с кем попало (откуда восходят обычай ночи на Ивана Купалу, с которым еще несколько столетий назад упорно боролись христианские священники, а также славянские и германские представления о шабаше ведьм на Лысой горе - В.П.); сделав женщин беременными, гаргарейцы отпускают их домой. Всех новорожденных женского пола амазонки оставляют у себя, младенцев же мужского рода приносят на воспитание гаргарейцам. Каждый гаргареец принимает любого принесенного ему младенца, считая по неведению своим сыном.

Река Мермода, с шумом низвергающаяся с гор, протекает через страну амазонок, Сиракену и через всю лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду. Гаргарейцы вместе с амазонками, как говорят, поднялись в эти места из Фемискиры; затем, однако, начали восстание и стали воевать против амазонок вместе с какими-то фракийцами и евбейцами (которые в своих кочевьях доходили до этих мест); впоследствии, прекратив войну, они заключили соглашение на вышеупомянутых условиях: будут общаться друг с другом только для того, чтобы иметь детей, жить же каждое племя будет самостоятельно.

Со сказанием об амазонках произошло нечто странное. Дело в том, что во всех остальных сказаниях мифические и исторические элементы разграничены. Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же – будь то древняя или новая, – требует истины, а чудесному в ней нет места или оно встречается редко. Что же касается амазонок, то о них всегда – и раньше, и теперь – были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные. Кто, например, поверит, что когда-нибудь войско, город или племя могло состоять из одних женщин без мужчин? И мало того, что состояло из них, но даже могло делать набеги на чужую землю и побеждать не только соседние племена, так что войско дошло до теперешней Ионии, и могло предпринять даже заморский поход вплоть до Аттики? В самом деле, это допущение равносильно тому, если сказать, что тогдашние мужчины были женщинами, а женщины – мужчинами. Более того, такие же сказания об амазонках распространены и теперь, и наша склонность верить больше древним сказаниям, чем современным, еще более усиливает упомянутую странность.

Во всяком случае передают об основании амазонками некоторых городов и о названиях их, происходящих от амазонок, например Эфес,

Смирна, Кима и Мирина, а также о их могилах и других памятниках. Все называют Фемискиру, равнины около Фермодонта и горы, возвышающейся над ними, страной амазонок, утверждая, что они были изгнаны отсюда. Что касается теперешнего местопребывания амазонок, то только немногие сообщают об этом лишь бездоказательные и неправдоподобные сведения. Таков, например, рассказ о царице амазонок Фалестрии, с которой, как говорят, Александр вступил в сношения в Гиркании и даже сошелся, чтобы иметь от нее детей. Ведь этот рассказ не принимают за достоверный: из множества источников те, кто более всего любит истину, ничего не говорят об этом, а те, кто заслуживает наибольшего доверия, вовсе не упоминают об этом, даже те, которые сообщают этот факт, рассказывают о нем по-разному. По словам Клитарха, Фалестрия даже прибыла к Александру от Каспийских Ворот и Фермодонта, между тем как расстояние от Каспийской области до Фермодонта больше 6000 стадий».¹

Как можно видеть, недоверие Страбона к источникам об Александре основано главным образом на том, что Каспийская область, по его представлениям, расположена в совершенно другом районе относительно Фермодонта. Нам уже известна природа этого заблуждения и то, что на самом деле Фермодонт является рекой Каспийской области. Историю о встрече Александра Македонского с царицей амазонок излагает также такой авторитетный автор как Диодор Сицилийский: «Александр, вступив с войском в землю гирканов, покорил в ней все города до так называемого Каспийского моря, которое иные зовут Гирканским. ...Когда Александр возвратился в Гирканию, к нему прибыла царица амазонок, по имени Фалистрия, властвовавшая между Фасидом и Фермодонтом. Она отличалась красотой и телесной силою и своею храбростью возбуждала удивление соплеменников. Оставив войско на границах Гиркании, она прибыла с тремястами амазонок, облаченных в боевые доспехи». Целью визита Фалистрии было желание занять ребенка от Александра, что очередной раз свидетельствует о той важности, с которой на севере относились к породе. Автор пишет: «Царь, счень обрадовавшись и приняв ее предложение, провел с нею 13 дней, а затем отпустил ее на родину, почтив достойными дарами».²

Эта история имела своим продолжением то, что через тысячу с лишним лет, как свидетельствуют арабские источники, некоторые цари ас-Сакалиба (например, болгарские), вели свое происхождение от Александра Македонского. Между Фасисом и Фермодонтом локализует амазонок также Филострат: «У негостеприимной стороны Понта, где тянутся Таврические горы, в стране, которую окружают вытекающие из гор реки Фермо-

¹ Страбон. Указ. соч. С. 477-479.

² Сборник Латышева. С. 472.

донт и Фасис, живут, по рассказам, некие амазонки».¹ Чуть ниже автор говорит о том, что они жили на левом (западном) берегу Аксинского Понта, а расстояние от устья Фермодонта до острова Ахилла составляет 2000 стадий.

Островной характер земли амазонок вырисовывается из сочинения Каллисфена «Жизнь и деяния Александра Македонского», которое считается подложным. В нем говорится о том, что во время индийского похода царь направился на амазонок, с которыми обменялся письмами. В послании амазонок говорится: «Мы живем за Амазонской рекой посередине. Окрестности нашей земли простираются на год пути, а река не имеет начала... Мы, живущие здесь, – вооруженные девицы в числе 270 тыс.; у нас нет ни одного существа мужского пола, а мужчины живут за рекою, владея тамошней землею». Далее в письме сообщается о ежегодном празднике конеубиения у амазонок, после чего излагаются принципы организации общественной и военной жизни дев-воительниц: «Когда неприятели предпринимают поход на нашу землю, мы выступаем на конях, в количестве 120000, а остальные охраняют остров. ...Если которая из нас получит на войне рану, то пользуется почетом вследствие нашей храбрости и, увенчанная, остается приснопамятною; если же которая падет на войне, защищаясь, то близкие с ней получают не малую сумму денег. Если кто привезет на остров тело врага, то за это дается в награду золото, серебро и пожизненное продовольствие».²

Приведенные сведения об амазонках вполне соответствуют уже упоминавшимся арабским координатам островов Амазонок, за которыми видятся современные Ингерманландия и Карелия, в том числе (и даже главным образом) Западное Приладожье и Финляндская Карелия. В карельской и ижорской эпической поэзии неоднократно упоминается Остров Дев, в сюжетах, связанных с одним из главных героев «Калевалы» Лемминкяйненем (он же Каукамоинен). Скрываясь после убийства, совершенного на пиру, он находит убежище на Саари (фин. *saari* «остров»), где вынужден переспать со всеми девицами и женщинами. Современные исследователи эпоса считают, что сюжет о посещении дев Острова восходит к сюжетам об амазонках.³

Главный сюжет карельского эпоса – сватовство героя к деве Похьелы – также несет в себе черты мифа об амазонках: Похьела, она же Сариола, находится под управлением женщины, считается краем, «что мужей съедает, поглощает всех героев», сватовство сопряжено с великими трудностями, тем не менее, герой, во что бы то ни стало, стремится к

¹ Сборник Латышева. С. 641.

² Там же. С. 902.

³ Рода нашего напевы. Петрозаводск, 1985. С. 240.

обладанию дево́й, в чем видится определенная созвучность с мотивами скифов в рассказе Геродота. В германском эпосе («Эдда», «Песнь о нибелунгах») эти трудности сопряжены с борьбой непосредственно с самой северной дево́й-воительницей. Интересно, что в ингерманландском эпосе геро́й сватается в Манале (ср. с манами римлян и галлов) или Туонеле, то есть в потустороннем мире, что также перекликается с греческим мифом, располагавшим его на севере.

Остров Дев ассоциируется с упоминаемой в греческих источниках страной Парфенией и народом парфенов, расположенных на севере Скифии. Плиний упоминает Парфенскую гору в районе Тавра. Греческий корень, содержащийся в этих названиях, означает «дева́». Иногда приведенное имя передается в форме Порфелия или Порфелий. Геродот, рассказывая о гиперборейских девушках и их провожатах, отправленных на Делос с дарами Аполлону, говорит: «Это те, кого теперь называют перфереями...».¹ Имя Ингерманландия (фин. Inkerima, где окончание соответствует *таа* «земля», «страна»), несмотря на многочисленные попытки, до сих пор не получило внятного объяснения. Возможно, что оно отражает реалии очень древнего времени и несет в себе тот же смысл, что и приведенные выше названия. В карельском языке сохранилось слово для обозначения женщин, причем чаще всего рослых и солидных, *inehmine*, корень которого вполне сопоставим с основой имени Инкерима.

Европейская традиция долго хранила память о земле амазонок на севере. Например, Адам Бременский неоднократно упоминает о ней. З.Г. Байер пишет: «Когда он о северных говорит: «первые находятся нордманы (норвежцы), потом Шкония, после же весьма пространно владеют шведы до самой земли женщин» (амазонок при горе Кавказе), выше (т.е. южнее - В.П.) женщин (говорит) вилчи, мирры, лумы, скуты, и с турки живут, как говорят, до самой России, в которой опять оный залив (Финский залив вместе с Ладогой и Ильменем - В.П.) кончится».² Скандинавы называли эту землю Квенланд. По поводу этого имени Е.А. Мельникова пишет: «Земля квеннов, область на севере Ботнического залива, видимо, и по восточному, и по западному ее побережьям. В «Саге об Эгиле» перечисляются северные земли в следующем порядке: «Потом Хельсингалад, потом Квенланд, потом Кирьяланд»... Близость Квенланда к Финланду отмечена в «Саге об оркнейцах»: «Форньет... правил теми землями, которые называются Финланд и Квенланд»... «Описание Земли I» отмечает, что два Квенланда, находящиеся рядом с Вермландом (западная часть Средней Швеции), расположены к северу от Бьярмланда. Таким образом, все источники указывают на расположение Квенланда на северном

¹ Геродот Указ. соч. С. 195.

² Татищев В.Н. Указ. соч. С.218.

побережье Ботнического залива.

Этимология названия Квенланд неясна. Предложенная попытка связать корень *kven-* с финск. *kainu(u)* (сравните Каянская земля) не имела успеха ввиду невозможности лингвистически обосновать соответствие между корнями. Более распространенной является интерпретация этого названия как «Страна женщин» (от *kvenpa*, род п. от *kopa*), особенно с учетом свидетельств других письменных источников, упоминающих о стране женщин около Финланда, как, например, Адам Бременский: «...вокруг тех берегов Балтийского моря, как говорят, живут амазонки, поэтому теперь называется земля женщин»... В анонимной «Истории Норвегии» квены рассматриваются как одно из финских племен: «Кирьялы и квены, рогатые финны и те и другие бьярмы».¹

Как всякий историк, автор приведенного здесь отрывка не совсем в ладах с географией, хотя название нашей науки вынесено в заглавие работы. Однако географический сумбур, который присутствует в локализации земли женщин, достаточно легко поправить. Прежде всего, упомянутый здесь Вермланд (Эрмланд, он же Армения на севере, которая смущала еще античных авторов; скандинавы в древности разделяли Эрмланд (Армению) и Великий Эрмланд) не имеет никакого отношения к Швеции. В работе, откуда взят отрывок, приводится выдержка из «саги о Хрольве Пешеходе»: «Эрмланд – это место пребывания одного из конунгов в Гардарики».

Гардарику Е.А.Мельникова понимает как Русь, что в принципе верно, но это исконная Русь, центром которой была Гарда (Карельский перешеек). Однако этого нюанса автор не осознает. Эрмланд (современная провинция Кюми в Финляндии) – одна из областей Гардарики, позже известная как западный погост Древней Карелии, население которого составляло этническую группу корелы и звалось ярямейцами. Множество их в XVI–XVII вв. переселилось вместе с саволаксами (выходцами из Саво) в нынешнюю Ленинградскую область, войдя в состав ингерманландцев. Эрмландом звали также Восточную Пруссию, и это не первый и не единственный вариант совпадения имен данного района с названиями территорий, прилегающих к северному побережью Финского залива и Ладоги, о других вариантах и о причинах этого явления упоминалось выше.

Говоря об Армениях, невозможно пройти мимо еще одной древней традиции, тем более, что она наглядно показывает главную причину переноса целого куста имен из одной части света в другую. В скандинавском источнике «Описание Земли II» находим: «Африкой называется другая треть ~~земли~~. В этой части находится Серкланд Великий, Скифия, то есть

¹ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические представления. М., 1986. С. 209.

ныне – Великая Свифод, Пентаполис, Триполис, Бизантия, Картагина, Нумидия, Мавритания Сингитан и Другая Мавритания».¹ Упоминание Серкланда и Скифии среди стран Африки на первый взгляд выглядит диким недоразумением. Однако в тексте к одной из скандинавских карт в перечне стран и народов Африки видим: «Ипон. Сирт. Лептис[.] Адримет, где находятся армении и мидийцы. Мавритания.

Катабатмон. Река Нил (?). Места выжженные солнечным зноем[.] Эфиопы. Кирена. Филеиноны жертвенники. Карфаген. Герулы. Нумидия.

Персы.

От Геркулесовых [столбов]».²

В тексте к другой карте указываются: «Мидийцы. Ливийцы. Армяне. ... Гетулы. Персы.».³

Приведенная скандинавская традиция опирается на античную, создателем которой был Саллюстий (86-35 гг. до Р.Х.). Известный римский историк в 46 г. был назначен Цезарем претором с проконсульскими полномочиями в только что созданную провинцию Африку. Именно здесь Саллюстий и родился как историк. Помимо воровства, которое является главным делом чиновников, он занялся созданием истории обретенных Римом новых земель, в которой не мог не коснуться древности. Будучи в полной мере чиновником, Саллюстий из неведомого нам источника, описывающего район Геракловых столбов, которые, как мы теперь знаем, располагались на Карельском перешейке, извлек тамошних мидийцев и армян (о персах и герулах разговор еще предстоит впереди) и поместил их ряд с современными ему народами Африки. Именно по этой причине в конце каждого списка присутствуют Геркулесовы столбы. Так возникла традиция, размещающая в Ливии Великие Серкланд и Скифию. На примере этой истории ясно видно, что именно литературная традиция в сочетании с неграмотностью историков является основной причиной переноса топонимов из одного района в другой, причем расстояние при этом не играет никакой роли. Саллюстий знаменит не только своей историей: привезенных из Африки денег хватило ему не только для того, чтобы уйти из политики и заняться историей, но и для создания известных в Риме роскошных Садов Саллюстия. Все это выгодно отличает его от нашего нынешнего чиновника. Бог с ними с садами – лишь бы не писали историй.

Достаточно взглянуть на фрагмент из «Описания Земли I», на который ссылалась Е.А.Мельникова в связи с квенами, чтобы понять, что речь в нем идет вовсе не о Швеции: «Рядом с Данмарком находится Малая

¹ Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 88.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 119.

Свитьод (Малая Скифия, как называли шведы свою страну - В.П.), затем Эланд, затем Готланд, затем Хельсингланд, затем Верmland, затем два Квенланда (у арабов два острова Амазонок - В.П.) и они лежат к северу от Бьярмланда. От Бьярмланда идут земли, не заселенные северными народами, до самого Гренланда». ¹ Перечень стран дается с запада на восток, от Дании до Гренландии, сначала по северному побережью Балтики (от о.Эланд через о.Готланд описание переходит на северное побережье Финского залива), а затем по южному берегу Северного Ледовитого океана, который за Бьярмландией не заселен северными народами, под которыми понимается население всех перечисленных стран, говорящее на северном, как его называют скандинавские источники, языке. Содержание имени Бьярмланд (Биармия) Е.А.Мельниковой также смутно понятно, как содержание названия Русь. Между тем, это древнее имя, обозначающее земли, простирающиеся от Карелии до Урала тождественно названию Гардарики или Карелии. Неслучайно, в приведенном фрагменте она не фигурирует. Бьярмланд с Гренландией связывался скандинавами через Новую Землю, Землю Франца-Иосифа и Шпицберген, т.о. перечень приведенных стран очерчивает ареал обитания северных народов, которые в нем упоминаются. Карельский перешеек, в качестве столичной области, чаще всего подразумевается под именем Гарды, данником которой, согласно скандинавским источникам, являлся Бьярмланд. ² Имя Биармии в новгородских летописях также означает Карельский перешеек. Квенланд – это территория, расположенная к северо-западу от него, которая протянулась от Саво до Северной Приботнии, входившей еще сравнительно недавно в состав Древней Корелы.

Приведенные греческие данные со всей определенностью говорят о генетической связи амазонок с сарматами. Подтверждают их также общие и очень характерные обычаи, о которых сообщают античные источники. Остановимся лишь на одном из них. Обычай амазонок прижигать правую грудь у девочек, о котором свидетельствует Диодор, имел продолжение в течение многих сотен лет в сарматском обществе, как о том говорят многочисленные источники.

Из относительно поздних авторов, сообщающих об этом обычае у сарматов, а также о брачном обычае амазонок, перешедшем к сарматам, как об этом сообщает Геродот, следует выделить Помпония Мелу: «Изognутую прибрежную полосу между Боспором и Танаисом населяют меотийцы, тореты, аррехи, фикоры и иksamаты. Иksamаты живут у самого устья Танаиса. У всех этих народов женщины занимаются теми же делами, что и мужчины, так что даже от военной службы они не освобождаются.

¹ Мельникова Е.А. С. 79.

² Там же. С.81, 159.

Мужчины у них служат в пехоте и стреляют из лука. Женщины участвуют в конных сражениях, причем они не наносят ударов мечом, а, накинув на врага аркан, тащат его за собой, и таким образом убивают. Время вступления женщины в брак не определяется у них возрастом: те, которые не убили ни одного врага, остаются девами».¹ Ниже, описывая Сарматию, автор снова возвращается к этому обычаю, а также сообщает о прижигании груди у девочек.

Гиппократ достаточно подробно описал этот обычай: «В Европе есть народ скифский. Который населяет страну возле озера Меотийского и весьма много разнится от прочих народов: они называются савроматами. Их женщины ездят на конях, стреляют из лука и бросают копья с коня, ведут войну с врагами, и это до тех пор, пока остаются девицами, и не прежде слагают девство, как не убьют тех врагов, и не прежде сходятся с мужчинами, пока не исполнят священных обрядов в честь отечественного бога. Избравши себе мужа, перестают ездить на коне, пока не настанет необходимость в общем походе на войну. Правой груди они не имеют, ибо еще во время младенчества матери накладывают на правую грудь накаленный медный инструмент, для этого сделанный, и прижигают ее, чтобы уничтожить ее рост и чтобы вся сила и полнота перешли к правому плечу и руке».²

Обычай привлечения женщин в древности к военной службе имел те же причины, что и сегодня – малочисленность северян. В наше время эта же причина вынуждает израильтян, которые также в определенной степени являются потомками амазонок, осуществлять обязательную воинскую повинность для женщин. Интересно, что последовательный приверженец древних традиций князь Святослав также привлекал к воинской службе женщин. Рассказывая об осаде Доростола и вылазке русов, которых он называет тавроскифами, Лев Диакон пишет: «Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев».³

Обычай прижигания груди бытовал в сарматской среде весьма долго. Достаточно сказать, что между сообщениями Геродота и Гиппократа, с одной стороны, и сведениями Мелы, с другой, временной промежуток составляет около 500 лет. Существование же амазонок уходит в древность ко временам Геракла. Столь длительный срок бытования обычая не мог не отразиться на генетическом уровне. Сегодня наши женщины, правая грудь у которых часто существенно меньше левой (явление достаточно массовое), как правило, воспринимают это в качестве патологии, испыты-

¹ Сборник Боднарского. С. 198.

² Там же. С. 98-99.

³ Лев Диакон. Указ. соч. С. 130.

вая при этом довольно серьезное беспокойство, тогда как это, по всей вероятности, является отражением древнего обычая. Коль скоро, как утверждают современные генетики, обычная для сегодняшних дней огнестрельная рана вызывает изменения, которые ощущаются в нескольких поколениях, столь длительное существование обычая прижигания груди не могло пройти бесследно.

Приложение 1

Карты типа Т-О (воспр. по кн. Дж. К. Райт 1988, рис. 1)

Приложение 2

Индийский поход Александра
Македонского

